

ВИТАМИН

ПЛАДЖКИ

УБИТЬ ЗВЕРЯ

Виталий Гладкий

Убить зверя

Пролог. Черная месса

Сырая осенняя ночь родила блеклую луну. Ветер то затихал, то кружил по буеракам и предместью, обрывая уже не крепко держащиеся листья с ветвей и пиная ветхие заборы. Время от времени с отчаянностью подгулявшего безбожника ветер налетал на дверь кладбищенской церквушки, и тогда человек, стоящий на коленях перед иконостасом, нервно вздрагивал, оглядывался, а затем снова начинал истово бить поклоны.

Он был маленького роста, тщедушен и благообразен. Но в его больших выпуклых глазах, вместо должного благочестия и отрешенности, горел фанатический огонь страдальца за веру, творящего последнюю молитву перед тем как взойти на эшафот. Наполовину сгоревшие свечи тревожно мерцали, не в силах разогнать мрак, окружавший коленопреклоненного человека. Казалось, что суровые лики святых ожили и гневно гримасничают, пока еще не в состоянии вырваться из-под слоя бесцветного лака, покрывающего изображения, чтобы наконец обрести свободу и разомкнуть уста.

Но вот странный богомolec поднялся, взял сумку на длинном ремне, которая лежала возле анаоя, и, еще раз перекрестившись, направился к выходу. Видимо, сомнения и терзания оставили его, и он шел уверенной походкой человека имеющего конкретную цель, ради которой можно пожертвовать даже жизнью.

Кладбище было старым, заросшим деревьями и кустарниками. Фигурные православные кресты эпохи "развитого" социализма из дерева и металла соседствовали с каменными дореволюционными склепами и гипсовыми надгробьями периода застоя, уже тронутыми разрушительной силой времени; кое-где – в основном в центральной, престижной, части погоста – высились солидные монументы из гранита и мрамора, сооруженные "новыми" русскими. Полная луна уже вошла в силу и ее таинственное сияние, немного притушенное туманной дымкой ночных испарений, порождало тени самых разнообразных и причудливых очертаний. Не утихающий ветер тоже вносил свою лепту в фантазмагорическую картину, представшую перед глазами человека, который направился вглубь кладбища, старательно избегая мест, освещенных лунным светом. Похоже, его решительность несколько поколебалась под впечатлением увиденного, однако он продолжал пробираться среди надгробий к одному ему известному пункту с упрямством отчаявшегося, лишь время от времени крестясь и бормоча молитвы.

Наконец человек, который до этого шел, пригнувшись, и вовсе встал на четвереньки. Теперь он продвигался вперед со скоростью улитки, смешно виляя тощим задом. Его глаза были прикованы к странному свечению, исходившему из небольшой рощицы, образованной березовой порослью. Когда-то там находился старый погост, а ныне на месте могильных холмиков образовались ложбинки, поросшие травой. И только в глубине зарослей, где высились столетние дубы попеременно с не менее старыми березами, белело пятно ровной поляны почти круглой формы. В ее центре торчало, словно гнилой зуб, похожее на скифскую каменную бабу изваяние, обезображенное веками, а возможно и тысячелетиями. Трудно сказать, как языческий идол попал на православное кладбище; скорее всего в старину на

этом месте находилось капище какого-нибудь кровожадного бога, а те, кто начинали обустривать скорбное место, не смогли убрать неподъемную каменную глыбу.

Человек заполз под куст и затаился. Его лихорадочно блестящие глаза были прикованы к поляне, где происходило какое-то странное и таинственное действие. Несмотря на поздний час возле изваяния – а вернее, возле того, что от него осталось – кружком стояли люди. В полном безмолвии они наблюдали за абсолютно обнаженной девушкой и мрачным типом с физиономией киношного злодея. Он был высок, угловат и держался неестественно прямо – будто дрын проглотил. Одеждой ему служила длинная черная рубаха наподобие поповской рясы с нарисованными на ней белой краской каббалистическими символами.

Девушка лежала на импровизированном ложе из ящиков, застеленном алым бархатом. Ее остановившийся взгляд был прикован к звездному небу. Видимо, девушку вовсе не пугал длинный нож в руках зловещего черноризца. Похоже, она находилась в наркотическом ступоре или была загипнотизирована. Их окружало огненное кольцо из толстых ароматических свечей, испускающих тяжелый, вовсе не восковый запах.

Тем временем одетый в черное тип медленно поднял нож вверх, будто намеревался вонзить его в беспомощную, ничего не соображающую девушку. Притаившийся под кустом человек нервно всхлипнул и начал торопливо шарить в сумке, которую он принес с собой. То, что он достал из нее, совершенно не вязалось с его обликом богобоязненного святоши – человек держал в руках связку динамитных патронов. Не отрывая взгляд от зловещего типа с ножом, он вынул из кармана зажигалку и начал торопливо и безуспешно чиркать колесиком по кремню, чтобы поджечь бикфордов шнур, торчащий как плодоножка дьявольского плода.

Обоюдоострый сверкающий клинок медленно пошел вниз. До человека, продолжающего сражаться с непокорной зажигалкой, донесся общий вздох собравшихся на сатанинский шабаш: нож коснулся нежной кожи девушки как раз между двух остроконечных холмиков груди и неторопливо начал спускаться к пупку, оставляя за собой кровоточащую черту. Жертва даже не вздрогнула; казалось, что на рытом бархате лежит не живое существо, а восковая кукла. И тем не менее девушка мерно дышала, а в ее широко распахнутых глазах мерцали искорки сознания, каким-то непонятным колдовским образом замороженным до полного бесчувствия.

При виде такого изуверского ритуала набожный террорист или мститель – трудно сказать, какие соображения подвигли его на изготовление бомбы – коротко и тихо застонал и с еще большим рвением начал терзать выдавшую виды бензиновую зажигалку.

Но довести свой кровожадный замысел до логического завершения он не успел...

Выстрелы взорвали благодатную кладбищенскую тишину, раздробив ее на десятки вопящих на все голоса осколков. Человек, уронивший от неожиданности свою адскую машину, как замороженный смотрел на поляну, где творился суций бедлам. Собравшиеся на черную мессу сначала сбились в кучу, а затем начали разбегаться, чтобы уйти от разящего огня неизвестного стрелка. А он свое дело знал досконально – все пули ложились точно в цель. Первым упал, будто сломался в пояснице, зловещий черноризец. За ним пришла очередь и других. Несмотря на переполох, снайпер бил на выбор, как в тире. За каких-то пять-шесть секунд он сделал три прицельных выстрела и трое участников черной мессы упали возле своего фетиша, древнего каменного истукана. Набожный защитник православной веры, глядя на эту кровавую жатву, бессмысленно скалил большие редкие зубы – то ли смеялся, торжествуя, то ли от испуга.

Поляна опустела, но стрельба продолжалась. Только теперь выстрелы слышались издалека, из-за пределов погоста. Притаившийся под кустом человек услышал топот многочисленных ног; какие-то люди ломились в сторону поляны, не выбирая дороги.

Богомолец-террорист не стал ждать дальнейшего развития событий: не поднимаясь на ровные ноги, он побежал на карачках куда глаза глядят – лишь бы подальше от места кровавой бойни. Впопыхах человек забыл и сумку, и динамит, не говоря уже о неисправной зажигалке.

Так никем не замеченный он добрался до кладбищенской ограды, сложенной из кирпича. Местами в ней зияли проломы, и человек пошел вдоль стены двухметровой высоты искать выход, щупая шершавую, словно побитую дробью, кладку, как слепой. Однако тощий ревнитель православной веры не успел сделать и десяти шагов: споткнувшись о груды каменных обломков, он растянулся на земле, при этом больно ударившись грудью. На какое-то время человек потерял способность что-либо видеть и соображать. А когда туман в глазах рассеялся, то ему не осталось ничего иного, как затаиться и молить Бога, чтобы тот помог своему верному слуге и почитателю выбраться из смертельно опасной переделки живым и здоровым – по территории кладбища сновали крепко сбитые парни, вооруженные автоматами и пистолетами. Похоже, им было наплевать на святость места, так как они матерились и богохульничали не хуже пьяных бомжей. Судя по обрывкам фраз, долетавшим до ушей полумертвого от страха террориста-неудачника, они искали таинственного снайпера.

Вскоре голоса отдалились, и человек наконец вздохнул свободней. Он переменял неудобную позу и даже вознамерился продолжить поиски пролома, чтобы выйти на дорогу и убраться отсюда подальше, но тут раздались осторожные, крадущиеся шаги и на фоне подсвеченного луной неба появился черный силуэт мужской фигуры с ружьем наизготовку.

Ревнитель веры обмер. Он даже дышать перестал; однако глаза держал открытыми. Ему очень хотелось, как в сказке, загадать желание и превратиться в мышь, чтобы забиться в норку, да поглубже.

Мужчина ориентировался на местности гораздо лучше, нежели террорист-неудачник. Пролом в стене оказался буквально в двух шагах от притаившегося человека, и неизвестный с ружьем легко и практически бесшумно преодолел полуметровый барьер, отделяющий кладбище от шоссе.

Но тут его везение и закончилось. Чей-то грубый злой голос окликнул:

– Кто там? Это ты, Брага?

В

В ответ громынул выстрел.

– Сюда! Здесь он! – это уже закричали с территории погоста.

Богобоязненный террорист обомлел – к пролому бежали со всех сторон, и теперь уйти незамеченным с территории кладбища мог разве что невидимка. Похоже, он не обольщался на предмет человеколюбия и сострадания к ближнему со стороны вооруженных парней, а потому встал на колени и начал обречено молиться.

Спустя минуту или две затрещали кусты и к пролому выскочили сразу трое запыхавшихся крепышей. Один из них держал в руках автомат, остальные были вооружены пистолетами. У кого-то из парней имелся фонарик, и яркий луч суматошливо метался среди деревьев и надгробий, приводя в еще больший трепет совсем потерявшего голову богомольца. Фанатичная уверенность в правильности принятого решения, еще совсем недавно толкавшая его на поступок, совсем не укладывающийся в рамки христианской морали, теперь сменилась элементарным страхом и отчаянием простого обывателя, угодившего в смертельную ловушку.

Все, что случилось потом, террорист-неудачник с ужасом осознал до конца уже дома, в ванной, где тайком от супруги отстирывал свой позор с исподнего. Когда он бежал от кладбища, то единственным, что ему врезалось в память, было ощущение нереальности происходящего. Ему чудилось, что он спит и видит кошмарный сон, в котором за ним гонится дьявол...

Казалось, что зверя родила сама ночь. Бесшумный, как смерть, он в стремительном прыжке опрокинул одного из парней на землю и вмиг разорвал горло. Второй, бежавший чуть сзади, все-таки успел уловить какое-то движение, и вскинул пистолет. Но выстрелить не успел – черная тень щелкнула клыками, с хрустом сломалась кость, и крик, в котором слились боль, ярость и страх, взметнулся к небу и унесся с ветром в сторону предместья. Третий от неожиданности нажал на спусковой крючок автомата, но из-за отдачи оступился и упал, зацепившись за корневище. Пули ушли вверх, кроша ветки и листву; почти не видимый в темноте зверь, оставив вторую жертву, все так же без единого звука метнулся к последнему из парней и придушенный хрип, донесшийся до потерявшего способность здраво мыслить богомольца, сообщил ему, что чудовище справилось и с третьим.

Человек, уже не осознавая, что делает, неловко завалился на бок и, обхватив голову руками, скрючился.

Интуитивно он понимал, что пришел его конец. Как любой истинно верующий, человек не боялся умереть, но если смертный час приходит в таком кошмарном обличье, то даже самый сильный и смелый человек может поневоле дрогнуть.

Поступи зверя он так и не услышал. Его присутствие человек определил только по тому, как всколыхнулся и уплотнился воздух. И в тот же миг он сначала почувствовал резь в животе, а затем с ним случилось то, что в народе называется "медвежьей" болезнью. Зверь обнюхал человека и, как позже вспоминал террористнеудачник, недовольно фыркнул – словно чихнул. А затем он исчез, будто его растворила ночь, потерявшая спрятавшуюся за тучи луну.

Отлеживался человек не долго. До памяти его привел чей-то мат, раздавшийся совсем близко, среди зарослей терновника, облюбовавшего себе местечко у самого забора. Видимо, один из парней попал в колючую ловушку и теперь пытался из нее выбраться. Богомольный террорист вскочил на ноги и ринулся к пролому. Перебираясь через битый кирпич, он упал и расшиб до крови лоб, но боль от раны была пустяком по сравнению с пережитым страхом и моральными страданиями, материализовавшимися в виде мокрых штанов...

Утро застало человека перед домашним иконостасом. Еще никогда в жизни он не молился так истово и самозабвенно.

Глава 1. Опер по прозвищу Штымп[1]

Крокодил выросстал на глазах; вот он наконец выбрался из ванной, дотащил свой хвост до дивана и начал карабкаться на тумбочку, где стоял старый будильник.

– Брысь... гад... – старший оперуполномоченный городского уголовного розыска майор Клевахин вяло махнул рукой – и проснулся.

Крокодил из кошмарного сна превратился в здорового рыжего таракана, деловито и нахально исследующего когда-то лакированную, а теперь испещренную многочисленными кружочками от стаканов с горячим чаем крышку тумбочки. Похоже, ему было абсолютно наплевать и на хозяина квартиры, ворочающегося в не разобранной постели, и на хриплый

голос будильника, от негодования подпрыгивающего на своих коротких рахитичных ножках.

– Убью, зараза... – Клевахин на ощупь нашел тапочек и замахнулся; таракан с осуждением пошевелил длинными усами и степенно удалился.

Успокоив старого приятеля – Клевахин приобрел хриплоголового звонаря сразу после окончания Высшей школы милиции – он достал из портсигара папиросу, закурил и лег на спину.

Потолок... Давно не беленный, в ржавых подтеках – соседка с верхнего этажа забывала закрывать краны с регулярностью женских месячных. Но заставить ее возместить ущерб или хотя бы самолично прокупоросить и забелить зеленовато-коричневые проплешины не могли ни его приятель, участковый Бочкин, ни ЖЭУ. По пьяной лавочке Бочкин петушился: "Чего мы с этой гримзой церемонимся?! Давай я шепну пару слов местной шпане. Ей устроят такую "профилактику", что небо с овчинку покажется. Ты только скажи". "Использование служебного положения в корыстных целях..." – угрюмо отвечал Клевахин, изображая из себя честнягу. Бочкин горячился, доказывая свою правоту, но майор был непреклонен – он лучше, чем кто-либо знал, что связаться с Грачихой (так прозвали его соседку с верхнего этажа) может только умалишенный. Ее побаивались даже качки-рэкетеры, "смотрители" дикого рынка, где Грачиха, бабища гренадерского роста и весьма солидной комплекции, торговала всякой всячиной. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: она гоняла их, как бобиков, сызмальства.

Пора на службу, подумал Клевахин, с ненавистью посмотрев на стрелки часов. Опять очередная оперативка, снова горы человеческого мусора, от копания в котором ум за разум заходит...

Майор, кряхтя, поднялся.

Кухня встретила Клевахина горой немытой посуды и запахами прогорклого жира. Стараясь не замечать полного бардака вокруг, майор поставил чайник на конфорку и направился в душ, где полоскался и брился не более пяти минут. Обжигаясь, торопливо выпил чашку кофе и, на ходу грызя сухарик, выскочил из квартиры как погорелец.

Набитый под завязку трамвай качало на изношенных рельсах, словно утлое суденышко в штормовую погоду. Клевахин ловил кейф, прислонившись к дебелий молодой девушке, которая старательно делала вид будто ее прижали не к живому человеку, а к стенке. Он чувствовал себя неловко, ему даже хотелось извиниться, но давно забытое молодое желание вдруг сковало не только тело, но и язык. Покраснев, словно вареный рак, майор уставился в окно, страстно желая, чтобы дребезжащий монстр, детище послевоенных пятилеток, поскорее добрался до его остановки.

Скобаря он заметил совершенно случайно – даже не заметил, а почувствовал, как старый розыскной пес. Казалось, щипач[2] материализовался позади молодой девушки из воздуха, будто нечистый дух, потому как пройти по трамваю мог разве что гном. Рядом со Скобарем вертелся и его напарник, вечно простуженный и сопливый Пенчик.

"Дура..." – с досадой подумал Клевахин про смазливую молодуху, которая забыла, что в толчее дамскую сумочку нужно держать не на спине, а спереди и обеими руками.

Рука Скобаря уже шарилась внутри изящной вещицы из лакированной кожи, когда блудливые глаза карманного вора наконец наткнулись на обжигающий взгляд майора. Щипач буквально остолбенел. Он знал, что легче пролезть в игольное ушко, нежели уйти от Штымпа; а сейчас мент застукал его на горячем.

"Вали отсюда, вонючка!" – мысленно приказал Клевахин: ко всем радостям жизни ему только

и не хватало сейчас произвести задержание этого сукиного сына, чтобы пассажиры трамвая – в том числе и пышная, как сдобная булочка, молодуха – узнали, что он легавый. По нынешним временам органам милиции, которым он отдал больше двадцать лет жизни, особо гордиться нечем.

Скобарь поначалу даже не поверил, что его отпускают с миром. А когда наконец до него дошло, что по какой-то причине Штымп не хочет брать их с Пенчиком на цугундер, он изобразил кающегося грешника и начал преданно есть майора глазами, будто хотел сказать: "Гражданин начальник! Век свободы не видать, благодарствую, по гроб жизни не забуду." Карманники ретировались, инцидент заглох в самом зародыше, жаркая, словно печка, молодуха, многозначительно зыркнув на Клевахина исподлобья, сошла на очередной остановке, и опустевший трамвай, с облегчением разразившись длинным звонком, повернул на Прорезную, где стояло длинное серое здание городского управления внутренних дел.

– Живой? – спросил, пожимая майору руку, его тезка, тоже Николай Иванович, капитан Берендеев.

– А что, кто-то сомневался? – с кислым видом откликнулся Клевахин.

Вчера он отключил телефон и квартирный звонок, чтобы его никто не потревожил среди ночи. Майор уже забыл, когда в последний раз спал спокойно. Убийства (а это был профиль Клевахина, старшего опера "убойного отдела") случались почти каждые сутки, и этот дьявольский конвейер до того вымотал Николая Ивановича, что он плюнул и на служебный долг, и на своего грозного начальника, и на чувство дружеской взаимовыручки – его отдел был укомплектован лишь наполовину и приходилось работать за двоих.

Впрочем, у Клевахина друзей вообще не было. Несмотря на простоватый вид и прозвище, прилепленное кем-то из воров в законе, Штымп был мастак на подковырки и розыгрыши. А кому нравится дружить с бомбой, начиненной иголками, которая взрывается в самый неподходящий момент?

– Бузыкин уже все провода оборвал, пытаюсь тебя найти. Колотится еще с ночи. Хотели даже нарочного посылать, но никто не знает где ты живешь.

Клевахин мысленно рассмеялся – после развода с женой он прикупил квартиру в Заводском районе, в том доме, где прошло его детство, а проще – у черта на куличках, однако сообщить, кому следует, свой новый адрес не спешил. Номер телефона майор оставил себе старый, но официально он пока числился за его прежним жилищем.

Бузыкин – его шеф. Полковник. Когда-то он был подчиненным и учеником Клевахина, но врожденная гибкость спины и незаурядная способность точно определить, где нужно лизнуть, а где куснуть, вознесли Бузыкина на пьедестал вовсе не соответствующий его способностям в сыском деле.

– Что так? – нехотя поинтересовался майор.

Поинтересовался больше ради проформы, чтобы поддержать разговор. Он точно знал, зачем понадобился Бузыкину среди ночи: одно дело документы в папочки подшивать и устраивать выволочки подчиненным, а другое – самому копать в дерьме.

– Очередное ЧП. Три трупа, двое в реанимации, на ладан дышат.

– Ни фиги себе... Круто. Даже по нынешним временам. Где это случилось?

– На Чулимихе.

– В поселке?

– Нет, на кладбище.

– Разборка? – с надеждой спросил Клевахин.

Мафиозно-рэкетирские дела его не касались, ими занималось недавно созданное управление по борьбе с организованной преступностью. Поэтому майор с невольным трепетом ждал ответа, мысленно возопив к ангелу-хранителю: пронеси! Ему только и не хватало ко всем другим проблемам кучу жмуриков, явно тянувших на очередной "висяк". А что это будет именно так, Клевахин почти не сомневался. Не было у него сомнений и насчет намерений Бузыкина – видимо, тот решил положить на горб майора очередной чувал с неприятностями.

– Не похоже. По крайней мере, так говорили парни из дежурной опергруппы.

– Кто из наших был на выезде?

– Тюлькин.

– Твою мать... – матернулся Клевахин.

Старлей Тюлькин был из породы людей, про которых сложена народная присказка: ты ему плюй в глаза, а он в ответ – это божья роса. Короче говоря, в оперативно-розыскной работе Тюлькин звезд с неба не хватал.

– Пойду... – обречено вздохнул майор, и поплелся в направлении кабинета Бузыкина.

"Тезка" Берендеев ехидно ухмыльнулся...

– Товарищ майор!.. – начальственный бас Бузыкина, рано располневшего лысеющего блондина, в небольшом кабинете звучал словно иерихонская труба.

Приклеив на лицо свою "служебную" мину – смесь чинопочитания, туповатого добродушия и покорности судьбе – Клевахин полностью отключился от восприятия действительности. Пока полковник упражнялся в риторике, распекая подчиненного, майор мысленно подсчитывал во что ему обойдется ремонт жилища.

Минуты через три он тяжело вздохнул и оставил это бесплодное занятие – с его зарплатой не то что евроремонт, но даже облицевать туалет и ванную кафелем в ближайшем обозримом будущем весьма проблематично. Хорошо хоть с квартирой ему повезло: в аккурат через месяц после развода майора с женой умерла бездетная тетка Клевахина, и он выручил за ее добротный деревенский дом необходимую для покупки скромной однокомнатной клетушки сумму.

– Игорь Петрович, у тебя минералки не найдется? – невинно хлопая ресницами, спросил Клевахин у вошедшего в раж полковника.

– Чего!?! – Бузыкина будто кто по башке хватил; он даже рот не закрыл, остановленный вопросом майора на полуслове.

– Я говорю водички, минералки...

– Николай Иванович! – возопил возмущенный полковник. – Ты опять за свое!?

– Ладно, Игорек, кончай базар-вокзал, – фамильярно ухмыльнулся Клевахин. – Сам говоришь, что время не терпит. Пойду я. Считаю, что "кладбищенское" дело в производство принято. Берендеева в напарники дашь?

– Нет! – отрезал остывающий Бузыкин. – Тюлькин уже в курсе, так что...

– Ладно. Пока, товарищ полковник.

С этими словами Клевахин пошел к выходу.

– А минералка? – быстро спросил Бузыкин.

– Спасибо. Как-нибудь в другой раз.

– Старый козел... – прошипел ему вслед полковник. – Ты у меня когда-нибудь допрыгаешься. Штымп гребаный...

Клевахин этих слов не услышал. Да ему было и наплевать на мнение Бузыкина о своей персоне. Его мысли сейчас занимало другое – у кого перехватиться до получки.

Тюлькин сидел в кабинете, обложившись бумагами, и с глубокомысленным видом коптил сигаретой потолок.

– Здорово... – буркнул майор и присел на свободный стул.

– Здравия желаю! – бодро ответил старлей и поторопился потушить окурочок.

– Кучеряво живешь, – кивнул Клевахин на пачку "Мальборо", лежавшую возле импровизированной пепельницы – ракушки морского моллюска.

Тюлькин смущенно пожал плечами и промолчал.

– Личности убитых и раненных на кладбище установлены? – спросил майор, с тоской глядя на серое плачущее небо за окном.

Он не любил позднюю осень. И не только из-за мерзкой дождливой погоды. Обычно в это время кривая тяжких преступлений на графике в кабинете Бузыкина резко взмывала вверх, превращаясь в высокий горный пик.

– Почти всех... – как-то робко ответил Тюлькин.

– Ну? – удивился майор – это было что-то новое.

Из своей богатой практики он знал настолько медленно, со скрипом, раскручивается маховик следственной машины, особенно когда случается такое ЧП, как этой ночью.

– Дай список, – угрюмо глянул он на Тюлькина.

Заряд утренней бодрости, которую можно было с известной натяжкой выдать за остатки вчерашнего хорошего настроения, улетучился словно папиросный дым на сквозняке. Тягостное предчувствие, появившееся у него после короткого разговора с капитаном Берендеевым, вдруг стало принимать очертания некоего стихийного бедствия, пока еще до конца не осознанного, но вполне реального, надвигающегося с неотвратимостью снежной лавины. И убежать от нее он уже не мог.

Список впечатлял. Фамилии, которые там значились, вызвали у Клевахина даже не нервный озноб, а настоящий зубодробительный мандраж:

Кирюхин В.А., директор фирмы "Абрис". Сукин сын, каких поискать. Один из самых состоятельных людей города, друг мэра. Псих и извращенец.

Опришко С.К., бывший комсомольский секретарь, неизвестно чем занимавшийся, юрист по образованию.

По слухам, гомосексуалист. Родственник вице-преьера.

Сенчук Г.Л., мастер спорта по боксу, один из бригадиров местного "пахана", вора в законе Базуля. Кличка Череп.

Эти уже в морге. В реанимации лежали Ватагин и Солодовник, известные в определенных кругах как Вата и Калган. В обоих было по две ходки в места не столь отдаленные. Короче говоря, компашка собралась еще та...

– А кто остался за кадром? – спросил сквозь зубы Клевахин.

– Какая-то девица. Ее нашли в кустах в полуобморочном состоянии и в чем мать родила.

– Где она?

Тюлькин замялся.

– Ну! – поторопил его майор.

– Кгм! – старлей смущенно прокашлялся. – В общем, она сбежала...

– Твою мать!.. – неожиданно даже для себя взорвался Клевахин. – Упустить такого важного свидетеля – это нужно уметь. Что там случилось?

– У нее был порез на груди. Приехала "Скорая", ей сделали перевязку... Никто даже не мог предположить, что она окажется настолько приткой. Пока врачи занимались остальными, девица позаимствовала медицинский халат и смылась. Там такая была запарка...

– Хреновому танцору вечно что-то мешает – то калоши, то собственные... Ладно, что теперь поделаешь.

Сфотографировать ее догадались?

Тюлькин сокрушенно покачал головой.

– Ясно, – тяжело вздохнул майор. – Все как всегда. Бардак. Чему вас только учили в школе милиции? А, о чем я говорю!

– Можно сделать фоторобот...

– И на нем она будет похожа на добрую половину городских девушек.

– Тогда как...

– Молча! – отрезал Клевахин. – Займись фотороботом. Теперь ты мой напарник. Кому из следователей поручили это дело?

– Атарбекову.

– Да-а... Дела наши скорбные... – Клевахин поморщился, словно от зубной боли.

По идее, он должен был радоваться, что "кладбищенское" дело ведет Атарбеков – чего-чего, а высокого профессионализма Темирхану Даудовичу не занимать. Но с другой стороны майор знал, что Атарбеков построил себе двухэтажную виллу в престижном районе, куда воткнуться было труднее, нежели стать народным депутатом. Там жили только "новые" русские и "отцы" города. Под громадные особняки они оттяпали добрый кусок центрального парка вместе с прудом, и теперь покой "сироток" – так прозвали новоявленных нуворишей городские остроловы – охранял взвод милицейского спецназа. Интересно, за какие такие

заслуги обычный следователь попал в круг избранных?

– Поеду на Чулимиху, – решил Клевахин. – Надеюсь, охранение вокруг кладбища догадались выставить?

– Обижаете, товарищ майор... – На лунообразной физиономии Тюлькина появилось смешанное выражение досады и торжества. – Я настоял.

Понятно. Значит опергруппой, выехавшей на место ЧП, командовал лично Бузыкин. Так что винить Тюлькина в раздолбайстве Клевахин был не вправе – сыщицкий "почерк" своего бывшего стажера он знал не понаслышке.

– Извини, – буркнул Клевахин, одеваясь.

"А на кладбище все спокойненько, ни друзей ни врагов не видать..." – вспомнил майор слова когда-то очень известной песни, когда вышел из милицейского "жигуля" у ворот погоста. Вокруг царила настолько пронзительная тишина, что кровавые ночные события казались чьей-то гнусной выдумкой. У входа неприкаянно топтался дюжий омоновец, потихоньку матерясь и время от времени потирая озябшие руки.

Дождь, зарядивший с утра, закончился и прояснившееся небо дохнуло даже не осенней, а зимней морозной прохладой. Клевахин сумрачно взглянул на кладбищенскую церквушку, и, заметив через открытую дверь черную фигуру священника, невольно кивнул головой – поприветствовал его. Он не был верующим, но к религиозным убеждениям относился с пониманием.

Дорожки между могил оказались ухоженными и посыпанными крупнозернистым речным песком. Только крохотная площадь перед церковью и центральная аллея были заасфальтированы.

Клевахин шел почти наобум, практически не руководствуясь бестолковыми объяснениями Тюлькина.

Старинное кладбище впечатляло размерами и какой-то удивительной святостью, тронувшей даже зачерствевшую душу майора. Обычно крикливое воронье, сбитое в стаи, пролетало над головой бесплотными и беззвучными тенями. Но возможно Клевахин ошибался и дело было вовсе не в святости погоста, а в той трагедии, что разыгралась здесь ночью.

Первым, кого встретил майор в этом тихом и скорбном месте, был Атарбеков. Он бродил между могил, как призрак отца Гамлета, что-то бормоча себе под нос, и по своему обычаю часто-часто кивая головой, будто одобряя собственные мысли. Завидев Клевахина, он поторопился к нему навстречу.

– Рад возможности снова работать с вами, – сердечно сказал Атарбеков, пожимая руку майора.

– Взаимно, – широко улыбнулся Клевахин.

Следователь был невысокого роста, худощав, жилист и говорил с легким акцентом. Его живые черные глаза не знали ни секунды покоя, катаясь внутри глазниц ртутными шариками. ... Осмотр места происшествия произвели из рук вон плохо, – с досадой рассказывал Атарбеков. – Затоптали все, что только могли. Можно, конечно, пенять на ночное время, но какой осел додумался вызвать роту внутренних войск!? Чтобы хоть с какой-то пользой прочесать все эти кладбищенские заросли, нужно было "подвесить" вертолет с сильным прожектором, но на это ума не хватило.

Похоже, Атарбеков еще не знал, кто возглавлял выездную опергруппу, а потому возмущался

горячо и вполне искренне, не боясь уязвить самолюбие не участвовавшего в осмотре кладбища Клевахина, а в перспективе и того самого "осла" – майор в интригах не числился и держал язык на привязи.

Следователь привел майора к камню, где происходили основные события. Вытоптанная трава, какие-то ящики, темные пятна засохшей крови...

– Что они здесь среди ночи делали? – осторожно поинтересовался Клевахин.

У него уже была своя версия, но он хотел знать, что думает Атарбеков. Вернее, не что думает, а как относится к ночным событиям на кладбище городской официоз. Майор был уверен на все сто процентов, что Атарбекова назначили вести это дело вовсе не случайно.

– Не знаю, – так же осторожно ответил и следователь.

– А предположения? – не отставал майор.

– Сколько угодно, – нахмурился Атарбеков. – Например, справляли поминки по усопшему...

Понятно. Официальная версия вытанцовывается. Интересно, она будет в ходу только для прессы, или придется "лепить горбатого" и в расследовании?

– Но мы должны – обязаны! – раскрыть это преступление, – спохватился Атарбеков: он знал, что Штымпа на мякине не проведешь, а потому играть с ним в закулисные игры – себе дороже.

– Я так понимаю, нужно сосредоточиться на неизвестном снайпере... – глядя прямо в глаза следователю, сказал Клевахин.

– Именно, – взгляд Атарбекова потускнел, будто черный жар в глазах присыпали пеплом.

– Будем работать... – индифферентно промолвил майор, который только теперь до конца осознал во что он по милости Бузыкина вляпался.

Клевахин понял, что ему придется ходить буквально по лезвию ножа. Ни о каком "висяке" речи просто не должно быть. Местный бомонд – наверное, и не только – с него кожу сдерет, пока не получит ответ на вопрос, кто осмелился поднять руку на таких "уважаемых" членов общества. Но любая медаль имеет и обратную сторону – Клевахин не сомневался, что ему будет предоставлено все необходимое для работы. И даже больше чем все.

– Темирхан Даудович, у меня просьба... – майор со вздохом окинул взглядом территорию кладбища.

– Слушаю, Николай Иванович, – остро прищурился Атарбеков – Нужно произвести более тщательный осмотр местности. Один или вдвоем с вами мы будем пахать здесь до новых веников. Поэтому предлагаю пригласить старшекурсников школы милиции. Для них полевая практика, а нам существенная профессиональная помощь.

– Вы считаете, можно еще что-то найти... кроме того, что удалось отыскать опергруппе? – Атарбеков смотрел хищно, словно готовый к охоте ястреб.

– Надеюсь, – сделал простодушную мину майор. – Кстати, у вас уже есть заключение экспертов по гильзам от оружия снайпера?

– Да. Они предполагают, что это СКС.

– Серьезная штука. И скорее всего оснащена прибором ночного видения.

– Похоже... – Атарбеков хотел сказать еще что-то, но тут подал голос его сотовый телефон.

"Круто..." – позавидовал Клевахин, глядя на изящную пластмассовую вещицу в руках следователя. Из вежливости он отошел на несколько шагов в сторону, и старательно делал вид, что не интересуется о чем идет разговор. Впрочем, Атарбеков говорил тихо и до майора долетали лишь отдельные слова. По тому как лицо следователя приобрело почтительное выражение, он понял, что Атарбеков беседует с какой-то важной шишкой.

– Извините, Николай Иванович, меня срочно вызывают... – Атарбеков был взволнован. – Так что вы тут без меня...

– Никаких проблем, – радуясь в душе, бодро ответил Клевахин – он очень не любил, когда во время работы ему дышали в затылок.

– А насчет курсантов считайте, что вопрос решен. Я договорюсь. Думаю, через час они будут здесь.

– Спасибо...

Атарбеков уехал. И конечно же не на раздолбанном милицейском "жигуленке" – новенький БМВ следователя был припаркован возле церкви.

"Живут же люди..." – невесело ухмыльнувшись, мельком подумал Клевахин. И тут же выбросил Атарбекова из головы – его ждала работа, которую он любил, хотя в этом даже сам себе не признавался.

Глава 2. Старик

День начался с неприятностей – в туалете сгорела лампочка и в кране не оказалось горячей воды. Конечно, все это не было трагедией, так как по утрам он обычно принимал холодный душ, а справлять нужду можно и с фонариком, но в груди вдруг появилась неприятная заноза – как старик уже знал, предвестник каких-то перемен, и скорее всего, не в лучшую сторону. Беззлобно ругнувшись, он включил электросамовар и, сняв пижаму, стал заниматься гимнастикой.

Трудно было даже предположить, глядя на его тело, что старику уже далеко за шестьдесят. Крепкий, рельефный от все еще хорошо растянутых мышц, торс, плоский живот без единой старческой складки, сильные худые ноги как у стайера и шершавая, но отнюдь не дряблая кожа, покрытая равномерным загаром.

Только лицо, изборожденное морщинами, и седой бобрик редеющих волос могли подсказать искусственному наблюдателю, что перед ним не зрелый, хорошо тренированный мужчина, а человек, активные годы жизни которого уже давно пошли под уклон.

Он начал заниматься силовыми упражнениями три года назад, когда переехал в город. До этого искусственно поддерживать свое физическое состояние в надлежащей форме необходимости не было: нелегкая жизнь егеря и таежного охотника расслабляться и сибаритствовать не позволяла.

Подтянувшись на перекладине двадцать раз, старик закончил зарядку и направился под душ. Однако пробыл там недолго – сегодня его не бодрила даже холодная вода. В сердцах швырнув на пол пустой тюбик из-под зубной пасты, он прошел на кухню, где его уже ждал огромный черный пес, помесь кавказской овчарки, волка и еще какой-то породы, возможно

даже боевых псов древности, сохранившихся в какомнибудь захолустье.

– Знаю, Грей, знаю, что пора на прогулку, – невольно смягчившись, потрепал старик пса за загривок. – Потерпи чуток. Выпью чаю – и пойдем...

Утро выдалось прохладным и росным. Весна пришла рано, уже в марте солнце грело почти как летом, но в начале апреля неожиданно возвратилась зима и выпала на город столько снега, сколько не было даже в декабре. И теперь, несмотря на то, что второй весенний месяц был на исходе, ночью температура опускалась до нуля, а днем дули ветры, иногда за светлое время суток по два-три раза меняя направление.

Небольшой парк вблизи городской окраины, где старик выгуливал Грея, ухоженностью не отличался. Никто его не чистил, никто не убирал листья осенью, ни одному из бывших и нынешних городских начальников не пришла в голову мысль хотя бы засыпать выбоины на невесть когда заасфальтированных дорожках. Здесь редко можно было увидеть любителей отдыха на природе, потому что парк пользовался дурной славой. Его облюбовала городская шантрапа, своими дикими выходками наводившая страх на жителей близлежащих домов. Наведывались сюда и наркоманы. Но старику парк нравился. Он напоминал ему тайгу, в которой он прожил большую часть жизни (конечно, весьма отдаленно – если только хорошо напрячь воображение).

Тишина... Как он по ней соскучился! Старик обычно избегал тропинок и аллей. Сегодня он тоже шел по зарослям, не выбирая дороги. Грей резвился, словно щенок, нарезая круги по парку. Наверное, тоже вспоминал свое таежное прошлое. Пес скользил между деревьев как призрак, производя шума не больше, чем легкий низовой ветерок. Время от времени Грей скалил внушительные клыки – будто улыбался.

Неожиданно чьи-то громкие голоса нарушили благодатную тишину, вернув старика с заоблачных мечтаний на жесткую городскую землю с ее заботами, постоянным шумом и вонью от свалок, моторов машин и заводских труб. Говорили где-то поблизости, и он, чтобы избежать нежелательной встречи, свернул в сторону.

Однако, похоже, судьба еще с вечера бросила камешек в его огород, и что-либо изменить старик был не в силах...

Он наткнулся на них, когда пересекал небольшую круглую поляну. В свое время здесь была клумба, посреди которой стояла неизменная для всех советских парков гипсовая девушка с веслом. Ныне от статуи осталось лишь основание и две протезные ноги с покрученными ржавыми прутьями. Клумба давно поросла чертополохом и служила пристанищем семейства ежей, обосновавшихся в глубокой норе под пьедесталом.

Любой уважающий себя пес считал своим долгом во время прогулки облаять колючую семейку, но сунуть нос в репейники даже не пытался.

Двое парней лет шестнадцати-восемнадцати забавлялись тем, что бросали финский нож, стараясь попасть в кружок, нарисованный мелом на толстом древесном стволе. Они были коротко стрижены по новой "рэкетирской" моде, безвкусно одеты в какие-то нелепые куртки и спортивные шаровары и, как показалось старику, немного на взводе – то ли пропустили с утра пораньше по рюмке, то ли накурились "травки".

Старик резко остановился, будто перед ним выросла незримая стена, а затем круто повернул обратно.

Но они все равно его заметили.

– Эй, мужик! погоди!

Старик хотел было сделать вид, что не слышит их и прибавить шагу, но неожиданно проснувшееся мужское достоинство, все еще тлеющее под пеплом прожитых лет, заставило его застыть на месте и с вызовом посмотреть прямо в наглые зенки молокососов.

– Ну? – сказал он спокойно.

– Курнуть есть?

– Не балуюсь, – коротко ответил он.

– Слышь, Серый, этот старый козел не курит... гы-гы... – глупо осклабился чернявый.

– Тогда какого хрена он здесь ошивается? Дай ему, Кирюха, по сопатке и пусть дальше пылит, – лениво посоветовал второй, светловолосый, небрежно поигрывая финкой. – Ходят тут всякие...

Старик не стал дожидаться дальнейшего развития событий и тихо свистнул.

Пес вырос у ног старика будто из-под земли. Грей был так же спокоен, как и его хозяин. Но в глазах пса начал постепенно разгораться огонек звериной свирепости. Он так сжился с хозяином, что казалось понимал не только слова, но и мысли.

– Гля, Серый, дедуля-то с песиком. Завалим бобика?

– Завалим, – равнодушно подтвердил Серый. – Зови...

– Чатбара, Чанг! Ко мне! – крикнул Кирюха, и спустя несколько секунд на поляну выскочили два боксера, сука и кобель – с великолепной мускулатурой и в широких, окованных металлическими шипами ошейниках.

– Фас!

– Может, не стоит этого делать? – старик попытался было урезонить самонадеянных парней, но они даже ухом не повели.

Ему уже приходилось слышать от собаководов о таких, с позволения сказать, "забавах" городских придурков, стравливающих на прогулках псов. Кровавые бои обычно заканчивались гибелью изнеженных теплыми квартирами и сытной едой животных, так как на них спускали собак, специально натасканных для боев на ринге.

Старик сокрушенно вздохнул и посмотрел на Грея. Пес тоже поднял глаза на хозяина и, наморщив верхнюю губу, ощерил клыки. Он был храбр, но мудр, и ему вовсе не хотелось без нужды связываться с боксерами, тем более – с самкой. В тайге Грей без колебаний шел на медведя, рвал сохатого, но это была охота, смысл его существования. Другие псы, которых он встречал в своих таежных скитаниях, всегда безропотно уступали ему дорогу, потому что инстинктивно чувствовали насколько он свиреп и беспощаден – закон природы о праве сильного был заложен в собачьих генах испокон веков. Но все это осталось в той, прежней, жизни среди дикой природы, где вода в реках чиста и прозрачна, как первосортный хрусталь, а волнующий запах дичи не растворяется в городском смраде, шибящем в нос почище мускусной струи зловонного хорька. А здесь, среди грохочущих железных чудищ и каменных громад, он чувствовал себя потерянным.

Грей не имел права не то что охотиться, но даже отстаивать свою честь в схватках с сородичами, имеющими наглость облаивать его во время прогулок и ставить свои пахучие метки поверх тех, что оставлял он. Не будь пес так предан хозяину, он давно сбежал бы в леса, окружавшие город. Грей никогда там не был, но длинными тоскливыми ночами, когда полная луна занимала полнеба, он слышал их зов.

Откуда-то изнутри начинала подниматься горячая волна, горло схватывал спазм, и тихий рык начинал рваться наружу. Ему хотелось дать волю своим чувствам и завывать по-волчьи, как не очень далекие его предки, но он знал, что хозяин этого не любит...

И теперь Грей не понимал, что ему делать. Хозяин молчал, но в его безмолвии пес чуял какую-то угрозу, чего никогда не было на охоте в тайге. А боксеры, повинуясь команде чернявого Кирюхи, тем временем со злобным рычаньем ринулись на Грея.

Это были великолепно обученные боевые собаки. И если Чатбара лишь натаскивали для схваток на ринге – больше ради развлечения, в основном науськивая ее на бродячих шавок – то Чанг был весь покрыт шрамами от многочисленных боев.

Грей ждал нападения молчком. Наверное, не будь рядом хозяина, пес мог бы поосторожничать, отступить, как он обычно это делал, останавливая медведя. Возможно, Грей немного развлекся бы, потаскав за собой по непривычным для городских собак зарослям чересчур ретивых боксеров – чтобы сбить их боевой пыл и притомить.

Но сегодня он был не один, а хозяин не имел ружья, способного, как уже знал Грей, и в его отсутствие остановить любого зверя. Значит хозяин надеялся на него, хотя почему-то и не подал ему команду отразить нападение...

На свою беду боксеры никогда не встречались с волкодавами, особенно с выращенными среди дикой природы. Если волки – впрочем, как и боевые псы – в схватке стараются побыстрее добраться до горла противника, то волкодавам с их солидным весом главное свалить врага. И тогда в ход идут мощные челюсти, способные перемолоть в труху не только тонкие кости собачьих или волчьих лап, но и бычьи мослы.

Чанг ударил Грея в грудь с налета, намереваясь ошеломить его и, пользуясь растерянностью, немедленно прикончить, вспоров клыками шейную артерию. Боксер знал, что окованный шипами металлическими ошейник дает ему немалое превосходство, а потому, атакая, совершенно пренебрег защитой.

Грей устоял. Более легкий Чанг отлетел от него как теннисный мяч. И пока озадаченный боксер разворачивался, чтобы повторить нападение, Грей мощным прыжком обрушился ему на спину. Он сначала рванул его за загривок, а потом, когда пес упал и покатился по земле, щелкнул клыками, словно медвежьим капканом, в мгновение ока раздробив переднюю лапу. Боксер взвыл от боли, но неустрашимая бойцовская натура взяла верх. Яростно сверкая налившимися кровью глазами, Чанг поднялся и приготовился отразить атаку Грея.

И в это время подросла Чатбара. Она даже не рычала – редела от переполнявшей ее злобы. По-прежнему безмолвный Грей, которого раздирали противоречивые чувства – ему до смерти не хотелось сражаться с сукой, и в то же время он понимал, что ее клыки не менее опасны, чем у кобеля – все же поступил поджентельменски. Он отпрыгнул в сторону, а когда Чатбара, проскакывая по инерции мимо, оказалась рядом, несильно укусил ее за бок, словно предупреждая: не тронь меня, иначе я за себя не ручаюсь.

Но свирепая Чатбара на этом не успокоилась. Извернувшись, она вцепилась зубами в шею Грея, пытаясь добраться до горла. Подбодренный помощью своей подруги, Чанг тоже бросился на волкодава, забыв об искалеченной лапе. Черно-коричневый клубок покатился по земле, и наблюдавшие за схваткой старик и парни уже не могли различить в этой куче малой своих псов.

– Кранты, – удовлетворенно прокомментировал кровавое зрелище белобрысый. – Счас с этого бобика только перья полетят.

– Ну... – поддержал его скалящийся Кирюха.

Старик промолчал. Он знал своего Грея лучше, чем кто бы то ни было...

Казалось, что клубок собачьих тел взорвался изнутри. Сначала отвалился Чанг, взлетев в воздух на добрых полметра; теперь к сломанной лапе добавилась еще и глубокая рваная рана на голове. Зубы Грея буквально сняли с боксера скальп. Затем настал черед и Чатбары. Грей вцепился ей в холку и трепал до тех пор, пока сука не взвыла от боли и унижения.

– Достаточно, Грей, – наконец подал голос и грозно молчавший старик. – Пошли вон отсюда, – не повышая тона, сказал он остолбеневшим от увиденного парням. – И советую больше мне на глаза не попадаться.

Грей! Проводи их.

Грей молча обнажил свои клыки.

Вконец потерявшие головы парни, прихватив жалобно скулящих боксеров, поспешили ретироваться. Старик сокрушенно покачал головой.

Неожиданно воцарившуюся на поляне тишину нарушили хлопки в ладони. Старик резко обернулся и увидел позади себя respectable мужчину лет пятидесяти с красавцем-ротвейлером на поводке. Широко улыбаясь, он картинно аплодировал.

– Bravo. – Голос мужчины был низок и хриловат. – Черт возьми, какое великолепное зрелище! Боксеров, конечно, жалко – куда им до вашего зверя – но этим молокососам поделом.

– Я сожалею... – коротко ответил старик и пошел прочь; за ним, угрюмо зыркнув на настороженного ротвейлера, неторопливо и с достоинством последовал и Грей.

– Минуту, уважаемый! – просительно воскликнул неизвестный. – На пару слов...

– Да? – старик нехотя повернул обратно.

– Вы никогда не выставляли своего пса на бойцовский ринг?

– Нет.

– Почему? Ему там мало равных найдется.

– Во-первых, я об этом не думал. А во-вторых, друзей ради забавы на смерть не посылают.

– Почему ради забавы? За участие своих питомцев в поединках хозяева собак получают очень даже неплохие деньги. Тысячи долларов.

– Извините, мне пора, – сухо ответил старик. – Всего вам доброго.

– Жаль... – сокрушенно покачал головой мужчина. – Жаль, что я не смог вас убедить, – он достал из портмоне визитную карточку и вручил ее старику. – Возможно, вы измените свое мнение... позвоните, я буду рад встретиться с вами снова. Я обещаю, что ваш... Грей? я не ошибся? попадет на основной ринг без предварительных отборочных поединков.

– Спасибо, – неприветливо буркнул старик.

Небрежно сунув визитку в карман, старик решительно пошагал по дорожке к выходу из парка. Грей, который все это время не сводил глаз с ротвейлера, шумно втянул носом воздух, будто намеревался хорошо запомнить его запах, и буквально испарился с глаз, тенью скользнув в заросли, растущие вдоль дорожки.

– Какой пес... Настоящий зверь, – в восхищении прошептал неизвестный. – Это целое состояние...

Ротвейлер недовольно заурчал – будто понял, о чем говорит его хозяин, и возмутился.

– Спокойно, Джейсон. Ты тоже хорош. Но, увы, не настолько. Грей... Грей... – мужчина покатал слово во рту, как ядрышко лесного ореха. – Я бы многое отдал, чтобы заполучить этого красавца...

Ротвейлер открыл пасть, высунул широкий розовый язык и демонстративно отвернулся.

Глава 3. Штымп

День выдался морозным и солнечным. Под ногами с леденцовым хрустом ломался тонкий ледок, затянувший лужицы, и Клевахин, удовлетворенно попыхивая папиросой, блаженно щурился. Он шел в больницу, чтобы поговорить с лежавшим в реанимации Ватой; напарник Ватагина Калган уже обивал пороги в чистилище на небесах.

"Кладбищенское" дело принимало совершенно фантастический оборот. В густых зарослях неподалеку от каменного идола курсанты нашли старую сумку почтальона на длинном ремне, связку динамитных патронов и бензиновую зажигалку. Мало того – один из будущих сыщиков высказал предположение (вундеркинд хренов!), что неизвестный снайпер поразил больше мишеней, чем поступило в морг трупов. И курсант оказался прав – задетый за живое Клевахин облазил на карачках полкладбища, и лабораторный анализ образцов крови, взятых с уже почерневших пятен возле камня-идола и возле забора (как с внешней, так и с внутренней стороны), показал, что если и не убитых, то раненных было по меньшей мере еще двое, не считая обнаженной беглянки. Кто они? Почему не обратились за медицинской помощью? Или обращались, но неофициально?

И еще – трое человек, в том числе и Вата, были сражены не пулей, а искусаны каким-то зверем, возможно, большим псом, хотя по словам хирургов, оперировавших Вату и Калгана, с такими страшными ранами они еще не встречались.

Так что на самом деле произошло на кладбище? Клевахин практически не сомневался, что той ночью возле древнего идола собиралась на свой поганый шабаш секта сатанистов. До него уже доходили слухи о разных мерзостях, творящихся на погостах, но до сих пор уголовному розыску не приходилось заниматься мистической чертовщиной. Сатанисты обустроивали свои темные дела настолько скрытно, что вся информация о них зиждилась лишь на молве. Но какое отношение к таинственной секте имеют такие разные люди, как "новый" русский Кирюхин и уголовники Вата и Калган? И кто еще, кроме неизвестного снайпера, охотился на сатанистов с динамитными патронами?

А что это именно так, майор был уверен на все сто процентов. Он нашел место засады стрелка. Судя по примятой траве, снайпер был тяжелее, чем несостоявшийся террорист с динамитом. Действовали на пару?

Не похоже: только полный идиот мог забраться в густые заросли с бомбой – по темноте после взрыва уйти бесшумно было очень непросто, даже невозможно. А ведь судя по обилию на кладбищенской территории свежих стрелянных гильз, там находилось много вооруженных людей, которые, скорее всего, охраняли место черной мессы. В отличие от "террориста", стрелок устроился идеально – на невысоком пригорке, откуда хорошо просматривалась поляна с камнем, между двух толстых древесных стволов, образовавших латинскую букву "v".

И последнее – неведомый зверь, растерзавший троих. Волк? Сомнительно – Клевахин просто не мог себе представить такого монстра с почти медвежьими клыками. Тогда кто или что это было? Майору вчера доложили о слухах, с молниеносной быстротой распространившихся среди верующих (и не только) уже на следующий день после трагедии на кладбище. Одни говорили, что сатанисты на свою голову вызвали при помощи черной магии из преисподней какое-то чудовище, растерзавшее нечестивцев. Другие взахлеб твердили о божьей каре, о гневе Господнем, который наказал сектантов, послав на землю самого дьявола.

Третьи плели вообще хрен знает что. Клевахин подозревал, что фундаментом таких нелепых домыслов послужил американский телесериал "Пси-фактор" о паранормальных явлениях, около трех месяцев засоряющий мозги наивных обывателей.

Но как бы там ни было, а майор пока и сам не пришел к какому-либо определенному мнению. Не хватало фактажа. И теперь он хотел поспрашивать немного оклемавшегося Вату, чтобы выловить из его бредней – а Ватагин был известным лгуном – крупницу истины...

Дежурный врач реанимационного отделения вежливостью не отличался. И майор догадывался по какой причине – сотрудники больницы уже два месяца не получали зарплату.

– Нельзя! – отрезал врач, пожилой, усталый на вид, мужчина с длинным "гоголевским" носом. – Больной пока в тяжелом состоянии, и любое волнение может привести к летальному исходу.

– А этим можно? – не без ехидства поинтересовался Клевахин, ткнув пальцем в сторону палаты, в которой лежал Вата.

Оттуда как раз выходили с козырным видом два качка, стриженные под "ноль". Завидев майора, они вначале резко остановились, а затем, низко опустив головы, постарались побыстрее проскочить мимо, держась поближе к противоположной стене коридора. "Ну и нюх у них..." – не сдержал улыбку Клевахин.

Он был в гражданском, и тем не менее его вычислили практически моментально. Чует кошка, чье сало съела, подумал он не без некоторого торжества; куда и девалась вся "крутизна" этих двух дуболомов при виде невзрачного мента.

– Ладно, заходите, – нехотя буркнул врач. – Только наденьте халат и тапочки. Сейчас вам их принесут. Я распоряжусь. И прошу вас – долго возле больного не задерживайтесь. И это... – он вдруг замялся. – Не забывайте, что вы в больнице...

Клевахин понял, что недосказал врач – длинноносый эскулап намекал, чтобы майор не распускал руки. И опер не сдержался, выматериться втихомолку. Похоже, народная молва за последние годы уравнила его контору с фашистским гестапо.

Сделав лицо угрюмым и злобным, он отрезал:

– А вот это, батенька, не ваше дело.

Лицо врача еще больше вытянулось, он смешался, хотел было еще что-то сказать – может, оправдаться или начать дискуссию на тему прав человека – но Клевахин не стал его слушать и решительно закрыл дверь палаты, где в полном одиночестве лежал Ватагин, перед самым носом эскулапа.

Вид Ваты впечатлял. Он был похож на марсианина – весь в трубках, окруженный какими-то приборами, в белом "скафандре" из бинтов. По напряженному взгляду, которым он встретил майора, Клевахин понял, что Ватагин его узнал.

– Как дела, Ватагин? – присаживаясь на стул возле кровати, спросил Клевахин.

– Хуже не бывает... гражданин начальник, – хрипло выдавил из себя Вата.

– Нечего ночью по кладбищам шляться, милейший, – едко сказал майор. – Чем вы там занимались?

Вата будто и не слышал вопроса. Он прикрыл глаза и тихо простонал.

– Понял, – миролюбиво отреагировал Клевахин на демонстративное нежелание уголовного вести доверительный разговор. – Замнем для ясности. Скажи мне лишь одно: кто тебя так изуродовал?

Вата даже не раскрыл глаза – распахнул. В них плескался ужас.

– О-о-о... – жалобно промычал он, не в силах связно говорить.

Майор терпеливо ждал, пока Вата не успокоится. Жалости к нему он не испытывал – слишком много висело на этом ублюдке грязных дел, в том числе и "мокруха". К сожалению, доказать участие Ваты в убийстве компаньона Базуля по бизнесу, некоего Гольянского, не удалось. По очень простой причине – материалы следствия исчезли вместе с молодым следователем прокуратуры. Парнишка чересчур верил в высшую справедливость и торжество закона...

– Так я слушаю, – мягко, как только мог, продолжил интересующую его тему Клевахин.

– Ничего не помню... Ничего... – забормотал Вата. – Ночь... стреляют... темно... и вдруг! Оно появилось неизвестно откуда... Нет, нет, я не могу! – он задержался, словно в конвульсиях. – Оно такое... такое!..

– Оно? – довольно бесцеремонно перебил его майор. – Это как понимать?

– Бесшумное, глаза светятся... и клыки... Бля-а... – Вата подпустил глаза под лоб.

– Эй! – осторожно потормошил его Клевахин. – Ты живой?

Ватагин молчал.

– Не хватало еще, чтобы и этот копыта отбросил... – пробормотал встревоженный майор. – Сестра! Или кто там! – он бросился к выходу. – Больному плохо!

Не успел Клевахин добежать до двери, как она открылась и на пороге появился дежурный врач.

– Я предупреждал! – фальцетом выкрикнул длинноносый эскулап и начал суетиться возле приборов.

"Подслушивал..." – подумал майор. Он вышел, неплотно прикрыв дверь. Постояв чуток в раздумье, Клевахин осмотрелся, и с виноватым видом, будто школьник на экзаменах, заглянул в палату. Доходяга Ватагин был достаточно бодрый, в полном сознании и матерился как сапожник. Дежурный врач стоял перед ним навтыжку красный, словно вареный рак.

"Нужно за Ватой присмотреть, – решил майор. – Он единственный свидетель..." Эту здравую мысль он и высказал своему шефу Бузыкину.

– Что-о!? Выставить охрану в реанимационном отделении? Ты в своем уме?

– Да вроде с утра на голову не жаловался. Хотя, со стороны видней... А что касается

Ватагина, то я очень опасаясь за его драгоценное для нас здоровье.

– И совершенно напрасно. Мне доложили, что еще неделя, может, две – и его выпишут.

– Я не о том, Игорь Петрович, – Клевахин был озабочен и хмур. – Я боюсь, что до выписки дело не дойдет.

Он "засвечен". Капитально "засвечен". Вата – кончик нити к большому мерзопакостному клубку. Ему просто не позволят давать показания. А они знают, что дожать мы его сможем. Расколется, как миленький.

– Ты хочешь сказать, что Вату могут убрать? – недоверчиво спросил Бузыкин.

– Почти не сомневаюсь. В кладбищенской истории замешаны очень серьезные люди. А они в выборе средств для достижения своих целей не стесняются.

– Чушь! Мне кажется, Николай Иванович, что ты просто насмотрелся американских боевиков.

– У меня телевизора нет, – буркнул Клевахин, поднимаясь.

Сказал и не покривил душой – при разводе жена всю видеотехнику забрала, оставив ему лишь старый "Электрон", который показывал только серую муть и какие-то тени. Новый телевизор он так и не купил.

Впрочем, Клевахин и в былые годы смотрел в основном новости.

– Когда будет результат? – спросил ему вслед Бузыкин.

– Как только, так сразу... – отмахнулся майор. – А по поводу Ваты все-таки подумай. В нашей конторе столько расплодилось бездельников, что хватит не только на охрану офисов "новых" русских, но и на дежурства в реанимационном отделении.

– Подумаю... – отмахнулся Бузыкин, углубляясь в бумаги.

– Ну-ну... – с сарказмом промычал Клевахин. – Великий философ Спиноза. Твою мать!..

Бузыкин сделал вид, что ничего не слышит.

Тюлькин болтал по телефону с очередной "телкой", как он выражался. Их у него было не меньше, чем в колхозном коровнике.

– Ты когда делом займешься, красавец? – поинтересовался майор, поставив ударение в слове "красавец" над последним слогом.

– Извини, дела, – быстро проговорил в трубку Тюлькин и положил ее на рычаг. – Так ведь это... фоторобот готов.

– Да? – деланно удивился Клевахин. – Молодец. Далек пойдешь. За двое суток провернуть такую работу – не каждому по плечу.

Тюлькин покаянно опустил голову.

– Ладно, замнем для ясности... – Майор ненадолго задумался. – Шурик, ты можешь достать приличную видеокамеру?

– Нет проблем! – оживился старлей.

– А обращаться с этой техникой умеешь?

– Конечно, – не без гордости ответил Тюлькин.

– Тогда вот что, коллега: срочно дуй за видеокамерой и не забудь вставить в нее новую кассету. За час справишься?

– Думаю, да.

– Блин! – выругался Клевахин. – У нас в угрозыске собрались одни мыслители... начиная с Бузыкина. Не думать надо, Шурик, а прыгать, как та самая экспериментальная обезьяна. Прыгать! И запомни: если ты меня подведешь, я тебя по стенке размажу.

– Что вы, Николай Иванович... – обиженно надул пухлые губы старлей. – Ни в жысть!

– Тогда аллюр три креста и перо тебе в одно место.

– Извините, товарищ майор, но зачем нужна видеокамера? Кого снимать будем?

– О-о, братец кролик, ты даже не представляешь какой "бомонд" сегодня соберется. На два часа назначены похороны Кирюхина и Опришко. Вот мы и должны запечатлеть сей скорбный, но знаменательный момент... для потомков. Притом скрытно. Дошло?

– А почему вы не хотите подключить технический отдел?

– Потому как боюсь, что им просто не разрешат это делать.

– Вы шутите... – растерянно улыбнулся обескураженный Тюлькин. – Мы ведь милиция...

– Ага. Прямо в яблочко попал. Милиция. А точнее – угрозыск. И вследствие этого мы под колпаком как у власть предержащих, так и у специфической части общества. Которых в наше время весьма сложно просепарировать, отделив милых овнов от вонючих козлиц. Вот и смекай, как на нас посмотрят, если мы захотим наплевать на важность мероприятия и вылезем на свет ясный со своим предложением.

– Понял... – хмуро кивнул Тюлькин. – Так я пойду?

– Дуй. И смотри – ни пара с уст. Никому!

Старший лейтенант вышел, а Клевахин погрузился в размышления. ...И все равно, что-то в этом деле не так, думал он. Неправильно, что ли. Профессиональный снайпер (а в его меткости усомниться трудно) – и какой-то вахлак с динамитом, понятия не имеющий как обращаться со взрывчаткой: эксперты установили, что вставленный в капсуль-детонатор бикфордов шнур обжимался не специальным приспособлением, а зубами, притом абсолютно неквалифицированно. Так обычно поступали очень опытные, но бесшабашные взрывники – малейшая ошибка в определении места прикуса заканчивалась взрывом детонатора, после чего лицо несчастного собирали и сшивали по кусочкам. Но в данном случае речь могла идти лишь о каком-нибудь полусумасшедшем или самоуверенном глупце – спецы управления определили, что до печального финиша с капсулем ему оставалось всего ничего, какие-то доли миллиметра.

И потом это бесшумное кровожадное чудовище. Очередной "снежный" человек? Ископаемый дракон, нечаянно вырытый бригадой могильщиков? Но, в отличие от этих полумифических персонажей людской молвы, "оно", как выразился Вата, имело вполне реальные клыки и поработало на славу.

Наконец "обнаженная маха". Девушка с порезом на груди. Ее какой хрен притащил на кладбище? Неужто она была в одной компании с Кирюхиным и Опришко? Но если так, тогда почему девушка не смылась с кладбища вместе с остальными сатанистами? Кстати, звонок в

милицию по поводу бойни на погосте был с мобильного телефона, как раз в аккурат после окончания стрельбы – время событий удалось более-менее точно определить благодаря показаниям жителей Чулимихи, поселка, который ныне стал окраиной города.

Клевахин повздыхал, сокрушенно качая головой, и достал из сейфа вещдоки – найденные на кладбище сумку и зажигалку.

Вещи были старые, таких теперь днем с огнем не сыщешь. Разве что на чердаке какого-нибудь столетнего частного дома. Подобные сумки, настолько помнил майор, носили почтальоны его детства, в начале шестидесятых. С этой обращались бережно, не раз и не два чинили. Скорее всего, она могла быть семейной реликвией. Судя по длине ремня, хозяин сумки не отличался высоким ростом. А что касается зажигалки, то она и вовсе оказалась раритетом – серебряная, с красивым орнаментом и немецким имперским орлом, который некогда держал в лапах свастику; теперь на ее месте был припаян диск размером со старую двухкопеечную монету. На нем виднелась гравировка – "1941– 45". Похоже, хозяин этой трофейной вещицы дошел с боями до Берлина. Решил потряхнуть стариной и самотужки разобраться с сатанистами? Вряд ли – в его-то годы...

Отпечатки пальцев, снятые с зажигалки, ничего не дали – "клиент" по картотеке не проходил. Кто он, где его искать? Этот человек – идеальный свидетель (если не принимать во внимание странные наклонности анархиста-бомбометателя). Установлено, что он находился на кладбище в одно время со снайпером – по примятой траве и сломанным веткам. Мало того, служебно-розыскной пес взял след горе-террориста, который привел кинолога с напарником на окраину Чулимихи, к шоссе, где и потерялся, развеянный автомобильными колесами. Уехал на собственной машине? Ее можно было припарковать гораздо ближе к кладбищу, чтобы зазря ноги не бить...

Клевахин в расстроенных чувствах зашвырнул вещи обратно в сейф. Пора на похороны. Где этот сукин сын Тюлькин!?

Глава 4. Логово

"Рыть! Нужно еще рыть!" – думал в раздражении Базуль, осматривая тайный подземный ход. Он тянулся от коттеджа к реке и имел два выхода на поверхность: один в лесу, замаскированный пнем, который служил крышкой люка, а второй находился в заброшенном и полуразрушенном лесничестве, в подвале. Но Базулю этого казалось мало. Он хотел вывести ход в крохотную пещерку на крутом речном берегу, вымытую в плотной глине весенними паводками. Она была хорошо замаскирована от нескромных глаз обнаженными корневищами и вьющимися растениями. В пещере Базуль намеревался держать наготове скоростной катер – на всякий случай. Как шутил один из его старых приятелей по зоне, ныне жмурик, жизнь вора – что пулеметная лента, только набита не патронами, а случаями. Покойник имел возможность проверить на собственной шкуре свой афоризм, когда не послушал совета осторожного Базуля и, приторговывая наркотой, случайно перешел дорожку чеченскому авторитету...

Лифт, тихо шурша и поскрипывая, поднялся к кабинету вора "в законе". В коттедже было пять этажей, из них два – под землей. Лифт до конца не опускался, потому что самый нижний подвальный этаж, разбитый на отсеки, являлся хорошо замаскированным тайным бункером, где Базуль хранил деньги и другие ценности; отсюда начинался и подземный ход.

Свой кабинет Базуль любил. Он был огромным и занимал большую часть второго этажа. Отделанный ценными породами дерева, обставленный очень дорогой офисной мебелью – не

модерновой итальянской, слепленной на живую нитку из фанерованной деревостружечной плиты, а массивной, солидной, изготовленной за границей по спецзаказу, с резьбой и инкрустациями – кабинет грел его душу и добавлял значимости. Сидя в кожаном кресле с высокой спинкой, Базуль, насквозь прагматик и циник, нередко предавался мечтаниям – будто ему было не шестьдесят с хвостиком, а по крайней мере шестнадцать. Ему представлялось, что он достиг вершины власти, и шестерки с депутатскими значками и министерскими портфелями ждут в приемной, потев от страха и раболепия. Под окнами стоит караул, но не тот, в ватниках и с автоматами наизготовку, к которому он привык в зоне усиленного режима, а в парадной форме, с аксельбантами и хромированными карабинами, и чтобы старшой с саблей... блеск!

Власти у него и теперь хватало. Денег тоже. Уважение? На кой оно ему? Можно подумать, что государственные мужи пользуются любовью и почтением сограждан. Они только делают вид, выпендриваясь перед телекамерами, будто выступают от имени народа, не чающего в них души. Никому они не нужны и людям мочиться на них с высокой колокольни. Только абсолютный идиот может думать поиному. А при всем том, паханов от политики дураками назвать никак нельзя.

На самом деле крохотным и закрытым мирком власть имущих правят деньги. И страх. Но какой-нибудь большой начальник боится скорее не за свою жизнь, а за то, что он плохо сыграет или вообще провалит свою роль, и его же бывшие подчиненные будут смеяться над ним и плевать ему на лысину.

В последние два-три года Базуль не находил себе места от червя, пожирающего остатки здравого смысла.

Он копошился где-то внутри черепной коробки, лишая покоя и уверенности в себе. А все началось с одного сна, который потом повторялся в разных вариациях много раз.

Ему приснилась тайга. Странная какая-то, не похожая на ту, что он помнил: низкие багровые тучи, черные листья на деревьях, а на болотцах вместо воды лед. И это летом – он почему-то был уверен, что на дворе июль. Тайга безмолвна и неподвижна, будто нарисована. Ни единого звука или шороха. Но впечатление нереальности происходящего обманчиво; он знал, что убегает, как это было не раз во время "ходок" в зону, но по его следу идут не лагерные попки,^[3] а какое-то чудовище, ужас в рафинированном виде во плоти. Он бежит изо всех сил – даже не бежит, а летит, едва касаясь босыми ногами обжигающе-холодной ледяной корки и почему-то покрытых колючками болотных кочек – однако страшилище за спиной настигает его медленно и неотвратимо. Он пытается закричать, позвать на помощь, хотя ему понятно, что это глупо – кого встретишь в таежной глухомани? – но язык не слушается, а вылетающие изо рта бессмысленные звуки тут же тают, растворяясь в недвижимом и вязком, как патока, воздухе. Вот он уже слышит зловонное дыхание чудовища за плечами и в отчаянии делает рывок на пределе сил. Но ноги не слушаются, они будто ватные, и тогда ему почему-то приходят на память детские сны, в которых он летал.

Взмолившись неизвестно кому, он подпрыгивает вверх и – о благословенное чудо! – начинает парить над тайгой, поднимаясь все выше и выше. Однако радость избавления длится недолго: скорость подъема резко уменьшается, он зависает в сотне метров над землей, а затем стремительно падает. И теперь навстречу ему летят уже не кудрявые и с виду мягкие шапки деревьев, а остроконечные скалы. Но даже не их он боится, а того мутно-серого завихрения, что ждет его внизу. Там, в глубине воздушного омота, чернеет голова чудовища с раскрытой пастью; вот оно показало огромные клыки... земля все ближе и ближе... воздух вдруг становится горячим, будто от костра... чувствуя, как внутри закипает кровь и начинает рваться от невыносимого ужаса сердце, он кричит, и этот вопль наконец пробивает плотный воздушный заслон и небесным громом звучит над скалами, руша их и кроша в пыль. И это было последним, что привиделось ему в кошмарном сне...

Базуль никогда не был мнительным. Но этот сон почему-то задел его за живое. А когда он начал повторяться в разных вариациях, он не выдержал и пошел к гадалке, считавшейся в городе лучшей. Пошел тайком от своих присных, даже без охраны, правда, вооружившись до зубов.

Старая ведьма долго раскидывала карты, смотрела на линии рук, и в конце концов проямлила что-то об ожидающем его богатстве и процветании. В городе Базуль был личностью хорошо известной, а потому гадалка вполне могла знать, кто он на самом деле, хотя для визита старый и хитрый вор "в законе" оделся поплотнее. Но он не занял бы высокое положение среди себе подобных без основательных практических познаний в области человеческой психологии. А потому, внимательно наблюдая за процессом гадания, заметил как старая гримза, разглядывая карточный пасьянс, изменилась в лице. Похоже, она просто чего-то испугалась. Но чего именно? Он не задал этот вопрос, так как понимал, что правды от гадалки ждать трудно.

Ей ведь тоже хочется сладко есть и мягко спать, а если она начнет говорить своим клиентам что попало, то ее просто будут обходить стороной – кому приятно при всей этой суматошной и неустроенной жизни узнать о своих похороненных надеждах на лучшее?

Базуль промолчал, однако кое-что намотал на ус. С той поры он усилил личную охрану и начал рыть подземный ход, чтобы вовремя смайнать в случае чего.

И все равно зуд беспокойства не оставлял его ни на миг. Не помогали ни шустрые девицы, готовые за деньги выполнить любое его желание, ни очень дорогие французские коньяки, к которым он был охоч, ни поездки на престижные заграничные курорты. Обычно на людях уравновешенный, он временами терял над собой контроль, и тогда доставалось всем – и правым, и виноватым. Встреч с ним стали избегать не только мелкая шушера, но и серьезные люди, его приятели. Он стал опасно непредсказуем, и это обстоятельство тревожило не только его лично, но и тех, кто доверил ему место "положенца"[4] и воровскую казну – "общак"...

– Вызови ко мне Балагулу, – бросил Базуль, проходя мимо стола секретаря-референта Шатохи. – Срочно! – предупредил он вопрос своего наперсника.

Базулю было хорошо известно, что в это время его ближайший помощник Балагула занимается весьма важным делом – выясняет обстоятельства гибели на чулимихском кладбище Сенчука и парней из его бригады. Но сейчас вопрос строительства подземного хода к речному обрыву казался Базулю гораздо важнее, нежели смерть трех придурков, непонятно из каких соображений попершихся среди ночи на кладбище. Так им и нужно, этим уродам. Хорошая наука для других.

Не хрен болтаться неизвестно где и без приказа. А если бы они срочно понадобились для дела? Где тогда их искать среди ночи?

Балагула приехал через два часа. Коттедж Базуля находился в тридцати километрах от города, в лесном массиве на берегу неширокой, но глубокой реки. Территорию земельного отвода окружал забор трехметровой высоты.

Помощник Базуля ростом не отличался. Бывший борец, он был даже не квадратным, а кубическим. На мощном торсе торчала тоже похожая на куб со слизанными гранями коротко стриженная голова без шеи; сломанные ушные раковины, глаза – оловянные пуговицы и нос картошкой делали облик помощника "положенца" пусть и не уродливым, но достаточно впечатляющим; особенно для тех, кто имел несчастье стать у него на пути. Начав с примитивного рэкета, Балагула за четыре года "дорос" до ранга одного из главных мафиозных заправил города. Чувство страха ему было не присуще вовсе; временами он казался просто отмороженным и тупым, как бык. Но это была только видимость. На самом

деле кубический котелок Балагулы варил почище профессорского. В совковский период он закончил политехнический институт и после завершения борцовской карьеры (а он выступал за спортобщество "Динамо") успел довольно успешно поработать около трех лет опером в угрозыске.

– Где тебя носит!? – набросился на него заждавшийся Базуль.

– Говорил с ребятами... – коротко ответил Балагула, не потрудившись объяснить поподробней.

Базуль только зубами скрипнул – твою мать!.. Ну и времена настали: вору "в законе" приходится тереться бок о бок с бывшим мусором. Скажи ему лет десять назад кто-либо в зоне о таком раскладе, он лично перегрыз бы горло тому наглomu паршивцу.

Старый вор, конечно, понял, кого имел ввиду Балагула – у бывшего опера в ментовке осталось немало корешей, готовых по старой дружбе помочь практически в любом вопросе, касающемся их работы.

Конечно, далеко не бесплатно – полуголодные легавые цену себе знали, на мелочи не разменивались. А не заплатишь, сколько положено – могут заодно и руку отхватить по локоть. Потому Базуль не скарעדничал, отваливал "зелень" по полной программе.

– Найди бригаду проходчиков, – сразу приступил к делу старый вор.

– Снова?.. – удивился бывший борец.

– Не твоего ума дело! – отрезал Базуль. – Найди – и точка.

О подземном ходе знали только Шатоха и Балагула. Правда, им не было известно куда он ведет – "положенец" хорошо усвоил известное правило, что береженого Бог бережет. Надзор над рабочими Базуль осуществлял лично, в забой не имели права спускаться ни его ближайшие помощники, ни охрана. Особенно тщательно следил "положенец" за установкой в подземном ходе секретных запирающих устройств на железных дверях.

– Нет проблем, – примирительно кивнул Балагула.

Базуль был единственным человеком, к которому бывший опер испытывал чувства, отдаленно похожие на уважение и чинопочитание. Он не забывал, что Базуль некогда отмазал его от тюрьги; а Балагуле тогда светило как минимум пять лет.

– Через три дня, – требовательно добавил "положенец".

– О чем базар... – буркнул немногословный Балагула.

– А теперь расскажи, что ты там накопал в своей уголовке.

Балагула кисло поморщился, но смолчал. Он не любил, когда ему напоминали о милицейском прошлом.

– Ну! – поторопил несколько медлительного помощника вор в законе.

– Темная история... – Балагула достал свой блокнот; записей в общепринятом смысле слова он не вел, лишь процарапывал, как курица лапой, только ему одному понятные значки, напоминающие стенографию. – Но стрелял профессионал.

– О чем базарит Вата?

– Мои парни его поспрашивали, но он несет черт знает что. Вату потянул на Чулимиху сам

Череп. Зачем? – тот не сказал. Вата и Калган поначалу дальше забора нос не совали – им было приказано гнать в шею всех, кто попытается проникнуть на кладбище без специального пропуска...

– Что это за пропуск? – перебил Балагулу его босс.

– Куриная лапка.

– Чего-о!? – Базуль даже рот открыл от изумления.

– Так сказал Вата.

– Во бля! Совсем офигел народ.

– Это точно, – согласился Балагула. – Когда внутри кладбищенской территории началась стрельба, они начали искать снайпера...

– По своей инициативе? – недоверчиво спросил вор в законе. – На них это не похоже.

– Там были охранники Кирюхина. И не только. Но остальных Вата не знает.

– Значит, Вата и Калган проявили героизм за компанию... – хмуро осклабился Базуль.

– Да, так оно и есть. Они там кого-то ловили, стреляли куда попало, бегали туда-сюда по кладбищу... – в общем делали шум и пускали пыль в глаза тем, кого охраняли. Тогда еще Вата не знал, что Череп откинул копыта.

– Ну, а его-то кто так поковырял?

– Тут Вата несет совершенную ахинею. Он рассказывает о каком звере, огромном чудовище, которое едва не сожрало их с потрохами. Конечно, все его рассказы – чушь, бред сивой кобылы. Но то, что эта неведомая зверюга завалила троих – факт. Пожевала и выплюнула.

– Ты сам видел? – почему-то встревожился Базуль.

– Зачем? – пожал плечами Балагула. – Мне показывали заключение медэксперта.

– А, ну да... – вор в законе почувствовал, как в голове снова зашевелился колючий червь, было уснувший с приходом Балагулы. – Странно все это.

– Странно... – словно эхо откликнулся его помощник.

– Кто из ментов ведет это дело?

– Штымп.

– А-а, этот... – Базуль грязно выругался. – Еще живой... пес легавый.

Балагула едва сдержался, чтобы ехидно не улыбнуться. Штымп два раза отправлял вора "в законе" по этапу, и "положенец", несмотря на нынешнее солидное положение, никак не мог забыть сколько неприятностей доставил ему в прошлом невзрачный с виду мент по прозвищу Простак.

– Он настоящий профи, – буркнул, опуская голову, Балагула. – Таких теперь в уголковке раз, два – и обчелся.

Штымп раскопает это дело, можно не сомневаться.

– А нужно ли?

– Вам видней. Но, думаю, нам стоит узнать на всякий случай, кто так мастерски, да еще в темноте, уложил наповал Опришко и Кирюхина, при этом сумев обмануть их весьма неплохую охрану и убраться подобрупоздорову.

– Это точно, узнать стоит... – Базуль остро прищурился. – Но будет лучше, если мы этого снайпера достанем раньше, чем Штымп. Кладбищенское дело держи на контроле. Сумеешь?

– Постараюсь.

– И еще одно – нужно спрашивать охранников Кирюхина. Может, им известно больше, чем Вате. Выверни их наизнанку, но узнай, кто был на кладбище и что они там делали. Не исключено, что Череп ссучился и работал на другого хозяина. Если это так, то мы должны вычислить кто под нас копает.

– Я так думаю, что Черепа грохнули не случайно и вовсе не за компанию с другими, – Балагула был очень серьезен.

– Объясни, – потребовал Базуль.

– Опришко – темная лошадка, его бизнес – молотить языком. Он устроился советчиком какого-то партийного босса, а заодно, пользуясь связями с вице-премьером, подрабатывал как юристконсульт в двух или трех совместных предприятиях. Он не та фигура, на которую стоило тратить пулю. Кирюхин тоже особо не светился, ни у кого не путался под ногами и имел надежную "крышу". Претензий к нему, кроме нас, по идее, никто предъявить не мог. И вам известно, почему мы оставили его "Абрис" в покое – Кирюхин шел в одной связке с мэром, а вы с ним дружите. Верно?

– Свой мужик, – подтвердил Балагула.

– Вот и выходит, что неизвестный снайпер мог охотиться именно за Черепом. А остальных прихлопнул за компанию, чтобы запутать следы.

– Чушь! – фыркнул Балагула. – Череп – шестерка. Никто, ничто и звать никак.

– Напрасно вы так думаете. Череп держал центральный район города, а туда сходятся все нити. Он еще два года назад пытался стать самостоятельным, но мы его вовремя поставили на место. Однако, я не думаю, что Череп так быстро и легко отказался от своей затеи. У него под рукой было около сотни бойцов, а это большая сила. Ни один наш бригадир не может похвастаться такой гвардией, как у Черепа.

– Возможно, возможно... – Базуль задумался. – И что ты предлагаешь?

– Ну, во-первых, найти толковую замену Черепу. Это должен быть наш человек на все сто процентов. Пока его парни ждут вашего решения. Среди них уже есть кандидаты, но солидный авторитет не просматривается. А во-вторых, нужно выяснить где Череп "наследил". И если мои предположения верны, мы узнаем откуда растут ноги всей этой кладбищенской истории.

– Мудро, – похвалил старый вор своего помощника. – Так и действуй...

Базуль никогда не ставил телегу впереди лошади, а потому в серьезные моменты запихивал свое "я" куда подальше и всегда слушался толковых советов. Балагулу он недолюбливал – в основном за ментовское прошлое и за то, что бывший борец не прошел тюремную школу – но все равно приблизил и отдавал должное его уму и смекалке.

– А землекопов ты мне доставь. И как можно скорее, – еще раз напомнил он Балагуле, когда тот направился к выходу.

– Записал... – постучал себя по лбу коротким узловатым пальцем помощник вора в законе.

После ухода Балагулы "положенец" налил стопку коньяка и врасстяжку выпил. Горячая волна пробежала по старческим жилам, подхлестнув воображение. Чудовище на кладбище... Уж не из его ли сна? Может, это предупреждение свыше?

Базулю вдруг стало страшно. Вата! Он должен лично расспросить Вату! Выжать из этого ублюдка все, что он там видел.

Базуль дрожащей рукой нажал кнопку вызова секретаря-референта.

Глава 5. Дела житейские

Старик сидел в просторной застекленной лоджии и строгал острым ножом липовую чурку. Ему очень повезло, что в однокомнатной квартире была такая обширная дополнительная жилплощадь. Не мыслящий себя без какого-нибудь труда, он устроил на лоджии столярную мастерскую, где и проводил все свое свободное время. А его у старика было больше чем достаточно.

На первых порах, когда он перебрался в город, денег ему вполне хватало. Прожив всю жизнь бирюком, в тайге, он относился к сберкассам недоверчиво. Потому хранил скопленные рубли в шкатулке под половицей, а затем, когда грянула перестройка и народ вздохнул свободней, он проявил неожиданную для таежного затворника житейскую мудрость, обменяв свои накопления на американские доллары. Их хватило и на покупку жилья, и на мебель, и на городскую одежду.

Однако, спустя год, старик с некоторым недоумением и даже страхом отметил, что его неприкосновенный валютный запас тает со скоростью весеннего снега. Конечно, ему платили пенсию, но эти жалкие гроши уходили на оплату счетов за квартиру и разные услуги. В еде он был неприхотлив, а питался, как воробей: съел крошку – и сыт. И все равно пачка долларов продолжала истончаться.

Тогда старик начал искать работу. Он и сейчас нередко вспоминал эти поиски с чувством омерзения. На него смотрели как на прокаженного. Старик долго не мог понять, почему. И только когда однажды один достаточно прямой и откровенный бизнесмен сказал "Дед, ты извини, но у нас даже сторожами работают молодые кандидаты наук", он все понял. Годы, проклятые годы... Не говоря больше ни слова, он выдернул из современной вешалки металлическую трубку толщиной в палец и на глазах директора и сотрудников фирмы, потерявших от изумления дар речи, легко завязал ее в узел.

Больше старик попыток найти работу не делал. Он решил зарабатывать на жизнь по-иному. В долгие зимние вечера, когда тайга кряхтела под натиском мороза, старик от безделья мастерил деревянные игрушки. По весне, когда заканчивался паводок, он садился в лодку и плыл в ближайший поселок, где одаривал любовно сработанными изделиями всех желающих, а в особенности детвору.

Дело поначалу продвигалось туго. Он мог просидеть на рынке со своими деревяшками целый день и не продать ни одной. Но однажды его надоумили устроиться возле центральной гостиницы, где обычно останавливались иностранцы. И впервые за время проживания в

городе старик был счастлив – игрушки неожиданно пошли нарасхват.

С той поры денежных проблем у него не было. Старик постепенно повышал свое мастерство, и вскоре начал изготавливать такие высокохудожественные резные блюда и панно, что к нему выстроилась очередь заказчиков – как иностранцев, так и "новых русских". Теперь на Подкову – так прозвали самый бойкий толчок в центре города – он выходил редко, в основном чтобы пообщаться с приятелями-торговцами.

Сегодня он поднялся очень рано. Похоже, даже Грей удивился, когда хозяин вывел его на прогулку ни свет, ни заря. Старика что-то томило еще с вечера, и теперь он с удивлением прислушивался к своему возбужденному состоянию, которое появлялось у него лишь в тайге, во время охоты. Но это было так давно, что старик успел запомнить тот удивительный настрой, буквально брызжащий энергией и непонятной щенячьей радостью. Чтобы хоть как-то унять внутренний жар, старик не стал завтракать и сразу, без раскачки, сел за работу. Однако, он не решился заканчивать очередной заказ – резную колонну, постамент для бюста – из-за боязни напортачить. Покопавшись в заготовках, он нашел липовый чурбан и начал строгать, как папа Карло, что-то похожее на Буратино. Работа спорилась, и вскоре в руках озадаченного своей странной фантазией старика появилась женская фигурка. Он никогда прежде не брался за скульптуру (ну разве что строгал Петрушек или каких-нибудь смешных уродцев), справедливо полагая, что без соответствующих знаний не стоит соваться в высокое искусство. Но в это воскресное утро старик словно получил откуда-то заряд вдохновения, подвигнувший его на столь непростое дело. И с удивлением обнаружил, что у него кое-что получается.

Тем не менее, заканчивать работу он не стал. На верстаке так и осталась стоять некая безликая женщина в какой-то странной одежде, похожей на одеяние древнегреческих матрон. Он изобразил ее в движении, с протянутыми вперед руками, будто она в полном отчаянии кого-то звала.

Старик, глядя на свое творение, долго сидел в задумчивости, не решаясь приступить к финишной отделке складок одежды и проработке мелких деталей. Что-то мешало ему взяться за резец – некий тревожный импульс, вызывающий беспокойство и непривычное волнение.

Наконец, не в силах справиться с охватившим его возбуждением, старик переоделся в чистое и вышел из дома. Ему почему-то срочно захотелось очутиться среди толпы, чтобы растворить в людском водовороте нежданно посетившие его сомнения и непонятные предчувствия...

Подкова бурлила. Когда старик начинал свой "бизнес", толчок был диким, неупорядоченным.

Всевозможные товары, в том числе и продовольственные, валялись прямо на земле, на разнокалиберных и разномастных подстилках. Буйное племя мелких коробейников ссорилось из-за фартовых мест едва не каждый день, как стайка воробьев за хлебную корку. Доходило и до драк. Старик в таких стычках участия не принимал; обычно он приходил позже, чем все остальные, и занимал свой квадратный метр асфальта где придется. Наверное, потому и сумел сохранить со всеми торговцами пусть не дружеские, но ровные и уважительные отношения. Он понимал, что отнюдь не страсть к наживе выгнала на улицы города этих уже далеко не молодых людей. Они из всех своих оставшихся сил пытались выжить в том вселенском бедламе, что обрушился на их седые головы под закат жизни. Старик на собственной шкуре испытал, какими нечеловеческими усилиями достаются уличным торговцам их нищенские гроши. Ведь работать нужно в любую погоду, и никому нет никакого дела, что в слякоть у тебя ноют кости, от мороза не греют и две фуфайки, а в летнюю жару тебе вообще нельзя сидеть на солнцепеке, потому как зашкаливает давление.

Теперь на Подкове все было по-иному. Асфальт расчертили на квадраты, торговцев

заставили разложить товары на переносных столиках, некоторые разжились даже легкими палатками и яркими разноцветными тентами. Толчок стал гораздо чище, ухоженной и солидней, чем в прежние времена.

Но была и другая, теневая, сторона всей этой чинности. Если раньше, на заре "капитализации", товар принадлежал самим продавцам, то сейчас почти все они были на поднаиме у крепких коротко остриженных парней, которыми руководил какой-то Череп.

Первым, кого увидел старик еще на подходе к Подкове, был Гуга, полунищий, полуюродивый. Правда, старику казалось, что тот просто косит под придурка – чтобы не платить дань крутолобым "быкам" и милиции. Его били, сгоняли с места, сажали в каталажку – не на долго, для острастки – даже пытались воткнуть в психушку (но там Гугу не приняли, посчитав чересчур буйным – кому нужны лишние неприятности?), однако он оказался твердым и несгибаемым, словно какой-нибудь революционер-народоволец. Помучившись с ним полгода, и та, и другая власть махнули на Гугу рукой и оставили в покое.

Так Гуга стал, пожалуй, единственным городским нищим, оставшимся вне поля зрения всех подпольных и официальных мздоимцев.

– Палыч! – вскричал Гуга, радостно скаля крупные зубы. – Пгишол! Д-давно не видегись...

В отличие от других нищих, Гуга был одет в достаточно чистую, хотя и изрядно поношенную одежду. И все равно ему подавали больше всех. Наверное, он пользовался популярностью, как своего рода живая достопримечательность Подковы. А возможно, прохожих привлекали его огромные голубые глаза, в которых навечно застыло выражение детской наивности и непосредственности.

Поздоровавшись с Гугой, старик вручил ему резную деревянную чашку для подаяний – подарок на день рождения. Он не знал точно какого числа произошло это событие, но месяц помнил. Взволнованный до слез нищий еще долго что-то лепетал вслед, прижимая к впалой груди любовно сработанную вещицу.

– Палыч, привет! – здоровенная бабища, которую звали Грачихой, с такой силой трянула его руку, что старик поторопился выдернуть ее из широко потной ладони торговки, вполне обоснованно опасаясь возможности стать временно нетрудоспособным. – Ты мне обещал блюдо? – она сразу взяла Егора Павловича на арапа. – Обещал! Где блюдо? – это слово она произносила с ударением на последнем слог. – Не боись, я заплачу. Но, конечно, в пределах...

Грачиха трещала без умолку. От ее грубого звучного голоса временами в ушах закладывало. Старик готов был бесплатно отдать Грачихе блюдо, если бы оно у него имелось. И тем не менее он не торопился распрощаться – эта гром-баба была ходячим сундуком новостей Подковы и ее окрестностей. -... Вчерась что было, что было! – Теперь вместо руки Грачиха схватила Егора Павловича за отворот куртки, будто опасаясь, что он сбежит. – Понаехало всяких ментов – страсть сколько. И омовцы, и налоговая полиция, и еще какие-то... Трясли нас, как дурак не созревшие груши. Искали левую водку. Закон новый вышел, чтобы продукт был с этим... сер-ти-фи-ка-том, – слово она произнесла по слогам и с явным отвращением. – И чтобы продавался только в магазинах. Во гады! У трудового народа последнюю копейку отбирают. На жвачках да "сникерсах" и на хлеб не заработаешь. Мало им, пидорам, что с наших сберкнижек деньги заначили, они хотят еще и по миру всех пустить... – тут Грачиха так круто завернула, что от ее матерка даже вспорхнули воробы, до этого бесстрашно сновавшие едва не под ногами у прохожих.

– Ну да... – согласно кивал головой старик.

– Где правду искать!? – горестно, с подвыванием, спрашивала Грачиха не только у Егора

Павловича, но и в окружающих, большей частью коллег по бизнесу.

Те с пониманием вздыхали.

– Так ведь Подкова сейчас под этой... как ее? – да, "крышей". Насколько я знаю, Череп обещал, что вас никто не будет трогать.

– Как же! – снова возопила Грачиха. – Защитничек, курва его мама! Эти говнюки только языком трепать горазды и ребра ломать задохликам, когда пятеро на одного. Но как доходит до дела, так сразу в кусты. Им главное с нас бабки содрать, а там хоть трава не расти. Те, что стоят у руля, тоже хороши. Как власть меняется, сразу о нас вспоминают. И совсем не для того, чтобы помочь, а в очередной раз по нашим карманам пошарить и вытрусить последнюю копейку.

– Что, опять в верхах перемены?

– Не опять, а снова. Неужто, телек не смотришь и газет не читаешь? Ну ты даешь, Палыч. Они там сцепились, как наши городские бомжи на паперти за кулич в пасхальный день. Только перья летят.

Коммунисты прут на демократов, те мутузят каких-то правых, а эти в свою очередь зубами щелкают на левых. Но как по мне, так они на одно лицо и совсем недавно общую титьку сосали. Все наши главари – бывшие партийцы, а значит хриstopродавцы.

– Ты бы потише, Кузьминична. Неровен час...

– Во им всем! – Грачиха сложила свои толстые пальцы в кукиш и покрутила перед носом у шарахнувшегося от неожиданности покупателя. – Извините, гражданин, это я не вам, – мгновенно сменив тон, заискивающе сказала она. – Ушел. Обиделся. Интеллигент хренов... – Грачиха задумчиво посмотрела на свой кулак, все еще изображающий фигу, и с видимым сожалением распрямила ладонь. – Другие времена сейчас, Палыч.

Хватит, натерпелись... этих... культов личностей.

Грачиха продолжала трепаться, но Егор Павлович вдруг будто стал глухим. Его внимание привлекла еще не старая, но изможденная и какая-то усталая женщина с выразительным, очень симпатичным лицом. Она приютилась со своим немудреным товаром (сигаретами, жевательной резинкой, шоколадными батончиками и прочей стандартной для Подковы импортной дребеденью) на самом неудобном и не прибыльном месте – в тупичке, куда заходили лишь очень большие любители поспоняться по торговым рядам, в основном от безденежья и безделья, чтобы поглазеть и поглотить голодные слюнки. Женщина стояла, прислонившись к ветхому заборчику-временке, прикрывающему гору строительного мусора перед реставрируемым старинным особняком – городские власти, следуя веяниям времени, облагораживали и украшали центр.

– Это новенькая, – поймала взгляд старика Грачиха. – Белая кость. Ни черта не умеет. Все чего-то стесняется.

Ее за цену спрашивают, а она глаз на покупателя не поднимет, что-то бормочет совсем непонятное.

– По-моему, ей плохо, – прервал старик монолог Грачихи.

– Не-а, – авторитетно ответила она. – Она все время такая... как с креста снятая. Смотрит прямо на тебя – и ничего не видит. И все шепчет что-то, шепчет... Может, у нее того?.. – Грачиха покрутила пальцем у виска.

– Да не суди сам... – коротко отрезал Егор Павлович, не спуская глаз со странной женщины.

Старик уже почти не сомневался, что с нею происходит что-то неладное. Судорожно вцепившись рукой за забор, она пыталась поглубже вдохнуть воздух. Ее бледно-восковое лицо начало сереть на глазах. Отметив, что она едва держится на ногах, Егор Павлович, неожиданно даже для самого себя, рванул в направлении тупичка с почти юношеской прытью.

Он подоспел вовремя – женщина сложилась, как перочинный ножик, и начала сползать на землю. Старик подхватил обеспамятевшую на руки, и, мимолетно удивившись легкости ее тела, позвал:

– Кузьминична! Поди сюда...

Грачиха прикатила, как боевая машина пехоты – расшвыривая зазевавшихся и подминая все, что неправильно лежало.

– Мамочки... – охнула она и помогла Егору Павловичу уложить женщину на ящики с не мнущимся товаром, которые любезно предоставили соседи больной.

Впрочем, попробовали бы они заочевряться... В личном составе Подковы таких смельчаков, способных хотя бы перекричать Грачиху, пока не числилось.

– Кузьминична, звони в "Скорую", – тоном, не терпящим возражений, сказал старик.

– Она еще жива? – только и спросила Грачиха уже на ходу.

– Надеюсь...

Пульс у женщины едва прощупывался, а ее тело, несмотря на одежду, казалось излучало ледяной холод...

Врач "Скорой помощи", еще молодой, но уже битый малый, был немногословен:

– Похоже на голодный обморок. Но не будем рисковать. Диагноз уточним в больнице. В машину ее.

– В какую больницу повезете? – спросил старик.

– В дежурную. – Врач глядел на Егора Павловича искоса, с каким-то странным выражением.

– А именно?

– Вы кто ей будете, родственник? – в свою очередь задал вопрос врач.

– Какая разница, – грубо ответил старик, чувствуя, что начинает закипать практически без причины.

– Сегодня дежурит пятая, – врач немного стусевался.

– Держи, – Егор Павлович незаметно для окружающих всучил ему пятидесятидолларовую бумажку. – Доставьте эту женщину в семнадцатую.

– Нет проблем, – врач заговорщицки подмигнул.

– И проследи, чтобы ей предоставили палату получше. Понял? Лично проследи.

– Считайте, что уже все в ажуре.

Парень в белом халате сиял – он не выдержал и украдкой подсмотрел, что там за дензнак сунул ему в руку этот странный гражданин...

Старику было известно, что в пятую городскую больницу обычно свозят если и не бомжей, то людей без копейки в кармане – точно. Ни питание – ежедневный жиденький супчик и каша-размазня – ни палаты на десять-двенадцать человек с холодным туалетом в конце длинного, как собачья песня, коридора не способствовали скорому выздоровлению несчастных, волею рока угодивших в этот кладбищенский предбанник.

Семнадцатая больница считалась элитной. Попадали в нее в основном по благу или за взятку, что в общем одно и то же. И только редким счастливицам "из народа" удавалось проскользнуть через густое сито приемного покоя семнадцатой – в основном "благодаря" какой-нибудь трагической случайности и с подачи службы "Скорой помощи". Потому как в бывшей партийной лечебнице, не в пример остальным заведениям подобного рода, и аппаратура соответствовала духу времени, и палаты напоминали двухместные гостиничные номера, и кормили по первому разряду – возможно, не совсем изысканно, но сытно и до отвала.

"Скорая" умчалась, а Егор Павлович, напрочь проигнорировав намерение Грачихи продолжить так внезапно прервавшуюся беседу, поторопился направить свои стопы домой. Теперь он уже точно знал, чье лицо получит неоконченная скульптура, дожидаящаяся его на верстаке.

Сидя в полупустом трамвае, непривычно возбужденный старик вдруг унесся мыслями в далекое прошлое.

Вспомнилось...

Отступление 1. Зона Сиблага,[5] 1948 год.

Короткое таежное лето неторопливо сдавало свои полномочия сухой солнечной осени. На дворе стояла та благословенная пора, которую в средней полосе России называют "бабьим летом"; но с одним отличием – календарь показывал всего лишь конец августа. Таежный кордон постепенно покрывался недолговечной позолотой, река вдруг стала черно-прозрачной, открывая как человеческому, так и звериному взору всю свою глубину, до самого дна, где мельтешили рыбки косячки. Несмотря на внешнее спокойствие и жаркое, почти летнее томление, пульс тайги бился лихорадочно быстро, все ускоряя и ускоряя свой ритм по мере приближения холодов. Вся летающая, бегающая и плавающая живность торопилась нагулять жирок перед долгой зимой...

Детеныш рыси визжал и царапался, будто в него вселился сам бес. Подросток нашел звереныша в дупле сосны, что росла над распадком у скал. Похоже, его несчастная мать попала в медвежьи лапы – юный охотник наткнулся возле речного переката на пятна свежей крови и клочья рысей шерсти. Он даже подозревал, кто задрал самку. В этом районе околачивался старый злобный медведь, которого отец подростка прозвал Кощею. Из-за преклонных лет зверь охотился редко и почти всегда неудачно. А потому он больше налегал на грибы, ягоды и рыбу. И свои охотничьи уголья защищал с не меньшей ретивостью и яростью, чем его сказочный тезка сундук, где хранилось яйцо с иголкой, несущей Кощею смерть.

– Егорша! Егор-орша-а! Завтракать...

Голос матери заставил подростка закончить сражение с непокорным зверенышем быстро и решительно: больно щелкнув его по носу, он зашвырнул на мгновение ослепшего и потерявшего ориентацию малыша в клетку и тщательно запер за ним решетчатую дверку.

– Нашел себе забаву... – ворчала мать, накладывая в миску пшенной каши. – В прошлом году волчонка с перебитой лапой выхаживал, нынче с рысью возится. А между прочим скоро дети в школу пойдут, – тут она бросила осуждающий взгляд в сторону невозмутимо орудующего деревянной ложкой отца.

– Ну дак... это... – отец смущенно опустил глаза.

Он чувствовал себя виноватым еще с той поры, когда согласился стать егерем на северном кордоне заказника. Ближайшая деревня – а значит и школа – находилась на расстоянии в полсотни верст, но до нее можно было добраться более-менее свободно лишь по зимнику. Так и остался бы Егорша неучем, не случись счастливой оказии. Один из учителей, бывший политический зэк и ссыльнопоселенец, наконец отрубил свои двадцать пять и ему позволили выехать в центральную часть страны. Он и оставил отцу Егорши, с которым был в дружеских отношениях, всю свою, достаточно большую, как по сибирским меркам, библиотеку – около пятидесяти книг – в том числе и учебники. И теперь подросток грыз гранит науки самостоятельно, лишь изредка наезжая в деревенскую школу для консультаций и чтобы сдать экзамены. Учеба давалась ему легко, но Егорше гораздо больше нравилось бродить с ружьем по тайге. Из-за этого ему доставалось от матери почти каждый день.

– Так я пойду... – Егорша вопросительно смотрел на отца.

– Ну, в общем, чего ж... – кивнул тот в знак согласия, старательно избегая встретиться взглядом с женой.

– Опять!? – возмутилась мать. – Сколько можно без толку шляться по тайге? Сено еще в валках, дрова на зиму не напилены...

– Зима скоро... – угрюмо бубнил отец.

– Так и я об этом. Пусть лучше делом каким-нибудь займется.

– Тепло уходит. Последние деньки... – долдонил свое егерь. – В тайге сейчас красиво. А заодно и солонцы по оленьим кормушкам разложит.

– Тебя не переспоришь, – мать хлопнула в сердцах дверью и пошла доить корову.

Отец с хитринкой подмигнул Егорше, и подросток помчался, сломя голову, собирать походный вещмешок...

Сегодня ему позволили взять с собой не только выдавшую виды берданку, но и охотничьего пса, которого звали Лешак. Он мало походил на привычную подругу таежника-промысловика шуструю и жизнерадостную лайку. Скорее наоборот – Лешак всеми своими повадками и замашками был вылитый волк, только имел более темный окрас, широкую грудь и неподвижные, почти немигающие глаза. Весьма серьезные глаза.

Иногда Егорше становилось даже немного жутковато, когда он ловил на себе взгляд Лешака. Но при всем том пес не имел себе равных по части охоты на любую дичь – от пернатых до копытных. Особенно хорошо Лешак брал свежий след. Верховое чутье у него было развито слабее, и временами Егорше казалось, что псом руководит не столько отменно развитый нюх, а элементарный жизненный опыт. С Лешаком обычно охотился отец. С ним он совершал и служебные обходы подведомственной ему территории. Егорша брал в тайгу Белку, очень старую лайку, засыпающую едва не на ходу. Чтобы подбодрить ее и вынудить работать, подросток пускался на разные хитрости, в том числе и подмешивал в питье немного водки. У них был еще один пес, Рыжик, но ему только исполнилось восемь месяцев и он занимался в основном тем, что путался под ногами и совершал мелкие собачьи пакости.

Егорша вышел за пределы заказника возле Чертовых ворот – двух столбообразных скал, между которыми бежал бурный ручей. Самое интересное заключалось в том, что ручей вытекал прямо из горы в двухстах метрах от Чертовых ворот, и почти сразу же за ними исчезал, проваливаясь в бездонный колодец. Это место было конечным пунктом подростка. Еще совсем недавно натиравший плечи, а теперь освобожденный от похожих на крупную белую гальку солонцов вещевой мешок стал подстилкой, и Егорша, блаженно щурясь на неяркое солнце, заглядывающее под древесную крону, стал жадно есть свой обед – кусок ржаного хлеба, сало, лук, запивая молоком прямо из старинной литровой бутылки с какими-то вензелями на темнокоричневом стекле. Лешак лежал чуть поодаль, делая вид, что его вовсе не интересуют гастрономические упражнения молодого хозяина. Он был приучен получать свой основной паек вечером или в конце охоты.

Неожиданно Лешак резко встал. Егорша с недоумением посмотрел в его сторону – и поразился перемене, произошедшей прямо на глазах. Еще минуту назад пес мирно подремывал, а теперь он был как туго натянутая струна. Время от времени беззвучно обнажая достаточно внушительные клыки, Лешак не отрываясь глядел на едва приметную тропинку, по которой они совсем недавно вышли к Чертовым воротам.

– Что там, Лешак? – встревожено спросил Егорша, будто пес мог говорить.

Лешак повернул свою лобастую голову к подростку только на миг. Но и этого было достаточно, чтобы испугаться – в налитых кровью глазах пса полыхала свирепость дикого зверя.

И только теперь Егорша наконец услышал то, что заставило подняться верного пса.

По тропинке шли люди. Похоже, они были не приучены ходить в тайге, а потому все их ухищрения не делать лишнего шума пропадали зря. Сколько их было, Егорша определить не мог, но и посчитать при личной встрече не торопился. Он родился на кордоне и с молоком матери впитал простую истину: самый опасный в тайге зверь – человек.

Подросток, подозвав шепотом пса, поторопился скрыться в кустарнике.

Спустя десять-пятнадцать минут к Чертовым воротам стали походить одетые в серое люди. Их оказалось четверо. По крайней мере, столько сумел насчитать Егорша. Присмотревшись к ним, подросток почувствовал непреодолимое желание вскочить на ноги и улепетывать отсюда, куда глаза глядят. Это были беглые заключенные. И в руках они держали оружие.

Егорша знал, что неподалеку от заказника находится лагерь особого режима. Неподалеку – это между деревней и их домом-сторожкой. Он не раз видел такие же серые невыразительные тени за колючей проволокой, когда ездил вместе с отцом в район. И ему всегда было страшно.

К счастью, беглые зэки не стали устраивать привал на удобной площадке у Чертовых ворот. Они обошли скалы слева и углубились в практически не тронутую топором лесоруба тайгу.

С трудом сдерживая себя, чтобы немедленно не дать деру, Егорша стоически подождал минут пять – вдруг вернуться? – а затем сначала ползком, потом на карачках добрался до спуска в распадок, где, как он знал, была еще одна удобная тропа. Через три часа подросток уже подходил к своему дому. ...Странно, подумал Егорша. Он не мог понять, что именно представляется ему странным, но едва показались знакомые ворота и забор, его сердце вдруг больно сжалось и трепыхнулось словно чирокподранок.

На Егоршин зов никто не откликнулся. Недоумевая, подросток медленно поднялся по ступенькам на крыльцо – и резко остановился, будто его хватил столбняк. Справа от входной двери на скомканном коврик лежал Рыжик. Ему чем-то тяжелым размозжили голову.

Несмотря на молодость, пес вступил в схватку и даже успел выдрать приличный клочок из одежды убийц, прежде чем его достала безжалостная рука.

Плохо соображая, что делает, Егорша поднял пса на руки и отнес к колодцу. Куда запропастился Лешак?

Беспомощно потоптавшись возле замшелого сруба, подросток наконец заметил его возле сарая – там, где находилась поленница и колода для рубки дров. Подняв голову к закатному небу, Лешак тихо и тоскливо выводил одну-единственную ноту.

Егорша подошел поближе. И почувствовал, что теряет сознание – возле колоды в луже крови лежало то, что осталось от его родителей. Рядом с телами валялось и оружие садистского убийства – топор с широким лезвием на длинной ручке...

Подросток очнулся ночью. Возле него сидел Лешак и облизывал лицо теплым бархатистым языком.

Стараясь не упасть от непонятной слабости, Егорша нашел в сарае фонарь "Летучая мышь" и лопату.

Могилы он выкопал на пригорке, под старой сосной, где любили сживать отец и мать по весне. На зорьке, завернув тела в чистую холстину, Егорша предал их земле. Он будто закаменел. Даже слезы изливались где-то внутри, а наружу никак не могли прорваться через заледенелые глаза. Аккуратно подровняв могильные холмики, он положил на них по свежей сосновой ветке и все так же обстоятельно и без особой спешки занялся хозяйскими делами: подоил корову, покормил свиней, кур и маленькую рысь, зарыл на опушке Рыжика и Белку, которую зарезали ножом. Подложив домашней живности побольше кормов, Егорша стал собираться. Он понимал, что путь будет не близким, а потому старался предусмотреть все, что только возможно.

Егорша знал, кто убил его родителей: мертвый Рыжик держал в зубах серый лоскут от эковской одежды.

Подросток был уверен, что это были те четверо, которых он видел возле Чертовых ворот. Они забрали карабин, мелкокалиберку и боеприпасы к ним. А также подмели подчистую муку, сало, соль, сахар, чай и спички. Но это обстоятельство Егоршу не беспокоило – у него был личный НЗ, спрятанный на чердаке сарая: старая отцовская зажигалка, запас снаряженных патронов к берданке, кусок вяленой медвежатины, сухари, соль и катушка ниток с иглой. Такой недетской запасливости он научился у отца, фронтового снайпера. У него тоже была сумка с провиантом и боеприпасами – чтобы не тратить время на сборы, случись что-нибудь срочное.

Прежде чем уйти в тайгу, Егорша сел за стол и на чистом тетрадном листке, который считался в семье едва не драгоценностью, написал записку. Он знал, что беглых эков ищут, а потому не исключено, что военные заглянут и в сторожку егеря. Подросток скупко описал смерть отца и матери, предупредил, что теперь беглецы вооружены, и указал направление, куда они ушли.

Да, он мог бы пойти за подмогой в воинскую часть, охраняющую лагерь. Но Егорша понимал, что беглые бандиты не будут ждать, пока их догонят. И он знал, почему эки выбрали именно этот маршрут: еще никогда и никто не пытался бежать в сторону полярного круга. На такое могли решиться разве что умалишенные. Потому беглецов на северном кордоне заказника пока и не искали.

Но мальчику было известно от отца и другое. Примерно в сорока километрах от Чертовых ворот есть удобный перевал, ведущий в следующую речную долину. Стоит беглецам его

преодолеть, а затем на плоту сплавиться вниз по течению – и тогда найти убийц родителей будет просто невозможно. Похоже, кто-то из бандитов проведал о перевале, а возможно был родом из этих мест.

Впрочем, мысль обратиться за помощью мелькнула бледной тенью и сразу же исчезла, уступив место холодной ненависти к убийцам. Он должен сам, лично с ними разобраться! В свои неполных шестнадцать Егорша уже охотился на медведя, мог "прочитать" любой таежный след. Он совершенно не сомневался, что разыщет убийц. Просто нужно поторопиться выйти на тропу, ведущую к Чертовым воротам...

Лешак, понюхав вырванный Рыжиком из эковской униформы клочок, взял след цепко и сразу. Егорша не стал сдерживать его злобный порыв и, отпустив поводок, побежал за псом не быстро, но ходко, стараясь не сбить дыхание.

Над тайгой занимался тревожный фиолетовый рассвет.

Глава 6. Мазел[6]

Сегодня Клевахин должен был встретиться со своим агентом. Так майор величал платного осведомителя, хотя его коллеги обычно называли таких людей стукачами. Он, конечно, публично не возражал против подобного определения и сам частенько употреблял это словцо в рабочей обстановке, однако тот, к кому он шел на встречу, был уникалом и вполне заслужил более обтекаемой, солидной формулировки своей весьма специфической специальности.

Когда-то, давным-давно, агент попал на зубок молодому оперу Клевахину по совершенно пустяшной причине. Тогда будущему высококлассному стукачу можно было "навесить" год, максимум два, и то если хорошо постараться. Но Клевахин никогда не отличался повышенной кровожадностью, а потому, поразмыслив, решил для собственной же пользы спустить дело на тормозах. Очень уж понравился ему разбитной и ушлый татарчонок с ухватками блатного и башкой студента юрфака. Впрочем, в парне татарской крови было не более трети, однако она как раз и инициировала ту гремучую смесь, что гуляла в жилах невысокого чернявого юнца с шальными карими глазами и великолепной "битловой" прической.

Удивительно, но на вербовку парень пошел со странной легкостью и даже, как показалось Клевахину, с радостью. Чем и вызвал некоторые опасения со стороны молодого опера. Однако Мазел (этот оперативный псевдоним татарчонок выбрал себе сам, удивив Клевахина до полного изумления) вскоре доказал, что ему просто нет цены.

Опер Клевахин по взаимной договоренности старался не допытываться откуда Мазел черпает богатейшую информацию о преступном мире города и даже его окрестностей. Никогда он не пробовал и спустить на Мазела наружку, чтобы проследить в каких слоях общества тот вращается. Этот вопрос тоже был оговорен в своеобразном устном контракте между опером и агентом. По слухам и по сведениям из других источников Мазел слыл карточным шулером, занимался фарцовкой и сбывал краденные драгоценности – толкать ворованные шмотки он считал ниже своего достоинства. Короче говоря, в преступной среде он был своим, многократно проверенным человеком, но ни разу не присевшим на тюремные нары, что по воровским понятиям все же значительно снижало его вес среди себе подобных.

Тем не менее Мазел вовсе не стремился завоевать авторитет таким образом и действовал тихой сапой не менее эффективно, чем если бы он вращался внутри какой-нибудь воровской

кодлы. К оперу Клевахиному за помощью он обращался редко и в основном, как на первый взгляд, по мелочам (хотя потом, по здравому размышлению, приходилось смущенно чесать себе затылок – эти "мелочи" иногда оказывались существенной частью какого-нибудь фартового для Мазела плана), достаточно скромные деньги за свой труд информатора брал охотно, но с ехидными смешочками. И Клевахин знал почему – Мазел почти каждый день играл в карты по крупному, когда на кону стояли тысячи, и пусть удача не всегда ночевала в его кармане, тем не менее еще в эпоху "развитого социализма" он ездил на весьма престижной по тем временам "волжанке" и нередко позволял себе смотаться самолетом на ужин в самый дорогой ресторан Сочи. Правда, машина была записана на родственника, дачу он снимал у какого-то академика, получившего во время игры в преферанс от Мазела восемь взяток на мизере, а вояжировал по югам с ксивой на чужое имя. Наверное, его вполне устраивало такое положение вещей, потому как Мазел никогда не жаловался на жизнь и достаточно честно выполнял просьбы Клевахина раскопать тот или иной интересный фактик из жизни городского "дна", необходимый оперу для раскрутки очередного дела. Майор подозревал, что Мазел представляет собой достаточно редкий человеческий тип, не мыслящий жизнь без риска и острых ощущений и ради этого готовый сыграть в карты под интерес с самим дьяволом.

В период бурной "капитализации" Мазел не стал, как многие из ему приятелей и знакомых, заниматься рэкетом, щеголять набитым "зеленью" портмоне, носить килограммовую золотую цепь на шее и разъезжать на шестисотом "мерсе". Он вел достаточно скромный образ жизни – правда, на заграничные курорты всетаки наведывался – по-прежнему поигрывал в картишки и по сведениям, дошедшим до Клевахина через пятые руки, потихоньку призраивал свои (не очень большие) капиталы в зарубежные банки. Чем сейчас Мазел занимался конкретно, никто не знал. Майор не без оснований подозревал, что его агент подрабатывает консультантом по разным щекотливым вопросам приватизации городской недвижимости – благодаря преферансу Мазел был на короткой ноге и с "отцами" города, и с нынешними народными депутатами всех уровней. Впрочем, консультант с эзопового языка "новых" русских переводился как посредник...

Конспиративная квартира, где Клевахин встречался со своим стукачом, была полностью в авантюрном стиле Мазела. Кто бы мог подумать, что в подлежащем реставрации купеческом доме, который одной стороной примыкал к Аракчеевским баням, а другой выходил на Лубки – старый микрорайон, представляющий из себя хаотическое скопление бывших купеческих лабазов, приспособленных под жилье, и сталинских барачков – есть прекрасный сухой подвал, имеющий несколько запасных выходов. Что в нем было раньше, не знал ни сам майор, ни его ушлый информатор. История также умалчивает от кого и когда Мазел узнал о подвале. Да это и не было важно. Главное заключалось в том, что подвальное помещение оказалось со всех точек зрения идеальным местом для тайных свиданий двух достаточно известных в городе людей. Клевахин проникал в подвал из отдельного кабинета в Аракчеевских банях – там находилась хитрая дверь, которая как будто была наглухо заколочена, а на самом деле открывалась специальным ключом и вела в каморку с люком в полу, через который можно было спуститься в подземный коридор. Мазел приходил на встречу с Лубков. Он решил проблему конспирации просто и эффективно – взял и купил квартиру в одном из купеческих лабазов, облагороженных снаружи красивой декоративной штукатуркой, но с удобствами во дворе. Там тоже был подвал с грудой пустых винных бочек, скрывающих начало хода к подземелью купеческого особняка. Естественно, квартира была записана на какого-то бомжа и почти всегда пустовала, а Мазел, появляясь в районе Лубков, вместо элегантного костюма от Версачи надевал клифт[7] от Бутырок.

Мазел пришел раньше. Напевая себе под нос что-то из репертуара современных бардов воровской зоны, он сноровисто накрывал на стол, над которым висела массивная бронзовая люстра. Кроме стола, в комнате без окон находился диван, два кресла, четыре стула, буфет с посудой, книжный шкаф, под завязку набитый приключенческой литературой, телевизор,

переносной радиоприемник, холодильник, электроплитка и калорифер. На полу лежало ковровое покрытие, а стены Мазел – Рифат оклеил обоями. Две железные двери сейфового типа, которые и пушкой не прошибешь, и вполне современная вентиляционная система органически дополняли интерьер похожей на комфортабельное бомбоубежище конспиративной квартиры, обставленной стараниями информатора-романтика. При необходимости здесь можно было отсиживаться хоть до нового потопы.

– Леща кидаешь? – с иронией спросил майор, критическим взглядом окинув гастрономическое изобилие, расставленное и разложенное на чистой льняной скатерти: шведская водка, армянский коньяк, немецкое пиво, салями, черная икра, лимон, консервированные крабы, маслины, семга и еще не менее десятка баночек с иностранными наклейками.

– Обижаете, гражданин начальник, – широко улыбнулся Мазел. – У меня, может быть, сегодня день ангела.

Так что не побрезгуйте за компанию...

– Ну? – удивился майор. – И сколько тебе стукнуло?

– Тридцать четыре года, три месяца и шесть дней, – Мазел с трагическим видом разлил по стопкам коньяк. – Где мои шестнадцать...

– Сукин ты сын... – Клевахин с деланным осуждением покачал головой, но отказываться от угощения не стал – в кои то веки обломилось сытно поесть на дармовщину; выпив одним махом, крякнул, морщась пожевал лимонную дольку, и, нимало не смущаясь, подцепил на вилку самый большой кусок семги.

– За что вас уважаю, Николай Иванович, так это за человечность... – Мазел пил мелкими глоточками, не без фрайерской манерности держа рюмку в тонких и длинных, как у пианиста, пальцах. – Разве мог бы кто-нибудь другой из вашей конторы так деликатно и по-джентельменски относиться к своему визави?

– Издалека начинаешь, Рифат...

– Да, вас на мякине не проведешь, – улыбнулся в тоненькую ниточку усов Мазел. – Ладно, скажу прямо. Я хочу завязать.

Майор будто и не услышал слов информатора. Он выпил еще рюмку и жевал бутерброд с икрой, меланхолично разглядывая картину на стене напротив. Мазел купил ее на какой-то распродаже и радовался, как пацан, плясь на голую женщину, почему-то нарисованную разобранной на части и разложенную в огромной салатнице вместе с овощами.

– Хочу завязать, – упрямо повторил Рифат.

– Потому и начал меня расхваливать? Я так дешево не покупаюсь.

– Вы хотите сказать, что мне от вас не отделаться до конца своих дней? А как же наш уговор?

– Это было так давно, что почти неправда... – буркнул Клевахин.

– Вот именно – давно. И я уже совсем не тот наивный мальчик, которого вы так лихо взяли на цугундер, что он опомнился только через пятнадцать лет. Николай Иванович, мне и впрямь пора свалить с вашей телеги.

Если я где-нибудь проколуюсь, меня не просто по быстрому заркоут в землю, но перед этим

медленномедленно разрежут на мелкие кусочки и постараются, чтобы я был при памяти до конца экзекуции.

– А разве раньше в случае засветки было бы иначе?

– Ну вы сказали... – Мазел тарашился на майора как на экспонат из музея восковых фигур. – В советские времена одна половина населения страны стучала на другую и наоборот – кто по принуждению, а кто, так сказать, из любви к искусству. И мой грех на общем фоне был не больше песчинки на склоне бархана. Ну перевели бы в зоне, попадись я туда, в разряд сук[8] – что с того?

– И то правда... Однако, я хотел бы знать истинную причину, побудившую тебя принять такое решение.

Мазел замялся. Он виновато опустил глаза и торопливо налил в высокий фужер водки. На этот раз Рифат не стал изображать из себя цивилизованного европейца – выпил шведский "Абсолют" одним глотком и понюхал ржаную корку.

– Под вас начали копать. Притом без дураков.

– Сногшибательная новость... – ухмыльнулся Клевахин. – Сколько я помню себя в уголовном розыске, под меня рыли всегда. Чего только ни было: пытались дать взятку мечеными купюрами, подставляли проститутку, прослушивали телефон, устанавливали в квартире "жучки", предлагали "волгу" вне очереди, а однажды хотели пришить политику. Как видишь, я жив-здоров и до сих пор ношу погоны.

– Вот только звезд на них маловато, – ехидно подколот его Мазел. – Все, кто начинал с вами, давно уже носят полковничьи папахи, а кое-кто разжился и штанами с лампасами.

– Я не карьерист. И никогда не любил протирать брюки в мягких креслах. А совесть свою не поменяю ни на какие коврижки, не говоря уже о звездах и генеральских подштанниках.

– Не сердитесь, Николай Иванович, – примирительно сказал Рифат, доливая в рюмку Клевахина. – Я не хотел вас обидеть.

– А я и не сержусь. Меня больше волнует твоя очередная блажь.

– Это вовсе не блажь, а всего лишь вполне нормальный человеческий инстинкт самосохранения. Я ведь не самоубийца.

– Неужто все настолько плохо? – теперь уже Клевахин встревожился.

– Я не знаю, что там за дело вы раскручиваете, но большим людям не нравится, каким макаром это делается.

Вы наткнулись на что-то очень серьезное, наверное, почище политики, и, судя по разговорам среди моих знакомых из городского бомонда, ведете себя совершенно неуправляемо. А раз они так заговорили, значит против вас или уже идет контригра, или готовится нечто нестандартное и весьма неприятное. Что в нынешние времена заканчивается печально. При советской власти вам бы дали по шапке и выперли из органов, а сейчас просто-напросто бросят под каток и закатают в асфальт. И мне совсем не хотелось бы чалиться[9] вместе с вами.

– Понятно. Своя рубаха ближе к телу.

– Не нужно иронизировать, Николай Иванович. Я всего лишь не желаю терять то скромное благополучие, которого мне удалось достичь немалыми усилиями и за достаточно большой

срок. Каждый человек имеет право выбора...

– Верно. Ты выбрал мягкие перины и по утрам кофе в постель... вместе со служанкой. Нет, нет, я не осуждаю. Каждому свое. И ни в коей мере не хочу завербовать в свою веру. Но не может ли случиться так, как уже не раз бывало, что ты опять прискачешь ко мне на полусогнутых просить помощи? В которой, кстати, я никогда не отказывал. И если ты думаешь, что тебе помогут твои дружки из "новых" русских или представители власть предержащих, то глубоко заблуждаешься. Им плевать не только на тебя, но и вообще на все кругом.

– Возможно и так. Но я все равно уже сделал выбор и от своего не отступлю.

– А ты не боишься, что я через пятые руки передам твоим корешам маляву[10] с описанием заслуг Мазела на ниве сотрудничества с уголовным розыском?

– Вы так не поступите, Николай Иванович... – загорелое лицо Рифата вдруг пошло красными пятнами. – Это... подло и совсем на вас не похоже.

– Что верно, то верно, – согласился Клевахин. – Я своих не сдаю. А тебя – тем более. Раз ты так решил – будь по-твоему. Но у меня есть просьба. Не переживай – последняя. Надеюсь, я заслужил на некоторое снисхождение? Вот-вот... Согласен? Тогда скажи, что тебе известно о разборке на кладбище?

– Ах, так вот откуда ветер дует... – у Мазела округлились глаза. – Это дело ведете вы?

– Ну да. Тебя что-то смущает?

– Еще как смущает. Мои, как вы их обозвали, дружки места не находят, когда заходит речь о чулимихском кладбище.

– Как ты думаешь, почему?

Рифат скривился, будто ему в рот попала полынь. Видно было, что информатору очень не хочется обсуждать эту тему.

– Мы договорились, – напомнил ему Клевахин.

– Да, договорились... положить голову в пасть льву. Вдруг повезет, и он не перегрызет нам шею.

– Ну, предположим, наши государственные мужи больше похожи на шакалов, чем на львов. Правда, кусают они тоже достаточно больно.

– Мне ли не знать... – многозначительно буркнул Рифат.

– Вот-вот... Так что колись, дружок.

– Ладно... – Мазел тяжело вздохнул. – Надеюсь, мои откровения не выйдут мне боком.

– Я тоже, – серьезно сказал майор.

– Вы уже, наверное, знаете, кто был на кладбище...

– Примерно. К сожалению, не всех и не поименно.

– В этом вопросе я вам тоже не смогу помочь. Большая тайна. Но все же главное мне известно. Где-то года два назад в городе появился весьма странный – чтобы не сказать больше – субъект. И вскоре стал вхож в так называемое "высшее" общество, куда абы кого не

подпускают и на пушечный выстрел. Дальше – больше.

Этот таинственный незнакомец создал что-то наподобие секты сатанистов. Знаю, что на свои собрания сектанты – или как они там себя называют – идут будто на праздник.

– Только мужчины?

– И бабы тоже. По слухам, они колются и курят какую-то травку, а после трахаются словно кролики – кто кого сгрэб, тот того и... В общем, понятно. Групповуха.

– Всего лишь? Подумаешь, новость. В нынешние времена такие сборища называются "клубами по интересам".

– Возможно и так. Но ни в одном "клубе по интересам" не устраиваются оргии с человеческими жертвоприношениями.

– Даже так? А ты это откуда знаешь?

– От верблюда, – огрызнулся Мазел. – Мои источники – это мои источники. И ничьи больше. Так мы всегда работали.

– Ладно, о чем базар... – вынужден был согласиться Клевахин, хотя ему всегда хотелось познакомиться с этими "источниками" поближе.

– Так вот, раз в год – а может и чаще – они приносят в жертву своему божеству младенца или девственницу.

Потом причащаются кровью.

– Это уже что-то...

– Да уж. Сплошной криминал, "мокруха" в чистом виде. Но самое главное то, что на сборища секты ходят такие люди... – Рифат подкатил глаза под лоб. – И они не хотят, как мне теперь стало ясно, чтобы вы суетились у них под ногами. Вот и делайте вывод.

– Сделаю, – с угрозой пообещал Клевахин. – Это мои проблемы. Ты лучше скажи, где я могу найти главу секты. Мне почему-то страсть как захотелось перекинуться с ним парой словечек.

– Николай Иванович! – возопил Рифат. – Вы, конечно, мент, но ей Богу я вам только добра желаю. Он вас сотрет в порошок. Сразу и бесповоротно.

– Рифат, адрес...

– Товарищ майор!

– Адрес!

– Хорошо, будь по-вашему, – покорно кивнул Мазел. – Я снимаю с себя всякую ответственность. И хочу еще раз напомнить – это наша последняя беседа.

– Я бы не был столь категоричен.

– Николай Иванович, вы обещали!

– Конечно, обещал. Отпущу тебя с миром. Но не раньше, чем закончу "кладбищенское" дело. Не волнуйся, я не буду требовать от тебя невозможного. Будешь работать как диктофон – на запись. Слухи, сплетни и прочая. Короче – кто, куда, чем, кому и за что. Никакой активности, а

тем боле, уж коль у нас противник такой серьезный, личной инициативы.

– Но...

– Рифат, подчеркиваю – я не требую, я прошу. Ты можешь, конечно, послать меня подальше или просто потянуть резину. И все же я на тебя надеюсь. Больше не на кого.

– Ну вы меня дожали. Твою дивизию!.. Вот так всегда я в дураках оказываюсь. Ладно, ладно, куда денешься, помогу.

– Вот и ладушки. Так где обретается этот монстр, глава секты?

– Он купил дом у бывшего мэра.

– У Смидовича? У того, что за границу смайнал?

– У его жены, с которой бывший мэр в фиктивном разводе.

– Так это не дом, а целый дворец. Сколько там этажей, четыре?

– И два подземных.

– Где деньги, Зин... – словами песни ответил Клевахин. – Откуда у прислужника дьявола столько "зелени"?

Особняк мэра, я думаю, тянет не меньше чем на миллион долларов. Занятная личность этот таинственный приспешник нечистой силы.

– Говорят, что ему помогли. Кто? Сие покрыто мраком неизвестности.

– Да-а... Всюду один мрак. И жуть, – майор остро прищурился. – Так говоришь, кое-кто не хочет, чтобы я путался под ногами? Хе-хе... А что же мне лично они ничего не говорят?

– Мне намекали, что им, как говорится, и хочется, и колется, и мамка не велит. Они мечтают, чтобы менты подали им неизвестного снайпера на тарелочке с голубой каемочкой, и в то же время вели его поиск в строго заданном направлении, не шарахаясь со стороны в сторону.

– Ну, батеньки, так не бывает. Если они не полные идиоты, то должны знать, что отрабатывается несколько версий, а значит опер – в данном случае я – просто обязан ходить кругами как пушкинский кот под дубом.

– На цепи, – ухмыльнулся Мазел.

– А вот это уж дудки. У них в нашей конторе и без меня хватает цепных псов.

– Это обстоятельство меня всегда беспокоило.

– И зря. Моими стараниями ты законспирирован почище Штирлица. Своих секретных агентов я берегу как зеницу ока.

Клевахин не погрешил против истины. Он и впрямь никогда и никому не разглашал установочные данные Рифата. Конечно, у него были трения с бухгалтерией, когда приходило время финансового отчета, но Клевахин стойчески терпел наезды начальства и скрывал истинное имя Мазела с поистине иезуитской хитростью.

– Будем надеяться... – с сомнением буркнул Рифат.

– Будем, – бодро ответил майор и указал на бутылку "Абсолюта": – Плесни, именинник.

Гулять так гулять.

Мазел не заставил себя долго упрашивать...

Клевахин потихоньку "расслаблялся", благодушно ухмыляясь, однако мыслями был далеко и от балагурившего Рифата, и от тайного конспиративного убежища. Несмотря на внешнюю невозмутимость, на душе у него скребли кошки. "Кладбищенское" дело постепенно превращалось в западню, куда он влез с подачи Бузыкина, а теперь из-за своего упрямства не только заползал в нее все глубже и глубже, но и был уже готов полностью отрезать пути к отступлению.

Глава 7. Плохие новости

День начался – хуже не придумаешь. Едва "положенец" проснулся, как нарисовался секретарь-референт Шатоха и молча положил на тумбочку возле кровати приглашение на похороны вора "в законе" Сандро. Он держал соседний город и был другом Базуля. Его застрелили прямо в сауне, где старый кореш оттягивался с профурсетками. Вместе с Сандро киллеры положили и двух телохранителей.

Кто!? Этот вопрос, как топор палача, давно висел над сообществом воров "в законе". За последний год их погибло больше двух десятков, и не было видно конца и края хорошо продуманному и организованному отстрелу авторитетов. А то, что за всем этим кровавым урожаем стоит какая-то таинственная и могущественная сила, не сомневался даже такой недоверчивый прагматик как Базуль. Слухи ходили разные: и что подобными делами занимаются сами правоохранительные органы, и что при президенте с подачи начальника его охраны сформирован отряд ликвидаторов, и что отставные офицеры различных спецслужб основали тайную организацию "Белые стрелы", которая по-своему исправляла ошибки практически разваленной и насквозь коррумпированной судебной системы. Однако, домыслы никак не подтверждались фактами. Киллеры были неуловимы, а те, что изредка все же попадались, оказывались наемниками конкурентов. Получался замкнутый круг, и никакие деньги не могли приоткрыть завесу над загадочными и нередко казалось бы совершенно немотивированными убийствами.

Базуль долго вертел в руках кусочек глянцевого картона с позолотой и жирными траурными буквами, решая сложную проблему – ехать завтра на похороны Сандро или сказать больным? Дорога не близкая, свыше сотни километров, и кто может поручиться за то, что в каком-нибудь чахломе лесочке не шваркнут по его "мерсу" из подствольного гранатомета, а то и хреновиной покруче. "Положенец" почти не сомневался, что в его близком окружении есть "крот" – тайный соглядатай или сообщества "коллег" по криминальному бизнесу, или (а это гораздо хуже) службы безопасности. Если по части ментуры Базуль особо не волновался – в органах внутренних дел у него было все схвачено – то касаясь бывшего КГБ у вора "в законе" имелись некоторые опасения. И он мог дать рубль за сто, что стоит ему только выехать за ворота особняка, как тут же весточка стукача-подпольщика выпорхнет наружу со скоростью, которая гораздо выше нежели у шестисотого "мерседеса".

Так ничего толком и не решив, Базуль выматерился от души и, кое-как умывшись, пошел в столовую, где съел лишь сухарик и выпил большую чашку крепкого кофе. После завтрака, приказав Шатохе вызвать для доклада своего помощника Балагулу, он направился в личный питомник, где нанятые им тренеры-кинологи занимались выращиванием и обучением боевых псов.

Собачьи бои захватили его четыре года назад и теперь стали всепоглощающей страстью,

которая не шла ни в какое сравнение ни с картами, ни с рулеткой, ни даже с анонизмом, которым Базуль начал увлекаться после своей первой ходки на зону.

Тренер стравливал шестимесячных щенков. Он привязал их друг против друга, не давая сцепиться, и положил между ними кость с мясом. Доведенные до бешенства молодые псы с пеной у рта грызли землю; на них было страшно смотреть.

– Смотри, не загуби псов, – с угрозой сказал Базуль кинологу. – Они мне таких бабок стоили, что не хочется вспоминать.

– Что вы, Федор Лукич, – тренер побледнел. – Как можно... Но – извините, конечно – иначе нельзя.

Таким образом развивается злоба.

– Да, злоба... это хорошо... – бросил Базуль; но скорее своим мыслям, нежели в ответ на слова тренера. – Как там мое новое приобретение?

– Акита-ину?[11] – тренер облегченно перевел дух.

– Ну...

– Тренируем на хватку.

– Покажи, – оживился Базуль.

Тренер подвел его к травильной яме – собачьему рингу, представляющему собой ровную площадку размером пять на пять метров с хорошо подогнанным деревянным полом и бортиками высотой около метра.

Там уже находился крупный восьмимесячный щенок акита-ину – несмотря на возраст, настоящий зверь с крупной головой и мощными челюстями. Он как раз сражался с кошкой, у которой были обрезаны когти.

Помощник тренера, захваченный перипетиями поединка, не заметил, что подошел Базуль, а когда тот буркнул приветствие, едва не свалился в яму от неожиданности.

Щенок, будто поняв, что за ним наблюдает сам хозяин, злобно рявкнул и, изловчившись, одним мощным движением перекусил кошке позвоночник.

– Черт! – выругался тренер. – Ты куда смотришь!? – налетел он на помощника. – Пес должен хватать противника за горло. Понял!?

– Так ведь... это... – помощник, молодой парень, едва не плакал и так обескураженный присутствием Базуля.

– Помолчи, – приказал тренер и в сердцах оттолкнул его от ямы. – Давай еще одну кошку. Пусть щенок учится работать как надо.

– Постой, – остановил его Базуль. – Хватит ему давить кроликов и полудохлых кошек. Выпускай в яму дворняжку.

– Извините... дворняжку ставить на ринг в наморднике? – тренер спросил едва не шепотом.

– Какого хрена!? – вдруг взорвался "положенец". – Ты готовишь мне боевого пса или диванную принадлежность? Пусть сразятся клык на клык. Посмотрим, стоит ли он той "зелени", которую я отвалил япошкам как с куста.

– Но дворняга уже давно не щенок, в расцвете сил... – попытался было возразить тренер.

– Вот и хорошо, – упрямо боднул головой Базуль. – Трудности закаляют не только человека, как нам вбивали в башку советские борзописцы, но и собаку. Поторопись...

Дворняга вовсе не выглядела испуганной, когда очутилась в одном из углов ринга и увидела рвущегося из рук тренера акита-ину. Боевой пес, раззадоренный легкой победой над кошкой, в ярости царапал когтями пол и брызгал слюной. Несмотря на молодость, акита-ину выглядел устрашающе.

Однако видавшего виды бродячего пса (а его точно отловили где-нибудь на помойке, исходя из внешнего облика) смутить было не просто. Наверное, он понимал, что наступил его последний час, или по крайней мере догадывался на уровне подсознания, именуемого в животном мире инстинктом самосохранения, но ему много раз приходилось сражаться за свою жизнь, а потому ценил он ее, возможно, чуть дороже вкусной и свежей сахарной кости. Базуль даже почувствовал легкое беспокойство, поймав взгляд дворняги – отрешенный, немигающий, без показной злости, однако острый и тяжелый. Таких взглядов он насмотрелся на зоне, когда по этапу пригоняли очередную партию имеющих не одну "ходку" урок, готовых отстаивать свои права до последнего вздоха.

Бой начался с неожиданности. Акита-ину, освободившись от цепких рук тренера, налетел на дворнягу как ураган. Казалось, что его квадратные челюсти вмиг перегрызут шею тощего поджарого пса со свалывшейся грязной шерстью. Но бродяга даже не подумал сдаться на милость холеного иностранца. Не ввязался он и в бой на встречных курсах. В последний момент, когда акита-ину уже готов был всей своей массой обрушиться на хлипкого по сравнению с ним пса, тот с немыслимой резвостью отскочил в сторону и, нимало не смущаясь разности положений, весьма больно и до крови укусил щенка за бок. Акита-ину на какой-то миг даже опешил, но, понукаемый командами тренера, снова кинулся на противника. И опять дворняжка не стала испытывать судьбу в силовом противостоянии: едва боевой пес повторил атаку, бродяга развернулся... и бросился бежать, прижимаясь поближе к бортикам ямы!

Несколько секунд на помосте ринга бушевал шерстяной смерч – псы бегали друг за другом с такой скоростью, что временами трудно было определить кто есть кто. Акита-ину в злобном отчаянии пытался схватить дворнягу хотя бы за хвост, но умный бродяга поджал его, и щенок лишь в ярости щелкал зубами, иногда выхватывая клочок шерсти с крупа противника.

И вдруг все мгновенно изменилось: едва акита-ину в очередной раз замешкался на повороте, как дворняжка с отчаянной смелостью смертника молниеносно отпрыгнула к центру ринга, таким образом обеспечив себе более удобную позицию, и по-бульдोजьи вцепилась щенку в горло.

Тренер всполошено ахнул и полез было через бортик в яму, чтобы разнять собак. Но Базуль зыркнул на него так выразительно, что бедолага сразу же застыл как вкопанный.

Теперь акита-ину уже метался по рингу совсем по другой причине – он хотел освободиться от захвата бродяги, который прилип к нему словно клещ. Ему было и больно, и, наверное, обидно – так опростоволоситься! Конечно, зубы дворняжки не шли ни в какое сравнение с внушительными клыками боевых псов и самое большее, что она могла сделать, так это всего лишь ранить противника и то не очень сильно. Но врожденная гордость породистого акита-ину требовала достойного отмщения, и щенок буквально взбесился от временного бессилья.

– Нужно кончать бой, – умоляюще сказал тренер. – Акита-ину может перегореть, и тогда он уже будет не в состоянии работать на ринге.

– Вот, значит, какой ты специалист... – глаза Базуля побелели от с трудом сдерживаемой ярости. – Ладно, поговорим позже. А сейчас делай то, что нужно.

Он резко повернулся, намереваясь уйти. Но тут же остановился, будто что-то вспомнил.

– Дворнягу покорми и отпусти, – сказал он, тяжело роняя слова. – Она заработала себе право на жизнь...

Нет, день и впрямь был испорчен едва начавшись. Базуль прошел в свой кабинет даже не глянув на ставшего по стойке "смирно" Шатоху. "Положенец" интуитивно чувствовал, что это только цветочки и что сегодня можно ждать любых, самых неприятных, сюрпризов.

Дождаясь Балагулы, старый вор "в законе" почему-то подумал о своем секретаре-референте. Шатоха закончил институт иностранных языков и благодаря связям высокопоставленного папаши попал за границу в одну из африканских стран переводчиком торгпредства. Где и как он прокололся, не знал никто. Даже сам Базуль – той историйке, что Шатоха сплел, нанимаясь на работу, не поверил ни "положенец", ни Балагула.

Да это и не суть важно. Главным было то, что Шатоха отторчал в зоне три года от звонка до звонка, при этом умудрившись не ссучиться, и ко всему прочему знал четыре языка и очень даже неплохо разбирался в тонкостях международного бизнеса. Секретарь-референт принадлежал к породе молчунов, чем нередко раздражал Базуля, любившего потрепаться в кругу сподвижников. Тем не менее, "положенец" отдавал должное его уму и феноменальной памяти, приводящих в изумление всех, кто сталкивался с Шатохой.

И все же крохотный червячок сомнения постоянно шевелился где-то в мозгах очень недоверчивого Базуля, заставляя его с маниакальным упорством выискивать в действиях Шатохи криминал, заключающийся как минимум в тайном презрении к своей персоне, а по максимуму – в работе на конкурентов или, что еще хуже, на правоохранительные органы. Ну не мог "положенец", с грехом пополам закончивший семь классов и восьмой коридор, поверить, что "гнилой интеллигент" без каких-либо угрызений совести преспокойно принял участие в грязных и кровавых играх воровского сообщества. Не мог!

Балагула был угрюмей обычного. Едва он появился в кабинете, как Базуль почувствовал, что неприятности утренние только цветочки по сравнению с принесенными его помощником. И оказался прав.

– Нам грозит война с Чингизом,[12] – заявил Балагула без предисловий.

– С каких делов? – удивился Базуль.

– Вы, надеюсь, не забыли, что Чингиз – "крыша" Кирюхина?

– Ну и что?

– Нам шьют разборку на кладбище.

– Чего-о!? – Базуль даже привстал от удивления. – Они что, вальтонулись!?

– Может, и так. Но нам от этого не легче.

– Так ведь на кладбище завалила и наших людей!

– Как раз в этом их аналитики и узрели наш след. Они уверены, что мы ловко отыграли Черепа, который будто бы находился не в фаворе, а на самом деле метили по Кирюхину и Опришко.

– Твою мать... Все это фуффло! На кой ляд нам связываться с Чингизом? Он пасет свой участок – и пусть его.

Места всем хватит. Жадность фраеров губит. Мне лишнего не нужно.

– Это так, – согласно кивнул Балагула. – Вот только как объяснить Чингизу...

– Чтобы я... что-то объяснял... Чингизу... – Базуль был страшен. – Сдается мне, что ты не туда рулишь. Я этого чурку могу в любой момент прихлопнуть... как муху. И все дела! Ты понял... бля!

– Я то понял. Но, к сожалению, мы не до конца осознавали кто такие Кирюхин и Опришко. В особенности второй. Я тут покопался и выяснил, что его прочили в губернаторы. Вот так – ни много, ни мало. Этот человек, как оказалось, был темной лошадкой. И сейчас такой кипиш поднялся в верхах, что мало не покажется.

– Но мы-то причем!?

– Ищут крайнего. И найдут, будьте спокойны. Мы наделали много ошибок. В особенности касаемо Ваты. Не нужно было втихомолку забирать его из больницы, а затем... – Балагула обречено махнул своей лапищей.

– Этот козел меня достал! – вскипел Базуль. – Может, мне нужно было медаль ему выхлопотать за отвагу? За то, что он больше года с Черепом по кладбищам шастал, чтобы тот какие-то темные делишки проворачивал за моей спиной? Шастал, сука, а мне ни гу-гу! Вот мы его, падлу, из-за этого в гроб и заколотили, чтобы не вякнул чего лишнего ментуре. Или лучше было сдать его следакам?

– Нет, конечно... Но вот свои ребята не должны бродить в потемках и выдумывать черт знает что. А если учесть то, как мы обошлись с охранниками Кирюхина... Я предупреждал...

– Свои? Это кто такие? Сявки Чингиза? Да манал я их с бугра! Подумаешь – поспрашивали чуток и заодно хлебальники им начистили. А как я должен реагировать на кладбищенские события? Опустить уши и сделать вид, что дую на манную кашу? Ни хрена подобного! Мы держим город, мы! И никакой там Чингиз и кто там еще с ним нам не указ.

– Все это верно. Но... – Балагула заколебался, не решаясь выложить всю правду до конца. – Но нам скоро забудут "стрелку"[13].

– Чингиз?

– Он.

– Мне нужно испугаться или как? – Базуль иронично хмыкнул.

– Федор Лукич, извините, но я не разделяю вашего оптимизма. Вся беда в том, что в противостояние вот-вот включатся и властные структуры. Если уже не включились. И тогда на нас спустят всех собак.

– Неужто все настолько серьезно? – Базуль немного успокоился и начал мыслить вполне здраво.

– Очень серьезно, – подтвердил Балагула. – Правда, я не думаю, что смерть Кирюхина и Опришко являются основной причиной будущего наезда на нас. Скорее всего, это удобный повод...

– Повод? О чем ты тут базаришь?

– Мы с Шатохой проанализировали донесения наших информаторов за последние полгода, и пришли к согласованному мнению, что начинается какое-то странное шевеление. Возможно, оно связано со следующим этапом большой приватизации, но скорее всего намечается очередной передел сфер влияния.

– Хочешь сказать, что в нашем городе есть силы, готовые накинуть нам петлю на шею и выбить стульчак?

Бред!

– Не знаю. Просто теряюсь... В городе, может, и нет, но что если на наши пастбища центр глазом накинул?

– Центр? – Базуль опешил. – Это... невозможно!

– Почему вы так думаете?

– Что они здесь забыли? У них там в столице золотое дно, а у нас – болото, где только хорошо поковырявшись можно найти крохотную жемчужину.

– Как известно, копейка рубль бережет. Много денег никогда не бывает. А если учесть грядущую выборную кампанию, то и вовсе становится понятным, почему у нас здесь вот-вот заштормит. Наш город и область могут дать много голосов тому или иному кандидату в депутаты. И за них борьба будет очень жесткой, если не сказать – жестокой. А в такой драке все средства хороши.

– И чем мы не угодили пока еще неизвестному противнику?

– Наверное, поставили не на ту лошадь. Ни наш кандидат в губернаторы, ни будущий депутат от подкармливаемой нами партии, похоже, совсем не устраивает некие весьма могущественные силы.

– Да положил я на них свой прибор! У нас хватит стволов, чтобы создать полнокомплектную дивизию.

Пусть только попробуют сюда сунуться.

– Федор Лукич, я снова плюю против ветра, однако просто обязан вам это сказать... для пользы общего дела... – Балагула замялся.

– Калякай... чего уж там, – поморщился, будто съел что-то очень кислое, Базуль.

– Если из центра последует команда "фас!", нас не спасут никакие стволы. Нам сейчас чем тише, тем лучше.

Большая часть денег уже легализована, налажены прочные контакты с зарубежьем, есть хорошие связи в верхах – как говорится, живи и радуйся. Кому сейчас нужны разборки? Что они нам принесли три года назад? Мы тогда потеряли миллионов пять "зеленью". Хорошо, что головы уберегли. А как могут закончиться новые баталии, никому не известно...

Базуль задумался. Он прекрасно понимал, что Балагула во многом прав. Но воровское ретивое настойчиво подталкивало "положенца", как это было уже не раз в его жизни, на чисто анархистские поступки. Ему до зуда в конечностях хотелось пустить кровь – большую кровь! – чтобы и в городе все было как в зоне.

Однако, жизнь за последние десять лет здорово изменилась. Как и мировоззрение старого вора "в законе".

Базулю уже вовсе не хотелось оставить этот прекрасный особняк и снова очутиться на утреннем разводе в какой-нибудь ИТК среди таежной глухомани. Оказывается, это просто здорово, когда можно отдыхать на Карибах, спускать деньги в казино Лас-Вегаса, лакомиться различными экзотическими фруктами, ездить в бронированном "мерседесе" с почти президентской охраной и запросто похлопывать по плечу высокопоставленных чиновников, этих гнид, белых воротничков, еще совсем недавно с брезгливым высокомерием посматривающих со своих высот на грешную землю, где за колючей проволокой копошились изгои рода человеческого.

И теперь, если Балагула не ошибается в своих выводах, все это можно потерять. Что делать, что делать!?

– Что ты предлагаешь? – спросил он глухо.

– Чтобы разрядить обстановку, нам необходимо найти снайпера, который так лихо отправил на тот свет Кирюхина и Опришко. Как можно скорее! Только тогда мы сможем оправдаться и выйти из кризиса, при этом не потеряв лицо.

– Но позже мы с этим Чингизом разберемся... – Базуль грязно выругался. – Я ему лично кишки на шею намотаю.

– Конечно. И притом без лишнего шума, – впервые за время разговора Балагула злобно ухмыльнулся. – Федор Лукич, я думаю нужно поговорить со Штымпом.

– Зачем? – при упоминании прозвища майора Клевахина вор "в законе" дернулся будто ему кто-то вонзил шило в ягодицы.

– Я уже говорил, что он в состоянии найти неизвестного стрелка; Штымп – настоящий профи. Но как скоро это случится – вот главный вопрос. Поэтому я предлагаю для ускорения поисков Штымпа простимулировать.

– Это как же? – иронично покривился Базуль. – Отвалить ему кучу бабок? Пулю ему, псу легавому, в затылок!

– С пулей успеется, – мрачно возразил помощник "положенца". – А сейчас Штымп будет нам очень полезен.

Можно предложить ему денег...

– Штымпа нельзя посадить на крюк, – перебил его Базуль. – Факт. Всем деловым это известно... – тут он запнулся, видимо, вспомнив, что Балагула зоны и не нюхал; а затем закончил: – Такой номер не катит.

– Или быстрое повышение по службе, – невозмутимо продолжил Балагула. – А возможно решить вопрос с ремонтом квартиры. И самый последний, гнилой вариант – припугнуть.

– Ты и впрямь валет, или притворяешься? – начал закипать Базуль. – Штымпа на мякине не проведешь. Его столько раз брали в оборот, что он давно бояться перестал.

– И все равно нужно со Штымпом поговорить. Если он такой неподкупный, то его можно поймать на другом.

– Что ты мне тут буровишь!? Сказано тебе: Штымп –дохлый номер. И точка.

– Нужно предложить ему в кладбищенском деле сотрудничество...

В кабинете Базуля воцарилась гробовая тишина. И так невысокий Балагула как будто стал

еще ниже, утонув в мягком кожаном кресле. Вор "в законе", налившись кровью словно упырь после ночной охоты, молча пожирал его глазами. Но бывший борец стойко держал взгляд пахана, хотя, похоже, на душе у него кошки скребли.

Молчание длилось долго, не менее двух минут. За это время лицо Базуля постепенно приобрело нормальную окраску, а в глазах начал мелькать огонек разума, до этого почти полностью потушенный первобытной злобой.

– Лады... – вдруг выдохнул он и резко встал. – Действуй, как нужно. Только держи от меня этого... – у "положенца" не хватило словарного запаса, чтобы выразить свое отношение к майору Клевахину, – подальше. А я завтра поеду на похороны Сандро. Думаю, там соберутся все те, кто мне нужен. Вот и побазарим... о делах наших скорбных...

Базуль показал Балагуле спину и отошел к окну. Помощник понял, что аудиенция закончена. Прямливым с почтением прощальные слова, он неслышно вышел из кабинета и тихо притворил дверь.

Напольные часы пробили двенадцать. День выдался ясным, погожим, но Базулю очень хотелось, чтобы он закончился как можно быстрее.

Глава 8. Ирина Александровна

Еще не до конца проснувшись, старик уже знал, что на улице сырая промозглая погода – противно ныло старое пулевое ранение, полученное в схватке с браконьерами, а левое предплечье, когда-то побывавшее в медвежьей пасти, казалось воткнули в муравейник. Он выглянул во двор и с отвращением поморщился – от мелкого занудливого дождя рябило в воздухе, а унылый асфальт блестел так, будто на нем разлили грязное машинное масло.

Сегодня обычная физзарядка его просто вымотала. Он никак не мог сосредоточиться на упражнениях, а потому больше энергии отдал в борьбе со своими не очень радостными мыслями, нежели с гимнастическими снарядами. Тогда старик стал под ледяной душ и торчал под ним минут десять, пока кровь в жилах не побежала с такой скоростью, что за нею не стало поспевать сердце.

Выпив на завтрак стакан горячего молока с булочкой, он часок погулял с Греем, а затем, немного поразмыслив, стал решительно переодеваться в новый костюм и ни разу не надеванные туфли. Когда уже возился с галстуком – узел все время получался какой-то кривой, однобокий – до него наконец дошло, что сегодня он забыл побриться. Поминая всех святых, старик разоблачился и, поменяв лезвие в безопасной бритве, полчаса скоблил щеки и подбородок с таким тщанием, будто шел не просто в город на прогулку, а по крайней мере получать орден.

Егор Павлович вышел из дому около полудня. Дождь прекратился, и серое сонное небо начало постепенно оживать, окрашиваясь в голубоватые тона, кое-где тронутые розовыми мазками пока еще прячущегося среди туч светила. Старик не захотел садиться в автобус и бодро прошагал до семнадцатой больницы шесть кварталов. Когда показались массивные чугунные ворота с литыми финтифлюшками, за которыми виднелись розово-белые корпуса, он замедлил шаг и поискал глазами. Заметив такси, припаркованное возле проходной, старик подошел к машине и с минуту разговаривал с водителем. Затем, сунув ему в руки деньги, он медленно и нерешительно зашел на территорию больницы.

В комнате для посетителей его встретила суровая медсестра. Она посмотрела на него так

холодно, что старику показалось будто он приблизился к не замерзающей даже летом речной наледи.

– Вы к кому? – спросила она бесцветным голосом, глядя куда-то в сторону.

– Собственно, я... – Егор Павлович смешался.

Он позвонил в семнадцатую на следующий день после посещения Подковы. И с удовлетворением отметил, что врач "Скорой помощи" не обманул – женщину не только определили в престижную больницу, но и предоставили одну из лучших палат. Он спросил как ее зовут, и когда по телефону назвали фамилию, старик едва не уронил от изумления трубку. Не сформировавшиеся воспоминания, не дававшие ему спать ночью, вдруг приобрели совершенно конкретные очертания: больная женщина-торговка оказалась женой некогда широко известного киноартиста Велихова. Он достаточно хорошо запомнил ее облик благодаря телевизионной передаче, которую увидел вскоре после переезда в город. Съемка велась на квартире Велихова, и Егор Павлович отметил, что киноартист болен, хотя и старался держаться бодро.

Потому когда заледеневшая в своей значимости служительница престижной больницы спросила к кому он пришел, старик заробел, словно пацан.

Егор Павлович уже выяснил, что Велихову никто не посещает. Это обстоятельство с одной стороны удивило его, а с другой – вызвало необычное волнение. Он не мог понять причину столь странного смятения, воцарившегося в его достаточно замкнутой и даже в какой-то мере ожесточившейся душе. Егор Павлович оправдывал свое состояние состраданием к больной актрисе, но с удивлением отметил, что лжет сам себе.

Тогда он постарался вообще выбросить из головы событие, случившееся на Подкове, сосредоточившись на очередном заказе. Но из этого ничего не вышло – руки и мозги никак не хотели работать в синхронном режиме.

Старик держался, словно стойкий оловянный солдатик, ровно двое суток. Третьего дня он махнул рукой на свои терзания и поступил, как обычно, честно и прямолинейно – взял и отнес передачу. Правда, имени своего не назвал. Так он носил продукты все три недели, которые Велихова провела в семнадцатой больнице. И вот сегодня Егор Павлович наконец рискнул нарушить свое инкогнито – в прошлое посещение ему сказали, что Ирину Александровну (так звали Велихову) вскоре выпишут и назвали дату. Прикинув, что женщине, видимо, надеяться не на кого, он со смятением в душе решил предложить ей свои услуги по доставке домой – заказанное им такси уже дожидалось у ворот.

– Собственно, я к Велиховой... – Егор Павлович пытался поймать ускользающий взгляд медсестры-ледышки.

– А-а... – на разрисованном под куклу Барби лице девушки мелькнула тень удивления и тут же пропала, уступив место холодной неприступности. – Вовремя...

– Извините, не понял...

– Вам нужно побеседовать с лечащим врачом.

Старик с готовностью кивнул.

Врач, упитанный вальяжный мужчина лет сорока пяти, курил дорогую сигару и пил кофе. Судя по табличке на двери кабинета, он был заведующим отделения.

– Да-да, Велихова... – врач испытующе оглядел Егора Павловича с ног до головы. – Вы родственник?

– Нет, – признался старик.

– Скверно... – на холеной физиономии врача появилось выражение озабоченности.

– Что именно? – встревожился Егор Павлович.

– Видите ли, в нашей больнице лечение не бесплатное. То есть, я хотел сказать – не совсем бесплатное, – быстро поправился врач. – Мы создали для Велиховой все необходимые условия, доставали дорогие лекарства...

– Короче можно? – неожиданно грубо перебил его старик, который наконец понял откуда дует ветер. – Меня интересует главное: в каком состоянии ее здоровье?

– Все нормально, – видно было, что врач не ожидал такого напора и немного опешил. – Просто она была сильно истощена. Недоедание... – тут он спохватился и быстро продолжил: – Кроме дистрофического состояния, у нее были нелады с желудком и печенью. Мы подлечили...

– Спасибо, – сухо сказал Егор Павлович. – Я и не сомневался в этом. Сколько?

– М-м... – врач пожевал полными губами. – Трис... Двести долларов, – быстро поправился он, глядя прямо в недобро сузившиеся глаза старика.

– Держите, – Егор Павлович положил на стол две зеленые бумажки и встал. – Я могу забрать... Ирину Александровну?

– Конечно, – с облегчением улыбнулся врач. – Все необходимые документы уже подготовлены.

– До свидания... – старик вежливо пожал протянутую руку и вышел.

Передачи для Велиховой и эти двести долларов пробили в бюджете старика достаточно внушительную брешь, но он даже и не думал унывать. Его гораздо больше волновала предстоящая встреча с Ириной Александровной...

Когда она появилась в комнате для посетителей, Егор Павлович поначалу просто не узнал ее. Вместо изможденной торговки с желтовато-серым лицом, почти старухи, перед ним стояла статная интеллигентная женщина с румянцем на щеках. Правда, присмотревшись, он понял, что румянец искусственный, мастерски нарисованный при помощи макияжных красок, но кожа уже не была иссушенной и дряблой, а в черных больших глазах светился тот самый жгучий огонь, который всегда приводил Егора Павловича в смущение.

– Это вы... тот самый?... – изумление Ирины Александровны граничило с испугом.

Наверное, она ожидала увидеть кого-то совсем другого...

– Да, – мягко ответил несколько уязвленный старик. – Здравствуйте.

– Но как?..

– Случайно, – понял ее с полуслова Егор Павлович. – Все получилось случайно. Я был на Подкове, когда... ну, в общем, тогда...

– И вы... заботились обо мне? – эти слова Ирина Александровна произнесла трагическим шепотом.

– Так ведь к вам никто не приходил, – осторожно ответил старик, почему-то пряча глаза.

– Никто... – словно эхо откликнулась Ирина Александровна.

Большие выразительные глаза женщины наполнились слезой. Боясь выплеснуть ее наружу, она прикусила нижнюю губу и отвернулась.

Молчание несколько затянулось, и старик, заметив, что на них начали обращать внимание больные и посетители, расположившиеся на уютных диванчиках, тихо проронил:

– Нам пора... – он кивком указал на дверь.

– Да-да, конечно...

Они вышли наружу. Как раз из-за туч выглянуло солнце и залило ухоженный больничный двор неожиданно праздничным светом. Ирина Александровна бледно улыбнулась и украдкой промокнула носовым платочком влажные глаза.

– Спасибо... – она положила узкую ладонь на сухую мозолистую руку старика. – Большое спасибо. Вы меня так поддержали... Извините, но я просто не знаю, что сказать и как вас поблагодарить.

– Нам нужно поторопиться, – он улыбнулся ей в ответ. – Там стоит такси с включенным счетчиком.

– Такси? Мы поедem на такси? – удивилась Ирина Александровна. – Но это безумно дорого.

– Гулять так гулять, – с бесшабашным видом махнул рукой старик, и они оба весело рассмеялись.

– Вы случайно не племянник Рокфеллера? – лукаво поинтересовалась Ирина Александровна.

– Увы, нет, – огорченно вздохнул Егор Павлович.

– Господи, до чего же я заторможенная! – вдруг всплеснула руками женщина. – Это все больница... Я ведь до сих пор так и не удосужилась спросить как вас зовут.

– Так спросите.

– Давайте познакомимся, – стараясь не улыбаться, она церемонно протянула ему ладонь. – Ирина.

– Егор... – коротко поклонился старик; и добавил, вдруг совсем некстати вспомнив про свои годы: – Павлович...

– Если я скажу дежурную в подобных случаях фразу "очень приятно", то погрешу против истины. Я взволнована, как шестнадцатилетняя девчонка на первом свидании. Обо мне давно так никто не заботился.

– Пустое... – отмахнулся смущенный старик. – Прошу, – он отворил дверцу такси. – Садитесь...

К дому Ирины Александровны они доехали быстро. В этом не было ничего удивительного – он стоял напротив главного универсама. А семнадцатая больница тоже располагалась в центральном районе города.

– Нет, нет, вы должны ко мне зайти! – Ирина Александровна цепко держала его под руку. – Я угощу вас... чаем. Пожалуйста, я очень прошу... – она с мольбой заглянула ему в глаза.

– Неудобно... – мялся Егор Павлович, хотя ему до смерти не хотелось расставаться с этой необычайной женщиной.

– Возражений я не принимаю, – она решительно потащила его за собой.

Жилье Ирины Александровны находилось в весьма престижном доме послевоенной постройки. Когда-то в нем обитали большие партийные боссы, затем их проредили стальной гребенкой и шикарные апартаменты постепенно начала занимать публика поплотнее, а некоторые даже без партбилетов в карманах: артисты, писатели, художники, известные режиссеры, но большей частью торговые работники. Велихову досталась угловая четырехкомнатная квартира на первом этаже, одна из худших – она была достаточно просторной, с высокими лепными потолками, однако длинной, словно трамвай. Под нею размещалось полуподвальное помещение, в свое время используемое как склад жилтоварищества. Теперь там был чей-то офис – его латунная вывеска сверкала так ярко, словно ее покрыли золотой амальгамой.

Пока Ирина Александровна хлопотала на кухне, старик осмотрелся. Егор Павлович остался в гостиной и с замирающим непонятно от чего сердцем ходил по комнате туда-сюда, не выпуская из поля зрения дверь.

Ему представлялось, что вот-вот она отворится и на пороге появится сам Велихов... А он остался в памяти старика статным мужчиной с вьющимися, уже тронутыми сединой, волосами... И как пойдет разговор... О чем? Что может сказать он, таежный бирюк, не шибко грамотный и полумодернизированный?

От таких мыслей Егора Павловича бросило в дрожь. Он уже было вознамерился просто-напросто сбежать, чтобы не выставить себя на посмешище, но тут послышались шаги и в гостиную вошла Ирина Александровна с подносом, на котором стояло все необходимое для чаепития и вазочка из плетеной лозы, наполненная сухариками.

– Извините, что так скромно, – она была смущена до крайности. – Меня долго не было...

– Бога ради! – воскликнул старик и бросился ей помогать. – Я не голоден. А вот крепкий горячий чай – в самый раз.

– Между прочим, индийский, – приободрилась Ирина Александровна. – Из старых запасов.

– Обожаю индийский, – с горячностью сказал старик. – Особенно из старых запасов.

И они вдруг без особой причины весело рассмеялись.

Первую чашку Егор Павлович выпил быстро – его все еще не оставляла мысль поскорее унести ноги, чтобы не встретиться с Велиховым. Но Ирина Александровна будто подслушала его мысли, и когда он мучительно подыскивал нужные для прощания слова, она тихо и с горечью в голосе сказала:

– Через неделю будет ровно год как помер мой муж...

Старик оцепенел. Он готов был услышать все, что угодно, только не это. И теперь Егор Павлович наконец понял, по какой причине жена известного артиста стала торговать на Подкове и почему ее никто не навещал в больнице. В свое время он познакомился с многими торговцами-лоточниками и знал, что среди них были в прошлом известные и уважаемые люди; неподалеку от его места открыл палатку даже генерал, потерявшей в какой-то необъявленной войне руку. И если ему, человеку простому, оказалось весьма непросто освоиться с новым статусом, то каково было им? Приученный таежным одиночеством к созерцательному состоянию души, старик ловил их затравленные взгляды и от этого ему

становилось не по себе. Конечно, в конце концов многие привыкли к новым житейским реалиям, но тайная, глубоко упрятанная ущербность мучила этих людей денно и ночью, иногда приводя к трагическому финалу.

– Я... – старик запнулся. – Я вам... глубоко сочувствую.

Ему было очень неловко. Он вдруг почувствовал себя виноватым, хотя не мог понять почему.

– Благодарю... – Ирина Александровна героическим усилием сдержала слезы. – Верю. Вам я отчего-то верю, – подчеркнула она. – Другим – нет. Теперь уже нет... – женщина тряхнула головой, будто прогоняя навязчивые видения, и продолжила: – У мужа было много друзей... так называемых друзей, но когда он помер, некому было гроб вынести. Я уже не говорю о том, что мне никто из них даже копейки не занял на похороны.

Спасибо соседям, которые скинулись на катафалк и выкопали могилу.

Старику от ее горьких слов стало так скверно, что пожалуй впервые в жизни он ощутил боль в сердце.

Они пили чай долго и обстоятельно – так, как это умеют только русские. Разговор шел в общем-то пустой, ни о чем. Между ними вдруг встала тень Велихова, и ни Ирина Александровна, ни Егор Павлович не решались какой-нибудь стороной затронуть свои житейские проблемы, а в особенности все то, что касалось сугубо личного...

Домой старик шел со странным чувством. Впервые за долгие годы в обществе Ирины Александровны он как-то расслабился, размяк, оттаял душой. И в то же время где-то внутри торчала неприятная заноза, сущность которой Егор Павлович так до конца осознать и не смог.

Ночь он провел почти без сна. Прошное снова властно вторглось в его мысли, растормошив долго дремавшую память...

Отступление 2. Зона Сиблага, 1948 год Путь через перевал оказался труднее, чем предполагал Егорша. Ни тропинок, ни тем более дорог в горах не было. Склоны, густо поросшие деревьями, скрывали каменные россыпи, по которым могли ходить разве что горные бараны. Подростку еще никогда не приходилось взбираться на скалы, и когда случалось, что прохудившаяся подошва старых сапог соскальзывала с уступа, ему хотелось зажмуриться и закричать от страха... а затем разжать руки и лететь, парить над тайгой, словно птица. Опомнившись, Егорша пугался еще больше и, яростно стиснув зубы, визжал в точности как тот осиротевший детеныш рыси, которого он нашел в дупле сосны. Вжимаясь всем телом в скальную породу, он старался быстрее пройти коварный уступ, тем более, что впереди уже нетерпеливо ждал верный Лешак. Пес оказался гораздо проворней, нежели Егорша, и преодолевал подъем с уверенностью, которой трудно было ждать от таежно-равнинного аборигена.

Беглые зэки шли почти без отдыха. Как определил подросток, они даже не стали устраивать ночлег: в чистом небе светил месяц, а под ногами у них стелилась Еропкина Тропа – небольшая безлесная возвышенность, плоская, будто стол, и длинная словно старый каторжный тракт. Егорша, хорошо знающий тайгу и исходивший ее вместе с отцом вдоль и поперек, диву давался невероятной прыти, проявленной бандитами на маршруте. Пусть их и подхлестывал страх перед неминуемой погоней (в том, что поисковые группы в конце концов перекроют и северное направление, можно было не сомневаться), но человеческий организм не машина и нуждается в передышке, а ослабленный постоянным недоеданием, как у бежавших из лагеря заключенных – тем более. И тем не менее бандиты проявляли чудеса выносливости. Судя по тщательно маскируемым следам, их привалы длились не более часа – ровно столько, сколько нужно для быстрого приготовления горячей пищи плюс минут

пять-десять на еду.

Да, беглецы разводили костры. Поначалу, найдя тщательно забросанные землей и опавшими листьями пепел и угольки, Егорша диву давался – как можно быть такими беспечными? Ведь костер – это таежный маяк. Не говоря уже о дыме, запах которого можно почуять за несколько верст. В конце концов Егорша сообразил, почему беглые зэки не боялись зажигать огонь. Во-первых, они тщательно подбирали дрова – только звонкий окоренный сушняк, практически не дающий дыма. А во-вторых, для маленького костра находили углубление и делали над ним шалашик из свежего лапника.

Однако, самое главное заключалось в другом. В одном месте под листьями Егорше удалось отыскать кучку какой-то странной зеленовато-коричневой массы, похожей на заварку. Она была еще влажной.

Присмотревшись, подросток понял, что перед ним. Такой или подобный состав в сухом виде всегда носил с собой в полотняном мешочке отец. Это был сбор таежных трав и корней, отвар которых восстанавливал силы и действовал возбуждающе. Выпив пол-литра такого чифиря, можно обходиться без сна до двух суток. Отец рассказывал, что злоупотреблять "таежным чаем" нельзя – после трех кружек появляются галлюцинации и у человека может приключиться белая горячка. Но про то ладно. Теперь уже Егорша точно знал, что бандитов ведет бывалый охотник. И предстоящая схватка с беглыми зэками поневоле превращалась в самоубийство – противостоять четверым вооруженным мужчинам, отчаянным и готовым на все смертникам, один из которых опытный таежник, он конечно же не мог. Если, пускаясь в погоню, подросток думал, что у него есть некоторое преимущество – отменное знание местности и вообще тайги как таковой, то ныне оно практически равнялось нулю.

Но Егорша мучился сомнениями недолго. Что-то, до сих пор неизвестное ему, начало постепенно подниматься из каких-то мрачных глубин. Оно было холодное, скользкое и одновременно горячее, даже раскаленное, словно заготовка в кузнечном горне. Это нечто сожрало остатки здравого смысла и разбудило недетскую ярость и безрассудство. И когда перед подростком встали горы, он, не задумываясь, начал штурмовать перевал...

На вершине, представляющей собой седловину, гуляли ветры. Короткая жесткая трава уже порыжела, тронутая первыми заморозками, но камни еще хранили летнее тепло; а может Егорше просто так показалось – день выдался на удивление ясный и теплый, и солнце щедро дробило свои лучи о серый с ржавыми прожилками гранит. Лешак, взобравшись на замшелую глыбу, пристально вглядывался вниз – туда, где лежала рваная ткань таежного болота, отделяющая возвышенность от реки. Подросток проследил за его взглядом – и тихо ахнул: в редколесье, растущем у границ мари, медленно ползали черные букашки. Это были беглые зэки.

Лешак тихо заурчал. Умное животное держало след с потрясающей уверенностью. Лешак уже давно догнал бы бандитов, но, будучи великолепно обученным охотничьим псом, терпеливо поджидал медлительного с его точки зрения хозяина, чтобы вывести его на расстояние верного выстрела. Он остро ощущал взвинченное состояние Егорши, а потому вел себя несколько нервно и беспокойно.

– Спокойно, Леш... – Егорша, еще раз с ненавистью посмотрев на беглых зэков, которые устроили привал, стал обстоятельно проверять снаряженные патроны. – Спокойно... Теперь они от нас точно не уйдут.

Он понял, почему бандиты остановились на отдых, хотя до берега, поросшего густым сосняком, было рукой подать. С виду неширокая полоска болотистой низменности на самом деле преграждала путь к реке почище скалистого перевала. Пройти ее мог только очень опытный таежник, который много раз охотился на болотах. В этих местах Егорше бывать еще

не приходилось, но непростой норв мари он изучил не хуже чем егеря заказника. Видимо, беглый зэк, который вел бандитов через тайгу, знал ее гораздо лучше, чем болота.

И у него, несмотря на страх перед погоней, хватило здравого смысла не идти напролом, потому что это была прямая дорога на тот свет.

Пока зэки обедали и совещались, подросток времени не терял. Грызая на ходу сухарик, он начал спускаться в долину. Егорша взял левее – там просматривалось нечто наподобие звериной тропы. Кроме того, этот путь был удобен еще и потому, что находился в распадке, поросшем деревьями, которые позволяли совершить спуск незаметно для бандитов. Проследив взглядом до самой вершины хребта начало тропы, он огорченно вздохнул – она-то и была самой удобной и прямой дорогой через перевал. А он в пылу погони не сообразил, что на скалы беглые зэки полезли не из какого-то расчета, а от отчаяния, так как их проводник тоже не знал где удобный проход через горы.

Но что сделано, то сделано, и Егорша, стараясь ступать бесшумно и не выпускать бандитов из виду, короткими перебежками от дерева к дереву стал приближаться к месту их привала. Когда он подошел к ним на расстояние выстрела из своей берданки, то забеспокоился – беглецы возбужденно спорили. Неужто они что-то заметили? Тая дыхание, подросток нырнул в кустарник и пополз в сторону от тропы, но с таким расчетом, чтобы подобраться к бандитам как можно ближе. Теперь он передвигался как улитка, меряя расстояние даже не сантиметрами, а миллиметрами. Прошло добрых полчаса прежде чем Егорша подкрался к беглым зэкам настолько близко, что мог слышать каждое слово. Они говорили возбужденно и на повышенных тонах; кто-то из них жалобно стонал. – ...Мы не можем ждать, не можем! – с надрывом доказывал худой – кожа да кости – вертлявый зэк невысокого роста с длинным утиным носом. – Догонят псы[14] – разорвут в клочья.

– Если догонят... – пробасил второй – кряжистый, с землисто-серым лицом и неподвижными глазами-пуговками. – Но в одном ты прав, Зяма – отсюда нужно рвать когти с такой скоростью, чтобы видеть впереди свою задницу.

– А-а... У-у-у... – громко стонал, подвывая, третий.

– Захлопни пасть, Турка! – истерически закричал Зяма. – Заткнись, мать твою!..

– У него прободение язвы, – безразлично сказал четвертый – молодой, довольно симпатичный парень с крупной родинкой на верхней губе; он меланхолично жевал кусок черняшки.

– Возможно, – согласился кряжистый. – Ты у нас известный врачельник, Чагирь, – добавил он не без ехидства.

– Ага, – не меняя выражения лица, вяло ответил Чагирь, но при этом посмотрел на кряжистого долгим тяжелым взглядом.

Тот не опустил глаз – стоял, широко расставив ноги, будто готовился к драке, и хищно растягивал губы в подобии улыбки, с вызовом глядя на своего молодого товарища. Похоже, кряжистый был главным среди беглых зэков.

– Братаны... водицы испить... – снова подал голос Турка.

– Что будем делать? – спросил у остальных кряжистый, будто и не услышав больного. – Турка уже не ходок.

Мы не можем ни взять его с собой, ни оставить.

– Водицы... – опять заныл язвенник.

– Ты у нас, Малеванный, пахан, вот тебе и решать, – пряча глаза, высказался Зяма.

– А ты, Чагирь, чего заглох? Или тебе наши базлы по барабану? – Малеванный басил тихо, себе под нос, но его сильный голос казался похож на отдаленный раскаты грома.

– Что я? – пожал плечами Чагирь. – Я как все...

– Клево устроился, – снова растянул губы в улыбке пахан. – Я – не я, и хата не моя. Будем считать, что все "за"... – с этими словами он достал из вещмешка флягу и подошел к Турке, лежавшему на подстилке из веток. – Хлебни воды, старый кореш. Хлебни...

Турка жадно припал к горлышку фляги.

Малеванный присел рядом с ним на корточки. От наблюдавшего за бандитами Егорши не укрылось, что лицо пахана сделалось мрачным и даже злобным – будто перед ним был не его товарищ, а злейший враг.

Дальнейшее случилось настолько быстро и неожиданно, что подросток поначалу не понял, почему Турка вдруг выронил флягу и захрипел, забился в конвульсиях. И только когда Малеванный поднялся и пучком травы вытер окровавленную заточку, Егорша едва не вскрикнул от ужаса – пахан зарезал Турку с таким хладнокровием, будто тот был не человеком, а бараном.

– Зароем? – робко спросил Зяма.

– Зачем? – удивился пахан. – Бросим Турку в болото и никакая собака его не найдет.

– Кто теперь нас через тайгу поведет... – задумчиво сказал Чагирь. – Он один знал дорогу к паромной переправе, где нам отдадут ксивы и гражданские шмотки.

– Дорогу! – фыркнул Малеванный. – Она уже перед нами, – он указал на реку, угадывающуюся за деревьями.

– Сварганим плот – и вниз по течению. Через сутки будем на месте.

– Если переберемся через болото...

– Что ты каркаешь!? – пахан зло сплюнул. – Будь спок – переберемся и сплавимся.

– Время поджидает, – сокрушенно вздохнул Чагирь.

– Вот потому быстренько собрались и вперед. К ночи мы должны быть на берегу...

Егорша наконец перевел дух. Развернувшееся перед ним трагическое представление просто ошеломило подростка. Он взял в руки оружие в семь лет, к виду крови относился по-философски и уже привык к дозированной жестокости, естественной спутнице охотника. Как не крути, но для того, чтобы убить животное, нужно снять с себя шкуру цивилизованного человека. Что, собственно, требуется если стреляешь и в человека.

Но с таким бессердечием Егорша встречался впервые. И если по пути сюда его все-таки изредка мучило осознание необходимости убить бандитов, то теперь душа подростка закаменела.

Он неторопливо приладил ружье на бугорок и прицелился...

Неожиданно неподалеку от расположившихся на привал бандитов раздался шум – будто кто-то шел напролом через заросли. Беглых эков словно ветром сдуло; они попрятались кто куда.

Егорша тесно припал к земле. Краем глаза он видел Лешака; умный пес притаился неподалеку и беззвучно щерил зубы. По тому, как он нетерпеливо перебирал мощными передними лапами, готовый по сигналу хозяина мгновенно сорваться с места, подросток определил, что среди деревьев идет какой-то крупный зверь – медведь или лось. По охотничьей привычке определив откуда дует ветер, он перестал сомневаться в своих выводах – легкий низовик тянул со стороны мари. А это значило, что зверь не чуял запаха беглых зэков. В противном случае он бежал бы отсюда без оглядки – даже крупные, уверенные в своей силе таежные животные стараются любыми способами избегать встречи с человеком, особенно вооруженным.

Вскоре зашевелились ближние кусты, и за деревьями мелькнуло что-то темное. И в тот же миг затрещали выстрелы – как по звуку определил Егорша, из отцовского карабина. Подросток не стал искушать судьбу, и поторопился покинуть свою позицию, отползая по-рачьей, задом наперед. Вскоре он уже лежал в удобной ложбинке, скрытой от нескромных глаз высоким сухостоем. Рядом устроился и возбужденный Лешак. Он с осуждением косился на хозяина, не понимая, почему Егорша позволил опередить себя другим охотникам.

Когда выстрелы затихли и послышались голоса беглых зэков, подросток осторожно выглянул из ложбинки.

С оружием наизготовку бандиты окружили убитого медвежонка и нервно похохатывали, обсуждая перипетии схватки, хотя убийство глупого малыша слабо напоминало серьезную охоту на зверя.

– Во, лафа! – радовался Зяма. – Шамовка сама припрыгала.

– Эт точно... – довольно басил Малеванный. – Чагирь, займись нашей добычей. Сними шкуру, выпотроши, порежь мясо на куски и заверни их в зеленую траву – на болоте ее хватает.

– Зачем в траву? – спросил Чагирь.

– Так оно дольше сохраняется. Когда доберемся до берега реки, подвялим мясо на костре.

Чагирь с ножом в руках склонился над пушистым светло-коричневым пестуном...

Егорша не разделял оптимизма бандитов. Он знал – где находится пестун, там неподалеку бродит и мать-медведица. Обычно они неразлучны, как иголка с ниткой. От бывалых охотников ему приходилось слышать, что она может жестоко отомстить тем, кто отважится обидеть ее ребенка. А раз так, то теперь его охота на убийц родителей станет еще опасней – зверь не разбирает кто прав, а кто виноват. Для него человек – всегда враг.

Глава 9. Динамитчик

В тир Клевахин и Тюлькин пришли с утра пораньше. Майор из-за перегруженности работой уже не раз пропускал плановые стрельбы, и Бузыкин почти на каждой оперативке нудно долдонил ему, а за компанию и другим сотрудникам, о важности для работников уголовного розыска подобных мероприятий. Сам полковник стрелял из рук вон плохо, что не мешало ему поучать с видом большого мастера других.

Понаблюдав, как Тюлькин пуляет преимущественно в "молоко", майор с осуждением покачал головой и, надев звукоизоляционные наушники, встал на позицию. Пристыженный старлей, которому еще не доводилось видеть Клевахина в тире, следил за ним с нескрываемым

злорадством – мол, посмотрим на критиков в деле. Майор только ухмыльнулся, поняв о чем думает его младший коллега.

Клевахин стрелял так быстро, что Тюлькину показалось будто он вообще не целится. А когда старлей перевел взгляд на мишень в виде черного силуэта человеческой фигуры по пояс, то его глаза стали круглыми как у совы.

– Ни фига себе... – только и сказал Тюлькин, пока майор вставлял в своего "макарова" новую обойму.

Все пули легли точно в черную голову мишени.

– Век живи – век учишься, – назидательно изрек довольный Клевахин. – Советую почаще в тир заглядывать.

Иначе какой-нибудь ушлый урка отстрелит тебе мужское достоинство – не успеешь и ахнуть.

Мы с тобой, сам знаешь, не Гераклы, кулаками стенки не прошибаем. Так что единственная – а чаще всего и последняя – надежда на "макарыча".

– Так я это... понимаю...

– Судя по твоим "успехам", – кивнул майор в сторону мишеней, – ты понимаешь только тогда, когда вынимаешь. Смотри, парень, чтобы твоя лень не положила тебя раньше времени на погост. А теперь зри, отрок, что такое настоящая боевая стрельба...

Клевахин зашел за барьер, отделяющий их от мишеней, расслабленно потрянул кистями, а затем с виду очень неловко упал, и, перекатываясь, словно колобок, начал палить – как показалось Тюлькину – наобум.

Отстрелявшись, майор поднялся и, отряхиваясь, недовольно пробубнил:

– Сукины дети... Полы, наверное, целый месяц не подметали.

Но Тюлькин его брюзжания не слушал. Он с остолбеневшим видом смотрел на мишени – все восемь имели пробоины в районе сердца.

– Ну как? – поинтересовался Клевахин.

– Николай Иванович... это что-то! Бли-ин...

– Вот так стреляют старички, пацан, – довольный майор засобирился. – Ладно, мне пора. А ты тут еще потренируйся... полчаса. Пока я с Бузыкиным покалякаю. Поедем брать "динамитчика".

Тюлькин рассеянно кивнул. Он никак не мог оторвать глаз от мишеней...

В управлении Бузыкина не оказалось. Впрочем, такому обстоятельству Клевахин только порадовался – встречаться с шефом ему как-то не улыбалось. Полковник в последнее время стал чересчур нервный и кидался на всех как цепной пес. От его нападков был в какой-то мере защищен лишь Клевахин, пользующийся правом бывшего наставника. На оперативках майор был сама вежливость, но когда они оставались наедине, Клевахин превращался в ерша. Конечно, он не лез на арапа, однако и субординацию не соблюдал. Майор всегда отличался тем, что говорил как думал. И уж тем более тогда, когда это касалось его прямых служебных обязанностей.

Тем не менее от неприятного разговора ему уйти не удалось. Когда он уже развернулся,

чтобы, не заходя в свой кабинет, отправиться в гараж за машиной, его тормознул вездесущий всезнайка капитан Берендеев.

– Николай Иванович! – окликнул его Берендеев. – Ты куда направился?

– В кабак, – буркнул Клевахин. – В нашем вселенском бардаке лучше начинать пить прямо с утра. Примешь на грудь грамм двести – и весь день свободен.

Берендеев хохотнул.

– Возьми и меня с собой, – сказал он, изображая вожделение. – А если серьезно, то тебя ждет Атарбеков.

– Твою дивизию!.. – выругался Клевахин. – Не было печали, так черти накачали. Слушай, ты меня не видел, а тебя я вообще не знаю.

– Не пойдет, – ехидно ухмыльнулся капитан. – Дежурный уже доложил, кому нужно, о твоём сиятельном появлении в конторе. И сейчас Атарбеков удила грызет от нетерпения лицезреть лучшего сыщика городского угрозыска.

Клевахин обречено вздохнул и спросил:

– Где он?

– В твоём кабинете. Так что, Николай Иванович, вперед и с песнями.

– В старину был замечательный обычай, – не удержался, чтобы не оставить за собой последнее слово Клевахин. – Гонцов, которые приносили плохие вести, убивали.

Оставив Берендеева с открытым ртом, он повернулся и нехотя поплелся обратно.

Атарбеков метался по кабинету словно только что отловленный дикий тигр в клетке. Едва майор появился на пороге, он сразу пустился с места в карьер:

– Почему вы не посвящаете меня в ход расследования!?

– Здравствуйте, Темирхан Даудович, – снимая куртку, вежливо поприветствовал следователя майор. – Чайку не хотите?

– Нет! – отрезал несколько обескураженный спокойствием опера Атарбеков. – Здравствуйте.

– А я, извините, выпью с удовольствием. Утром не успел... – не без хитрецы ввернул Клевахин.

Атарбеков тонкий намек понял. Он, конечно, знал, что оперативники большей частью работают без выходных и праздников, с раннего утра и до позднего вечера, а иногда и ночью. Следователь и сам начинал как опер, но по истечении времени долгие кабинетные посиделки постепенно выветрились из памяти воспоминания о молодости, и ему стало казаться, что все в мире идет по плану, размеренно и целесообразно.

Или, по крайней мере, должно так идти.

Пока Клевахин наливал в чашку воду и включал кипятильник, он сидел, нахохлившись, словно сыч.

– Так я слушаю, Темирхан Даудович, – с неподражаемым достоинством сказал майор, усаживаясь на свой скрипучий стул. – Какие-то проблемы?

– Проблем воз и на добавку большая копна, – уже спокойней ответил Атарбеков. – С какой стати вы послали повестку Джангирову?

Клевахин внутренне собрался. Он знал, что такой разговор должен состояться, но не думал, что настолько быстро. Джангиров как раз и был тем таинственным гражданином, кто прикупил у бывшего мэра Смидовича четырехэтажный особняк в центре города.

– А что здесь необычного? – изобразил удивление Клевахин. – Он проходит по "кладбищенскому" делу как свидетель.

– Вы в своем уме? – тихо, но с нажимом, спросил Атарбеков. – Какой свидетель!? О чем он должен свидетельствовать?

– Важный свидетель. У меня есть данные, что в ту ночь он был на кладбище. И играл в кровавом спектакле не последнюю роль. Но это, как вы понимаете, не для прессы.

– Объясните, – потребовал Атарбеков.

– Как вам, наверное, уже известно, я допрашивал Вату...

Атарбеков бросил на майора быстрый взгляд исподлобья, но промолчал.

– Так вот, он прямо указал на Джангирова как на одного из главных участников сатанинского шоу на погосте...

На Клевахина что-то нашло – он врал так вдохновенно и складно, что даже сам диву давался столь неожиданно открывшимся способностям. Конечно же, Вата ему ничего такого не говорил, а когда он пришел в больницу во второй раз, то застал растерянного лечащего врача и недоумевающих медсестер. Они сообщили, что на следующий день после посещения майором реанимационного отделения в больницу ворвались люди в масках и камуфляже, представились сотрудниками ОМОНа и увезли больного в неизвестном направлении несмотря на бурные возражение медперсонала. Поиски Ватагина ничего не дали – он словно в воду канул. Бузыкин рвал и метал, но злость сгонял на других – боялся, что Клевахин напомнит ему о своем предложении поставить в больнице милицейский пост.

Но майор нашел другого свидетеля, бывшего охранника покойного Кирюхина, некоего Гольцова, работающего на криминального авторитета Чингиза. Он попал к Штымпу после того, как с ним "поработали" подручные Базуля, которых тоже очень заинтересовала кладбищенская история. Еле живой от допроса с пристрастием, Гольцов скрывался у своего деда, старого барыги[15] Андрона. На несчастного охранника, с перепугу прятавшегося и от "быков" Базуля, и от своих, его вывел Мазел, который как обычно знал обо всем и обо всех.

Клевахин "расколол" Гольцова за минуту. Как оказалось, парень страдал повышенной любознательностью и, кроме своих непосредственных обязанностей по охране периметра кладбища, не удержался от соблазна подсмотреть за происходящим на черной мессе. Он и "нарисовал" Клевахину портрет главного действующего лица сатанинского шабаша. Майор не поленился и постарался увидеть таинственного руководителя секты воочию. Оказалось, что Джангиров посещает частную клинику, где лечит пулевое ранение. Остальное оказалось делом техники – в прямом смысле слова; тут уж постарался большой спец в этом деле старлей Тюлькин, славно поработавший скрытой телекамерой.

Клевахин тщательно запротоколировал показания Гольцова, как письменно, так и с помощью видео, но водворять его в следственный изолятор не стал – он уже давно убедился, что руки мафии достанут кого угодно и где угодно. Поэтому майор лишь дал наказ старому сукиному сыну Андрону, чтобы тот хорошо следил за внуком и не выпускал его из укрытия ни под каким предлогом. Если, конечно, он не хочет вскорости справиться по нему поминки. Барыга понял

Штымпа правильно, и поторопился отправить дуракавнука от греха подальше. А сам майор решил не спешить открывать свои карты следователю Атарбекову, мудро рассудив, что каждому овощу свое время.

– У вас есть протокол допроса Ваты? – резко спросил Атарбеков.

– К сожалению, он тогда был не в состоянии подписать... – Клевахин изобразил скорбную мину. – А на следующий день Вату изъяли из обращения.

– Знаю, – хмуро сказал следователь. – Надеюсь, протокол – пусть и в таком виде, без подписи – я все-таки получу.

– Нет проблем, – с воодушевлением ответил Клевахин. – Могу вам отдать его прямо сейчас.

Предполагая нечто подобное, он в ксерокопии протокола допроса Гольцова поменял лишь данные свидетеля. И теперь там фигурировал Ватагин. Который, как был почти уверен майор, не мог с того света ни подтвердить, ни опровергнуть написанное.

Но это понимал и Атарбеков.

– Все это, – потряс бумагами следователь, – филькина грамота. Ни один суд не примет подобные доказательства.

– Конечно, – охотно согласился Клевахин. – Я ведь, как говорится, не первый раз замужем.

– Тогда зачем огород городить?

– А чтобы козлы капусту не съели, – жестко отчеканил майор. – Мне хочется побеседовать с Джангировым до того, как его пошлют вслед за Ватой. Но поскольку он такая важная персона, – Клевахин глядел прямо в глаза Атарбекову с вызовом, – то я хочу обойтись с ним по-джентельменски, а не нашим обычным ментовским нахрапом. Или я уже не имею права в интересах дела вызывать нужных свидетелей?

– Имеете. Но ответу вопросом на вопрос: а я тогда зачем нужен? Для мебели? – Атарбеков старался сохранить спокойствие, хотя это у него не очень получалось.

– Резонно, – согласился майор. – Извините, постараюсь, чтобы впредь таких накладок не случалось.

– Уж постарайтесь... – хмуро буркнул следователь.

Оба понимали, что весь этот разговор и извинения – не более чем пустые словеса. Каждый вел свою игру и каждый знал об этом. Но приличия требовали сидеть за столом в белых перчатках...

– Мне хотелось бы присутствовать при вашем разговоре с Джангировым, – поднимаясь, сказал Атарбеков.

– Конечно, – кивнул Клевахин. – Я позвоню...

Атарбеков ушел. Неприкаянно маявшийся под дверью Тюлькин, который уже заждался, проскользнул в кабинет едва не на цыпочках. Майор, недовольно морщась неизвестно от чего,пил остывший чай. Впрочем, оснований для недовольства у него было хоть отбавляй...

– Так мы едем... или как? – осторожно поинтересовался старлей.

– Уже почти приехали, – пробурчал Клевахин и поднялся. – Пойдем, гроза блатных...

Поселок Чулимиха считался окраиной города. Номинально. На самом деле поселок мог претендовать на звание мини-республики и даже имел свои четко определенные границы, за которые чужому человеку, в особенности молодому и с другого городского района, заходить было небезопасно. Такое противостояние длилось с незапамятных времен – когда Чулимиха называлась слободой и добры молодцы из купеческого сословия, проживающие в центре, ходили стенка на стенку и кулак на кулак выяснять отношения с чулимихской голытьбой.

В новые, перестроечные, времена микрорайон Красный Пахарь (так в свое время окрестили Чулимиху большие борцы за светлое коммунистическое будущее) стал весьма популярным питомником правоохранительных и мафиозных структур – практически каждый третий милиционер города и "бык" на службе у "новых" русских жили на его запутанных донельзя улицах. Этот странный конгломерат давно уже стал притчей во языцех, так как простому обывателю было весьма сложно отличить где заканчивается порядок, а где начинается бардак, и кто кому брат, а кто – сват. Потому чулимихские "красные пахари", народ ушлый и тертый, решительно наплевали на тех и других, здраво рассудив, что благодаря такому удачному стечению обстоятельств у них нечаянно образовалась свободная экономическая зона.

Чулимихских мелких торговцев не трогала ни мафия, ни правоохранительные органы, ни налоговые службы – все успешно делали вид, что Красный Пахарь относится к разряду аномалий сродни Бермудскому треугольнику и что он существует в каком-то другом измерении.

Клевахину пришлось здорово потрудиться, пока он не вышел на след горе-террориста, оставившего на кладбище сумку почтальона, зажигалку и связку динамитных патронов. Майор исходил из предпосылки, что "динамитчик", во-первых, явно не профессионал, а во-вторых, житель Чулимихи или окрестностей поселка Красный Пахарь. В его допущениях, конечно, были явные натяжки, но утопающий хватается за соломинку.

Поначалу ему пришлось поднять почтовые архивы. Оказалось, что во все времена почтальонами были в основном женщины. Среди них затесались лишь четверо мужчин, все инвалиды, но жили они в других районах города и померли в семидесятых. Тогда Клевахин сосредоточился на чулимихских почтовых отделениях. Он искал совершенно определенную семейную пару – мужа, участника войны, и жену, имеющую отношение к почтовому ведомству, возможно, тоже фронтовичку. Таких оказалось три. Две супружеские четы отпали сразу: одна перебралась в другой город четырнадцать лет назад, а вторая была бездетной. Ко всему прочему, последних в девяносто пятом году определили в дом престарелых, где они и доживали век на положении безвинных и ничего не помнящих одуванчиков.

А вот третья пара, Усольцевы, несомненно вызывала интерес. Клевахину удалось выяснить, что супруг почтальонши всю войну прослужил в саперных войсках, дошел до Берлина, а после демобилизации до самой пенсии работал почти по своей фронтовой профессии – мастером-взрывником на гранитном карьере, расположенном в десяти километрах от Чулимихи. К сожалению, на личную встречу с ним майор не рассчитывал – Усольцев помер в девяносто шестом – но вот с его сыном, Семеном Антоновичем, просто жаждал поболтать о жизни и других забавных вещах...

– Вы захватили с собой бронжилет? – обеспокоено спросил Тюлькин, когда их оперативный "жигуленок" остановился возле какого-то ларька, звучно наименованного, судя по вывеске, мини-маркетом.

– Зачем? – удивился майор.

– Ну как же – вдруг он окажет сопротивление... динамит там и все такое прочее... – старлей дрожал от боевого возбуждения.

– Шурик, от динамита и "всякого такого прочего", именуемого пластидом, не защитит никакая броня. А что касается пули, так ведь она дура, как говаривал наш великий полководец Суворов. Эй, пацаны, вы что делаете!? – возмутился Клевахин, выбираясь из салона – пока они с Тюлькиным дискутировали, к машине подбежали двое мальчиков примерно десяти лет и, облив стекла какой-то вонючей серой пакостью, начали размазывать ее не очень чистой ветошью.

– Дяденька, мы возьмем недорого... – заныли они в один голос.

– Брысь отсюда! – грозно рявкнул майор. – По-моему, я вас в мойщики не нанимал.

– Дяденька...

Но Клевахин был непреклонен. Пацаны удрученно вздохнули, весело переглянулись, и пошли прочь, независимо поплеывая себе под ноги.

– Э-э, постойте! – майор только сейчас заметил, что лобовое стекло утратило прозрачность и стало напоминать окно в общественном туалете, кое-как покрашенное белой краской. – Что же это вы – насвинячили и не убрали?

– Так ведь мы говорили, что недорого возьмем... – шустрые мойщики теперь смеялись уже откровенно.

– Ладно, малолетние рэкетиры, заканчивайте свое грязное дело, – вынужден был пойти на попятную Клевахин. – Заодно и машину посторожите. Вернусь – расплачусь.

– Не сомневайтесь, все будет в лучшем виде, – бодро ответили пацаны и работа закипела.

– Вам квитанцию выписывать? – ни Клевахин, ни Тюлькин не заметили, как к ним присоединился еще один чулимихский типаж – забулдыжного вида малый в худой одежонке, держащий в руках пачку крохотных серых листиков и шариковую авторучку. – Платите...

– Какую квитанцию? – это уже спросил старлей; у майора от сюрпризов "красных пахарей" в горле заклинило. – За что еще платить?

– За стоянку, – невозмутимо объяснил "народный контролер".

– Где знак, что здесь платная стоянка? – не сдавался Тюлькин.

– Сняли, чтобы подновить, – все также спокойно ответил его собеседник.

– Ни хрена мы не будем платить! Это очередная обдираловка! – взвился, как ужаленный, старлей.

– Мое дело вас предупредить... – с сожалением пожал плечами фрукт с квитанциями и вознамерился ретироваться.

С горячки Тюлькин было полез в карман за удостоверением, чтобы восстановить "статус кво" (он с майором были в штатском), но Клевахин придержал его руку.

– Сколько? – спросил майор и, получив ответ, достал кошелек.

– Вот и хорошо, вот и ладно... – пробубнил "народный контролер", что-то царапая на сером листочке. – Не беспокойтесь, машина будет под присмотром.

– Зачем?.. – начал было Тюлькин, когда они отошли от машины на несколько шагов.

– А затем, дорогой Шурик, – бесцеремонно перебил его Клевахин, – что по возвращении мы

могли обнаружить вместо нашего прелестного железного коня – пусть немного и староватого – кучу металлолома.

Как говорили древние – о времена, о нравы...

Старлей не нашелся, что ответить, лишь злобно выругался себе под нос.

Дом Усольцевых мало чем отличался от полусотни себе подобных, расположившихся вдоль узкой и колдобистой улицы: деревянный некрашенный забор, почерневший от времени, ворота, сваренные из листового металла, покрытая мхом шиферная крыша, проконопаченный пенькой сруб и обязательные резные ставни с петушками. На стук в запертую калитку отозвался солидным басом здоровенный кобель, гремевший тяжелой цепью возле ворот. Минуту спустя женский голос приказал ему заткнуться, а затем последовал вопрос:

– Чего надо?

– Весьма любезно... – тихо буркнул Клевахин и ответил: – Поговорить. Мы из милиции.

Наступила тишина. Видимо, женщина переваривала услышанное. Наконец раздались шаги, звякнула щеколда и перед глазами оперов предстала дородная краснощекая матрона в замызанной телогрейке, одетой поверх халата в цветочек, который едва не лопался от спрятанных под ним – и то наполовину – весьма внушительных женских прелестей.

– Откуда видно, что вы из милиции? – спросила молодуха, предусмотрительно держась позади угрожающе скалившего зубы пса.

Клевахин молча показал ей свое удостоверение.

– Ну... не знаю... – она с сомнением окинула взглядом сначала Тюлькина, а затем майора. – Сейчас многие ходят... всякие там попрошайки, цыгане. А документ выправить – раз плюнуть. Были бы деньги.

– Кончай борзеть, тетка, – грубо сказал Тюлькин, выступая вперед. – У нас работа, а ты тут базар-вокзал устраиваешь, игру в вопросы и ответы. Не то мы сейчас твоего бобика пристрелим, а на тебя наденем наручники – и в кутузку. Мы из "убойного" отдела городского уголовного розыска. Слыхала?

Клевахин хотел было одернуть напарника – он не любил хамства, в том числе и в оперативной работе – но не успел: женщина льстиво заулыбалась и тут же заперла пса в будке, чтобы освободить им дорогу.

– Простите, ради Бога... – она начала сбивчиво извиняться, а затем пошла впереди, вульгарно покачивая чересчур полными бедрами. – Сюда. А мы причем?

– Все причем, – загадочно ответил Тюлькин, сразив ее этим "перлом" словесности, что называется, наповал; женщина даже изменилась в лице, разом утратив свой румянец и остатки апломба.

Вся горница была в коврах. Глядя на пестрые шерстяные стены, Клевахин едва сдержался, чтобы не чихнуть. Один угол – красный – занимал иконостас, перед которым чадила лампада. Разнокалиберная мебель навевала мысли о комиссионном магазине – таком, каким он был в совсем недавнем прошлом, когда за новой стенкой стояли в очереди лет пять. Диван со слониками казался дизельной подлодкой, затонувшей во вторую мировую войну и отреставрированной для музея.

– Хозяин дома? – сразу, без обиняков, приступил к делу раздухарившийся не на шутку

Тюлькин.

– Э-э... – заблелая совсем обалдевшая молодуха. – Он... э-э... в мастерской. Там... – она показала рукой на окно, выходящее на другую сторону дома. – Позвать?

– Не нужно, – Тюлькин быстро глянул на майора. – Мы сами... – Он направился к двери.

– Минуту, – остановил его Клевахин. – Вам знакома эта вещь? – он показал женщине найденную на кладбище зажигалку.

– Д-да... – ответила она и ее глаза воровато забегали. – Это зажигалка Антона Карповича.

– Кого? – переспросил майор.

– Моего тестя. Он помер...

– Понятно, – Клевахин ощутил прилив крови в висках, как это обычно бывало в экстремальных ситуациях. – Подождите здесь, – попросил он женщину.

Едва они вышли во двор, Тюлькин с решительным видом достал пистолет.

– Спрячь, – насмешливо ухмыльнулся майор. – Мне почему-то совсем не хочется получить лишнюю дырку в собственной шкуре.

В мастерской жужжала электропила и восхитительно пахло опилками. Склонившись над станком, тщедушный человечек в допотопных мотоциклетных очках распускал доску на планки.

– Эй! – окликнул его Тюлькин.

Он стоял, как предписывали каноны снайперской стрельбы из пистолета – ноги на ширине плеч, а руки полусогнуты; старлей все-таки вернул "макарова" в наплечную кобуру, но застежку оставил расстегнутой.

– Как... Кто... Кто вы такие!?! – воскликнул хозяин дома, с испугу шарахнувшись в сторону.

Допиленная до половины доска, которую ничто не удерживало, взлетела в воздух и, просвистев над самой головой Тюлькина, с грохотом обрушила одну из полок со всякой всячиной. Ошеломленный старлей машинально выхватил оружие, но Клевахин молниеносно сжал его запястье. При виде пистолета человечек охнул и, подпустив глаза под лоб, упал без сознания.

– Твою мать!.. – выругался Клевахин. – Чего стоишь, как столб!?! – вызверился майор на Тюлькина. – Давай воду. Не хватало еще, чтобы он копыта откинул.

Старлей метнулся к точилу, где стояла жестяная банка из под тушонки с водой, схватил ее и начал лить обеспамятевшему прямо на лицо.

– Осторожней, – сказал майор, похлопывая человечка по щекам. – Если он не помер от разрыва сердца, то благодаря тебе захлебнется.

– Что... со мной? – глаза под мотоциклетными очками смотрели бессмысленно и дико.

– Пустяки, – бодро ответил Клевахин, помогая хозяину дома сесть. – У вас обморок. Мы из милиции, – предупредил он следующий вопрос. – У нас кое-какие проблемы, хотим посоветоваться, – майор решил поосторожничать, чтобы человечек опять не выкинул какой-нибудь фортель.

Глядя на тщедушного мужичонку, Клевахин чувствовал угрызения совести. Ему казалось, что они зря его напугали, хотя это и получилось нечаянно. Трудно было представить этого недоростка в роли грозного террориста-динамитчика. Хотя из собственного опыта он знал, что среди самых жестоких убийц и насильников как раз больше всего и встречается низкорослых мужчин.

– О чем... посоветоваться? – хозяин дома неторопливо снял очки и поднялся на ноги без посторонней помощи.

Он почти успокоился, и в его рачьих глазах навывкате начал постепенно разгораться огонек упрямства и неприятия. Вспомнив иконы в доме, Клевахин уже не сомневался кто перед ним. Ему приходилось встречаться с фанатическими приверженцами разных вер, и похоже этот тщедушный огрызок принадлежал к их сонму.

– Вы Усольцев Семен Антонович? – официальным тоном спросил майор.

– Да, – коротко ответил мужичок.

– Где вы находились в ночь?... – Клевахин назвал дату.

– Дома, – не задумываясь и поспешней, чем следовало, сказал Усольцев.

– Кто это может подтвердить?

– Супруга, – голос Усольцева был ясен и тверд.

– А почему вы не спрашиваете зачем мы этим интересуемся?

– Вы – милиция, – мужичок неприязненно пожал плечами. – Вам все позволено.

– Это точно, – добавив в голос жесткости, отчеканил Клевахин – у него уже сложился план допроса.– А потому собирайтесь.

– Зачем? – голос Усольцева дрогнул.

– Поедете с нами. Старший лейтенант, наденьте на гражданина Усольцева наручники, – приказал майор.

– Как... почему!?! – вскричал хозяин дома.

– Потому что ты врешь, как сивый мерин! – рявкнул Тюлькин, правильно поняв суть затеянной Клевахиным игры. – Давай свой грабли, ты, чучело гороховое.

– Вы не смеете!.. – взвизгнул Усольцев, забиваясь в угол. – Я буду жаловаться!..

– Мы тебя посадим в следственный изолятор к уголовникам... для начала дней эдак на двадцать. Вот ты им и пожалуешься, – издевательски осклабился старлей. – У многих из них, знаешь ли, нетрадиционные сексуальные наклонности, а если тебя как следует подмарафетить, то запросто сойдешь за потрепанную шалаву... конечно, при некоторой доле воображения и неприязнательности вкусов.

– Нет! – вскричал побледневший Усольцев.

– Есть и другой выход из ситуации, – вступил Клевахин. – Вы нам расскажете то, что видели на кладбище – подробно! – а мы в свою очередь закроем глаза на ваши прегрешения перед законом.

Только не нужно отпираться. Это по меньшей мере глупо. У нас ваша зажигалка, почтовая

сумка и динамит.

А значит и коллекция отпечатков пальцев. Всего этого достаточно, чтобы обвинить вас во всех смертных грехах и отправить лет на семь в тюрьму. Если, конечно, вы не пойдете нам навстречу. Подумайте. Даю вам две минуты, – майор демонстративно посмотрел на часы.

Он почти не врал Усольцеву. Забрать хозяина дома с собой значило потерять важного свидетеля. В следственном изоляторе Семен Антонович не прожил бы и неделю – Клевахин достаточно хорошо представлял кто его противник. Мало того, майор не собирался говорить о существовании Усольцева и Атарбекову – конечно, до поры до времени. Клевахин пока еще не знал, какая нужда погнала мужичка среди ночи на кладбище. Но то, что динамит принадлежал Усольцеву, майор практически не сомневался. И в душе он радовался своей удаче как зеленый стажер – брошенный почти наугад камень угодил как раз туда, куда нужно.

На лице Усольцева гамма чувств сменялась словно в калейдоскопе – от полного отчаяния до жесткого упрямства, свойственного религиозным фанатикам. Клевахин даже начал тревожиться за успех своей задумки – а вдруг Усольцев упрется, что тогда? Истинно верующий и к тому же не нюхавший тюремных щей – это тебе не какой-нибудь урка, его на понт не возьмешь. Можно, конечно, бросить Усольцева в жернова "мельницы" – когда подозреваемого допрашивают сутками без перерыва, меняясь каждые два часа – но все равно не исключено, что конечный результат в итоге будет нулевым.

Наконец Усольцев поднял голову и спросил:

– Что мне будет... за динамит?

– Преступные намерения и свершившееся преступление – разные вещи, – ответил Клевахин.
– Мы оформим вам явку с повинной и чистосердечное признание. В тюрьме вы сидеть не будете – это точно.

– Ладно... – мужичок сморщился, будто намереваясь заплакать. – Я расскажу... все расскажу...

Клевахин облегченно вздохнул.

Глава 10. "Стрелка"

Балагула оказался прав – Чингиз, этот сукин сын, все-таки осмелился назначить "стрелку". И кому!?

"Положенцу", назначенному братвой для надзора над городом, вору "в законе", одному из главных авторитетов страны. Ну погоди, козел кастрированный!

Базуль не находил себе места от ярости.

– Этого пидора короновали в зоне на вора "в законе" всего лишь за хороший подогрев,[16] а мне пришлось в общей сложности оттрубить у хозяина[17] двадцать девять лет! – орал он, брызгая слюной, прямо в лицо Балагулы. – И теперь этот хмырь болотный думает, что он мне ровня!?

– Федор Лукич, не нужно пороть горячку, – ничего не выражающие глаза Балагулы смотрели на Базуля не мигая. – Придет время, и мы этого Чингиза...

– Оно уже пришло! – перебил его "положенец". – Чингизов кодляк давно нужно было пустить на распил. Это ты виноват, все меня отговаривал не заводить толковище. – Неожиданно он хищно прищурился и с подозрением уставился на своего помощника. – А может, друг сердечный, ты все эти мансы не по глупости и наивности мне в уши вкладывал? Может, уже ссучился и хаваешь из другой кормушки?

– С этого всегда все и начинается... – хмуро буркнул Балагула.

– Не понял. Что значит "с этого"?

– Сначала рубят под корень своих, а потом приходит черед и самим лечь под топор.

– На что намекаешь, черт тебя дери!?

– А я не намекаю. Я говорю прямо – не стоит искать врагов и предателей там, где их и в помине нет. Как на меня, то от добра приключений на свою задницу не ищут. Более высокого положения, чем быть вашей правой рукой, мне не достичь никогда. Тогда спрашивается: с какой стати я должен подпиливать сук на котором сижу?

– Складно щебечешь, птичка... – сомнения постепенно оставили Базуля, и он с видимым облегчением откинулся на спинку кресла. – Но в главном ты прав – не стоит нам ссориться и кидаться друг на друга, словно сорвавшиеся с цепи псы. Иначе беды не миновать.

– Потому я и предлагаю согласиться на "стрелку". Хуже не будет. А время мы выиграем. Чтобы осмотреться и принять верное решение.

– Верное решение... – повторил со злобой Базуль. – Примем, будь спок. Я тут посоветуюсь... кое с кем... Хочу узнать отчего это Чингиз таким борзым стал.

– Похоже, кто-то предоставил ему очень сильную "крышу", – высказал предположение Балагула.

– Думаешь, менты? – нахмурился "положенец".

– Если Опришко клеили на губернатора, то и такой вариант не исключен... с подачи верхов.

– Хреново. С ними бодаться мне не хотелось бы. Но если придется, пусть не думают, что я покорно лапки сложу и пошлепаю на очередной этап.

В голосе Базуля было столько ненависти, что Балагула невольно поежился.

– У нас среди них тоже есть свои люди, – успокоительно сказал помощник "положенца". – Все дело в бабках.

Главное, чтобы Чингиз и те, кто за ним стоит, не предложили им больше, чем мы.

– Верно говоришь, – согласился Базуль. – А ты в свою очередь подключи и своих мусорков, пусть подсуеются, понюхают где и чем пахнет. Нам сейчас любая информация на вес золота.

– Нет проблем, – кивнул квадратной головой Балагула. – Значит, на "стрелку" даем добро?

– Только на наших условиях и в том месте, которое назначу лично я, – веско сказал Базуль. – Готовь парней.

– Количество?..

– Не менее тридцати человек. Возьми лучших.

– Пистолеты, помповые ружья?..

– И автоматы. Двух "калашниковых", я думаю, хватит. Нужно не дать Чингизу ни единого шанса выскользнуть живым, если он осмелится дать приказ обнажить стволы. В случае чего, мочить его козлов всех подряд.

– Надеюсь, до этого не дойдет.

– Надейся, – фыркнул Базуль. – Но порох держи сухим. А теперь оставь меня. Я хочу проведать своих собачек. Они очень не любят посторонних...

Место для "стрелки" было выбрано с умом. Оно находилось в километре от Чулимихи, между двумя почти параллельными дорогами, и представляло собой длинную неширокую поляну, которую закрывали от шоссе с одной и с другой стороны лесополосы – достаточно густые, чтобы не просматриваться насквозь даже поздней осенью, и в то же время не настолько частые, чтобы преградить путь легковым автомашинам.

Впрочем, мощные "джипы" братвы могли ездить где угодно, хоть по таежному бездорожью.

Балагула извелся, исследуя, словно легавый пес, каждый подозрительный кустик, каждую удобную для засады ложбинку. После него пришел черед и людям Чингиза, которые проделали то же самое и не менее тщательно. Никто не хотел оказаться в роли подставленного и нахлебаться свинцовой каши из-за лени или глупости по самое некуда. По мнению Базуля, а значит и Балагулы, все было в полном ажуре: земля подмерзла, снегу выпало совсем чуть-чуть, "стрелку" назначили на субботу, в первой половине дня, когда практически все гаишники и дорожная милиция трудились на свой карман, охраняя многочисленные автомобильные рынки и толчки, а на дежурства в райотделах должны заступить свои люди, готовые в случае засветки "мероприятия" и каких-либо контрмер правоохранительных органов немедленно подать условный сигнал. И все равно, невзирая на благоприятные обстоятельства, на душе у "положенца" было почему-то муторно...

Субботний день оказался теплым и пасмурным, хотя служба прогнозов погоды грозила резким понижением температуры и сильными ветрами. На самом деле столбик термометра цепко держался за нулевую отметку, а вместо предполагаемого ясного солнечного утра горизонт обложили брюхатые свинцово-серые тучи, с минуты на минуту готовые разродиться метелью.

Балагула в очередной раз произвел смотр своего "воинства" и остался доволен. Его парни прибыли минут на пять раньше людей Чингиза и слаженно заняли указанные в диспозиции места. Он, как и хотел Базуль, выбрал лучших – не мускулистых "быков" со лбом, который можно закрыть одним пальцем, а в основном тех, кто воевал в Чечне и вдоволь нанюхался пороху. Эти парни знали свое дело туго и совершенно не испытывали естественного в таких случаях мандража.

Наконец из лесополосы показались и машины с парнями Чингиза. Они разъехались веером и остановились метрах в сорока от Базуля, который стоял, опершись на капот своего бронированного "мерса", и с удовольствием вдыхал свежий воздух, пахнувший снегом и хвоей – чуть поодаль, на пригорке, зеленела небольшая еловая рощица. "Стрелка" с Чингизом его скорее забавляла, нежели тревожила. За те несколько дней, что прошли после неприятного известия о неминуемой разборке, он прозондировал ситуацию вокруг конфликта и немного поостыл, благо информация, полученная им от верных людей, окопавшихся в столице, теперь уже вовсе не казалась ему опасной и безвыходной. Ожидая Чингиза, он больше думал о предстоящей завтра первой пробе на ринге одного из его любимцев, бульмастифа по кличке Фарт, нежели о предстоящем толковище.

Они сошлись ровно посередине между двумя рядами машин с включенными моторами – их не

глушили специально, чтобы рядовые бойцы не могли слышать о чем разговаривают их боссы.

– Здравствуй, Федор Лукич, – сдержанно поприветствовал "положенца" Чингиз.

– Привет, – неприязненно буркнул Базуль.

Ни Чингиз, ни старый вор "в законе" друг другу руки не подали.

– Как здоровье? – для проформы поинтересовался Чингиз.

– Пока не жалуюсь. Чего и тебе желаю... – со скрытой издевкой ответил Базуль – он знал, что Чингиз прочно сидит на игле и ни дня не может прожить без импортных сильнодействующих наркотиков, которые вот-вот превратят его в развалину.

Чингизу едва перевалило за сорок. Он был невысок, болезненно худ, но жилист. На его бесстрастном восточном лице практически не было растительности, а потому жидкие тоненькие усики смотрелись как приклеенные. Узкие неподвижные глаза собеседника Базуля казалось глядели не наружу, а внутрь; создавалось впечатление, что они просто нарисованы на сухой желтоватой коже, похожей на старый пергамент.

– Клевая у тебя тачка, – с завистью буркнул Чингиз, глядя за спину Базулю.

– У тебя не хуже, – показал вставные золотые зубы "положенец" в кислой улыбке.

– Не скажи... Твой "мерс" бронированный, а у моего разве что движок посильнее.

– Зато тебя никто не догонит, – теперь уже Базуль рассмеялся вполне откровенно.

В выражении лица Чингиза что-то изменилось – будто кто-то невидимый быстро сменил одну маску на другую. Теперь полная невозмутимость уступила место хищной настороженности.

– Ладно, потрепались – и будет, – глухо сказал Чингиз. – У нас не так много времени разводить трали-вали.

Нужно решить вопрос.

– Решай, – преувеличенно кротко кивнул Базуль.

– В позапрошлом году на сходняке[18] авторитетов мы разделили город на сферы влияния. Было такое?

– Ну... – "положенец" был удивлен – он ожидал совершенно иного начала и абсолютно на другую тему.

– Тогда скажи мне по какому праву ты взял под себя Кургузый рынок? Он на моей территории.

Базуль опешил. Он никогда не был тугодумом, но сейчас у него в голове все смешалось и вдобавок напрочь отняло речь. Старый вор "в законе" лишь бессмысленно тараторил на Чингиза, пытаясь сообразить куда тот клонит.

Кургузый рынок находился на границе размежевания сфер влияния группировки Базуля и Чингиза. Совсем недавно на большой пустырь посреди недавно отстроенного микрорайона никто из братвы не только не смотрел, но даже плюнуть не хотел. Обычно там кучковались старушки, приторговывая семечками, сигаретами и ранней зеленью, выращенною в парниках. Что с них возьмешь? Если кто и щипал их потихоньку да помаленьку, так это местная мелкая шантрапа, не входившая ни в один из городских мафиозных кланов.

Но так было до тех пор, пока сначала к самому рынку не подвели трамвайные пути, а затем не открыли линию троллейбусного маршрута. Неожиданно оказалось, что Кургузый рынок неизвестно по какой причине стал чрезвычайно привлекателен для колхозников, которые его буквально оккупировали и начали продавать продукты по смехотворно низким ценам. Впрочем, ничего необычного в ценообразовании не было: сперва торговля шла без рвачей-посредников и без "народных контролеров" – в лице рэкетиров и мздоимцев от налоговых и прочих государственных служб.

Конечно, вскоре нашелся ушлый бизнесмен, мгновенно сообразивший какое открывается перед ним золотое дно. Он быстренько оформил в мэрии земельный отвод, за два месяца построил торговые ряды и начал ковать большие деньги сидя в кресле и поплеывая в потолок. Балагула, несмотря на свою квадратную дубовую голову, проявил истинно ментовскую прыть и накрыл благодуществующего "нового" русского ровно за два дня до появления в его офисе людей Чингиза.

Те покрутились немного вокруг да около Кургузого рынка и сочли за благо по быстрому исчезнуть – "крыша" Базуля в городе была самой сильной и надежной, а потому в его владения осмеливались вторгаться лишь изредка и только "дикие", в основном молодая бандитская поросль и откинувшиеся.[19] Действовали они непродуманно, шальными налетами и обычно пускали кровь почем зря. Бывший опер Балагула очень скоро выходил на их след, и тогда в ход шли два варианта: оборзевших "отморозков" сдавали уголовке или разбирались сами – без лишнего шума и с максимальным эффектом. С годами остепенившийся Базуль не терпел, когда кто-то мешал его почти официальному бизнесу...

И вот сегодня Чингиз, который до этого дня даже не заикался по поводу Кургузого рынка, совершенно неожиданно решил покачать права. Чтобы это могло значить?

– Ты серьезно? – сдержанно удивился Базуль, все еще пытаясь найти разгадку необычного поведения Чингиза.

– А разве я похож на трепача? – ответил вопросом на вопрос его визави.

– Тебе виднее, – отрезал постепенно наливающимся гневом "положенец".

– Так что скажешь по поводу рынка? – опять спросил Чингиз.

– А скажу то, что ты, братан, приборзел. Кургузый находится на меже, и тебе это известно не хуже чем мне.

Я первый успел его "прикрыть", значит он мой. Понял? И твой разговор на эту тему – пустая болтовня.

– Значит, по-твоему я балаболка? – в голосе Чингиза появились какие-то новые нотки. – Ты отвечаешь за свои слова?

– Еще как отвечаю, – злобно покривился старый вор "в законе". – А вот ты точно не отдаешь себе отчет во что ввязываешься.

– Не бери меня на понт, Базуль. Мы с тобой сейчас не у "хозяина" на лесоповале, а на "стрелке". Это значит, что мы должны договориться к обоюдной выгоде. Или... – Чингиз многозначительно замолчал.

– Что – или? – Базуль сдерживал себя с трудом, хотя на его лице блуждала неясная – как будто благодущная – ухмылка. – Договаривай.

– Не просекаешь? – Чингиз смотрел на Базуля с виду равнодушно и холодно. – Странно... Я тебя знал, как очень неглупого человека.

– Ты хочешь начать всеобщую разборку в городе? Думаешь, тебе это сойдет с рук? – с издевкой спросил "положенец".

– Умные слова и главное вовремя сказанные, – карикатурное подобие улыбки на миг осветило азиатское лицо Чингиза. – Конечно, такое нарушение паритета очень даже наказуемо. В чем ты скоро лично убедишься.

– Что-то я не пойму твоих намеков...

– О каких намеках идет речь? Говорю тебе прямо: не я, а ты начал разборку. Так кому ответ держать?

Только теперь Базуль понял коварный замысел азиата. Конечно же, Чингиз знал практически наверняка, что к событиям на кладбище "положенец" не имеет никакого отношения. Но уж больно случай подвернулся удобный, чтобы подставить Базуля как последнего фраера. И Чингиз не замедлил им воспользоваться – скорее всего, с чьей-то подачи. Он понимал, что синклит авторитетов не станет глубоко копать, чтобы прояснить картину происходящего в городе, а примет соломоново решение – если на дороге лежит мешающий движению камень, его нужно просто убрать. И от этого приговора не спасут ни трехметровой высоты заборы, ни дом-крепость, ни усиленная охрана. Один точный снайперский выстрел – и доказывай потом свою правоту архангелам в чистилище. Даже если Базуль возьмет в разборке верх, от этого проку будет мало – его все равно обвинят во всех грехах как свои, так и власти, которым революция в кормушке на фиг не нужна. И тогда на него спустят всех псов.

– А не рано ли ты начал делить мое наследство? – спросил Базуль с силой, до хруста в суставах, сжав кулаки.

– Или считаешь себя железным и неуязвимым?

Ему показалось, что Чингиз несколько растерялся. Похоже, он не ожидал, что Базуль так быстро почует откуда дует ветер. И теперь мучительно соображал как вести себя дальше: молчал, прикусив нижнюю губу, и озадаченно пялился на собеседника словно петух на приبلудившуюся в курятник индейку – потоптать бы, так нужно высоко запрыгивать и неизвестно как отреагирует на такое нахальство весь скотный двор.

– Что молчишь? Заклинило? – напирал, все больше заводясь, Базуль. – Хочешь свалить все грехи с больной головы на здоровую!? А болт с винтом для хитрой задницы ты видал!? – он изобразил интернациональный жест в русском исполнении. – Запомни, сявка подзаборная – я был вором "в законе" уже тогда, когда ты под стол пешком ходил. А потому, во-первых, хрен тебе, а не Кургузый рынок, а во-вторых, если по твоей милости меня отправят вперед ногами, то ровно через неделю ты последуешь вдогонку за мной. И поверь – уж я об этом позабочусь загодя.

– Какие мы страшные... – Чингиз вдруг мигом потерял свою азиатскую невозмутимость и оскалился, как загнанный в западню волк. – Я тоже не пальцем деланный и мне твои угрозы и оскорбления до лампочки.

Кургузый рынок будет моим. Я так решил! А ты нарушил уговор и будешь отвечать... если мы, конечно, не договоримся.

– Держишь меня за дурачку!? Даже если я отдам рынок, те, под которыми ты, фраерок, ходишь, найдут другую причину, чтобы столкнуть нас лбами. – Базуль размахивал руками и брызгал слюной. – Хочешь войны? Ты ее получишь. Но не тогда, когда тебе заблагорассудится. Похоже, ты забыл кто в городе "положенец". Мне наши воровские авторитеты дали власть, которую я употреблю, чтобы созвать сходняк.

Вот там ты и расскажешь какая муха тебя укусила и как ее зовут. Понял!? Твою мать...

Балагула места себе не находил, пристально наблюдая за разговором боссов. Сейчас он жалел, что не уговорил Базуля спрятать в одежде мини-микрофон, чтобы можно было слушать о чем идет разговор. Но так гласил неписанный закон подобных "стрелок" – встреча должна происходить один на один и без всяких звукозаписывающих средств. За его неукоснительным исполнением следила и та, и другая сторона.

Он видел, что его пахан кипит, а это было очень плохим признаком. Балагала не был трусом, но что хорошего в том, когда каждый день ходишь словно по лезвию ножа и не знаешь доживешь ли до следующего утра?

Но вот наконец Базуль и Чингиз, так и не подав на прощание друг другу руки, резко развернулись и поспешили к своим машинам. " Не договорились...", – только и успел подумать с горьким сожалением Балагула, как вдруг в напряженную тишину нагло ворвалось резкое грохочущее эхо выстрелов. Он увидел, что кто-то из его парней упал, но осмысливать происходящее было недосуг – Балагула мгновенно спрятался за "джип" и совершенно автоматически открыл ответный огонь.

Спустя считанные секунды на поляне воцарился ад. Стреляли с обеих сторон, большей частью не прицельно, но от этого было не легче – пули роились вокруг машин как пчелы в теплый майский день возле ульев. Первый боевой порыв прошел, и Балагул вдруг пришла в голову и засела, словно заноза, простая и очевидная по здравому размышлению мысль – почему!? Зачем!? С какой стати и кто открыл огонь на поражение, и притом в тот момент, когда лидеры двух противостоящих группировок еще даже не успели оказаться среди своих? Невероятно и противоречит здравому смыслу...

Прозрение пришло чересчур поздно. Балагула сначала не поверил ни свои глазам, ни ушам, а когда понял, что случилось на самом деле и хотел скомандовать прекратить стрельбу, пуля попала в бензобак одной из неподалеку стоящих машин и взрыв забил ему в рот тугий огненный кляп.

Глава 11. Черная слега

Егор Павлович никогда не был так счастлив. Жизнь вдруг приобрела смысл и наполнилась молодой энергией – так оживает и распускается после зимней полудремы дерево, ощутив прилив животворящего сока из оттаявшей земли. Временами ему хотелось взбрыкнуть, как глупому телку, и побежать вприпрыжку прямо по мостовой.

Он купил себе два новых костюма, четыре рубашки, туфли, носки, несколько галстуков (которых терпеть не мог), каждое утро скоблил щетину на подбородке с таким тщанием, что сам диву давался, и по три раза на день залезал под душ. Егор Павлович не знал, какие запахи нравятся Ирине Александровне, а потому, чтобы не попасть впросак, выбирал в престижном парфюмерном магазине одеколон почти час, вызвав среди продавщиц своей придирчивостью нездоровый ажиотаж. Перед тем, как показать ей свое жилище, он в срочном порядке затеял косметический ремонт – переклеил обои и все перекрасил импортными красками – а после еще неделю ползал по квартире, доводя ее до блеска. Даже Грея не миновала странная лихорадка хозяина – в день визита Ирины Александровны (это была суббота) Егор Павлович впервые в жизни отвел пса в специальный салон, где грозному волкодаву сделали стрижку, погоняли блох и искупали в ароматических шампунях.

Ирина Александровна расцветала прямо на глазах. Теперь трудно было узнать в статной

симпатичной женщине, правда, одетой не по последней моде, но со вкусом, ту серую мышку, что торговала на Подкове.

Она стала и держаться иначе – с достоинством, независимо и недоступно. Глядя на нее со стороны, Егор Павлович иногда со страхом понимал до чего они разные. В такие недобрые минуты старику начинало казаться, что вот она уйдет, а завтра по-интеллигентному вежливо укажет ему на порог. И от этого нехорошего предчувствия Егору Павловичу становилось так плохо, что он просто места себе не находил в ожидании новой встречи.

Но дни шли своим чередом, Ирина Александровна держала его на дружеской ноге – к сожалению, не более того – и постепенно он привязался к ней, как способны на такое чувство лишь люди, которые никогда не имели близких, родных и семейного очага. Наверное, она могла бы помыкать им, как хотела, однако врожденное благородство не позволяло ей переступить незримую черту, отделяющую искреннее уважение и доброжелательство от барской снисходительности, соседствующей с унижением.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды не случилось то, чего Егор Павлович боялся больше всего...

В тот день он пришел к ней, если можно так сказать, не по графику. Они договорились встретиться вечером, чтобы пойти на концерт, но Егор Павлович не выдержал смутного беспокойства, томившего его с самого раннего утра, и заявился сразу после обеда – он хотел предложить Ирине Александровне немного прогуляться по свежему воздуху и посидеть в каком-нибудь кафе. Когда она отворила дверь, ему показалось, что в ее глазах промелькнул испуг... хотя он мог и ошибиться. Но едва Егор Павлович переступил порог, как тут же понял, что его интуитивные опасения все-таки имели под собой реальную почву – в квартире неприятно пахло сигаретным дымом. Он знал, что Ирина Александровна изредка баловалась куревом, но она покупала только ароматические сигареты, а сейчас из гостиной отвратно воняло дешевым табаком.

– Извините... я, кажется, не вовремя... – Егор Павлович не знал куда девать скромный букетик и быстро спрятал его за спину. – Я пойду...

– Ни в коем случае! – как-то вяло запротестовала Ирина Александровна, и не торопясь, будто нерешительно, закрыла входную дверь. – Проходите... туда... – она указала в направлении гостиной и сама пошла впереди.

Егор Павлович быстро положил букет на полку для шляп и, стараясь унять волнение, последовал за ней.

В гостиной сидел мужчина. Его лучшие годы уже остались далеко позади, но былая импозантность просматривалась не только во внешнем облике, но и в мимике, и в движениях – вальяжных, несколько артистичных и предельно подчеркнутых, будто он находился не в гостях, а на сцене театра. Тщательно причесанные – волосок к волоску – уже поредевшие и тронутые сединой волосы были набриолинены, одутловатое лицо и нос в склеротических прожилках указывали на то, что он не совсем безразличен к спиртному, а на толстых пальцах маслянисто блестели два золотых перстня-печатки, чего у мужиков Егор Павлович терпеть не мог.

– Егор Павлович, – представила его Ирина Александровна. – А это...

Но мужчина не дал ей договорить.

– Владлен Грановский... хе-хе... – неизвестно по какой причине хохотнул мужчина и, поднявшись, небрежно ткнул старику свою пухлую пятерню.

Видимо, он был достаточно известным человеком и, похоже, ожидал соответствующей реакции со стороны Егора Павловича, но тот вежливо подержался за его руку и сел в предложенное хозяйкой кресло возле журнального столика, на котором стояли начатая бутылка коньяка, две рюмки и лежал на десертной тарелочке разрезанный на дольки лимон.

– Извините... – Егор Павлович все-таки сумел собраться и принять невозмутимый вид. – А как вас по батюшке?

– Хе-хе... – опять жизнерадостно рассмеялся Грановский и с делано сокрушенным видом обратился к Ирине Александровне: – Ирэн, ты слышишь? Как говорится, их знали только в лицо. Да, да, увы и ах, в нынешние времена люди искусства в основном ютятся на задворках общества. С газетных полос и экранов телевизоров на нас смотрят только политики и бизнесмены... возможно, еще и так называемые звезды эстрады... м-да. Их безголосые сексуальные упражнения на сцене вызывают у нормальных интеллигентных людей пароксизм.

Высокое искусство ушло в небытие, истинный талант стал никому не нужен – не правда ли, Ирэн? – везде маразм, упадок, дебилизм в рафинированном виде. Прискорбно, чертовски прискорбно... – Он не говорил – вещал, при этом совершенно не к месту и неумеренно грассируя. – А вы, любезный, можете называть меня просто Владиком. Так сказать, сообразуясь с нашей солидностью... хе-хе... Не хотите коньячку? Ирэн, будь добра, принеси еще рюмку...

Бесцеремонное, хотя и несколько завуалированное напоминание о возрасте подействовало на Егора Павловича как ушат ледяной воды. Он и так сидел, словно на иголках, с трудом сохраняя на лице приличествующую моменту мину уважительного внимания. Но когда Грановский зацепил его больное место (в нынешней ситуации) Егор Павлович в одно мгновение стал тем, кем он был на самом деле – таежным бирюком, жестким и неуступчивым человеком.

– Спасибо, не нужно. – Он резко встал. – Мне пора. У меня... собачка не кормлена. Всего хорошего... – Егор Павлович, вежливо кивнув безмолвной хозяйке квартиры, пошел к выходу.

Ирина Александровна догнала его в передней.

– Егор Павлович... пожалуйста... – ей вдруг не хватило нужных слов и она, сложив кулачки на груди, посмотрела на него с мольбой.

– Простите... собачка... – с трудом выдавил он, и, на ощупь отыскав дверную ручку, выскочил из квартиры будто ошпаренный.

Этот день он отнес к разряду черных. В его жизни их было не очень много – по крайней мере, к старости ему стало так казаться – но когда они случались, Егор Павлович замыкался в себе и не подпускал никого к своей персоне на ружейный выстрел. В таких случаях он обычно уходил в тайгу и скитался там до тех пор, пока серая муть, переполнявшая душу, выпадала в осадок. По возвращении, когда все входило в обычную колею, Егор Павлович шел в лабаз, где хранился разнообразный инструмент, находил там черную, обожженную на огне слегу, и ставил на ней глубокую зарубку. Он привез эту жердь и в город, распилив пополам – оставил себе ту часть, которая с отметинами. В городской квартире черная слега хранилась на антресолях; Егор Павлович не доставал ее оттуда уже давно. Лишь на первых порах своей "цивилизованной" жизни, когда он искал работу, ему время от времени хотелось сделать очередную засечку, но, здраво размыслив, Егор Павлович рассудительно утешал себя тем, что все его городские неурядицы происходят от него самого, а значит на судьбу и случай пенять нечего.

Возвратившись домой, он не поленился забраться на антресоли и выкопал из-под кучи всякого барахла свой мрачный талисман. Ощупывая зарубки, будто перечитывая деревянные страницы древнего клинописного манускрипта, Егор Павлович, погруженный в воспоминания, просидел в полной неподвижности до глубокой ночи. Чувствуя, что с хозяином творится неладное, мудрый Грей даже не стал ему напоминать о вечерней прогулке; положив свою лобастую голову на мощные мохнатые лапы, пес лежал на подстилке в противоположном конце комнаты и искоса поглядывал на Егора Павловича – то ли с сочувствием, то ли с осуждением.

Когда на часах пробило двенадцать, старик решительно достал нож и твердой рукой добавил к имеющимся еще одну зарубку. Затем, быстро собравшись, он вышел из дому и пошагал в ночной тиши на север – туда, где находились подступившие почти к окраине города леса.

Утро застало его на лесной опушке – прислонившись спиной к толстой лесине, Егор Павлович забылся коротким, но крепким сном...

Он возвратился домой спустя неделю. Его рюкзак приятно отягощали лесные дары: капы, с которых он резал блюда и подсвечники, и почти готовые скульптуры – окоренные, хитро переплетенные и сухие до звонкости корневища. На лице Егора Павловича играл здоровый румянец, а обычно угрюмый Грей, для которого неделя среди лесного раздолья была самым желанным наслаждением, резвился, играя со своим хвостом, словно щенок.

Дома Егора Павловича ждал неприятный сюрприз – дверь его квартиры была опечатана. Попробовав открыть ее своим ключом, он в недоумении и досаде чертыхнулся – похоже, и замок поменяли. Что случилось? На память ему пришли случаи, о которых он слышал на Подкове – когда ушлые "новые" русские, заручившись поддержкой ЖЭУ и мэрии, выселяли из приглянувшихся им квартир злостных неплательщиков, в основном стариков и пьяниц. Но он квартплату вносил регулярно и в нарушителях общественного порядка не числился. Да и квартира у него на престижную или нужную для бизнеса не тянула.

Топтался он возле двери в одиночку недолго. Сзади послышался хриплый прокуренный голос:

– Здорово, Палыч! С возвращеньцем... гы...

Старик обернулся и увидел соседа, Пал Тарасыча, которого во дворе почти все кликали Пидарасычем. Был он низкоросл, плешив и в меру упитан. Его крысиное лицо всегда жирно лоснилось, а маленькие злобные глазки, даже когда он смеялся, будто сидели в засаде и время от времени жалили собеседника из глубины глазниц ледяными иглами. Палтарасыч (обычно его имя-отчество произносили слитно) по природе и по призванию был стукачом и анонимщиком. Пожалуй, среди старожиллов квартала не было ни одной семьи, которой он не сделал бы какую-нибудь гадость. Поговаривали, что в прошлом он служил в расстрельной команде НКВД, за что получил орден Отечественной войны, и теперь в День Победы ходил козырем по главной площади, выпячивая грудь с начищенными цацками, полученными уже после войны в качестве компенсации за подписку о неразглашении кровавых тайн своей бывшей "конторы".

– Привет... – буркнул Егор Павлович и тихо цыкнул на Грея, который при виде Палтарасыча угрожающе оскалил клыки.

Палтарасыча пес терпеть не мог. Эта неприязнь была обоюдной, и старик только диву давался столь необычному поведению всегда спокойного и уравновешенного пса. Егор Павлович подозревал, что поначалу Пидарасыч хотел отравить Грея, подбрасывая ему аппетитные косточки, однако волкодав был приучен брать еду только с рук хозяина или добывать на охоте, а потому гнусный замысел соседа не удался.

Вместо Грея пострадала элитная колли жильцов с четвертого этажа, которую так и не смогли спасти даже в дорогой специализированной ветлечебнице.

– Тут милиция к тебе приходила... – многозначительно и с подтекстом сказал Палтарасыч, опасливо отступая подальше от пса.

– Зачем? – удивился Егор Павлович.

– Откуда нам знать? Мы люди маленькие... гы... – опять показал в гнусной ухмылочке вставные металлические зубы Палтарасыч.

– Ну и что они у меня нашли? – насмешливо, но не без тревоги, поинтересовался старик.

– Нас в понятия не приглашали, – с видимым сожалением ответил Палтарасыч.

– А кто замок сменил?

– Слесарь из ЖЭУ. Ну тот, пьянь-рвань подзаборная, – в елейном голосе соседа прорезались мстительные нотки. – Он тебе новую ванну ставил.

Егор Павлович невольно улыбнулся. Слесарь Копылин действительно не был трезвенником, но дело свое знал хорошо. Он иногда захаживал к старику якобы на предмет проверки водопровода и канализации, что-то там подкручивал или менял прокладки, однако его больше интересовала мастерская Егора Павловича – Копылин был явно не равнодушен к резьбе по дереву. Пропустив стаканчик, предложенный стариком, слесарь мог часами наблюдать за рождением новой поделки с просветленным и даже одухотворенным лицом. Они стали почти приятелями, несмотря на разницу в возрасте – Копылину едва перевалило за сорок – и потому слесарь рассказал старику историю своих трений с его соседом.

Однажды у Палтарасыча прорвало трубу с горячей водой, и пока он дожидался слесаря, квартира превратилась в плавательный бассейн. Мстительный и злопамятный Палтарасыч после этого случая буквально затерроризировал все ЖЭУ, начиная с начальника и заканчивая ответственным за дом слесарем Копылиным. Различные комиссии, разбирающие жалобы бывшего сотрудника НКВД, приходили в жилищное управление по пять раз на месяц. Копылина заставили проверять сантехническое хозяйство в квартире соседа Егора Павловича каждый день. Слесарь готов был удавиться, лишь бы не посещать Палтарасыча, который блеял у него над ухом все время, пока Копылин, изображая повышенную бдительность, ощупывал и простукивал соединения и трубы.

Но все в жизни переменчиво, и вскоре наступили радостные дни и в жизни многострадального слесаря. Как он потом признался Егору Павловичу, оказалось, что справедливая месть – сладостная штука. Спустя полгода после начала баталий с неумным Палтарасычем отчаявшееся начальство ЖЭУ решило поменять в старом доме всю дряхлую канализацию и водопровод – чтобы раз и навсегда оградить себя от нашествия разнообразных проверяющих и комиссий. Работы вела специальная бригада сантехмонтажного управления, к которой подключили и Копылина. Тот, не долго думая, поставил своим коллегам пять бутылок водки, и веселые мужики сделали все так, как он попросил. Когда наконец монтажники подписали необходимые бумаги и по быстрому убрались с объекта, кто-то из жильцов верхнего этажа решил опробовать новую канализационную систему. Когда он, сделав свое житейское дело, нажал на рычаг сливного бачка, изумленный до полной невменяемости Палтарасыч обнаружил, что в его ванной вдруг ни с того ни с сего всплыло свежее дерьмо.

Сосед Егора Павловича снова ринулся в бой. Но наступило время летних отпусков, монтажники и члены разнообразных комиссий разъехались кто куда, а втихомолку торжествующий начальник ЖЭУ со скорбной миной долго и нудно объяснял Палтарасычу, что

вины жилищного управления в его бедах нет и что помочь ему он никак не может по причине отсутствия труб – это раз, электродов – это два, запорной арматуры – три и так далее и тому подобное. Так и мылся бывший энкавэдэшник в ванной, представляющей собой самую настоящую парашу, до поздней осени, пока наконец канализацию не привели в порядок. С той поры слесарь Копылин стал злейшим врагом Палтарасыча, который сразу смекнул, кто главный виновник его злоключений.

– Спасибо, – поблагодарил Егор Павлович и пошел по ступенькам вниз.

– За что? – удивился Палтарасыч.

– За информацию.

– Гы... Так мы всегда...

Копылин ремонтировал кран. В мастерской стоял запах табачного дыма и керосина.

– А, Егор Палыч! – радостно воскликнул слесарь. – Слава тебе Господи, – он изобразил в воздухе фигуру, отдаленно напоминающую крест, хотя и не был верующим. – А мы тебя уже почти похоронили.

– Не рано ли? – Егор Павлович был удивлен и озадачен.

– Теперь вижу, что рано, – рассмеялся Копылин. – За ключами пришел?

– Ну так... – старик развел руками. – А что случилось, Гоша?

– Дней пять назад в ЖЭУ прибежала какая-то дамочка и устроила большой шум. Ей показалось, будто с тобой случилось что-то нехорошее. Сказала, что свет в окне горит, а никто на звонки не откликается.

Пришлось нашему начальству позвать участкового, понятых и взломать замок. Это дворник постарался, хмырь недоделанный. Нет бы подождать меня... Ну, вошли в квартиру, все чисто прибрано, постель не разобрана, на кухне включен свет. И – никого. Ни слуху, ни духу. Тут всем нам разное в голову полезло... дамочка в плач, участковый стал писать какие-то бумаги, а я тем временем с расстройства новый замок поставил. Так что теперь ты, Палыч, в розыске как без вести пропавший.

– Ну и дела... – покачал головой в изумлении старик. – А как зовут эту дамочку?

– Да как-то спросить не удосужился. Участковый ее на своем "жигуле" домой отвез, может, он знает.

– Ладно. Это не суть важно. Ключи у тебя?

– В милиции, – Копылин хитро ухмыльнулся. – Но я как знал, что все обойдется. А потому оставил себе дубликат. Держи, – он протянул ключ старику. – За остальными сходишь в милицию позже. Тебе сейчас нужно принять ванну и отдохнуть.

– Спасибо, Гоша... – Егор Павлович с чувством потряс руку Копылина. – Заходи, выпьем по стопочке.

– Нет проблем. Когда я отказывался? Значит, завтра, после работы...

Едва Егор Петрович зашел в квартиру и бросил свой рюкзак на пол мастерской, как раздалось дребезжанье дверного звонка. "Кого там нелегкая принесла?" – подумал он в раздражении и нехотя направился в прихожую.

Егор Павлович открыл дверь – и помимо свое воли начал медленно пятиться. На пороге стояла Ирина Александровна!

– Вы живы... – она не сказала, а тихо выдохнула. – Простите меня, ради Бога. Это я во всем виновата. Нет, нет, не перебивайте! Я виновата. Грановский – это мой... скажем так, старый друг... был когда-то другом, – быстро поправилась она. – Он знал, что я нахожусь в больнице, но ни разу так и не навестил меня. Хотя я ждала... буду с вами честна. Я думала, что передачи от него, а оказалось, это вы... Простите! В тот злосчастный день он пришел выяснять отношения, и если бы вы появились чуть позже, я бы его уже выставила за порог. Поверьте, у меня никого нет... кроме вас... если вы не отвергнете...

– Это... вы позвали участкового?

– Да. Я пришла к вам на следующий день, ранним утром и прождала почти до обеда – думала, что увижу вас, когда вы будете прогуливать Грея. Но вас все не было, в окне горел свет, ни на звонки, ни на стук в дверь вы не откликнулись, и я решила... Я очень испугалась!

Старик стоял столбом. Его будто заклинило. Все происходящее казалось ему нереальным – словно он видел сон.

– Вы так быстро появились... – наконец выдавил он из себя несколько слов – лишь бы что-нибудь сказать.

– Мне позвонил ваш участковый – я ему оставила номер своего телефона. А участковому рассказал о том, что вы нашлись, какой-то слесарь из ЖЭУ.

– Ну да... – кивнул головой Егор Павлович. – Понятно...

Он попытался сдвинуться с места, но ноги будто приросли к полу. Ирина Александровна истолковала беспомощность Егора Павловича чисто по-женски – она медленно приблизилась к нему и, обняв, крепко прижалась к груди.

Теперь он точно знал, что спит.

Отступление 3. Зона Сиблага, 1948 год Трясина засасывала медленно, будто наслаждаясь беспомощностью жертвы. Егорша изо всех сил рвался из ее коварных объятий, но будь на месте подростка даже сказочный богатырь, все равно бездонная марь проглотила бы и глупца, который вздумал померяться силой с духами болот, и его коня, и верную боевую дружину – хоть тысячу человек. Совсем рядом, в двух-трех метрах, на кочковатой сухой возвышенности, поскуливая, метался туда-сюда Лешак; он понимал, что хозяин в беде, но ничем помочь не мог – инстинкт самосохранения подсказывал ему, что впереди, в черно-зеленом месиве, его ждет гибель. На сухом месте лежала и длинная слега, оброненная Егоршей, когда, зацепившись за корневище, он падал с невысокого откоса в ямину, доверху наполненную жидкой холодной грязью...

Юный мститель следовал за бандитами примерно в сотне метров. Он был в отчаянии: стрелять нельзя, так как между ним и беглыми зэками рос кустарник – даже тонкая веточка могла изменить траекторию пули, а подобраться поближе не позволяла бедная на растительность марь – за редкими чахлыми сосенками не спрячешься. И момент случился подходящий – открой он огонь с хорошей позиции, бандитам не останется ничего иного, как сигать в трясины, где их все равно ждала смерть; но в то же время, случись у него промашка, Егорша сам превращался из охотника в дичь – карабин отца, которым был вооружен Малеванный, бил гораздо дальше и куда точнее, нежели старенькая берданка подростка.

Так они и пробирались по мари, будто связанные невидимой бечевой: впереди – бандиты (тропу торил Зяма, за ним шел Чагирь, а замыкающим был Малеванный), позади – Лешак и

Егорша.

За спиной уже осталась половина пути по коварной трясине, когда случилось то, чего Егорша никак не мог ожидать. Он почти приноровился к сюрпризам, встречающимся на каждом шагу, и наконец позволил себе немного расслабиться. У подростка, как на его годы опытного и выносливого таежника, немало поплутавшего по тайге, ныли все мышцы, а икры напряженных ног (передвигаться приходилось в основном низко пригнувшись или на четвереньках) нередко сводила судорога. Поэтому он старался идти в рваном темпе: когда появлялась возможность, Егорша почти бежал – если встречались относительно сухие пригорки; а едва бандиты замедляли ход, наткнувшись на очередную трясину, подросток лежа отдыхал, позаботившись, чтобы ноги были выше головы. Как говорил в таких случаях отец, "испорченная" кровь, накопившаяся в уставших ногах, быстрее смешивалась со свежей, и охотнику вполне хватало десяти минут, чтобы восстановить силы и обновить заряд бодрости.

Беда стряслась как раз в тот момент, когда Егорша бежал. Лешак держался немного впереди, и потому спугнутый им старый заяц, таившийся под кочкой в густой траве, рванул не по ходу пса, а назад, мудро выбрав из двух зол меньшее. Он прошмыгнул между ног Егорши и задал стрекача, а юный мститель, нервы которого были напряжены до предела, с перепугу отскочил в сторону и, споткнувшись, угодил в трясину, при этом выронив палочку-выручалочку – длинную жердь. И теперь бездонная утроба мари заглатывала его, удовлетворенно причмокивая и пуская пузыри.

Несмотря на отчаянное и почти безнадежное положение, Егорша продолжал барахтаться, цепляясь за все, что только возможно. Ему хотелось кричать, позвать на помощь, но благоразумие и ненависть к бандитам глушили черный первобытный страх, постепенно овладевающий его сознанием. Ему удалось вцепиться в старое корневище, однако оно с противным хрустом отломилось, и в руках Егорши остался лишь толстый сук с отростками, похожими на осьминожки щупальца. Эта ненадежная опора немного замедлила погружение, и совсем потерявшему силы подростку удалось отдышаться. Но когда он, весь во власти смятения, поднял голову и осмотрелся, то едва не завопил от ужаса – прямо перед ним стояла огромная медведица. Лешак, который до ее появления бегал у кромки пузырящейся грязи, где-то пропал, и зверь совершенно безбоязненно подобрался к Егорше почти вплотную.

Подросток сразу понял, что это мать убитого бандитами пестуна. Она была вся какая-то взлохмаченная, дерганая, что вообще противно солидной и созерцательной медвежьей натуре. Из ее открытой пасти падала на землю хлопьями густая слюна – почти пена, в налитых кровью маленьких глазках светилась неукротимая свирепость; медведица дышала глубоко и часто, словно после долгого и быстрого бега, а из зловонной глотки время от времени раздавался тихий, приглушенный рык. И все же, несмотря на беспомощность Егорши, страшная зверюга не спешила напасть, хотя ей очень хотелось это сделать – разъяренная медведица вышла на тропу войны и просто обязана была отомстить за гибель своего малыша. Однако острое звериное чутье предупреждало обезумевшую от горя мать, что впереди, там, где находится один из ее врагов, смертельная опасность – бездонная трясина. И она топталась в нерешительности, вытягивая свирепую морду в направлении Егорши, будто к чему-то принохиваясь.

Но куда девался пес? Неужто с перепугу сбежал, бросив хозяина на произвол судьбы? Совсем отчаявшийся подросток, у которого с испугу вообще отняло речь, наконец прочистил горло, прокашлявшись, и позвал фальцетом:

– Лешак, Лешак, ко мне! Ату ее, ату!

Казалось, пес вынырнул возле медведицы из-под земли. Ни мало не колеблясь, он молча

рванул ее за бок и молниеносно отскочил на безопасное расстояние. Медведица круто развернулась и, как показалось Егорше, в недоумении уставилась на Лешака. Скаля клыки, бесстрашный пес смотрел на нее с не менее свирепым видом, чем она, готовый в любой момент повторить нападение. Этот поединок взглядами продолжался с минуту. Наконец зверюга как-то нерешительно повернула морду в сторону Егорши, будто выбирала на кого напасть, но Лешак не оставил ей времени на размышления: он проворно сменил позицию, оказавшись сбоку медведицы, и той ничего иного не осталось, как опять развернуться мордой к псу. Теперь разъяренная самка решила не устраивать смотрины, а сразу бросилась на Лешака. Пес не стал убегать, лишь отскочил на безопасное расстояние и снова сымитировал нападение. Так они вертелись на крохотном клочке суши до тех пор, пока медведица, не рассчитав дальности прыжка, не бултыхнулась в крохотное озерко. Недовольно рывкнув – на этот раз в полный голос – она выбралась на кочку и напрочь проигнорировав Лешака, державшегося поблизости, быстро пошла, иногда переходя на бег, к зарослям осинника. Наверное, холодная вода немного остудила ее пыл, и медведица приняла решение догнать других врагов, чтобы напасть на них из засады.

Егорша облегченно вздохнул и позвал:

– Лешак, ко мне!

Умный пес мгновенно прибежал на зов и встал на то место, где еще несколько минут назад находилась медведица.

– Лешак, дай слегу! Ты понял? Подай слегу. Ну миленький, ну пожалуйста... Сле-га. Дай слегу...

Пес озадаченно смотрел на хозяина. Лешака обучили многим штукам, но слова "слегу" в его собачьем лексиконе не было. Однако ему было хорошо известно слово "дай". И теперь Лешак мучительно соображал, чего хочет его друг и повелитель.

Наверное, минуты озарения бывают и у животных. Лешак как-то странно дернул головой – будто кивнул – и вцепился зубами в жердь. Она была для него тяжеловата, но пес, царапая когтями мшистый взгорок, все-таки подтащил слегу к самой ямине, где Егорша уже погрузился в грязь по грудь.

– Ближе, Лешак, ближе! – еще не веря в спасение, радостно восклицал подросток. – Дай мне! Дай!

Пес перехватил жердь почти посредине и, поднатужившись, одним рывком подвинул ее в направлении тонущего хозяина. И это последнее усилие увенчалось успехом – конец слегу едва не ткнул Егорше в ухо.

Бросив сук, который уже скрылся под слоем грязи, подросток схватился за жердь и приказал псу:

– Тяни! Лешак, тяни!

Эту команду умный пес знал. Он запомнил ее еще с тех пор, когда отец учил его крепкому хвату, очень необходимому в охоте на крупного зверя, в частности, на медведя. Сначала щенка приучали играть с ремнем, пытаясь вырвать его из еще не окрепших зубов будущего охотничьего пса. Затем ремень заменяли деревянной чуркой – чтобы сделать жестче прикус. После приходил черед кольца из толстого резинового шланга, через который пропускали веревку и подвешивали к перекладине. Пес хватал кольцо зубами, а отец раскачивал его словно на качелях. Таким образом развивались челюстные мышцы. Нередко Егорша подменял отца на этих своеобразных тренировках, и тогда во дворе возникала куча мала, когда трудно было понять, где Лешак, а где Егорша, одетый в шубейку из волчьей шкуры.

Пес понял, что от него требуется. Он вцепился в другой конец следи и начал упираться изо всех сил.

Конечно, ему было нелегко и пожалуй пес не смог бы самостоятельно вытащить Егоршу из трясины, но Лешак сделал главное – дал подростку своего рода мостик шириной в одну жердь, по которой он медленно, по сантиметру, начал взбираться на пригорок, подтягиваясь на руках...

Егорша поначалу даже не поверил, что выбрался из ямины. Он одной рукой гладил ластившегося пса, а другой ощупывал сухой мох и твердую землю. Силы совсем оставили подростка, и он минут десять отлеживался, бездумно уставившись в предзакатное небо. Но едва одеревеневшие мышцы отпустило, Егорша встал и, раздевшись догола, сам помылся в озерке и постирал грязную одежду. Главной его бедой стали патроны, искупавшиеся вместе с патронташем в жидкой грязи; берданку, как и слегу, он выронил на пригорке, а потому оружие в чистке не нуждалось.

Пригорюнившись, юный мститель пересчитал не подмокший боезапас – у него осталось всего четыре надежных патрона, пыжи которых были залиты воском. Остальные теперь оказались ненужным балластом, и подросток оставил их вместе с патронташем в приметном месте – все легче идти. Конечно, с таким количеством патронов нечего было и думать ввязываться в перестрелку с бандитами, вооруженными карабином и мелкашкой. Но Егорша, опять загоревшись ненавистью к убийцам родителей, совершенно не колеблясь снова встал на их след...

Они все-таки к реке вышли. Когда Егорша преодолел неширокий ручей, за которым начиналась каменистая возвышенность, упирающаяся прямо в берег, то сразу заметил мерцающие среди деревьев проблески одинокого костра. Наверное, беглые зэки решили просушить одежду и приготовить горячий ужин. С точки зрения маскировки они совершили большую глупость – как на не искусленный взгляд. Но подобравшись поближе, Егорша понял, что бандиты вовсе не такие глупцы, как казалось поначалу. Они разожгли костерок в сооруженном из свежесрезанных сосновых веток шалаше с двумя противоположно расположенными выходами. Так что с перевала и вообще издали огонь заметить было невозможно. Только вблизи можно было увидеть языки пламени, иногда проникающие сквозь щели в шалаше; таким образом они и открыли Егорше место привала беглых зэков.

Подросток залег за поваленной бурей лесиной. Ему был хорошо виден один из входов в шалаш, и Егорша мучительно размышлял, что ему делать дальше. Бандиты охрану не выставили, понадеявшись на глухомань, и сгрудились возле костра полураздетыми, дожидаясь пока не сварится в принадлежавшем отцу котелке какая-то похлебка. Их одежда сушилась здесь же, развешанная на приставленных к зеленым стенам шалаша рогулькам. Подросток то брал кого-нибудь из убийц на мушку, то опускал берданку весь во власти сомнений. Что если он не успеет уложить хотя бы двоих? За первый выстрел Егорша не сомневался – он бил любую птицу влет. Но разве оставшиеся в живых бандиты будут ждать, пока он перезарядит ружье? Егорша вовсе не боялся умереть, как это ни странно для его возраста. Он страшился единственного – что погибнет, так и не отомстив за смерть родителей.

Неожиданно Егорша увидел, как возле шалаша мелькнула чья-то большая тень. Она была похожа на черный призрак – бесшумная и быстрая. Подросток вжался поглубже в свое мшистое ложе и затаил дыхание. По поведению лежащего рядом Лешака, который слегка приподнялся и наморщил морду, обнажая клыки, Егорша понял кто навел бивак бандитов...

Беглые зэки в первое мгновение не поняли, что за ревущее страшилище обрушило свою грузную тушу на их шалаш. А когда сообразили, то было поздно – мстительная медведица

сгребла в свои титанические объятия первого попавшегося. Им оказался худосочный Зяма.

Малеванный, несмотря на свои уже немалые годы, опомнился быстрее, чем молодой Чагирь, который от неожиданности сначала упал в костер, перевернув котелок с похлебкой, а затем, обожженный пламенем, кулем выкатился наружу. Пахан схватил карабин и с близкого расстояния, практически в упор, выпустил всю обойму в медведицу, рвущую на части несчастного Зяму. Но живучая зверюга, оставив растерзанную жертву, на последнем издыхании достала Малеванного и содрала с него скальп. Вопль пахана слился с хрипом умирающей медведицы, и дальше эхо возвратило его ослабленный отзвук к берегу реки, чтобы утопить в бездонной мари...

Егорша, ошеломленный увиденным и испуганный, лежал, стараясь не дышать. Огонь в костре погас, и в темноте не было видно, жива медведица или нет, а потому он боялся даже шелохнуться, чтобы не выдать свое месторасположение. Подросток хорошо знал коварный нрав зверя, способного притвориться мертвым, чтобы обмануть самого сильного и опасного врага всего мира животных – человека. Иногда даже опытные таежники попадались на эту удочку, и когда потерявшие бдительность охотники подходили на расстояние прыжка, то спастись от разъяренного ранениями медведя было практически невозможно – с виду медлительный и добрый персонаж детских сказок мгновенно превращался в молниеносного всепокрушающего монстра.

Так прошло часа два, а может быть и больше. Возле шалаша царила тишина, и только неумолчное бормотание реки на перекатах напоминало, что время не уснуло и не остановило свой бег и что Егорше пора заняться последним из бандитов. Его не было ни видно, ни слышно. Похоже, Чагирь с перепугу убежал куда глаза глядят, и подростку мало верилось, что у него хватит смелости и сообразительности вернуться на место привала – в тайге неопытному человеку и днем трудно сыскать верную дорогу, а про ночь и говорить нечего. Особенно если за плечами маячит сама смерть в образе медведицы.

И все-таки Егорша ошибся. Он уже подумывал об отдыхе (время давно перевалило за полночь), потому что в ночной тайге искать следы не имело смысла, и прикидывал, где найти местечко поукромней, как Лешак насторожил уши и едва слышно заурчал – подал условный знак хозяину. Удивленный и обеспокоенный подросток погладил пса по голове – мол, все понял, спасибо – и напряг зрение. Кто-то (неужто Чагирь!?) осторожно приближался к шалашу со стороны реки – там находилась так называемая заячья тропа, протоптанная таежной живностью к ягодникам, обычно растущим на открытых местах у берега, где их не затеняют большие деревья.

Егорша взвел курок ружья и привычным движением приставил приклад к плечу. Ложе берданки было не заводским, а самодельным. Отец где-то достал вишневый чурбан и строгал его почти месяц, пока не подогнал новый приклад под руку Егорши. Теперь он показался подростку теплым и живым, будто его только что держал батя. Горькие и совсем свежие воспоминания обожгли сердце юного мстителя, и невольные слезы затуманила глаза.

Опомнившись, он поторопился смахнуть соленые капельки рукавом и, крепко стиснув зубы, медленно повел стволом, следуя им, как указкой, за передвижениями Чагирия (да, это был молодой бандит; Егорша узнал его по характерной походке), темная фигура которого уже маячила возле шалаша. Подросток никак не мог решить казалось бы простую для такого отменного стрелка, как он, задачу: куда целиться – в голову или грудь беглого зэка? Несмотря на безлунную ночь, ему вполне хватало света от звезд и все еще тлеющих угольев, чтобы сделать точный выстрел, так как от места его засады до разрушенного шалаша было не более двадцати метров. Но когда Егорша "усаживал" Чагирия на мушку и его указательный палец уже был готов мягко и плавно нажать на спусковой крючок, некая таинственная сила, исходящая с глубин подсознания, властно сковывала кисть правой руки. Недоумевающий подросток даже выругался сквозь зубы, хотя до этого никогда не употреблял бранных слов.

Тем временем, пока Егорша боролся сам с собой, Чагирь зашел за шалаш и скрылся с поля зрения.

Огорченный подросток прислушался. И встревожился – молодой бандит с кем-то разговаривал. Судя по тембру, это был голос Малеванного, хотя от его рокочущего баса остались лишь редкие хриплые всплески.

Похоже, пахан находился в плачевном состоянии, а потому чередовал тихую замедленную речь с жалобными стонами: -... Помоги, Чагирь... а! Болит... Перевяжи... Где-то должны быть бинты и йод... ох...

Чагирь что-то ответил, но Егорша не расслышал. Умиравший костер начал постепенно пробуждаться – видимо, молодой бандит подбросил на тлеющие уголья сушняку. Теперь страшная картина разгрома, учиненная обезумевшей от горя медведицей, предстала перед глазами подростка во всей своей неприглядной наготе.

Зяма был буквально разодран. Его тело превратилось в бесформенную кучу тряпья и окровавленной плоти.

Малеванный выглядел несколько лучше, если можно сравнивать состояния вечного покоя и вынужденной готовности вскорости принять его. Левая рука пахана была раздроблена, а голова представляла собой сплошную рану. Он уже не лежал, а сидел, прислонившись к дереву. Чагирь копался в вещмешках, разыскивая медикаменты, но без особой прыти. Иногда он бросал странные взгляды на Малеванного, который, похоже, совсем потерял силы – сидел, тихо постанывая и опустив голову на грудь.

– Чагирь... быстрее... Болит... сука! Нужно наложить жгут на руку... возьми ремень от мелкашки. Что ты медлишь!?

– А куда спешить? До утра еще далеко... – безразлично ответил Чагирь, глядя куда-то в сторону.

– Та-ак... – с угрозой протянул Малеванный. – Ты что задумал?

– Ничего такого, что идет вразрез с планом побега, – пожал плечами молодой бандит.

– Брось темнить! Ох... а-а... – от резкого движения (пахан быстро потянул к себе карабин) ему стало дурно.

– Хлебни чуток, – Чагирь протянул Малеванному фляжку со спиртом. – Бинтов нету, но я нашел новое белье... порву сейчас на полосы и сделаю перевязку.

– Болит, спасу нет... – Малеванный заскрипел зубами. – Помоги, я встану... лады? А! Твою мать...

Пахан, скорчившись от боли, снова опустился на землю. Весь в бинтах, на которые пошли подштанники Егоршиного отца, окровавленный, с темным диким лицом и блуждающими, словно у безумного, глазами, Малеванный выглядел как буйно-помешанный. Он говорил почти без остановок, при этом страшно сквернословя. Несомненно, пахан был сильным и по-своему мужественным человеком, но все равно время от времени нервно вздрагивал, поглядывая на тушу медведицы, возле которой ловко орудовал ножом Чагирь, вырезая лучшие куски мяса.

– Нам что, медвежонка будет мало? – спросил Малеванный.

– Лишний запас горб не трет, – ответил Чагирь. – Когда еще подвалит такая лафа.

- Тебе бы все жрать... – Малеванный с отвращением смотрел на полосы медвежатины, которые его молодой товарищ развешивал вокруг костра для вяления.
- Путь не близок... – коротко ответил Чагирь.
- Нужно похоронить Зяму.
- Утром.
- Сейчас! Убери его отсюда.
- Нервишки шалят? – с нехорошим смешком поинтересовался Чагирь.
- Кончай борзеть, ты, шестерка! Я не привык повторять. Оттащи Зяму подальше и брось в трясины.
- Малеванный, ты забываешься... – голос Чагирия переполняла злоба. – Здесь тебе не зона. И ты не в таком состоянии, что можешь права качать. Захлопни пасть и сиди молча, пока тебя не спросят.
- Ты... ты что-о!? – Малеванный даже захлебнулся от ярости. – На кого бочку катишь, гнида!? Кто здесь пахан, ты или я!?
- Вы, ваше высочество, – Чагирь откровенно рассмеялся. – До тех пор, пока не придет амбец. А он уже не за горами.
- Хочешь меня на распил пустить? – Малеванный передернул затвор карабина. – Попробуй. Стой там!
- Дернешься – получишь пулю. – Он стал на удивление спокойным – зловеще спокойным – и выдержанным.
- Зачем дергаться? – пожал плечами Чагирь. – Я лучше отдохну. С утра пораньше нужно плот варганить... одному. И не гони понты – мне на них плевать. И еще – если думаешь, что я тебя боюсь, то тогда ты просто дурак. Повторяю – здесь не зона.
- Падло... – на темном лице Малеванного сверкнули в зверином оскале все еще крепкие крупные зубы. – Ты смеешь назвать меня дураком? Подохни, сучара! – он с усилием поднял карабин и нажал на спусковой крючок.
- В ночной тишине раздался громкий щелчок бойка.
- Что... как!? – пахан рванул затвор, чтобы посмотреть в патронник.
- А вот так, чушкарь ушастый, – Чагирь с нехорошей ухмылочкой протирал тряпицей рукоятку ножа. – Похоже, у тебя в школе по арифметике был неуд. Совсем считать не умеешь. Карабин – не автомат. Патроны твои давно тью-тью. А остальной боезапас вот в том вещмешке, – он ткнул пальцем в сторону – туда, где навалом лежали позаимствованные на кордоне вещи. – Так что, как говорится, слезай, приехали.
- Я тебя... с того света достану... – прорычал Малеванный, брызгая слюной. – Ты!.. – он от бешенства потерял дар речи и только мычал что-то маловразумительное – скорее всего, матерился.
- Не я первым начал этот цирк с карабином. И не я хотел тебя грохнуть за здорово живешь. – Чагирь говорил медленно, стараясь сохранять спокойствие. – Ты и в зоне был дерьмом, все права качал да ребра мужикам ломал. Не будь побега, тебя суки в параше утопили бы еще

месяц назад. Это я, уже зная, что ваша компашка берет меня с собой, уговорил их немного подождать – якобы для того, чтобы момент выбрать более подходящий. Не знал? Тогда просвещайся... пока еще сопишь в две дырки.

– С-сука-а... – прошипел Малеванный и завыл, как волк-подранок: – У-у-у...

– Не вой на беду, урод. Прощай, завшивленный пахан...

Чагирь метнул нож так быстро, что Егорша, который, затаив дыхание, с невольным трепетом слушал этот страшный диалог, увидел только его рукоять, уже торчащую из груди Малеванного. Пахан дернулся несколько раз и затих. Чагирь удовлетворенно хмыкнул, выдернул нож из тела и воткнул его несколько раз в землю, очищая от крови. Затем он подошел к костру и, насадив кусок медвежатины на прут, положил его на рогульки, чтобы приготовить себе завтрак – небо на востоке уже начало светлеть и до рассвета оставалось не более часа.

Ошеломленный трагедией, разыгравшейся на его глазах, Егорша уже не знал что и делать. Чувство мести, поддерживающее подростка на всем пути от кордона до берега реки, не то чтобы угасло, но стало каким-то приглушенным, будто огонь в груди погас и остались лишь тлеющие уголья, присыпанные пеплом.

Воспитанный в любви, мальчик впервые в жизни столкнулся с нечеловеческой жестокостью и невероятным цинизмом. И если еще вечером он был готов перестрелять убийц родителей, словно куропаток, то теперь в его душе что-то перевернулось, и никакая сила не могла заставить подростка хладнокровно свершить задуманное.

Но он не мог, не имел права, отпустить Чагиря безнаказанным. Что делать, что делать!? С такими мыслями Егорша промаялся до восхода солнца, и лишь когда его первые лучи позолотили верхушки деревьев, он наконец принял решение...

Чагирь спал. Он так сильно устал, что уснул мертвецким сном с недоеденным куском медвежатины в руках.

Костер едва теплился, и легкий низовой ветерок разнес весть таежным обитателям, что их главное пугало – огонь – на последнем издыхании и что рядом с ним находится гора мяса. Лешак извелся, сдерживаемый неумолимым хозяином: своим великолепным нюхом пес мог чуют дичь на большом расстоянии, а здесь она была совсем рядом. Егорша уже заметил лисий выводок, беспокойно шастающий в густом осиннике; наверное, молодняк вела старая опытная лиса, которую на мякине не проведешь – она выжила только потому, что боялась даже собственной тени. Подросток не сомневался, что привлеченные аппетитными запахами свежатины где-то неподалеку бродят и волки, и россомаха, не говоря уже о мелких хищниках, для которых даже крохи со стола крупного зверья – настоящий пир.

Бандит проснулся только тогда, когда веревочная петля захлестнула ему шею. Егорша понимал, что тягаться силой с Чагирем он не может – тот все-таки был старше и гораздо опытней – а потому пошел на хитрость.

Подросток соорудил из веревки большой силоч и с невероятным терпением и бесстрашием настаивал его почти час, пока не подвел петлю под голову Чагиря – тот наконец перевернулся на бок и угодил в смертельную ловушку. Мгновенно затянув узел удавки, Егорша подтащил ничего не замечающего, а потому почти не сопротивляющегося, бандита к сосне и, перекинув веревку через сук, сначала заставил Чагиря встать на ноги, а затем быстро намотал свободный конец веревки на ствол. Теперь бандит свободно мог только дышать; при любом резком движении петля затягивалась.

– Ты... кхр! – закашлялся Чагирь. – Ты кто?!

Подросток молчал. Он нашел неподалеку подходящую жердь и обрезал ее в нужный размер.

– Пацан... – наконец сообразил Чагирь, кто перед ним. – Зачем ты меня привязал?

Вопрос был совершенно глупым, это сразу понял и бандит, а Егорша – тем более; он по-прежнему деловито орудовал ножом, делая на толстой жерди глубокие зарубки.

– Слышь, малый, отпусти меня, а? – жалобно заныл Чагирь, видимо решив сменить тактику. – Чего я тебе сделал? Я охотник, на меня напали... эти... – он запнулся, подыскивая нужное слово. – Не знаю, кто они. В меня стреляли... Отвяжи, больно... – бандит попробовал сменить положение, но тут же немедленно выпрямился во весь рост – смазанная медвежьим жиром петля вгрызлась в горло, перехватив дыхание. – Кхр!

Кх-кх... 3-задавит...

– Помолчи и стой спокойно. Будешь упираться – получишь пулю, – Егорша перезарядил карабин и, подойдя к Чагирию сзади, положил жердь ему на плечи. – Подними руки. Быстрее! – он больно уколол бандита ножом.

– И не трепыхайся... если хочешь еще немного пожить.

Чагирь не стал упираться и покорно дал привязать руки к жерди. Егорша критически осмотрел распятого бандита и остался доволен. Затем, связав ему ноги, он приказал Лешаку сторожить пленника, а сам лег спать – тяжелая дорога и бессонная ночь гнули его к земле с непреодолимой силой...

Он проспал до обеда. Не кормленный Лешак с вожделием поглядывал на куски медвежатины, но, повинувшись приказу хозяина, не отошел от Чагиря ни на шаг. Бандит даже не делал попыток освободиться – здоровенный пес при малейшем его движении злобно щерил клыки и угрожающе урчал. Пока Лешак насыщался, Егорша собирал пожитки. Он сложил в вещмешок все продукты, уворованные бандитами, добавив еще и вяленого мяса. Затем подросток отвязал Чагиря от дерева и, приспособив мелкашку, берданку и остальную поклажу ему на закорки, дернул за конец веревки, привязанной к талии молодого бандита:

– Топай. И не балуй – я не промахнусь, – Егорша многозначительно похлопал по прикладу карабина, который он держал наизготовку.

– Братан, может, все-таки договоримся, а? – заискивающе спросил Чагирь.

С привязанными к жерди руками, он напоминал Егорше распятого римского раба – такую картинку подросток видел в учебнике истории, оставленном ему ссыльным учителем.

– Серый волк тебе братан, – отрезал Егорша. – Иди, гад, и не дергайся.

– Кто ты? – Чагирь даже отшатнулся, встретив взгляд подростка, пылающий ненавистью.

– Я тот, у которого вы, подонки, убили мать и отца. Пошел! – едва сдерживая себя, чтобы не нажать на спусковой крючок, Егорша с силой ткнул дулом карабина в живот бандита.

Тот даже не охнул от боли. Глаза Чагиря вдруг остекленели, и он, опустив голову, молча поплелся впереди Егорши.

Их ждала трудная и длинная дорога.

Клевахин смотрел кино, отснятое Тюлькиным на похоронах Опришко и Кирюхина – в последний путь их провожали вместе. Именно кино, а не просто материалы оперативной видеосъемки: такого помпезного мероприятия город не видывал лет двадцать пять – со дня смерти молодого и энергичного первого секретаря обкома партии, по своей зеленой наивности решившего покончить в подведомственном ему регионе с кумовством и очковтирательством. (По официальной версии Первый попал в автокатастрофу, но опер Клевахин по чистой случайности успел ознакомиться с заключением медэксперта до того, как все материалы следствия изъял КГБ, где черным по белому было написано, что секретарь умер примерно за час до столкновения его служебной "Волги" с грузовиком от сердечного приступа; якобы сердечного приступа).

Кино было и впрямь весьма занимательным. Тюлькин только похрюкивал рядом от радости, когда Клевахин в который раз хвалил его за незаурядные операторские способности – старлей сумел запечатлеть на пленку самое главное, ради чего, собственно, и послал майор своего помощника на свершение служебного проступка.

– Какие люди в Голливуде... – мурлыкал себе под нос назойливо втемяшившуюся в голову песенку Клевахин, когда ему приходилось делать очередной стоп-кадр.

Да, процессия скорбящих впечатляла. Рядом с вице-премьером, родственником усопшего Опришко, шагал с хмурой азиатской физиономией вор "в законе" Чингиз, чуть поодаль рядом топтали чисто вымытый по случаю похорон асфальт начальник городского управления внутренних дел и "положенец" Базуль, управляющий областного отделения Госбанка едва не в обнимку шел вместе с некогда известным карточным шулером, а ныне богатым бизнесменом, продюсером фильмов "про братву"; помощник прокурора любезно беседовал с отпущенным под залог "избранником народа", которого спасала от тюрьмы его депутатская неприкосновенность и миллионы долларов, украденных им у своих глупых и чересчур доверчивых избирателей; мэр города, бывший партийный секретарь, безбожник и антихрист, едва не рыдал на плече у ряженого, истинно верующего атамана какого-то казачества, грудь которого украшали кресты и медали...

Бедлам! Бред! Клевахин только головой качал, глядя как чеканят шаг по сторонам траурной процессии бритоголовые "быки" в одинаковых черных куртках – охрана городского бомонда. Похоже, этими похоронами местные мафиози решили продемонстрировать народу кто на самом деле в городе правит бал.

Но особое внимание майора привлек высокий мужчина с рукой на перевязи, одетый во все черное. Он держался ровно, будто проглотил жердь, а его аскетическое лицо с крупным орлиным носом было неподвижным и бесстрастным. Мужчину хорошо охраняли – рядом с ним шагали такие же, как он, полузомби с отсутствующим выражением лиц и мертвыми ничего не выражающими глазами.

Это был Джангиров, глава секты сатанистов, как теперь точно знал Клевахин. Описание его внешности присутствовало и в показаниях Гольцова, охранника покойного Кирюхина, и в "чистосердечном признании" горе-динамитчика, богобоязненного Усольцева. И сегодня, ровно в одиннадцать нуль-нуль, майор ждал вызванного повесткой Джангирова для очень важной беседы.

Правда, Клевахин очень сомневался, что этот таинственный тип будет спешить к нему на встречу. У таких проходимцев всегда найдется масса документально подтвержденных причин, препятствующих исполнению гражданского долга – майор все-таки не рискнул поступить как обычно в таких случаях, и в повестке любезно назвал Джангирова свидетелем... -...Мне сказали, что ее не видели недели две, – голос Тюлькина вернул майора

к действительности.

– Что? – недоуменно спросил Клевахин.

– Так я это... про девушку... – смешался старлей.

– А-а... – понимающе кивнул майор. – Ее родственников отыскал?

– Не-а, – сокрушенно вздохнул Тюлькин. – Она приезжая.

– Письма?..

– Подметено вчистую. Она снимала однокомнатную квартиру в Озерках – ну вы знаете – и жила без прописки. Соседям представилась как Лизавета. Да, да, именно – Лизавета. Или деревенщина, или шарила под сельскую. Жила тихо, никто к ней не приходил, даже подруги... если, конечно, они у нее были. Не говоря уже о мужчинах.

– А как насчет работы?

– Скорее всего, где-то трудилась: уходила в семь утра и являлась домой обычно после шести вечера.

– Что говорит квартирная хозяйка?

– Это еще та рыба... бляха-муха... – выругался Тюлькин. – Молчит словно партизанка. Или несет какуюнибудь чушь. По-моему, она свихнулась на почве политики. Все долдонит о новом пришествии коммунистов и рассказывает, как ей хорошо жилось при советской власти. Соседи говорили, что она постоянно ходит на митинги левых и даже состоит в партячейке, притом едва не на главных ролях. Старая мымра, мать ее...

– Короче говоря, полный облом... – то ли спросил, то ли констатировал Клевахин.

– Прижать бы ее, но как?

– Сапогами по ребрам, – раздраженно буркнул майор. – Черт! Куда не кинь, везде клин. Ладно, придется еще и мне с нею побеседовать. Кстати, фамилию девушки она тоже не назвала?

– На склероз сослалась. Но чует мое сердце – темнит, зараза. Или кого-то боится, или не желает колотиться изза упрямства. Может, ее посадить на казенные харчи? На пару суток?

– Долго думал? – с сарказмом спросил Клевахин.

– Так ведь закон не возбраняет. Статью найти – раз плюнуть.

– Типун тебе на язык. Мне только и не хватает, чтобы Атарбеков ноги за такую "липу" оторвал. Руки он и так почти каждый день выкручивает... вместе с Бузыкиным.

– М-да... – многозначительно промычал Тюлькин и с расстройства начал грызть ногти.

Девушка, о которой шла речь, была та самая, кладбищенская, с порезом на груди, ловко улизнувшая от оперативной группы в чем мать родила. Как оказалось, она-то и подвигла богобоязненного тихоню Усольцева на свершение теракта. Его история была в одно и то же время обыденной и совершенно экзотической. Он встретил ее, как обычно и бывает, случайно и вовсе не в церкви, что можно было предположить исходя из жизненной позиции Усольцева. Девушка ехала в трамвае, в вечерний час пик, и в давке ее прижали к хилым мощам современного пуританина с такой силой, что он едва не испустил дух, уткнувшись лицом между двух тугих холмов весьма соблазнительного бюста.

Этот скоротечный и с точки зрения христианской морали предосудительный контакт имел далеко идущие последствия. Впервые в жизни не пользуясь благосклонностью противоположного пола Усольцева не только не оттолкнули, но даже, как ему показалось, отнеслись с приязнью.

Дальнейшее происходило будто в рыцарских романах. Потерявший голову от мгновенно вспыхнувшей безрассудной любви, женатик Усольцев выследил где живет девушка и почти каждый вечер томился под ее окнами, с душевным трепетом ожидая неизвестно чего – объясниться ему не хватало смелости. Впрочем, случись так, можно было только посочувствовать новоявленному Казанове – узнай о его любовной интрижке супруга, от ветреного муженька только перья полетели бы. Клевахин подозревал, что дородная женушка несчастного влюбленного частенько его поколачивала; а рука у нее была тяжелая.

К большой досаде майора, Усольцев не знал, где работает девушка – он ни под каким видом не мог пропустить заутреню. Но зато тайный воздыхатель сумел проникнуть в самую сокровенную тайну девушки – к его ужасу оказалось, что по вечерам она не только вышивает гладью, как ему мыслилось, но еще и посещает сатанинские сборища в особняке Джангирова. Ему удалось проследить и где свершаются ритуальные мистерии секты сатанистов, хотя это было далеко не просто – девушку везли на кладбище машиной, с которой транспорт Усольцева, старенький велосипед, конечно же состязаться в скорости не мог.

В этом ему подсобил один из знакомых, у которого был "москвич".

Пораженный в самое сердце, оскорбленный в лучших своих чувствах, Усольцев решил отомстить негодьям, умыкнувшим у него мечту. Подвести под это мероприятие, так сказать, идеологическую базу не составило особого труда – в любой, даже самой мирной религии всегда найдется лазейка, оправдывающая преследование и уничтожение иноверцев, а тем более – слуг Сатаны. В свое время отец научил Усольцева младшего обращаться со взрывчаткой, готовя себе смену. Но сын не оправдал его профессиональных надежд, хотя рыбу в старом карьере, который превратился в глубоководный пруд, все-таки глушил. Правда, по молодости. Найти взрывчатку и детонаторы особого труда не составило – отец был запасливым человеком...

– Все, – сказал Клевахин, устало потирая глаза. – На сегодня достаточно. Через полчаса у меня встреча... на высшем уровне. Забирай аппаратуру и дуй домой. Кассету я оставлю у себя. Встретимся после работы.

Нужно кое-что обсудить. А пока поработай с соседями девушки над ее фотороботом. Надеюсь, теперь ее изображение будет выглядеть гораздо достоверней прежнего.

– Есть! – охотно откликнулся Тюлькин.

Упаковав личный видеомаягнитофон и небольшой телевизор в коробки, он вызвал дежурную машину и отбыл. Клевахин решил не рисковать, а потому не воспользовался техникой управления...

Атарбеков появился ровно в одиннадцать. Помня свое обещание пригласить его на встречу с Джангировым, майор не осмелился "забыть" о нем. Впрочем, он почему-то был уверен, что следователь пришел бы в любом случае.

Они довольно сухо обменялись приветствиями и томились в обществе друг друга почти полчаса – Джангиров не торопился. Клевахин уже начал сомневаться, что глава секты сатанистов соизволит явить ему свой лик, но тут раздался стук в дверь и на пороге кабинета появился черный человек. Если Джангиров хотел произвести соответствующее впечатление на опера, то он этого добился с лихвой – майор невольно вздрогнул, встретив его тяжелый, пронизывающий насквозь взгляд. Джангиров был высок, жилист и неестественно бледен.

Черное длинное пальто и широкополая шляпа дополняли его внешний облик – ну прямо вылитый вампир из зарубежных кинострашилок. Такой ернической мыслью попытался успокоить себя Клевахин, но в душе у него почему-то поселился неприятный холодок.

– Вы майор Клевахин? – спросил Джангиров, глядя в пространство между следователем и майором.

Голос главного сатаниста был ровный и безжизненный; даже при очень большом воображении трудно было уловить в нем признаки каких-либо человеческих эмоций.

– Присаживайтесь, – вместо приветствия довольно грубо сказал Клевахин, разозлившись без видимой причины.

Впрочем, причина все-таки имелась: еще никто и никогда прежде не входил в его кабинет с таким самоуверенным видом, а тем более – не поздоровавшись.

Джангиров, не снимая шляпы, сел на предложенный стул и уставился на Клевахина немигающими глазами.

Майор снова почувствовал, что ему стало неуютно. Наверное, такие же чувства испытывал и Атарбеков, который вдруг заерзал и прокашлялся, будто у него в горле запершило.

– Фамилия, имя, отчество? – официально начал Клевахин, намеренно не объясняя Джангирову по какому поводу его вызвали.

– Джангиров Тимур Александрович, – почти не разжимая губ, сказал сатанист.

Оформив надлежащим образом шапку протокола, Клевахин посмотрел на Атарбекова. Тот ответил красноречивым взглядом: сам затеял эту кашу, сам и расхлебывай.

– Вас вызвали как свидетеля происшествия на кладбище... – майор назвал дату. – Что вы можете сказать по этому поводу?

– Ничего, – коротко и безразлично ответил Джангиров.

– То есть?..

– Разве я не точно выразился?

– Вы не желаете говорить на эту тему или не знаете, о чем идет речь?

– Второе, – зрачки черных глаз Джангирова расширились, превратившись в бездонные колодцы, и Клевахин почувствовал, как по спине пробежал озноб.

– Вы хотите сказать, что вас там не было?

– Возможно.

– Прошу конкретней, – Клевахин наконец успокоился и уже держал дьявольский взгляд Джангирова, как оправившийся после нокаута опытный боксер-профессионал атаки своего более молодого противника, спокойно выжидая нужный момент для контрнаступления.

– Да, я приходил на кладбище, – не стал отпираться Джангиров.

Конечно же, он не был настолько наивен, чтобы не знать простую, словно выеденное яйцо ментовскую истину – без повода, подкрепленного фактами, в "убойный" отдел уголовного розыска на допрос не вызывают; даже в качестве свидетеля.

– Ну и?..

– Скажем так – я уехал оттуда раньше... тех самых печальных событий.

Да, Джангиров был ловчила еще тот...

– Вы хотите, чтобы я именно такой ответ занес в протокол?

– Да, – чуток поколебавшись, ответил главный сатанист города.

– Нет проблем, – покорно согласился майор.

Видимо, что-то в его голосе Джангирову не понравилось и он буквально вонзил в Клевахина свои черные зенки.

– А какая причина вас привела на кладбище среди ночи? – продолжил расспросы Клевахин.

– Личная, – отрезал Джангиров.

– Ну? – деланно удивился майор. – Надеюсь, это не очень большая тайна? Поделитесь...

– Запишите в свои бумаги то, что я сказал, и закроем этот вопрос.

– Хорошо, запишем... – Клевахин саркастически ухмыльнулся – это чтобы поколебать уверенность Джангирова в своей неуязвимости.

Увы, выстрел оказался холостым. Если на других такой прием действовал как раздражитель, то Джангиров его полностью проигнорировал; или сделал вид, что проигнорировал.

– Что у вас с рукой? – невинно поинтересовался майор.

Перевязь, которая была у него на похоронах, Джангиров уже снял, но руку держал в кармане пальто.

– Ушиб, – коротко ответил сатанист.

Он не стал ни отрицать, что рука у него больна, ни спрашивать, откуда об этом известно майору, "Шустер курилка, шустер... – подумал Клевахин. – Ну да ладно, мы тоже, чай, не пальцем деланные..." – Пожалуй, нужно на ваш ушиб посмотреть нашим медэкспертам, – ядовито изрек майор. – Не возражаете?

– Возражаю! – на этот раз Джангирову выдержка изменила.

– А вот сейчас ваши возражения не принимаются, – жестко отрубил Клевахин. – Мы тут не в салочки играем, смею вам напомнить. Так что случилось с вашей рукой, милейший?

– Вы меня за этим вызывали?

– И за этим тоже. – Теперь майор перестал играть роль душки; он закусил удила и пер напролом.

– Я протестую. Повторяю – это мое личное...

– Пардон, уважаемый! – бесцеремонно перебил его Клевахин. – Посещение среди ночи погоста было вашим личным делом до тех пор, пока там не образовалась гора трупов. А теперь это наше дело, государственное.

И мне по долгу службы положено его расследовать. Потому я буду действовать так, как

предписывает закон. Так что выбирайте: или вы рассказываете все, что знаете о событиях на кладбище, или...

– Минуту! – до сих пор молчавший Атарбеков резко встал. – Николай Иванович, на пару слов... – он показал на выход. – А вы подождите здесь, – вежливо, но сурово сказал он, обращаясь к Джангирову.

Клевахин молча повиновался. Он совершенно не удивился неожиданному предложению следователя; мало того – майор ждал чего-то подобного.

Под дверью кабинета стояли двое – телохранители Джангирова. Клевахин невольно удивился: несмотря на достаточно крепкие спортивные фигуры, лица у них были бледны до нездоровой серости, будто их только что выпустили из подвала, где держали взаперти не меньше года.

– А это что за неприкаянные сиротки? – насмешливо спросил майор. – По-моему, я вас не вызывал.

Парни молчали, переминаясь с ноги на ногу.

– Понятно. Глухонемые. Пропуска есть?

Один из телохранителей показал два невзрачных серых листика.

– Ладно. Только не торчите возле двери, будто здесь вход в мавзолей. Вон там стулья, садитесь.

Парни нехотя подчинились.

– Не угрозыск, а проходной двор... – пробурчал Клевахин и зашел в кабинет тезки, капитана Берендеева.

– Понял, – сказал Берендеев, заметив позади майора стройную подтянутую фигуру следователя, и поторопился покинуть помещение.

– Извини, на несколько минут... – сказал Клевахин с покаянной миной на лице.

– О чем разговор... – сочувственно осклабился капитан.

Атарбеков начал сразу, с места и в карьер:

– Николай Иванович, я с вами работаю уже давно и мне кажется имею право на личную просьбу.

– Темирхан Даудович, к чему такое вступление? Мы варимся в одном котле, а потому всегда нужно идти друг другу навстречу.

– Верно сказано. И вы в свою очередь можете на меня рассчитывать...

"Если я подставлю тебе задницу..." – мысленно добавил Клевахин, который уже понял, куда гнет следователь.

– Спасибо, – скромно молвил Клевахин (черт! чересчур скромно – ругнулся он про себя).

Атарбеков подозрительно посмотрел на него и продолжил:

– Николай Иванович, нужно оставить Джангирова в покое. Я понимаю, что не вызвать его на беседу вы не могли – закон есть закон. Но давить на него не стоит. Ну, был он на кладбище,

так что с того?

– Темирхан Даудович, давайте не будем размазывать манную кашу по белому столу. Чай, не младенцы. Что он делал там в двенадцать ночи? Навещал усопших родственников, которые лежат на кладбище в Омске, за сотни верст от наших мест? Или искал клад, зарытый ханом Батыем? Пусть ответит хотя бы на этот вопрос.

– Он свидетель...

– Так пусть свидетельствует, а не корчит из себя графа Монте Кристо! Кстати, я не говорю уже о том, что Джангиров не только присутствовал на кладбище во время стрельбы, но был еще и ранен.

– Откуда?..

– Работаем, Темирхан Даудович, работаем. Мы с вами, – решил Клевахин польстить Атарбекову, – раскалывали орешки и покрепче. И Джангирову рога пообломаем... если вы забудете о своей просьбе.

– Николай Иванович, можно начистоту?

– Давно пора, – резко ответил Клевахин. – А то вы с Бузыкиным мало того, что считаете меня недалеким, так еще и пытаетесь держать на коротком поводке.

– Да, ваша обида справедлива. И не думайте, что я – сукин сын, радеющий только за собственные интересы.

Мне этот Джангиров, если честно, до лампочки. Он мне ни сват, ни брат, даже не седьмая вода на киселе. И уж тем более я и в мыслях не держу ставить вам палки в колеса по ходу расследования дела. Мало того, я искренне надеюсь, что мы найдем снайпера, устроившего бойню на погосте.

– Тогда за чем остановка?

– За малым – Джангирова прикрывают сверху. И очень серьезные люди. Против них идти – это все равно что пытаться голыми руками остановить танк.

– И эти... господа вручили вам белый флаг и послали ко мне в качестве парламентария?

– Для них я просто букашка. Говорю вам это как на духу. Меня попросил мой шеф, его еще кто-то, и так далее. Кто на вершине этой пирамиды, я не знаю. И не хочу знать. Но поверьте, я бы даже не осмелился подойти к вам с такой просьбой, не будь уверен в невиновности Джангирова перед законом. Да, темная история, да, его показания могли бы помочь следствию – в какой-то мере – но лучше все оставить на своих местах и не ворошить без особой нужды осиное гнездо.

– А если в ходе расследования всплывут факты, подтверждающие вину Джангирова?

– В чем именно?

– Вопрос чисто гипотетический.

– Если Джангиров преступник, то я умываю руки. Появится нужный фактаж – давите его, как вшу.

– А вы в таком случае поможете?

– Если честно, мне просто деваться будет некуда. Вы ведь знаете наши порядки: пока ты на

коне – почет и уважение, как только где-нибудь оступился – сразу с дерьмом смешают, невзирая на заслуги и чины. У меня, как и у вас, "доброжелателей" хватает. И если я проигнорирую ваши материалы по Джангирову, а вы их пустите по другому каналу – ведь так оно и будет, нет? – то меня с огромной радостью прибьют гвоздями к стене на всеобщее обозрение.

– Вы меня убедили, – сказал, поднимаясь со стула, Клевахин. – Пусть катится этот чернокнижник... к бениной маме. Меня и без его постной рожи изжога мучает.

– Так мы договорились? – недоверчиво спросил Атарбеков.

– Рука руку моет, Темирхан Даудович. Мент менту глаз не выколет. Можете доложить по инстанциям, что Клевахин хрен забил на их любимца. Пусть порадуются.

– Не забуду... – следователь торжественно потряс руку майора. – Все, что от меня нужно...

"Как же... – думал Клевахин спустя десять минут, когда выпроводил Джангирова, от которого, несмотря на жару в кабинете, веяло могильным холодом. – Так я для тебя, дорогой мой Темирхан Даудович, ножки и раздвинул... Не верь женщине – обязательно когда-нибудь подставит свои прелести другому, не верь прокурору, ему наплевать на твое чистосердечное признание – все равно статью пришьет. А что касается этого чернокнижника, то пусть пока поплавает в мутной водичке. Пока я ему не смастерю железный кукан с зубьями – чтобы не сорвался. Чует мое сердце, что у него рыло не только в пуху, но и в перьях. Интересно, чтобы он запел, узнав, что мне известны его игры с ножиком? Не-ет, брат, Джангирова рано брать на цугундер. Рано. Спешка нужно только при ловле блох..."

Глава 13. Базуль

Так паршиво старый вор "в законе" не чувствовал себя никогда. Ни в зоне, где его держали неделями в карцере на воде и хлебе, ни во время одного из побегов, когда он провалился под лед и, весь окоченевший, шел наобум, чувствуя, как постепенно, по капле, жизнь сочилась из одеревеневшего тела, ни даже в момент судебного заседания, приговорившего Базуля к "вышке". Он всегда верил, что удача на его стороне.

Наказание карцером не могло длиться бесконечно, а в бараке вора ждала братва, горячий чифирь, стопарик и кусок сала; на пути обледеневшего беглеца обязательно должна была попасться охотничья избушка – так и случилось – где он отогреется и обсушится; "расстрельный" приговор заменили на пятнадцать лет строго режима, который, после того, как опрокинулся очередной генсек и на его место поставили нового полужмурика, скостили до "червонца"[20]. Такую жизнь Базуль себе выбрал с четырнадцати лет, а потому не жаловался, не скулил и считал любые неурядицы временными и не стоящими особых переживаний.

Но сейчас, на закате жизни, когда он наконец вкусил ее другую, сытую и достаточно безмятежную, сторону, Базуль вдруг с невероятной остротой ощутил свой близкий, умопомрачительно глупый и унижительный конец. Удача не просто отвернулась от вора "в законе" – она жестоко посмеялась, "опустив" его так, как он проделывал это в зоне со смазливými мальчишками.

Однако самым обидным было то, что своим падением он обязан только себе. Кого винить? Балагулу?

Можно, конечно, пустить его на распил – а толку? Голова он, Базуль, с него и ответ. Куда не

кинь, везде клин...

Как ни странно, в перестрелке погибло всего четверо – по два человека с каждой стороны – притом один из них поджарился заживо, когда взорвался бензобак "джипа". Зато раненных было шестеро. Если не считать Балагулы, который получил контузию. Скольких продырявили у Чингиза, Базуль не знал, но ему донесли, что приспособленная и экипированная для таких случаев подпольная больничка – бывшая грязелечебница, приватизированная одним из власть предержащих, дружком азиата – была забита "быками" под завязку.

Чтобы как-то сгладить неприятное впечатление от в общем-то неожиданной стычки, Базуль не поспешил и отвалил каждому из своих легионеров по две штуки зеленью, а семьям погибших купил квартиры, машины и дал по десять тысяч долларов.

Лишь Балагула, которого Базуль поначалу сгоряча посчитал единственным виновником кровавого побоища на "стрелке", получил шиш с маслом и корзину с фруктами – больничную передачу. Помощник вора "в законе" лежал отдельно от остальных раненных в охраняемой спецлечебнице для крутых и денежных, куда его, обеспамятешшего, отвезла братва, умыкнув прямо из-под носа ментов, целой оравой примчавшихся на разбор шапок. Он провалялся там почти неделю, полуоглохший и потерявший дар речи; хотя, скорее всего, Балагула просто не хотел ни с кем разговаривать. Сегодня его должны были выписать, и "положенец" ждал, когда он явится к нему, чтобы вместе разобраться в сложившейся ситуации – последние события поколебали веру Базуля в свои силы, и теперь он, как никогда прежде, нуждался даже не в помощи или совете, а в обычной дружеской беседе.

Балагула приехал в тот момент, когда Базуль наблюдал через вмонтированное в стену кабинета зеркальное стекло за рабочими, получавшими расчет по окончании строительства тайного подземного хода. Все они были шабашниками, приехавшими на заработки – в основном выходцами из Западной Украины. Деньги выплачивал обычно невозмутимый Шатоха, совершенно спокойно пропускающий мимо ушей ругань обозленных проходчиков, положивших в карман половину той суммы, что им была обещана. Для того, чтобы никто из шабашников не знал кому и где они роют подземный ход, их поначалу привезли во владения Базуля в закрытом фургоне, а затем держали взаперти и под надежной охраной до тех пор, пока они не сдали объект "под ключ". И теперь Шатоха монотонно бубнил, объясняя обманутым работягам, что из их заработка вычтены деньги, потраченные на харчи, зарплату охранникам и за жилье. Украинцы не соглашались с такой трактовкой договора, бунтовали и едва не брали за грудки секретаря-референта, и Шатоха все чаще с надеждой поглядывал на зеркало, за которым скрывался босс.

– Может, подождать, пока ему эти хохлы рожу набьют? – мечтательно спросил Базуль, когда Балагула уселся в кресло и налил себе бокал апельсинового сока. – Она у него давно кирпича просит. Белая кость... мать твою...

Балагула за неделю, проведенную на больничной койке, здорово сдал: глаза ввалились и теперь казалось, что на их месте остались только темные впадины, на дне которых поблескивали серые капли свинца, кожа на прежде тугих щеках отвисла, а лоб и левая половина лица, обожженные при взрыве "джипа", представляли собой почти сплошную корку, смазанную какой-то гадостью с отвратным больничным запахом.

– Они его просто по полу размажут, – откликнулся охрипшим голосом Балагула. – Эти парни – шахтеры, так что рычаги у них будь здоров.

– Да, ты прав... – неохотно согласился Базуль и нажал кнопку вызова охраны. – Шатоху нужно спасти. Еще пригодится. Ты ему веришь? – неожиданно спросил он, резко поворачиваясь к Балагуле.

Тот некоторое время молчал, наблюдая за событиями в комнате с зеркальным стеклом,

обычно служившей малым банкетным залом. Туда как раз ворвались вооруженные до зубов "быки", и обмишуленные рабочие, чтобы не потерять последнее, понуро и безмолвно направились к выходу во двор, где их уже ждала похожая на милицейский "воронок" закрытая машина.

– Нет, – наконец коротко ответил Балагула.

– Почему?

– Он чересчур хитрый.

– А ты сам что, душа нараспашку? – с насмешкой посмотрел на своего помощника "положенец".

– По крайней мере, не лезу без мыла в то самое место, – Балагула побагровел. – Конечно, я тоже не лох, но уж коль сел в телегу, то не спрыгну до самого конца. А у Шатохи только один Бог (правда с многими лицами) – американский бакс. Вот ему он действительно служит верой и правдой.

– До чего люблю базарить с учеными людьми, – иронично покривился Базуль. – И все-то вы знаете, и на все у вас есть готовый ответ. Интересно, а как бы ты меня охарактеризовал?

– Извините, Федор Лукич, но сегодня я меньше всего склонен заниматься диалектикой. У меня в башке до сих пор шмели гудят. Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом.

– Диалектика... – в глазах старого вора мелькнул нехороший огонек. – Мудреные слова. Да, дорогой Федор Лукич, это тебе не по фене ботать. Пора, старый пень, вострить лыжи – и на свалку...

Базуль явно пытался "завестись", чтобы отвести душу. Балагула знал это свойство своего босса достаточно хорошо, а потому замкнулся и сидел, будто внезапно онемевший.

– Ну ладно, хватит воду лить. Поговорим о делах, – сказал, остывая, "положенец". – Я хочу услышать, что ты думаешь о событиях на "стрелке"?

– Сплошной идиотизм, – коротко и угрюмо ответил Балагула.

– Ты считаешь меня идиотом?!

– Не о вас речь. Нас просто стравили. Уж не знаю, кто подкинул Чингизу идейку насчет Кургузого рынка, но то, что он пел с чужого голоса – факт. Я не исключаю, что в городе вот-вот появится – или уже появилась, а мы пока не знаем – "третья" сила. И на нее сделали ставку те, кто вскорости придут к власти.

– Не чеши мне уши! Какая третья сила!? Большая часть ключевых постов в городе – наши. И я не вижу никого – за исключением Чингиза – кто бы мог нам противостоять.

– Вспомните Сандро. Уж он-то держал свой город, что называется, в ежовых рукавицах. Никто даже шевельнуться лишней раз без его разрешения не мог. И что? Как только Сандро завалили, сразу почти всю его братву взяли на цугундер. Кому мозги вышибли, кого в зону запихнули, сдав со всеми потрохами, а те, кто поумней, рванули когти, разбежались, куда глаза глядят. Теперь в городе правит бал какой-то Калина.

Вам он знаком? Нет? Кто он, откуда – никто ничего не знает. Вскочил, как прыщ на шее.

– Да, тут ты прав... – что-то неприятное – холодное и скользкое – шевельнулось, оживая, в груди и старому вору вдруг ни с того, ни с сего в очередной раз припомнился кошмарный сон,

мучивший его уже больше двух лет: багровое небо, черная тайга, он сначала летит, а затем падает в пропасть, на дне которой его поджидает отвратительное чудовище с окровавленной пастью. – Налей, – вдруг сказал он Балагуле, наблюдавшему за ним с тревогой. – Нет, не коньяк – водку. Будешь?

– Спасибо, нет... – Балагула сосредоточенно цедил в сразу запотевший бокал ледяной шведский "Абсолют". – Бутерброд?..

– Не нужно, – Базуль жадно схватил бокал и выпил одним духом.

Полегчало. Суматошные мысли снова приобрели необходимую прозрачность.

– Значит, третья сила... – он в задумчивости пожевал сухими старческими губами. – Возможно и так. Похоже, нам предстоит нелегкие деньки.

– Похоже... – как эхо откликнулся Балагула.

– Сейчас пока тихо – подозрительно тихо – но, я думаю, вскорости придется и спать со стволами.

– Надо все-таки еще раз попытаться договориться с Чингизом.

– И отдать ему Кургузый рынок? – со злой иронией спросил "положенец".

– Рынок – всего лишь предлог для свары. Скорее всего, Чингизу навешали лапши на уши и он даже представить не может, чем закончится наше противостояние.

– Дурак он... козел гребаный... – отвел душу Базуль в изощренной блатной ругани. – Жили тихо-мирно, лохов доили, навар клевый – чего еще нужно? Да, он имел меньше, чем мы, но у него и людишек-то всего ничего.

– Пока не начался отстрел и наезды на наши точки, нужно в срочном порядке разведать обстановку.

Тщательно разведать. Включим все каналы, чтобы узнать откуда ветер дует.

– Верно. Чтобы определить, кого глушить в первую очередь, – мстительно сказал Базуль. – Мы эту "третью" силу должны на дерьмо перепустить. И как можно скорее.

– Все это верно, – Балагула сосредоточенно рассматривал свои руки. – Но почему вы ничего не рассказываете о вашем разговоре с Чингизом на "стрелке"? Неужто вы так серьезно побили горшки, что сразу последовала разборка?

– В том то и дело, что нет. Да, повздорили, да, погорячились, но чтобы тут же начать бойню... Ума не приложу, зачем Чингиз полез на рожон?

– А он и не полез. Чингиз сейчас и сам в недоумении.

– Не понял... Как это – в недоумении? Первым обнажил стволы – а теперь в затылке чешет?

– Ходят слухи, что Чингиз думает будто это вы дали сигнал палить.

– Я!? Да в своем ли он уме!? Мне в тот момент такое и в голову не могло прийти. Конечно, к "стрелке" мы готовились серьезно, однако никому не хотелось доводить дело до стрельбы. В открытую действуют только мудаки. Кроме прямой сшибки, есть много других способов прищучить таких кентов, как Чингиз и иже с ним. И ты это знаешь не хуже меня. "Стрелка" – в большей степени ритуал, демонстрация силы, нежели настоящая бойня.

– Тогда напрашивается простой вопрос – кто?

– То есть, как это – кто? – Базуль озадаченно смотрел на своего помощника, быстро-быстро мигая выцветшими от прожитых лет глазами.

– Кто начал стрельбу? – Балагула сокрушенно покачал головой и скрипнул зубами. – Ну какая же хитрая сволочь... Навел тень на плетень – и снова в кусты.

– О чем ты щебечешь?

– Все о том же... Когда заварилась каша, я почему-то сразу обратил внимание на группу деревьев слева – там, где пригорок. По запарке поначалу не понял, почему мне не понравился тот лесок, но когда присмотрелся...

– Помощник Базуля до хруста сжал свои кулачищи. – Так вот, стрельбу начали оттуда. И кстати, неизвестный снайпер бил только по машинам. Это чтобы побольше шороху наделать. И в "джип", который взорвался, тоже он пулю всадил. Помните, как мы поставили свои тачки – моторами к фронту. При всем желании бойцов Чингиза попасть в бак было весьма проблематично, если не сказать – невозможно. А вот с леска – цель, лучше не придумаешь.

– Неужто ты предполагаешь, что?..

– Уверен. Это тот самый сукин сын, который на кладбище замочил Кирюхина и компанию.

– "Третья" сила?

– Фиг его знает. По раскладу вроде не вяжется, а что там на самом деле – поди раскумекай.

Базуль поверил Балагуле сразу и бесповоротно. Его помощник, бывший опер, обладал аналитическим складом ума, что не раз доказывал на деле. Служба в уголовном розыске сделала из Балагулы абсолютного циника, но в то же время необычайно развила его способности по части разведки и контрразведки.

Знакомый с лицом и изнанкой жизни, бывший борец и чемпион, а затем мент, он часто находил совершенно нестандартные решения весьма сложных проблем. За что его, собственно, и ценил "положенец".

– А что уголовка? Как обычно, когда в деле мокруха, ни кует, ни мелет?

– Вы насчет неизвестного снайпера? Воз до сих пор на месте.

– Ну, а чем тогда занимается твой хваленый Штымп? Ты с ним говорил?

– Пока нет.

– И какого хрена ты ждешь!? – Базуль вдруг разозлился. – Особых полномочий?

– Так ведь вы к моему предложению по поводу разговора со Штымптом отнеслись более чем прохладно.

Потому я и решил немного повременить.

Как ни пытался Балагула быть невозмутимым, но все же не смог потушить искру злорадства, мелькнувшую в глубоко посаженных свинцовых глазках. Базуль столько раз шпынял своего подручного его милицейским прошлым, что временами бывший опер готов был за это голову отвинтить своему патрону. Балагула до сих пор поддерживал не только деловые, но и дружеские отношения с некоторыми из бывших коллег. Нередко после очередных кухонных посиделок у кого-нибудь из них на квартире (в общественных заведениях

предусмотрительный помощник "положенца" встречаться с ментами не рисковал) он добавлял еще и дома.

Надравшись вдрызг, бывший опер часами сидел, приложив большую морскую раковину к уху и, слушая шипящие звуки, похожие на шум прибоя, пускал скупую слезу. Спроси его в такие моменты, почему он плачет, Балагула вряд ли ответил бы.

И только протрезвившись, на больную голову, с горечью признавался сам себе, что погнавшись за большими деньгами, он утратил нечто такое, которое нельзя измерить в долларовом эквиваленте.

А если проще – работая в уголовном розыске, он чувствовал себя человеком, но ни в коем случае не подушкой под чьей-нибудь костлявой задницей, как теперь.

К счастью, Базуль не заметил состояния Балагулы. Он лишь выматерился от души и сказал:

– Ты иногда бежишь впереди паровоза, а нынче, когда мы все на подвесе, почему-то стал скромнягой.

Выверни Штымпа наизнанку, обещаю любую помощь, но пусть он достанет нам этого снайпера-невидимку хоть из-под земли. Пока мы не предъявим его Чингизу, никто о мире даже думать не будет.

– Все это верно... – Балагула умолк, подыскивая нужные слова. – Но ведь совсем недавно у нас шел разговор о том, чтобы разобраться с Чингизом раз и навсегда...

– Тогда мы даже понятия не имели об этой, так называемой, "третьей" силе. Если сейчас ввяжемся в драку, то может случиться так, что пожинать плоды нашей победы будут другие. Возможно, они как раз этого и ждут. И не только ждут, а подталкивают на разборку.

Неожиданно Балагула будто прозрел. Он понял, что Базуль боится! Это открытие настолько ошеломило бывшего опера, что он некоторое время не знал что и сказать.

Балагула вдруг ощутил, как сердце больно сжалось и ухнула в пропасть, которой, по идее, просто не могло быть в груди. И тем не менее, факт оставался фактом. В это мгновение даже его жестокая, похожая на гранитный монолит, натура рэкетира и бандита с большой дороги, дала трещину, вызвав совершенно несвойственные ей эмоции и ассоциации. Балагула, пожалуй, впервые с того времени, как ушел из милиции в рэкет, понял – дорога, на которую он ступил, ведет в тупик. И никакие заграничные счета и вилла в Швейцарии не дадут ему ни покоя, ни радости, ни обеспеченной старости в окружении внуков. Если даже такая прожженная сволочь, как Базуль, начал мандражировать – вор "в законе", убийца, у которого руки по локоть в крови! – то что тогда ему делать?! Положить жизнь за воровское сообщество? Кому это нужно и кто оценит такой, с позволения сказать, "подвиг"? Сдаться ментам и загудеть в зону? Оттуда на волю его доставят только в деревянном макинтоше – свои же и сошьют, как для отступника. Продолжать сплавляться по течению? Мысль неплохая... но лучше плыть в лодке и не на веслах, а у руля.

И Балагула принял решение.

– Я поговорю со Штымпом... – сказал он, старательно пряча глаза от взгляда Базуля.

Его слова прозвучали как-то неуверенно, Балагула это понял, и, спохватившись, добавил уже гораздо тверже:

– Постараюсь его дожать. Как говорится, не мытьем, так катаньем – Вот теперь я тебя узнаю, – с удовлетворением констатировал Базуль. – И прикажи бригадирам, чтобы парни держали уши востро. Никакой самодеятельности, все должно быть под контролем, а оружие – под

рукой.

Пока наши дела не утрясутся, передвигаться по городу группами. Нужно усилить охрану основных объектов и ценных грузов. Что касается финансовой деятельности... придется поднапрячь Шатоху. Мы должны выйти из кризиса с минимальными потерями. Все. Бывай...

Уходя, уже на пороге приемной, Балагула невольно оглянулся и встретил необычно острый, напряженный взгляд секретаря-референта. Ему показалось, что Шатоха хочет поделиться чем-то сокровенным, возможно, сблизиться с ним, стать пусть не другом, но сторонником. Неужто и этот скользкий угорь почувствовал, как запахло паленым? А что-то, но нюх на опасность Шатоха имел отменный.

Балагула сделал над собой усилие и растянул губы в кривой улыбке, чего не делал никогда прежде. Шатоха, скромно опустив глаза, тоже улыбнулся – как верный пес, который ждет ласки от хозяина.

Глава 14. Безумная ночь

До приезда в город Егор Павлович практически не испытывал страха; возможно, за исключением детских лет. Ему не раз приходилось попадать в экстремальные ситуации, но воспитанный среди дикой природы, он воспринимал их со стоицизмом варвара, для которого жизнь, как таковая, понятие отвлеченное. То, что для городского жителя казалось опасностью, для него было обыденным, смертельный риск – всего лишь одна из составляющих его работы, а возможность раньше положенного срока отправиться на погост являлась частицей мироздания, в основе которого лежит вечный круговорот вещей. Никчемный червь служит пищей куропатке, ее скрадывает лиса, чтобы пообедать, в свою очередь рыжая плутовка – неплохая добавка к рациону волчьей стаи, а волком – особенно голодной весной, после зимней спячки – не побрезгует и сам хозяин тайги, бурый медведь, который к осени, когда нагуляет жирок, попадет на мушку карабина какого-нибудь охотника; кости и внутренности косолапого унавозят землю, и в ней, жирной и сытной, из личинки вылупится маленький червячок... Все в этом мире взаимосвязано, и смерть существа одного вида становится продолжением жизни другого представителя фауны.

Но теперь, когда боязнь всего необычного, заложенная в программу выживания человека, должна была, по идее, уступить место житейской мудрости, предполагающей философское отношение к конечности бытия, Егор Павлович стал настоящим неврастеником, который мог вспылить из-за пустяка.

Он боялся. Боялся до жути, до сердечной боли. Егор Павлович потерял покой и сон и иногда даже покрикивал на Грею. Похоже, верный пес был просто шокирован таким поведением хозяина, потому что вместо вполне понятной обиды он лишь ложился на живот и, скуля словно щенок, подползал к нему, чтобы умильно и с тревогой заглянуть в глаза. Ругая себя за несдержанность последними словами, Егор Павлович бормотал извинения, и удовлетворенный Грей отправлялся в свой угол, откуда с неподражаемой серьезностью, весьма похожей на сочувствие, следил за хозяином умным и преданным взглядом.

Егор Павлович боялся потерять Ирину Александровну. Она всецело завладела его мыслями и чаяниями, и каждая их встреча превращалась для старика в маленький праздник души. От ожиданий встреч и переживаний он еще больше похудел, но, как ни странно, стал выглядеть лучше и моложе своих лет. Теперь Егор Павлович уже не стеснялся, как прежде, выйти с Ириной Александровной "в люди", и даже в обществе артистов, с которыми она поддерживала дружеские отношения, он не выглядел белой вороной. На его удивление, они

оказались обычными людьми со своими странностями и недостатками, а не теми полубогами, которые взирали на него с телеэкрана. Наверное, он мог бы сойтись с ними и гораздо ближе, однако замкнутость его натуры, выпестованная годами таежного одиночества, не позволяла Егору Павловичу в полной мере раскрыться перед приятелями Ирины Александровны, чтобы стать своим.

Впрочем, с товарищами у нее было не густо. Как Ирина Александровна однажды призналась, после смерти мужа и вынужденного превращения в базарную торговку, она прекратила почти все контакты с коллегами, а когда ее приглашали в компанию, то находила массу причин для отказа.

Удивительно, но с появлением в ее жизни Егора Павловича финансовые дела Ирины Александровны быстро пошли на поправку. Она начала сниматься в рекламе, затем ее пригласили озвучивать зарубежные "мыльные" оперы. Конечно, заработанных денег хватало только на еду и чисто житейские мелочи, однако лишь один тот факт, что ей больше нет необходимости днями торчать на семи ветрах в роли неумелого коробейника, стоил в понимании Ирины Александровны дорогого. Она настолько похорошела, что временами казалась Егору Павловичу сказочной царицей. В такие мгновения он даже падал духом и уныло констатировал, что тянет рядом с ней разве что на Иванушку-дурака. Старого дурака...

Любил ли он ее? Трудно сказать. Так случилось, что в молодые годы Егор Павлович не изведal настоящей страсти, а когда в зрелом возрасте наконец нашел себе женщину, то о любви просто и речи не могло быть. У нее, сбегавшей от мужа-алкоголика, давно все прогорело, оставив лишь пепел и несколько тлеющих угольков, а Егор Павлович, которому нужна была хозяйка, о высоких материях и вовсе не задумывался. Они прожили в гражданском браке пятнадцать лет, можно сказать, душа в душу, искренне ценя главное, что их свело – возможность чувствовать себя полноценными людьми, существовать свободно и независимо от чьей-нибудь злой и подлой воли. Детей у них не было: пьяница-муж отбил женщине все внутренности, из-за чего она и ушла безвременно в мир иной. Больше Егор Павлович обзавестись супругой попыток не делал; он не мог себе представить на месте усопшей другую женщину.

И вот теперь Ирина Александровна. Моложе его на двенадцать лет, образованная, хорошо воспитанная, умная... А кто он? Таежный бирюк, скиталец, которому на старости лет бес залез в ребро. Да, она относится к нему хорошо, если не сказать больше. И он на седьмом небе, когда рядом с нею. Можно ли считать их отношения любовью? И вообще – что такое любовь в его возрасте?

Такие мысли посещали Егора Павловича не раз. Они вызывали душевную смуту и маяту, а когда он ухитрялся прогнать их прочь, его тянуло к Ирине Александровне еще больше; и еще больше вцеплялся в старика железными когтями страх – ему казалось, что потерю этой женщины он просто не переживет...

День начался беспокойно. Сначала Грея на прогулке в лесу попытались заарканить какие-то хмыри – может, кому-то его шкура на шапку приглянулась, а возможно кто-нибудь из подпольных собаководов решил улучшить за счет волкодава будущее собачье потомство (с таким предложением к старику тоже подходили).

Но грозный пес не принял условия предложенной игры, и Егору Павловичу пришлось спасать незадачливых браконьеров от клыков рассвирепевшего Грея, который уложил всех троих на землю и, особо не церемонясь, удерживал их в таком состоянии, пока не подросел хозяин. Похоже, тертые мужички, привыкшие к изнеженным и благодушным городским собакам, совсем не ожидали такого отпора, и когда старик подозвал волкодава к себе, они рванули в заросли с такой прытью, будто за ними гнался сам мифический трехглавый пес Цербер.

Затем, уже после возвращения домой, ему принесли весть, которая еще больше омрачила Егора Павловича.

Один из заказчиков (он сделал ему резной буфет "под старину") приказал долго жить – его взорвали в личном "линкольне" – а это значило, что денежек за работу старику не видать, как собственных ушей. У Егора Павловича уже были подобные случаи, и он знал, что наследникам обычно наплевать на все устные договоренности усопшего. К его удаче, заказчику почему-то не понравились некоторые детали резьбы на дверцах и он возвратил их на доделку. Поэтому старик все-таки надеялся, что наследники не оставят буфет в разобранном виде, так как он имел немалую художественную ценность и стоил очень дорого.

Утешая себя такими соображениями, Егор Павлович быстро перекусил и направил свои стопы в центр, где его ждала Ирина Александровна. Сегодня у актрисы выпал свободный от работы день и они решили пойти на недавно открывшуюся выставку итальянской живописи. Уже на подходе к ее дому ему впервые в жизни сделалось дурно. Плохое предчувствие, подкрепленное утренними неприятностями, вдруг обрело осязаемые формы и вползло в грудь, тисками сжав сердце. Прислонившись к троллейбусной остановке, он переждал момент затмения, а затем зашел в ближайшую аптеку и попросил чего-нибудь успокоительного.

Как ни странно, дешевое отечественное лекарство помогло моментально. Старик болел редко и из всех медицинских препаратов отдавал предпочтение обычному аспирину. К зарубежным снадобьям он относился с некоторым предубеждением, хотя многие из них были изготовлены на основе трав. Егор Павлович считал, что травы лучше собирать самому и не тогда, когда заблагорассудится, а только в сезон и определенное время суток, чтобы сохранить их целебную силу в полной мере. Перебираясь в город, он захватил с собой целый мешок с "лесной" аптечкой, и с завидной регулярностью пил различные укрепляющие здоровье и бодрящие настои. Так делали его родители, так его приучили, и он сохранил эту привычку как память о прошлом, хотя на здоровье в общем-то никогда не жаловался.

Ирину Александровну он застал в слезах. Завидев его, она попыталась быстро привести в порядок заплаканные глаза, но это у нее плохо удалось, и, посмотревшись в зеркало, актриса зарыдала пуще прежнего.

– Что стряслось!? – вскричал Егор Павлович.

Испуганный старик дрожащими руками с трудом выцарапал из брючного кармана свой носовой платок и довольно неумело принялся промокать с щек женщины соленую влагу.

– О-они... в-ва... – Ирина Александровна не могла толком промолвить ни слова.

– Прошу вас, успокойтесь... – старик беспомощно ходил вокруг нее, не зная с какой стороны подступиться и что сказать. – Кто это – они?

У него от переживаний опять потемнело в глазах, но на сей раз невероятным усилием воли он заставил сердце забиться в прежнем ритме. Несколько раз глубоко вздохнув, Егор Павлович тряхнул головой, разгоняя застывшую белый свет пелену, и, решительно обняв Ирину Александровну за плечи, повел ее в ванную, где умыл холодной водой словно ребенка.

– Извините... я в таком виде... – всхлипывая, сказала актриса и покорно уселась в кресло.

– А теперь давайте по порядку. Вас кто-то обидел?

Старик спросил спокойно, но в его голосе помимо воли неожиданно прорезались жесткие металлические нотки.

– Не знаю... – беспомощно и печально ответила Ирина Александровна. – Нет... Скорее, нет...

– Тогда я не понимаю...

– Вон там, почитайте... – Она вяло указала на стол, где лежали какие-то бумаги.

Недоумевающий Егор Павлович взял их и начал просматривать. Квитанции, справки, акт...

– Что это? – спросил он, силясь сообразить о чем идет речь в этой канцелярской писанине.

– Меня выселяют... – Актриса прикусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

– Чего ради!?

– В связи с большой задолженностью по квартплате.

– Чушь! – фыркнул старик. – Мои соседи не платят за квартиру уже около двух лет – и ничего. В таких должниках, как они, числятся не менее половины городских семей. Заводы стоят, рабочие по полгода не получают зарплаты. В этой напасти нет ничего удивительного и необычного.

– Но сумма... – не сказала, а простонала Ирина Александровна. – Я просто ума не приложу, откуда столько набежало. Посмотрите там, внизу... – Она показала на акт с несколькими печатями.

Егор Павлович, присмотревшись, сокрушенно покачал головой – долг и впрямь был не маленьким.

– Они не имеют права! – задиристо воскликнул он и с отвращением швырнул пакостный акт на стол. – Поставили людей на грань нищеты, а теперь требуют чтобы они еще и расплачивались за их промахи. Кровопивцы!

– У нас издавна заведено, что тот прав, у кого больше прав, – горестно вздохнула женщина. – Если меня выселят, я наложу на себя руки.

– Выкиньте эти глупости из головы! – испуганно замахал на нее руками старик. – Чего проще – сдаться без боя.

– Но что мне тогда делать? Таких больших денег займы никто не даст. А в акте указан срок погашения задолженности – две недели.

– Погодите... – Старик быстро перевел указанную в акте сумму в доллары.

Выходило что-то около двух тысяч. Он удивился еще раз – откуда такой долг? По его приблизительным подсчетам Велиховы не платили за квартиру не менее трех лет. Такого просто не могло быть. Но он не стал больше ничего спрашивать, сказал только, направляясь к выходу:

– Я скоро...

– Куда вы? – всполошилась Ирина Александровна.

– За деньгами, – старик улыбнулся и задорно подмигнул. – Ждите, я буду у вас через два-три часа...

Актриса хотела что-то сказать, однако Егор Павлович уже закрывал входную дверь с другой стороны...

Он вернулся, как и обещал, спустя три часа с четвертью. Достав из тайника в своей квартире заначку, он с досадой крикнул: ремонтные работы и безумные для его возраста траты на одежду опустошили ее почти полностью. Осталось всего-ничего – чуть больше тысячи долларов. При других обстоятельствах это его не смутило бы – заказов на резные работы хватало. Но неожиданная смерть любителя мебели "под старину" отодвинула получение денег за буфет на неопределенное время, а остальные поделки находились в незавершенном состоянии. Поразмыслив, Егор Павлович отправился к одному из самых богатых заказчиков, директору какого-то общества с ограниченной ответственностью с мудреным названием. Раньше подобным образом старик никогда не поступал. Он даже не брал аванс за работу, так как был уверен, что на его товар охотников хватит; откажется один, купит другой да еще и за большую цену.

К счастью, заказчик оказался на месте и в хорошем расположении духа. Он молча достал тысячу долларов и лишь поинтересовался, когда будет закончена резьба на дубовых дверях для его коттеджа. Старик горячо заверил, что теперь он вывернется наизнанку, но сделает все даже раньше срока. На том они и расстались, довольные друг другом.

Увидев деньги, Ирина Александровна поначалу удивилась, затем начала отказываться принимать их, после стала настаивать на том, что должна написать расписку, так как берет эти две тысячи долларов взаймы, а потом вдруг упала на грудь Егора Павловича и зарыдала словно ребенок – захлеб...

Вторая половина того дня и ночь показались старику ожившей сказкой. Поначалу они поменяли доллары и заплатили долг по квартплате, чем удивили перевидавших многое сотрудниц сбербанка до полного изумления. Наверное, их посчитали рехнувшимися или весьма состоятельными. По крайней мере, старик был уверен, что теперь косточки странных – чтобы не сказать больше – клиентов удивленные женщины будут перемывать не один день. Что ж, каждому своя радость и забава.

После они битых два часа бродили по манежу, где демонстрировались полотна итальянских живописцев эпохи Возрождения. Возбужденный как никогда прежде, Егор Павлович больше смотрел не на картины, а на сияющее, одухотворенное лицо Ирины Александровны. Какие-то смутные, но очень радостные, флюиды во всю гарцевали в его опустошенной от обычных рутинных мыслей голове, и старику чудилось, будто все это происходит не с ним, а с каким-то другим, пусть и знакомым, человеком. Ирина Александровна что-то говорила, спрашивала, он не задумываясь отвечал (возможно, невпопад), они смеялись, вызывая недоуменные и даже гневные взгляды других посетителей выставки; однако, это почему-то совсем не смущало ни старика, ни актрису, потому как им казалось, что вокруг них только стены манежа, картины – и больше никого.

Ближе к вечеру они набрали на тихое уютное кафе, где на оставшиеся деньги закатали настоящий пир. Тем, что им поставили на стол, можно было накормить бригаду лесорубов, здоровенных мужиков, не знающих меры ни в работе, ни в еде. Целый фазан под соусом, украшенный своими же перьями, икра черная на льду, фаршированная щука, какие-то диковинные салаты с труднопроизносимыми наименованиями, ваза с заморскими фруктами, которую венчал ананас, весь в сверкающем бисере водяных капель, большой морской рак, утонувший в ароматной зелени – как он называется, Егор Павлович так и не запомнил – пирожное, мороженное, французское шампанское и наконец устрицы; попробовать их старик не рискнул, решив, что его галантность все-таки имеет свои пределы.

Они просидели в кафе почти до полуночи, больше наслаждаясь не едой и приятной негромкой музыкой, а тем странным, давно забытым ощущением полного раскрепощения, присущего лишь беззаботной юности.

Странная это была ночь... После старику казалось, что они просто на некоторое время сошли

с ума. А иначе как можно объяснить те глупости, которые они творили?

Ирина Александровна пригласила его к себе. Кафе и впрямь находилось рядом с ее домом, но актриса даже не заикнулась о такой мотивации своего поступка. Она просто взяла его под руку и решительно свернула под арку, где был ступенчатый спуск на центральную улицу. Он и не подумал протестовать, шел рядом, как телок, глупо и блаженно улыбаясь. Ему казалось, что они вовсе не идут, а плывут по меньшей мере в метре от асфальта. Странная эйфория заполонила все его естество, и он был готов немедленно сделать что-то такое... что-то такое!.. Что именно, Егор Павлович так и не смог придумать до самого подъезда элитного дома. И только когда за ними захлопнулась массивная дверь парадного, он вдруг вспомнил о бедном Грее, ожидающем его в пустой квартире. Но эта мимолетная мысль сразу же улетучилась, едва зацепив своим невидимым крылом заполнивший черепную коробку эфир, сверкающий и переливающийся всеми цветами радуги...

Егор Павлович никогда не ожидал от себя такой молодой прыти. После смерти жены он вел монашеский образ жизни, а появляющиеся – иногда совершенно некстати – желания выжигал, что называется, каленым железом. Старик почти забыл как выглядит обнаженное женское тело, и совершенно философски относился к проблеме полов, считая, что его песенка спета, а значит незачем засорять разными глупостями голову, и так захламленную никому не нужным жизненным опытом.

То, что с ним случилось этой безумной ночью, совершенно неожиданно раздробило в щепки тот тяжелый и пыльный панцирь, в который он заковал себя много лет назад. Они любили друг друга с неистовством вполне здоровых людей, лучшие годы которых пусть давно и миновали, но пылу жаром пыл лишь подернулся пеплом, готовым в любой момент развеяться под ветром нерастроченной страсти. Время прекратило свой бег, ночь казалась бесконечной, и в минуты отдыха, когда они безмятежно ворковали обо всем и ни о чем и пили чай – или кофе; Егор Павлович просто не ощущал вкуса – ему казалось, что более счастливого человека, чем он, найти трудно...

Они уснули, когда солнце уже заглядывало в окна квартиры. Он проспал не более часа – нужно было торопиться домой, чтобы вывести на прогулку Грея. Но и за этот короткий промежуток ему приснилось больше цветных снов, чем за всю его длинную жизнь.

Отступление 4. Зона Сиблага, 1955 год Браконьеров было трое. Мужики все здоровые – как на подбор. Один из них, уже седеющий бородач, похоже, был за главного. Они уже разрубили тушу лося на несколько частей и грузили на вездеход.

Егор услышал выстрелы еще на подходе к Соленой пади и чтобы сократить и облегчить путь пошел напрямик через молодой сосняк. Рядом с ним бежал черный, как смоль, Уголек – сын Лешака. Он был еще молод, но по статям уже превосходил любого из псов, охраняющих находящуюся неподалеку от кордона спецзону, где за тремя рядами колючей проволоки отбывали наказание особо опасные рецидивисты.

Волкодав нетерпеливо рвался вперед, и Егору время от времени приходилось охлаждать его молодой пыл тихим коротким посвистом.

Егорша так и остался на кордоне, хотя его звала к себе тетка, сестра матери, проживала в городе, расположенном в центральной части страны. С надежными людьми, которые согласились бы годами жить в таежной глухомани, у руководства заказника были большие проблемы, а потому подростка оформили егерем быстро и без лишней волокиты, хотя его возраст и стал камнем преткновения в отделе кадров. К счастью, среди начальства нашлись добрые и совестливые люди, понимающие, что бедному сироте просто деваться некуда, и спустя два месяца после смерти родителей Егорша уже тропил тайгу в форменной фуражке. Долго осваиваться в новой роли ему не пришлось – отец приучал его к егерским

обязанностям сызмальства. С деда-прадеда охотник-промысловик, он ни сам не мыслил жизнь без таежного приволья, ни сыну Егору не желал иной доли.

Прошли годы, и руководство заказчика не могло нарадоваться молодым егерем. Он успевал везде и всюду, его северный кордон числился среди образцово-показательных, а браконьеры старались обходить территорию Егора стороной – он не давал спуска никому и не знал пощады. Смышленный парнишка настолько хорошо изучил тайгу, что мог пройти весь свой участок с завязанными глазами. Впрочем, опасливое отношение со стороны двуногих хищников к северному кордону имело под собой более веское основание, нежели просто боязнь молодого егеря. Ушлые мужички били зверя в заповедных местах и в сталинские времена, наплевав на жестокие законы и карабины лесничих. Но никогда прежде у егерей не было таких помощников, как у Егора.

Спустя несколько месяцев после вступления в должность Егорша смотался в деревеньку, где прикупил у деда Анфима, старого промысловика, суку по кличке Найда. Она приبلудилась в деревню еще щенком, и только мудрый старик сумел рассмотреть в отощавшей бродяжке со свалявшейся шерстью и гноящимися глазами истинную породу, которой просто нет цены. Где она родилась, кто ее бросил – а может она сама сбежала – так никогда и не узнали. Никто не смог определить и от каких родителей произошла Найда. В крови суки было столько примесей, что только опытный профессор-кинолог мог сказать, почему у нее такой высокий рост, маленькие уши, короткий, будто обрубленный хвост, неестественно широкая грудь и клыки, как у тигра.

Как бы там ни было, но через три года Найда стала местной знаменитостью. Более жестокой и злобной фурии в образе пса не могли припомнить даже выдавшие виды охотники промысловой артели. На охоте она могла дать сто очков форы любой лайке, а в драке полосовала противников почище матерого волка. Когда Найда шла по деревне, псы разбегались от нее будто от чумы. Особенно любила она брать медведя. Ее коронным приемом было запрыгнуть ему на холку и вцепиться в шею. Чего только не делал бедный зверь, чтобы сбросить со спины безмолвное свирепое чудовище, медленно и неотвратно перемалывающее своими широкими челюстями-капканами его жилы и мышцы. Спасти зверя могло только чудо или нерадивый охотник, забывший дома ружье. Но самым интересным было то, что Найда не подпускала к себе кобелей. Промысловики готовы были заплатить Анфиму любые деньги за щенка от этой странной суки, но очередь росла, а дед только горестно пожимал плечами и материл Найду на все заставки.

Наконец совсем отчаявшийся Анфим, которому перевалило за восемьдесят, решил ее продать. На охоту он уже не ходил – ноги подводили, хотя глаз был по-прежнему зорек – а Найда ела за троих псов, что при его скудном домашнем бюджете оказалось чересчур накладно. Поначалу охотчих купить ее нашлось немало. Но первый же покупатель вернул суку ровно через два дня и даже не потребовал своих денег обратно; впрочем, дед уже их потратил, что он сразу и поспешил ему сказать. После приходили и другие, все деревенские, однако итог всегда был один: через несколько дней Найда благополучно возвращалась в свою конуру, а старый Анфим смущенно объяснял горе-купцу, что к сожалению его денежки уже разбежались.

Спустя какое-то время деревенские охотники смирились с тем, что никто из них не сможет укротить монстра по кличке Найда, и больше не изъявляли желания приобрести неподдающуюся приручению суку.

Тогда хитрый дед обратил свой взор на соседние деревни, а затем и на район. Он уже привык к безбедной жизни за счет продаж Найды и решил продолжить свое маленькое предприятие, приносящее неплохие дивиденды. Так он морочил головы охотникам еще года полтора, пока слух о коварной псине не достиг самых отдаленных таежных уголков и не превратился в анекдот. Тогда дед, повздыхав от горького сожаления, отправил Найду по вешней воде

вместе со сплавщиками, чтобы они оставили ее где-нибудь подальше от деревни. Сука прибежала домой ровно через две недели, а спустя месяц возвращающиеся домой сплавщики едва не прибили хитроумного Анфима и пожалели лишь по причине его преклонного возраста. Оказалось, что она поначалу втихомолку съела их продукты, затем всех перекусила и преспокойно уплыла по бурной реке на берег. С той поры дед оставил все попытки избавиться от Найды, но кормил ее очень редко. Впрочем, здоровенная псина от этого не страдала – она даже голодной весной была в теле, так как сама охотилась в тайге. А ее способности по этой части ни у кого не вызывали сомнений.

Егорша тоже знал о перипетиях деда Анфима. Но, упрямый от природы, он решил свой тайный замысел довести до конца. Подросток даже не стал спорить со стариком, который запросил за Найду ровно вдвое больше, чем следовало бы. Деньги у Егорши были, остались от родителей, поэтому он молча отсчитал в морщинистую руку деда потерянные рублики, здраво рассудив, что старому и немощному Анфиму они нужней. Взяв в руку веревку, конец которой был привязан к ошейнику Найды, подросток сначала бросил ей кусочек свежего мяса – будто предлагая пусть и худой, но мир – а затем, когда она поела, увел за собой. На удивление, сука почти не упиралась. Видимо, решила, что они идут на охоту – Егорша был с ружьем. Так они и прошествовали по всей деревне – глупый пацан, как его тут же обозвали промысловики, посмеиваясь про себя и смакуя будущий финал сделки, и громадная невозмутимая псина, взирающая на окружающих с безразличным видом.

Первым делом Егорша запер Найду в просторный вольер. Он прекрасно понимал, что ему далеко до опытных таежников, с малых лет имеющих дело с собаками. И он знал, что так просто сука не подчинится.

Но у него был хороший наставник – отец, который любил возиться с псами и имел склонность почитать специальную кинологическую литературу. Он многое рассказал любопытному мальчику и теперь пришла пора использовать полученные знания.

Конечно же, сразу подпустить Лешака к суке не удалось. Она едва не загрызла в общем-то не страдающего слабосильем волкодава, и Егорше не оставалось ничего иного, как взяться за увесистую дубину, после чего Найда стала смотреть на него кровожадным зверем. Но подросток знал прием, действующий безотказно.

Для этого ему пришлось уйти из дому на неделю, оставив в вольере лишь корыто с водой. Когда он возвратился, голодная сука встретила его жалобным тьяканьем, а после небольшой порции вареной болтушки даже разрешила погладить себя по голове. Правда, на следующий день, немного оправившись, она снова начала угрожающе скалить клыки и буровить Егоршу налитыми злобой глазами.

Тогда подросток снова отправился в тайгу и опять повторилась прежняя картина – Найда не хотела сдаваться ни под каким видом. Так их поединок продолжался почти три месяца, и только когда наконец сука соизволила с униженным видом лизнуть ему руку, будто умоляя о прощении, он смиловился и стал кормить ее как положено.

Обошлось и с Лешаком. Момент Егорша подгадал самый удачный – у Найды началась течка, и она по ночам стала выть от переполнявшего ее возбуждения. Поначалу сука все-таки ухитрилась немного потрепать повизгивающего от желания пса, но неумолимый подросток снова взялся за дубину, и хитроумная псина больше не решилась продолжить эксперимент с вынужденным голоданием...

Егорша держал ее в вольере до тех пор, пока она не ощенилась. Зато когда наконец Найда обрела полную свободу и стала мамашей, более покладистой и преданной собаки нельзя было и желать.

Щенки подросли, превратившись в настоящих зверюг, затем Найда принесла еще один

помет, и через некоторое время у Егорши – впрочем, теперь уже у Егора – образовалась целая свора хорошо обученных огромных псов, которые могли в мгновение ока разорвать в клочья кого угодно. Они брали след, как первоклассные лайки, бегали словно хорты, а свирепостью перещегооляли даже мать. Когда Лешак постарел, молодой егерь начал выделять Уголька. Повадками черный кобель больше напоминал отца, но силу и свирепость в полной мере получил от Найды...

Наверное, разверзлись перед ними земля и то браконьеры удивились бы меньше, чем при появлении Егора.

Егерь их не знал, похоже, они были людьми пришлыми, возможно, работали на недавно открывшемся в Загорье руднике, где добывали никель.

– Что же это вы... балуете? – с укоризной спросил Егор, предусмотрительно держась поодаль.

– Кгм! – прокашлялся бородач. – Так ведь кушать хочется...

– В заказнике охотиться запрещено, – строго сказал егерь. – Тем более на сохатых. Думаю, об этом вам известно. Предъявите свои документы.

– Может, мы по доброму разойдемся? – заискивающе спросил бородач.

– Это как же?

– Разделим лося пополам. И от нас еще сверху ящик водки.

– Не пойдет, – сурово сдвинул брови Егор. – Вы нарушили закон. Но про то ладно. А что совести у вас нет – это вообще никуда не годится. Тайга совсем на зверя обеднела, но таким, как вы, на все наплевать. Бьете без разбору. Ведь вы и сейчас лосиху завалили, и, похоже, стельную. Стыдно!

– Молодой ты ишшо нас стыдить! – к разговору подключился второй, здоровенный рябой детина с рваной губой. – Говорится тебе – жрать нечего. Так что давай по-хорошему.

– Я не против, – холодно ответил егерь. – Отдайте мне ваши документы – и на кордон. Оформим акт, как положено – и идите на все четыре стороны. Но штраф придется заплатить.

– Товарищ не понимает... – пробасил третий, чернявый.

Пока шел разговор, он мелкими шажками подобрался вплотную к вездеходу, где на сидении лежали ружья браконьеров.

– Отойди, – коротко, но зло бросил Егор. – Оружие не тронь.

– А то что? – с наглой ухмылкой чернявый потянул к себе за ремень "Белку", двустволку, верхнее дуло которой был нарезным – под мелкокалиберный патрон.

– Я сказал – оставь, – карабин казалось сам прыгнул в руки молодого егеря. – Со мной такие шутки не проходят.

– Артемий! – прикрикнул на чернявого бородач. – Не балуй.

Тем временем и рябой верзила включился в игру. Он быстро шагнул в сторону и оказался вне поля зрения Егора. В руках рябой держал охотничий нож с широким лезвием.

– На место! – скомандовал ему Егор, отступая. – Не доводите, мужики, до греха.

– Да пошел ты!.. – рябой рванулся к нему со всей прыти.

Добежать он не успел. Таившийся в кустах Уголек черной молнией обрушился ему на спину и сбил с ног.

Ошалевший от неожиданности верзила попытался отмахнуться ножом, но бесстрашный пес впился в кисть руки. Раздался хруст сломанной кости, а затем и вопль обезоруженного браконьера.

Пока длилась эта скоротечная схватка, чернявый тоже не дремал. Он уже взводил курок, когда коротко и басовито ухнул карабин Егора. Пуля расколола приклад "Белки", отшвырнув чернявого к борту вездехода.

Выронив пришедшее в негодность ружье, он бессмысленно смотрел на свои пустые руки и что-то пытался сказать.

– Ну, дураки!.. – ругался бородач. – Что вы натворили, сукины дети!?

Егор привел браконьеров на кордон вскоре после полудня. Вездеход пришлось оставить на месте, так как с Соленой пади можно было ехать только в противоположную сторону. Еще за забором он услышал зуммер рации, установленной в его жилище управлением лагерей. В последнее время участились побегі заключенных, и начальство спецзоны смекнуло, что им необходимы люди, хорошо знающие местность, так как старый контингент охранников вскоре после смерти Сталина и расстрела врага народа Берии сменили, а пополнение, в основном выходцы из центральной части Союза, в тайге было абсолютно беспомощно.

Молодой егерь принял предложение стать следопытом зоны не задумываясь. И на то у него имелись веские причины.

Он доставил Чагиря в лагерь, когда поисковые группы уже возвратились не солоно хлебавши. Всем было хорошо известно, что если зэка не поймают в течение трех суток со дня побега, то дальнейшие поиски просто бессмысленны – дикие, нехоженые просторы, где деревни расположены на расстоянии в сотню, а то и больше километров друг от друга, скрывали беглеца не хуже, чем стог сена иголку. Поэтому в таких случаях оставалось уповать лишь на заградительные заслоны на дорогах и милицейские патрули на вокзалах.

Водворив Чагиря в барак и посочувствовав парнишке, потерявшему родителей, начальник зоны, старый сотрудник НКВД подполковник Кулебяко, щедро отсыпал Егорше провианта, выдал комплект армейского обмундирования, поношенный, но еще добротный полушубок с личного плеча и отправил домой на подводе, которую на время реквизировал в местном леспромхозе. Как позже узнал подросток, Чагирь отделался лишь легким испугом и карцером – ямой, вырытой прямо в земле, в которой было по щиколотки воды. Кулебяко был тертый калач, потому в управление лагерей сообщил всего лишь о попытке побега, и не четверых, а одного Чагиря, мудро рассудив, что ему лишние неприятности ни к чему. По богатому опыту подполковник знал, что после правдивого рапорта понаедут проверяющие, а значит обязательно должны последовать оргвыводы – что это за проверка без наказания виновных? Ну и, понятное дело, с него и будет главный спрос. Остальных трех беглецов, отдавших Богу души, Кулебяко быстренько списал на санчасть, где, как значилось в бумагах, они и почили безвременно от разных болезней. После карцера Чагирю всучили еще десять лет за побег, подлечили и вскоре он стал, несмотря на молодые годы, новым паханом зоны.

Впрочем, к тому времени Егорша уже не питал к бандиту той ненависти, что поддерживала ему силы во время преследования убийц отца и матери. На его еще хрупкие плечи легла нелегкая забота о кордоне, и новоиспеченный егерь сутками пропадал в тайге, ремонтируя кормушки для оленей и лосей, разбрасывая солонцы, убирая стога сена с луговых покосов, чтобы их не смыло вешними водами, и охраняя вверенное ему хозяйство от нечистых на руку

охотников, которых тянуло на богатые дичью уголья как мух на мед.

Так было до той поры, пока примерно через год подполковник Кулебяко не привез в заказник на охоту каких-то важных шишек из Москвы. Против охотничьих забав столичного начальства молодой егерь не возражал: у них имелись лицензия на отстрел лося, а Егорша как раз выбраковал старого вожака, который вот-вот мог откинуть копыта почем зря. Поэтому не по годам ушлый подросток постарался и выгнал под выстрел именно этого лосиного патриарха.

Когда разомлевшие от прекрасных таежных видов и ящика первосортной водки чиновные охотники жевали довольно-таки жесткое мясо и любовались действительно великолепными рогами лесного богатыря, Кулебяко вышел на крыльцо покурить и позвал с собой Егоршу. Тут-то и произошел разговор, вывернувший еще неокрепшую душу подростка наизнанку.

– Дурак ты, парень, – без обиняков заявил подполковник, пуская дымные кольца. – На хрен ты этого ублюдка Чагиря волок столько километров? Нужно было пустить ему пулю в лобешник – и дело с концом.

– Была бы охота руки марать... – нахмурился Егорша. – Я не имею права его судить.

– Не имеешь права? – Кулебяко как-то странно ухмыльнулся. – Чудак человек... Для таких, как он, еще не созданы суды. Может, в будущем их начнут просто отстреливать словно бешенных псов. Это паразиты, вша, сосущая кровь из нормальных людей. В свое время враги народа их пригрели, чтобы они политических держали в ежовых рукавицах, а теперь мы просто не знаем, что с ними делать. Загонишь в гроб одного, глядь, на его месте новый прыщ выскочил. Малеванный был еще той сволочью, но твой Чагирь похлеще.

Лет пять назад я бы его укоротил, но нынче иные времена. Начали копать под старые кадры, тут уж не до жиру, быть бы живу.

– Он не мой, а ваш, – огрызнулся Егорша.

– Вот потому я и говорю, что ты еще глуп. Не обижайся, ты мне нравишься. Весь в отца. Твоего батю я хорошо знал, он был настоящим мужиком. А что касается Чагиря... – подполковник умолк и полез в портсигар за новой папиросой. – Мне тут стукнули намедни суки, что твоих родителей – царство им небесное – порубил топором именно он. Проболтался пахан по пьяни, хвалился своими "подвигами". Вот так то, мой молодой законник.

– Что-о!? – Егоршу будто кто хватил обухом по темечку. – Не может быть!

– Еще как может. У него уже в шестнадцать лет была кличка Мясник. Но загремел он за гоп-стоп.[21] К сожалению, без "мокрухи". Иначе, несмотря на молодость, дали бы ему "стенку"...

Егор поверил Кулебяко сразу и бесповоротно. Выпроводив чиновных охотников, он пошел на могилу родителей и, рыдая, повинился в своей глупости и дал клятву свести счеты с их убийцей. Спустя некоторое время егерь наладил дружеские отношения с заместителем подполковника, подкармливая его свежатиной, и тот добросовестно докладывал парню о жизни зоны. Егорша терпеливо дожидался того момента, когда Мясник-Чагирь снова ударится в бега. Молодой егерь был уверен, что рано или поздно так оно и будет и стоически ждал своего часа, неустанно натаскивая потомство Найды на охоту за человеком. И когда новый начальник зоны предложил ему стать добровольным помощником охраны, он не колебался ни минуты...

Оставив браконьеров под присмотром своей своры, Егор бегом заскочил на крыльцо, открыл дверь, подпертую палкой – среди таежников воров не водилось – и, быстро надев наушники, щелкнул тумблером.

– Где тебя носит!? Два часа не могу выйти с тобой на связь, – услышал он голос нового начальника спецзоны, майора Кривенцова. – Выручай, дружище. Двое гавриков опять рванули когти. По оперативным данным, как раз в твою сторону.

– Кто? – тая дыхания, спросил в надежде Егор.

– Опасные мерзавцы, Синюха и Клоп.

Огорченно вздохнув, Егор угрюмо буркнул:

– А к вам других и не шлют... Стволы у них есть?

– Шпалер[22]. Разоружили одного раздолбая... – майор сочно выругался. – Хорошо, что жив остался. Ну, ничего, я его так прочищу, что небо с копейку покажется.

– Давайте приметы...

Пока Кривенцов монотонно бубнил в далекий микрофон, обрисовывая портретные и иные данные беглецов, Егор сокрушенно качал головой – опять не то, что ему нужно. Неужто все его надежды пустые?

Когда егерь вышел во двор, браконьеры от страха были едва живы. Здоровущие псы, окружившие их безмолвным кольцом, на малейшее движение пленников угрожающе скалили внушительные клыки, и браконьерам стало казаться, что вот-вот злобные зверюги, лишь отдаленно похожие на сельских шавок, которых можно было разогнать обычной хворостиной, бросятся на них и загрызут насмерть.

– Найда, место! – приказал Егор, и псы, следуя примеру мамыши, все еще исполняющей в своре роль вожака, покорно потрусил под навес, где на мягкой подстилке лежал дряхлый Лешак.

Он уже почти не вставал, но застрелить своего доброго верного друга, чтобы прекратить его старческие мучения, у Егора просто рука не поднималась. Самое интересное, но молодые, задиристые кобели, вопреки своей собачье натуре, по-прежнему относились к немощному родителю с почтением и даже заискивали.

– Идите по домам, – сказал егерь с облегчением вздохнувшим браконьерам. – Ваши документы и оружие я пока оставлю у себя. Мясо сдайте в столовую рудника. По накладной! Пусть напишут, что это подарок от заказчика. Чтобы ни грамма себе не взяли – я лично проверю. И если еще раз встречу вас на своей территории – спуску вам больше не будет.

– Спасибо... – просиял бородач. – Да чтоб мы... когда-нибудь... честное слово!

Браконьеры исчезли со двора с такой скоростью, будто их прибрал сам нечистый. А Егор, прихватив с собой, кроме Уголька, еще двух псов, поспешил уйти в тайгу на поиски бежавших эзков.

Глава 15. Сговор

Отдел лихорадило – убийства сыпались, словно из рога изобилия. Были они в основном на бытовой почве и обычно раскрывались по горячим следам, но от этого все равно не становилось легче. Рутинная бумажная работа засасывала, словно омут, и Клевахин начал постепенно забывать, что такое выходные и праздничные дни. Люди будто сошли с ума.

Недавние хорошие друзья могли повздорить из-за пустяка и, подогретые дешевой водкой, которой только тараканов травить, с поразительной легкостью хватались за кухонные ножи или, например, за топорик для рубки мяса. Случались и совсем уникальные по своей беспочвенности и немотивированности трагедии, когда убивали просто так, будто на момент свершения преступления людей зомбировали, сделав их не просто безумными, а живыми бесчувственными мертвецами. Самое странное, что даже на суде убийцы смотрели на людей отороженными глазами и не делали ни малейших попыток хотя бы объяснить свои поступки. Социологи и психологи управления – эти новые должности ввели совсем недавно, похоже, скопировав структуру полиции США, куда начальство ездило перенимать опыт – в один голос твердили, что причину такого мощного всплеска преступности следует искать в безработице, бытовой неустроенности, повальном пьянстве, утрате нравственных ориентиров и прочая.

Майор только скептически посмеивался, слушая такие байки на семинарах. Он был готов поверить в любую чертовщину, но только не в лепет расфуфыренных девиц, пристроенных по благу на теплые местечка.

Клевахин был уже не молод и хорошо помнил те времена, когда израненная войной страна выползала из руин, голодная и холодная. Тогда тоже пили не меньше и всем было плевать на идеи, несмотря на вездесущую пропаганду, однако внук не убивал бабушку из-за червонца, а сын не расчленил мать только за то, что она косо посмотрела на его подружку. Опер подозревал, что не только некоторые люди рехнулись, но и весь мир охватило повальное безумие...

Несмотря на обилие работы, теперь ему стало все-таки полегче. По крайней мере, в моральном плане. После того, как он отпустил с миром сатаниста Джангирова, шеф майора Бузыкин стал сама любезность.

Атарбеков тоже перестал наезжать, и при встречах если и давил – собственно, как ему и полагалось по штату – то мягко, по дружески. Бузыкин даже предложил усилить группу Клевахина, занимающуюся расследованием "кладбищенского" дела, капитаном Берендеевым, но майор отказался. При всем уважении к оперативным способностям тезки и коллеги, он не хотел, чтобы тот познакомился со всем объемом информации, которую собрал Клевахин. Что знают двое, то известно и свинье, как говаривал персонаж известного сериала про Штирлица. И если майор мог наивному и недалекому Тюлькину морочить голову сколь угодно долго, то с пронырой Берендеевым такие номера не прошли бы...

День выдался морозным и бесснежным. Погрузившись в размышления, Клевахин шел по центру города, направляясь в городскую библиотеку, где по просьбе майора знакомые девчата подобрали ему материалы о сектантах-сатанистах. Оперу здорово повезло: городские власти наконец выделили средства для обновления и пополнения книжного фонда, и вместе с другой литературой закупили и книжонки по различным оккультным проблемам. Конечно, за последние три-четыре года такого дерьма наштамповали горы, Клевахин сам видел, попав однажды по работе на книжный рынок, но вся эта макулатура стоила дорого, и он не мог себе позволить укоротить личный бюджет только для сиюминутного удовлетворения внезапно проснувшейся любознательности.

Его очень заинтересовал Джангиров. Клевахин чувствовал, что этот мрачный тип – сосуд не только с двойным, но даже тройным дном. Кто он: авантюрист, мошенник, фанатик, свихнувшийся на почве черной магии, или политический интриган, ловко маскирующий свои намерения? Как мог приезжий человек, живущий в городе без году неделю, так окрутить достаточно неглупых и влиятельных людей, чтобы помыкать ими словно марионетками? Откуда у него столько денег? И наконец – что за всеми этими сатанинскими штучками кроется?

Естественно, майор отдавал себе отчет, что лезет в такие опасные дебри, что, как говорится,

не до жиру, быть бы живу. Но как профессионал, он понимал главное – без раскрутки Джангирова "кладбищенское" дело станет полным "глухарем" с непредсказуемыми для опера последствиями. Ведь как не крути, а вычислить неизвестного снайпера он просто обязан. Странно, тем не менее факт – этот человек в одинаковой мере интересует и политиков, и правоохранительные органы, и мафиозные группировки.

А еще Клевахин вспоминал Тюлькина, которому выпала самая неблагоприятная часть сыскной работы – бегать с утра до вечера кругами по городу и впрямь как тот пес благородной породы, название которой блатные прилепили сотрудникам уголовного розыска. Старлей, получивший наконец отличный фоторобот Лизаветы, неразделенной любви приснопамятного "динамитчика" Усольцева, с завидной настойчивостью проверял в ее поисках магазины и киоски, разнообразные фирмы, а также малые и большие предприятия в центральных районах города. Самая большая сложность его изысканий заключалась в том, чтобы, во-первых, отыскать юную сатанистку раньше людей Джангирова – что он ее ищет, Клевахин мог дать рубль за сто; а во-вторых, ни в коем случае не "засветить" девушку. Потому Тюлькин не имел права показывать кому-либо фоторобот, что значительно облегчило бы поиски, а должен был опознать ее сам.

Почему Клевахин решил искать эту прыткую девицу именно в центре? На его удачу, Усольцев все-таки припомнил номер трамвая, в который обычно садилась девушка, отправляясь на работу. Этот маршрут большей частью пролегал в частном секторе и подходил к центру города как бы с тыла. Судя по возрасту, манере одеваться и не очень грамотной речи, о чем поведали соседи Лизаветы, она не имела высшего образования, а значит вряд ли могла трудиться на престижной и хорошо оплачиваемой должности. Правда, Клевахин очень сомневался, что после трагических событий на кладбище Лизавета – если она не совсем дура – решится пойти на свою работу; ведь не исключено, что и Джангиров знал ее месторасположение.

Мучила майора и еще одна подленькая мыслишка: а что если девушка, сбежав от оперативной группы, с перепугу направила стопы в дом своего "духовного отца"? В таком случае "убойному" отделу оставалось лишь положить цветы на ее могилку – если, конечно, она когда-нибудь отыщется.

И все же, все же... Чувал Клевахин своим ментовским нутром, что девица не так проста, как кажется; особенно с первого взгляда. В пользу этой версии говорило то, что она умудрилась достаточно долго прожить в трепливом дворе серой незаметной мышкой, и ее способность к моментальному перевоплощению. Чтобы провести сыскарей угрозыска и целую толпу солдат внутренних войск, прибывших вместе с ними на кладбище после перестрелки, как это сумела сделать Лизавета, нужно было по меньшей мере сделаться невидимкой (что абсолютно исключено), или обладать незаурядными артистическими способностями. А это могло значить лишь одно: девушка еще жива-здора и где-то прячется. И раздолбаю Тюлькину нужен всего лишь кусочек удачи, чтобы наконец вычислить кончик ниточки, за который следует потянуть; то есть, найти какую-нибудь подружку из сослуживцев, страдающую словесным недержанием...

Машина едва не выехала на тротуар перед самым носом Клевахина – это так ее водитель пытался привлечь внимание ушедшего в себя майора.

– Николай Иванович! Вы меня не слышите? Я уже и сигналил, и кричал...

Клевахин в недоумении уставился на серебристый "линкольн", из кабины которого выглядывала коротко остриженная квадратная башка.

– А, Балагула... – наконец узнал он водителя авто. – Тебе чего?

– Здравствуйте, товарищ майор.

– Здоров, коли не шутишь. Только какой я тебе товарищ? Ты вон на суперной тачке раскрутываешь, а я, как видишь, пехом. Чай, на тысяч сто зеленю тянет? Таких бабок мне не видать даже если я твоего хозяина, Базуля, упеку за решетку лет на триста. Не дают нашему брату за хорошую работу приличных премиальных, и все тут. Впрочем, кому я это говорю? Бывшему коллеге...

– И ученику, – криво улыбнулся Балагула.

– Что поделаешь, и у хороших учителей случаются профессиональные ошибки... – сокрушенно развел руками Клевахин. – Ты по делу или как? А то мне недосуг тут попусту трепаться. Сам знаешь, работы у нас хватает... по милости таких, как твой пахан.

– Есть очень важный разговор... – Балагула сделал вид, что пропустил едкое замечание майора мимо ушей.

– Напекаешь на уединение?

– Желательно.

– Ну и?..

– Садитесь в машину.

– А там ты меня по кумполу?

– Николай Иванович... – Балагула с укоризной покачал головой. – Я же не урка.

– Эт точно... – Клевахин, чуток поколебавшись, сел рядом с бывшим опером. – Статус у тебя гораздо выше...

– А вы все такой же ершистый...

– Как тебе сказать... Скорее всего, все-таки изменился. Правда, пока еще не задумывался в какую сторону – лучшую или худшую. Знаешь, уже не те годы – старость на пороге, новые реалии, иные задачи... Но, надеюсь, мы не будем устраивать вечер воспоминаний?

– Ни в коем случае. – Балагула включил передачу, и "линкольн" плавно покотился по улице, набирая ход. – Есть проблемы гораздо важнее.

– За нами "хвост", – сказал Клевахин, устраиваясь поудобней.

– "Джип"?

– Наверное. Я не очень силен в марках иностранных машин.

– Это мои ребята.

– Охрана? Да-а, Никита, нам так не жить... Завидую. Не всем дано в люди выбиться.

– Может, поменяемся?

– Да нет, спасибо. Я ведь мент до мозга костей.

– Пока. Вам ведь скоро на пенсию?

– Хочешь подсобить с работой? – саркастически ухмыльнулся майор. – Лучше я буду кроликов разводить.

Оно как-то спокойней. Ну и, сам знаешь, кролики не только ценный мех, но еще и диетическое мясо. Мне с моим желудком, угроханным многолетней сухомяткой, в самый раз.

– И то... – спокойно согласился Балагула, сворачивая на улицу, ведущую к окраине города. – Как знаете. Мое дело предложить...

– Так предлагай. А то мы ходим вокруг да около.

– Ладно... – Балагула нахмурился. – Нужна ваша помощь, Николай Иванович.

– Мои услуги дорого стоят. Боюсь, что даже твоему боссу они будут не по карману.

– Вы меня неверно поняли. Я не собираюсь склонять вас к чему-то противозаконному. У нас возникли некоторые проблемы, которые напрямую касаются уголовного розыска. Насколько мне известно, вы занимаетесь расследованием кладбищенской истории...

– Допустим. Что дальше?

– Из-за нее может начаться большая разборка. Я думаю, вам не нужна лишняя работа. Вы ведь знаете, что при этом могут пострадать и невинные люди. Чего хотелось бы меньше всего.

– А ты оказывается большой гуманист, – Клевахин внутренне подобрался и насторожился – машина покинула пределы города и стрелой неслась по шоссе в сторону леса.

– Нам нужно, чтобы неизвестный снайпер был найден как можно скорее, – Балагула опять пропустил очередную колкость мимо ушей. – Для этого мы пойдем на любые расходы, окажем любую помощь.

Понимаете? Все что угодно, только скажите. Деньги, транспорт, если понадобится – прикрытие...

– Заманчиво... – Клевахин усиленно соображал. – Значит, и прикрытие?

– От кого угодно.

– Звучит несколько самоуверенно.

– За свои слова я отвечаю, – заносчиво ответил Балагула. – Кто бы там на вас ни наехал, это будет моей проблемой. И поверьте, я не безответственная балаболка. Только найдите этого гада. Или – в крайнем случае – раскопайте, кто его послал. А после просите, что угодно.

Предложение Балагулы и впрямь заинтересовало Клевахина. Он знал, какие силы стоят за спиной бывшего опера, а потому абсолютно не усомнился в правдивости его слов. Прикрытие... Ах, как оно ему нужно!

Джангирова голыми руками не возьмешь, скорее в ящик можно сыграть, чем докопаться до его темных делишек. Прикрытие... Рискнуть?

– Куда мы едем? – уклонился от прямого ответа майор.

– Николай Иванович, неужто вы думаете... – рассмеялся Балагула. – Машина чистая, "клопов" нет. Никто наш разговор не пишет. Ручаюсь.

– В наше время можно ручаться только за свой аппетит. Он подводит очень редко.

– Понял. Ладно, закончим разговор на месте.

- Что это за место?
- А разве вы еще не поняли, куда мы путь держим?
- Извини, но не врубаюсь.
- В субботу здесь была перестрелка... – Балагула испытующе посмотрел на собеседника.
- Вот теперь дошло. Ваши делишки?
- Я этого не сказал.
- Впрочем, мне это и не интересно. Разборкой за городом занимается УБОП.[23] Это их проблемы. Так что ничего интересного сообщить тебе не могу. Не в курсе...
- Про то ладно. У них одна парафия, у вас другая. Мне это известно. Но все дело в том, что таинственный снайпер и здесь наследил... сука! – не сдержал своих эмоций бывший опер.
- Почему ты так думаешь? – встрепенулся Клевахин.
- Я не думаю и не предполагаю. Я уверен в этом...

Машина как раз свернула на проселок и вскоре они оказались возле пригорка, густо поросшего деревьями.

- Приехали... – Балагула вышел из машины и потянулся, разминая мышцы. – Снайпер устроил засаду в этом леске, – он указал на пригорок. – Мне хотелось, чтобы вы посмотрели.
- А разве оперативники УБОП здесь еще не бывали?
- Им никто не подсказал, а у самих котелок не сварил.
- Так говоришь, уверен? – ухмыльнулся Клевахин. – Что ж, возможно. Ты, Никита, был очень даже неплохим опером. Пойдем, посмотрим...

Место засады они нашли быстро. Следы, если они и были, присыпал тонкий, искрящийся на солнце, слой пороши. Клевахин в очередной раз подивился профессионализму снайпера – он устроился с комфортом на стожке сена, торчавшем, словно гриб, на самой макушке пригорка, посреди проплешины, откуда открывался превосходный обзор местности.

- Нужно поискать гильзы, – буркнул Клевахин, пытаясь найти отпечатки ног неизвестного.
- Увы, стрелок был чересчур предусмотрителен, чтобы проколоться на такой ерунде. Следы просто-напросто отсутствовали, хотя вмятина от тела на стожке просматривалась достаточно хорошо.
- У него что, крылья имеются? – спросил – скорее, сам себя – Балагула, который аккуратно, по слоям, разбирает в поисках гильз достаточно рыхлый стожок.
- Крыльев точно нет, а вот голова на месте. И очень толковая.
- Да уж... – буркнул бывший опер. – Этого у него не отнять. Есть! – торжествующе вскрикнул он, поднимая над головой руку с гильзой.

– Видимо, ты не ошибся, – повертев латунный цилиндрок в руках, майор засунул его в карман. – Очень похоже на приснопамятный по кладбищу СКС. Ладно, отдам экспертам, пусть уточнят. Сравнить есть с чем.

– А как, все-таки, насчет следов? Мы с вами материалисты, так что у нас разные там сверхестественные истории не проходят. Поэтому, вопрос вполне закономерный: куда он девался после "работы"?

– Чего проще, – Клевахин даже опустился на колени, рассматривая нетронутый снежный покров. – Поди сюда. Видишь? Вон там, возле самого кустика.

– Ни хрена я не вижу. Снег, он и есть снег. И мышь-полевка совсем недавно пробежала. Надеюсь, вы не скажете, что он людоед со сказки, способный превращаться в льва или мышь?

– До этого я еще не докатился. Этот снайпер – большой хитрец. Он добрался сюда на лыжах и возвратился по своим следам. Которые замел за собой еловыми ветками. Посмотри внимательно – здесь, под кустом, сохранился едва заметный отпечаток лыжи. А вон там и ель, где он мастерил свой большой веник. Похоже, снайпер привязал его к поясу и тащил на прицепе. Умно. И если в лесу еще можно узреть хоть что-то, то в чистом поле это занятие совершенно бесполезное. Кстати, выпади снега чуть больше, нам точно пришлось бы поверить в чертовщину. Он шел, выдерживая курс с таким расчетом, чтобы пригорок прикрывал его от участников "стрелки"... я верно употребил название?

– М-м... – промычал, не глядя на майора, Балагула.

– Будем считать, что по части вашей терминологии у меня пока нет прорех. Вопросы есть?

– Странно... – Балагула задумчиво тер переносицу.

– Что именно?

– Почему, тщательно маскируя следы, он оставил такую улику, как гильзы? Не было времени их собрать?

– А зачем? Ты разве не понял, что он стремится совсем к другому?

– Объясните, – потребовал бывший опер.

– Ему нужно, чтобы вам было известно, кто вас постоянно держит на мушке. Чистая психология, Никита.

– А почему только нам?

– По всему видно, что мы выступаем всего лишь в роли арбитра. Похоже, вы кому-то здорово насолили. И больших разборок вряд ли удастся избежать. Этот человек – и кто там еще за ним, что вполне возможно – так просто не остановится. Советую приготовиться к большим сюрпризам.

– Николай Иванович, найдите его! Найдите! Я знаю, что это по силам только вам.

– Леща кидаешь?

– Зачем леща? Вы и сами знаете, что в "убойном" отделе, кроме Берендеева и вас, не осталось настоящих профи. Все, что от меня нужно – к вашим услугам. Неужто вы хотите, чтобы пролились реки крови?

– Ах, Никита, Никита... Ты сейчас говоришь так, будто я рэкэтом занимался и за бугор миллиарды перекачивал. За что вы боролись, на то и напоролись. Это по части морали. А что касается снайпера, так ведь я из-за него ночи не сплю.

Решение Клевахин уже принял. Ему было наплевать на бандитскую кровь, но уж больно хотелось прищучить Джангирова и иже с ним.

"Ну что же, поиграем, Бобер... – думал он, направляясь к машине вместе с бывшим коллегой, которого наградили таким прозвищем еще в его спортивную бытность. – Если честно, то теперь мне этот снайпер до лампочки. Найду – хорошо, нет – и то ладно. А вот ваше змеиное гнездо разворошить – это благородная задача. Гляди, сожрете друг дружку честным людям на радость. Однако, теперь никуда не денешься, нужно валять Ваньку, как говорится, без дураков. Задача по силам, пожалуй, только народному артисту. Ладно, даст Бог справимся... Придется ходить по лезвию ножа. Но это не впервой. Что терять старому менту, кроме собственных цепей и никчемной жизни? Личная вилла на Канарских островах мне не светит, в лучшем случае куплю домик в выморочной деревеньке и буду гусей пасти. Капусту посажу..." – Ну как? – спросил Балагула, прогревая мотор.

– По рукам. Я согласен. Ваша помощь мне и впрямь может понадобится. За сроки не ручаюсь – случай уж больно сложный. Но сделаю все возможное.

– Спасибо, Николай Иванович! – горячо поблагодарил бывший опер. – Я верю, что все у вас получится.

Возьмите, это сотовый телефон. Он защищен от прослушивания. Новейшая модель. Будем держать связь через спутник. Понадобится что – звоните в любое время дня и ночи.

– Спасибо скажешь после. А вот телефон – это и впрямь нужная вещь. У нас с такой техникой не густо. – Клевахин спрятал компактную вещицу в нагрудный карман. – Но про то ладно. Осталось последнее... – он многозначительно умолк.

– Что значит – последнее? – насторожился Балагула.

– Расскажи-ка мне, дружок, о некоторых интересующих меня вещах. Нет, нет, я тебе не вербую! Просто, чтобы я мог получше ориентироваться в ваших проблемах, обрисуй общую обстановку в городе. Конечно, со своей колокольни. Никаких тайн, имен – это всегда чревато. Я должен докопаться до истоков нынешних недоразумений. Только тогда можно будет гарантировать полный успех. Впрочем, о чем я говорю? И кому?

Ты и сам знаешь, что любой опер без информации – ноль.

– Это правда... – Балагула напряженно думал. – С вашего позволения, отложим разговор до завтрашнего дня.

– Хочешь с кем-то посоветоваться? – в голосе майора прозвучала ирония.

– Завтра, – привычно, отрезал Балагула.

Клевахин спорить не стал. Откинувшись на спинку комфортного сидения, он любовался заснеженными деревьями, бегущими мимо окон "линкольна". На душе у майора воцарилась абсолютная гармония, обычное его состояние после большого нервного напряжения. Он закрыл створки своей раковины и отключился от восприятия грязной изнанки мира, в котором вращался уже столько лет.

Жизнь казалась прекрасной и удивительной...

Глава 16. Очередной удар

Что делать? Этот вопрос торчал под сердцем, как заточка, лишая старого вора покоя и аппетита. Он совсем извелся, укрывшись за стенами своей лесной крепости. Если раньше Базуль мог себе позволить прошвырнуться в кабаки или на собачьи бои, то теперь исходящий откуда-то с глубин подсознания страх удерживал его взаперти почище лагерной охраны. Ладно бы только опасения покушений на свою жизнь присутствовали в мыслях "положенца" – такое состояние ему было в общем-то привычно, но добавились еще и ночные кошмары, от которых не спасали ни замки, ни алкоголь, ни снотворное, которое он начал глотать горстями.

Может, уехать за границу? Такая мыслишка все чаще посещала его раскаленную от непривычных переживаний голову, заставляя страдать еще больше. Уехать можно. Но это значило лишение статуса, что немедленно влекло за собой массу неудобств и даже неприятностей, в том числе и финансового плана.

Базуль, не в пример своим приятелям, более молодым ворами "в законе", держателям "общаков", долго не решался запустить руку в своеобразную кассу воровской взаимопомощи. Воспитанный на старых традициях, он поначалу даже не помышлял об этом жестоко наказуемом проступке. Но жизнь нередко ломает не только человека, как физический объект, но и его моральные устои. И постепенно под напором новых капиталистических реалий Базуль стал сдавать свои кондовые позиции. Конечно, "общаковые" деньги, как думают обыватели, не лежали где-нибудь в тайнике мертвым грузом. Они работали и приумножались в различных официальных фирмочках и липовых конторах. Но что могло помешать ему, главному, так сказать, банкиру местной братвы, повернуть часть этого денежного потока в другую сторону?

Ничто.

И Базуль, поднаторевший за годы перестройки в различных финансовых аферах, постепенно начал работать и на себя. Его заграничные счета стали наполняться, словно вымя хорошо кормленной коровы, принося на первых порах счастливое успокоение и радужные мечты о безмятежной старости. Но, как неглупый человек, он знал, что долго продолжаться все эти махинации с общественными деньгами не могут. У сообщества воров были и свои банкиры – настоящие, обученные не в зоне на нарах, а в престижных учебных заведениях страны, и свои ревизоры, собаку съевшие на проверках финансовой отчетности по жизни не очень чистых на руку воров и бандитов, надевших личину респектабельности и богатства. Выводы этой своеобразной налоговой полиции были иногда хуже приговора официального суда. Никакие смягчающие обстоятельства во внимание не принимались, и проворовавшийся "братан" отправлялся на последний в своей жизни этап – прямиком к могиле, вырытой где-нибудь на свалке.

Правда, бывали и исключения, когда такому шустряку сродняк говорил всеобщее "фе". Но от этого легче не было – вор, укравший у своих, объявлялся вне закона, что влекло за собой потерю уважения, а значит моральную смерть. И неизвестно, что было хуже – могилка в лесу, а возможно на строящейся дороге под асфальтом, или превращение в изгоя, которого и "опустить" не грех. Поэтому Базуль никак не мог допустить в подведомственное ему хозяйство финансовых ищеек сообщества. А это можно делать только тогда, когда рулишь лично. Будущий преемник, конечно же, не преминет обвинить его во всех мыслимых и немыслимых грехах, чтобы после под этой дымовой завесой спокойно продолжить разворовывать "общак".

Так было всегда и так в свое время – правда, не сразу после вступления в должность – поступил и сам Базуль.

Заграница Базуля не ждала, это точно. Конечно, многие из его приятелей – как те же Япончик и Михась – на первых порах пристроились там неплохо. Но что потом из этого вышло, старый

вор тоже знал. Тюрма, она и есть тюрма, пусть даже с теплым унитазом, видиком и холодильником, забитым жратвой. Свободу не заменишь никакими благами, особенно если ты пользуешься ими за решеткой. Да и, откровенно говоря, границу Базуль просто побаивался и даже презирал. Воспитанный социалистическим обществом – пусть он и смотрел на него в основном из-за колючей проволоки зоны – старый вор просто не мыслил себя в другой обстановке. К концу жизни перейдя в лагерь капиталистов и эксплуататоров, он по инерции продолжал их ненавидеть лютой ненавистью. Политинформации, которых он наслушался в заключении по самое некуда, оковали его путами почище рабских цепей...

День тянулся словно молочные конфеты-ириски его детства. Сладкая патока ничегонеделания осязаемо налипала на тело, лишая воли и доводя до исступления своей нескончаемостью. Базуль неприкаянно слонялся с угла в угол, терроризируя несправедливыми придирками Шатоху и охранников. В воздухе явно слышался запах опасности, и от того, что "положенец" не мог определить ее истоки, он раздражался еще больше.

Наконец около двух часов дня нарыв прорвался. Траурный телефонный звонок раздался в тот момент, когда Базуль стрелял в своем подземном тире из пистолета "беретта". Охранник с телефонной трубкой в руках жестикулировал с минуту, пока босс обратил на него внимание – "положенец" был в звукоизолирующих наушниках.

– Кто звонит? – недовольно спросил Базуль.

– Он не назвался. Но говорит, что очень важный вопрос...

Поморщившись, будто ему на зуб попался кусочек лимона, старый вор аккуратно уложил сверкающий никелем и золотом заказной пистолет в обитый черным бархатом футляр и гаркнул в микрофон:

– Чего надо!?

По этому номеру звонили только свои, предварительно называя пароль. Потому Базуль и не стал миндальничать. Специальная аппаратура искажала голос говорящего, и надумай кто-либо поставить телефон на прослушку, он услышал бы лишь набор скрежещущих звуков, которые, проходя на выходе через фильтры и дешифраторы, превращались в человеческую речь, похожую на разговор киношного робота.

– Федор Лукич, горим! – возопил неузнаваемый металлический голос.

– Кто это?

– Гарик! Федор Лукич, пожар... – в трубке всхлипнуло.

Гарик Арутюнян заправлял одной из самых доходных точек финансовой мини-империи Базуля. Под началом шустрого армянина находился ночной клуб-казино, распложенный едва не под памятником Ленина, на центральной площади. Базуль выписал оборудование для игорного дома из самой Америки, обошлось оно в немалую копеечку, но себя уже оправдало. "Положенец" гордился своим детищем, справедливо считая себя первопроходцем игрового бизнеса в городе и области.

– Как, где!? – всполошился Базуль.

– Казино горит. Уже час. Господи, какие убытки... – в трубке опять послышались рыдания.

– Вытри сопли, мать твою!.. – гаркнул старый вор. – И объясни толком, что там у тебя случилось.

– Не знаю! Сначала загорелся подвал – туда мы свалили все старое барахло, оставшееся от прежних хозяев, а затем, спустя несколько минут, вспыхнул игорный зал. Федор Лукич, это поджог! Я не виноват!

– О твоей вине поговорим потом. Пожарные работают?

– Пять машин.

– Вызови еще! Ночную выручку сдали?

– Не успели...

– Что-о!? Где она?

– В сейфе... – в трубке как-то странно захрипело, а затем что-то грохнуло.

– Гарик! – Базуль потряс телефонную трубку, будто оттуда мог вывалиться Арутюнян. – Отзовись, сучий потрох?!

– Босс... – голос армянина был приглушен и тих, даже несмотря на усилительную аппаратуру.
– Извините... сердце прихватило...

– Мне плевать на твое сердце! Где сейф с бабками?

– В подвале...

– А вот за это ты мне ответишь, – зловеще прорычал в микрофон "положенец". – По полной программе. Если деньги сгорят, я из тебя шашлык сделаю. Вытащи сейф из огня, ты, урод! Любой ценой!

– С-слушаюсь...

Вот оно, началось... Базуль ни на миг не усомнился, что пожар в казино – дело рук Чингизовых ублюдков.

Нет, он этого так не оставит! Старый вор едва не бегом поднялся на второй этаж и прямо с порога гаркнул Шатохе:

– Вызови Балагулу! Мигом! Пусть бросит все дела и мчится сюда. Что ты стоишь, как столб!

Пошевеливайся...

Балагула приехал через час. Все это время Базуль, сгорая от ненависти к Чингизу, мотался по кабинету словно тигр в клетке. Когда помощник "положенца" появился на пороге, перед его глазами предстал полный бардак: перевернутое кресло, разбитые вазы, разбросанные по полу бумаги и разные безделушки.

– Ну тебя ждать, бля!.. – выверился Базуль. – Про пожар в казино знаешь?

– Мне доложили...

– И ты так спокойно об этом говоришь!?

– От того, что я буду слезы лить, ничего не изменится.

– Вот это ты верно сказал... – Базуль постепенно успокаивался. – Мы заставим плакать Чингиза. Кровавыми слезами. Готовь операцию. Хлопнем парочку его магазинов. Это для начала.

– Может, казино загорелось не с его подачи? – осторожно спросил Балагула. – Пусть сначала пожарные разберутся, что там случилось.

– Все еще надеешься на переговоры? Не-ет, хватит базар разводить. Болт ему, а не мирное соглашение! Если после нашего предупреждения Чингиз не уймется, замочим его, как бобика. Я все сказал! Иди, занимайся моим поручением.

– Хорошо, – покорно согласился Балагула.

Он понимал, что Базуль совершает фатальную ошибку, но спорить было опасно. Сейчас любые, самые разумные, доводы просто разбились бы о ненависть "положенца" словно морская волна о скалу. Как это не раз бывало прежде, Базуля зациклило. В такие моменты старый вор "в законе" становился хуже дикого зверя. Он мог не просто убить человека, а с садистским удовольствием раскромсать его на мелкие кусочки.

Однажды Балагуле довелось присутствовать во время такого приступа неистовства. И после бывшего опера долго тошнило, едва перед глазами вставала картина залитого кровью подвала, в котором Базуль сводил счеты с одним из тех, кто осмелился стать на его пути. Балагула и сам был отнюдь не мягкотелым и мог с любого сделать своими кулачищами отбивную. Но, как это ни странно при его нынешней "профессии", он никого собственными руками еще ни разу не отправил в мир иной.

Нельзя сказать, что Балагулу страшила "вышка". Если кого он и боялся по-настоящему в этой жизни, так это отца, всю свою жизнь проработавшего на бойне. До сих пор в его присутствии бывший спортсмен и опер чувствовал себя неуютно. Балагула-старший редко бывал трезвым, хотя всегда твердо держался на ногах, сколько бы ни выпил. Его любимым занятием был мордобой, чем он и занимался в воскресные и праздничные дни, круша челюсти всем, кто под руку подвернется. Когда в выходные отец появлялся на улице, она сразу же пустела. Как сейчас автолюбители предупреждают друг друга подмигиванием фар о присутствии патруля ГАИ на дорогах, так и мужики-соседи оповещали друг друга самыми хитроумными способами о надвигающейся опасности. На Балагулу-старшего не могла найти управу даже милиция.

Правда, дети – а их было четверо – подозревали, когда стали старше и умней, что такая снисходительность проистекает от того, что отец поставил на мясное довольствие участкового, который всегда находил уловку, чтобы отмазать любезного друга от тюрьмы.

Если Балагула-старший не мог найти достойный объект для драки среди местных, он отправлялся на поиски заезжих. Тут ему помогал скверный мужичишко, как потом узнал Никита, милицейский стукач по прозвищу Нюня, собутыльник и наперсник отца. Он был вечно грязный, будто спал в обнимку с дизелем, тощий, словно дрын, и хитрый, как лис. Нюня задирали ничего не подозревающих мужиков, а когда те в праведном гневе шпыняли этого замусоленного вонючего хорька, на арену выходил отец. И горе было чересчур смелым и справедливым, которые имели несчастье отстаивать свою честь перед всем миром. Чаще всего таких смельчаков увозила "Скорая помощь", но свидетелей избиения обычно не находилось.

Однако, хуже всего было тогда, когда поиски Балагулой-старшим чужих ребер для своих кулаков-кувалд даже с помощью Нюни были безуспешны. Тогда он приходил домой мрачнее грозовой тучи и начинал измываться над своей женой. Правда, он не бил ее, как мужиков, смертным боем, однако сила у него была не меряна, и бедная женщина всегда ходила в синяках и ссадинах. Когда Никита подрос и стал ходить в спортзал, он нередко закрывал мать своим телом, от чего отец просто зверел и месил сына уже не сдерживая ни сил, ни злобы. Но парнишка телосложением пошел в родителя, а потому, к счастью, до тяжелых увечий дело так и не дошло.

Все эти вакханалии с мордобитием продолжались до тех пор, пока Никита не пошел работать в милицию.

Однажды, во время очередного избиения матери, сын вынул пистолет и недогнувшей рукой навел на отца.

Наверное, что-то очень не понравилось Балагуле-старшему в такой ситуации, и он, не выдержав поединка взглядами, молча побрел в свой угол. Чуть позже Никита зашел в его комнату и сказал:

"Еще раз тронешь мать – убью". Отец промолчал, но с той поры его будто подменили. Он стал совершенно нелюдим, пить начал еще больше, но жену оставил в покое. А когда во время одного из очередных уличных загулов его наконец-таки измочалили молодые парни-десантники, демобилизовавшиеся после Афгана, отец и вовсе закрылся в доме, а если и выходил погулять, то только ранним утром или по вечерам. После этого случая его будто бабка пошептала; он стал тихим и смирным, а уличные потасовки обходил десятой дорогой...

"Нужно Штымпа поднапрячь... – думал Балагула, выезжая на лесную дорогу. – Можно, конечно, и УБОП подключить к розыску снайпера, но, боюсь, толку будет на грош. Там тоже есть свои люди, однако они потребуют информацию, а это значит, что придется поневоле сесть на крюк – мент, он всегда мент, как его ни назови. После будут доить, как глупую козу. И попробуй потом когда-нибудь взбрыкнуть. Враз уроют.

Дружба дружбой, а денежки изволь платить. Суки! – выверился он и сплюнул за приоткрытое окно; да так неудачно, что ветер вернул плевков в кабину. – Твою мать!.. – Бывший опер вытер лицо рукавом. – Век бы не видать всех этих подлых взяточников. У них аппетиты растут не по дням – по часам, а наши доходы падают.

Теперь еще эти разборки... Осел хренов! – выругал он Базуля. – Нет бы пойти к корешам, чтобы Чингиза образумили. Зачем лезть на рожон? Кому от этого выгода? Да, нужно клеить Штымпа. Это старый розыскной пес, он нигде лишнего не сболтнет. Поэтому, не буду я у шефа спрашивать никакого разрешения, а расскажу Штымпу все как есть. Естественно, в разумных пределах..." За мостом он еще добавил газу и сразу же попался на радар. Чуть снизив скорость, Балагула со снисходительной ухмылкой высунул голову в окно и дружески сделал гаишникам ручкой. Те вначале опешили от такой наглости, хотели было броситься вдогонку – у них был скоростной полицейский "форд"; кстати, один из десяти американских спецавтомобилей, подаренных городскому ГАИ благотворительным фондом, который курировал Базуль – но наконец рассмотрели номер, и тут же, изобразив огромную радость, принялись с энтузиазмом махать руками вслед "линкольну", будто в нем ехал сам президент.

"Шавки... – презрительно поморщился Балагула. – Бездельники. Мордovorоты, как на подбор. На них пахать можно, а они тут копейки сшибают словно юродивые на паперти. Высунь я сейчас в окно ствол, только бы их и видели. Герои говенные... Сильны лишь против безропотных лохов. А как доходит до дела, так сразу в штаны... Вонючки хреновы..." Вскоре "линкольн", не доезжая до городской черты, повернул направо. Балагула взял курс на тайную базу своих боевиков, которые уже туда спешили на его вызов...

После ухода помощника Базуль немного поостыл. Он вышел наружу и долго слонялся между вековых сосен, стараясь ни о чем не думать. Но постылые мысли лезли в голову, находя даже мельчайшие щели в той невидимой броне, которой окружил себя старый вор. Не выдержав их напора, Базуль с остервенением матернулся и направил стопы к вольерам со своими боевыми псами. Их осталось всего пятеро – из одиннадцати. Зато это была суперэлита, лучшие из лучших. Каждый пес стоил очень больших денег – десятки тысяч долларов. Остальные или погибли на ринге, или попали под выбраковку. Базуль заказал и

пополнение, но оно должно было прибыть лишь через месяц. Он закупал боевых псов по всему миру, но предпочитал добрую старушку Англию, где, в отличие от зажавшейся хитровыдрюченной Америки, знали в собаках толк и блюли их породы с таким же тщанием, как и свою монархию.

Базуль провозился с псами часа два. Довольный и посвежевший – мороз даже сумел покрасить его вечно бледно-серые щеки в легкий кармин – он вернулся в кабинет и сразу же приказал соединить его с Гариком Арутюняном.

– Убытки подсчитал? – спросил Базуль без обиняков, прихлебывая круто заваренный чай.

Гарик долго что-то мямлил и охал – наверное, хватался за сердце. Базуль хмуро и не очень внимательно слушал, не перебивая. Мыслями сейчас он был далеко, вместе с Балагулой, который намечал где нужно нанести ответный удар по интересам Чингиза. Наконец ему надоели причитания армянина и он рявкнул:

– Деньги целы!?

– Это... ну, в общем... нет...

– Что – нет? Говори связно, черт тебя дери! Сгорели?

– Кгм... ох! Нету денег. Сейф пустой...

– Что-о!? Ну-ка повтори. Повтори, я сказал!

– Федор Лукич, я не виноват! Сейф вскрыт и деньги... они украдены.

– Вот это номер... – Базуль был ошеломлен. – Ты хочешь сказать, что воры проникли в твой железобетонный подвал, открыли или взломали сейфовую дверь и вертанули все бабки? И это при наличии сигнализации и охраны? Ты, бля, говори да не заговаривайся.

– Пожарные в хранилище не входили...

– И сколько денег так накрылось? – спросил со зловещим спокойствием "положенец".

– Сорок восемь тысяч зеленым. Федор Лукич, я не виноват! Клянусь...

– Клятвы потом. Слушай меня внимательно, армяшка. Сегодня уже поздно, а завтра мы разберемся, что там у тебя за пожар и какая птичка принесла его на хвосте. Если вины твоей нет – гуляй на все четыре стороны; вдруг ты виноват – убытки покроешь из собственного кармана. А что касается исчезнувших денег, то это твои личные проблемы. Чтобы вернуть их в кассу, даю тебе неделю срока. Заткнись и слушай! И не надумай рвануть когти. Твоя семья уже под моей охраной, так что сам кумекай что почем. Сбежишь – все равно найду. Из-под земли выкопаю. Даже если зароешься под Арарат. Все. Лечи сердце и нервы...

Неужто и впрямь взяли дорогостоящий импортный сейф со сверхсложными замками? Это номер...

Подобное мог проверить только опытный "медвежатник". Есть такие в городе? Вроде не наблюдалось, он бы знал об этом. Гарик лепит горбатого? Чепуха! За какие-то пятьдесят косых он не станет копать себе могилу. И наконец пожар... Что все это значит?

С такими мыслями Базуль и лег спать, выгнав пинками под зад малолетнюю содержанку, которую лично выкупил еще не тронутый, когда ей было двенадцать лет, за штуку "зеленым" у мамы-бомжихи. Девочка так и жила в одной из многочисленных комнат его лесного коттеджа, от нечего делать помогая шеф-повару.

Старый вор ее не обижал, кормил сытно и одевал во все самое лучшее. Иногда ему даже казалось, что он к ней испытывает почти родственные чувства – эдакую смесь извращенной эротики и дедовского благодушия.

На удивление, спал он достаточно крепко. Проснулся только раз – из-за собачьего гвалта. Вольеры с боевыми псами располагались далеко от здания, чтобы ни они не тревожили лаем обитателей коттеджа, ни их не злили своим присутствием охранники и посетители – из-за этого псы распыляли злобу и боевой пыл, что сказывалось на их боевых качествах. По той же причине у вольер была открыта только одна сторона, забранная прочной сеткой – это чтобы собаки не видели друг друга. Не стал Базуль заводить и вольно бегущих сторожевых псов, иначе собачьи концерты не прекращались бы ни ночью, ни днем, а он любил тишину. "Положенец" считал, что для охраны коттеджа вполне хватит десяти хорошо вооруженных "быков" и современной сигнализации.

Проснувшись, Базуль полюбовался из окна малиновым солнечным восходом и с удовольствием выпил большую чашку кофе, хотя этот напиток особо и не праздновал. Старый вор больше любил чифирь, но с некоторых пор начал постепенно уменьшать дозы заварки – все чаще стало напоминать о треволнениях прожитых лет изношенное сердце и поджелудочная железа. Врачи, которые теперь пользовали Базуля каждую неделю – больше для профилактики, чем по необходимости – в один голос твердили о вредности больших крепко заваренного чая для его здоровья. Он снисходительно посмеивался, но советом эскулапов пренебречь не рискнул.

Когда "положенец" приканчивал восхитительные румяные тосты, где-то на первом этаже послышался шум, а затем кто-то начал орать дурным голосом.

"Наезд... – похолодел Базуль. – Но почему нет стрельбы? Неужто менты?! Уходить! Надо уходить!" Он выскочил из-за стола с далеко не старческой прытью и бросился к личному лифту, чтобы спуститься в подвал, к тайному ходу. Все его недавние страхи в один миг превратились в настоящую панику, напрочь отбив способность здраво мыслить.

Но тут раздался осторожный стук в дверь и послышался голос секретаря-референта:

– Федор Лукич! Разрешите...

"Шатоха продался! – мелькнула страшная мысль. – Все, падло, кранты тебе, интеллигент недорезанный..." – Базуль быстро достал из футляра свою любимую "беретту" и загнал патрон в ствол.

– Входи... – "Положенец" спрятался за шкафом и взял дверь на прицел.

Шатоха, увидев черный зрачок пистолетного дула, глядящий прямо ему в лоб, стал белым, как мел.

– Кто там с тобой? – глухо спросил Базуль, страшным усилием воли придержав палец на спусковом крючке.

– Один я... н-никого... – заикаясь, растерянно промямлил секретарь-референт.

– А кто шумел?

– Тренер... Это он...

– Что ему нужно... в такую рань? – уже спокойней спросил Базуль, опуская пистолет.

Но на предохранитель не поставил, настороженно смотрел за спину Шатохи.

– Там что-то случилось с собаками...

– Чего-о?! – Базуль ощерил рот в зверином оскале. – Посторонись... бля...

Мгновенно забыв про свои опасения, он побежал по лестнице вниз, где в холле, в окружении охранников, катался по паркетному полу в истерике тренер-кинолог.

– Говори! – орал Базуль, ухватив его за шиворот. – Говори, сучий потрох! Поднимите его на ноги, – приказал он охранникам. – И принесите воды. Быстрее!

Но даже полведра ледяной воды, вылитой на голову тренера, не смогли его вывести из ступора. Он только бессмысленно таращил на Базуля налитые кровью глаза и что-то бормотал, указывая пальцем на выход.

Отшвырнув нетвердо держащегося на ногах тренера в сторону, Базуль, как был в теплом стеганом халате и тапочках, так и побежал к вольерам.

То, что он там увидел, сразило старого вора наповал. Все вольеры были открыты, а его любимцы лежали в самых причудливых позах мертвыми. Какой-то страшный, неведомый зверь буквально растерзал не страдающих ни силой, ни бойцовскими качествами псов, при этом не оставив никаких следов.

Последнее, что увидел Базуль перед тем как потерять сознание, была сверкающая бриллиантовыми кристалликами белая пелена, несущаяся ему навстречу со скоростью экспресса...

Глава 17. Чижеватов

Егор Павлович резал дверные дубовые филенки. Неподалеку за крохотным столиком сидел слесарь Копылин и как обычно трепал языком. Не надеясь на хозяина, который спиртным не злоупотреблял, а потому запасов согревающего не имел, он прихватил с собой бутылку водки и потихоньку вливал "зеленого змия" в свое луженое нутро. На пороге мастерской лежал Грей и время от времени с осуждением посматривал на Копылина, который витийствовал практически без пауз, благо его слушатели были не столько благодарными, сколько безмолвными. -... Так жена и сказала: катись, Гоша, колбаской. А хахаль ее – морда семь на восемь, восемь на семь – поддакивает, кивает и бицепсами поигрывает. И такая на меня кручина навалилась, что хоть сразу с моста и в омут. Ну, врезал я этому жлобу... зубы он потом полгода вставлял... а толку? С хаты меня выперли, паспорта нет – в зоне только справку дали – куда денешься? Старые кореша брали в дело, но я решил завязать. Надоело мне, Палыч, нары тереть и парашу за паханом выносить. Ну, тут я, конечно, преувеличиваю. Моя воровская "масть" всегда была в почете. Но от этого не легче. У "хозяина" особо не разгуляешься. Короче, сказал я друзьям, что в завязке, бабе – что прощаю и прошу прощенья, если чего было не так, и погнал по югам. Как этот... писатель... Максим Горький. Грузчиком работал, сети рыбакам вязал, даже спасателем на курортный сезон однажды пристроился. Денег имел – курам на смех. Не жил – перебивался. Спал, где придется, ел, как говорится, что Бог пошлет, с приличными женщинами – ни-ни: кому нужен безденежный фраер? Однако, я не горевал. Потому как был молод, здоров и хорошо помнил чем заканчивается погоня за тугриками. Не знаю, как долго протянулось бы такое мое житье, но тут мне привалил, можно сказать, фарт необыкновенный. Эх, Палыч, как вспомню, так до сих пор дрожь в коленках!

Она влюбилась в меня сразу. Ей было по фигу, что я почти бомж, что зарабатываю гроши и что откинулся по амнистии, хотя мог бы торчать в казенном доме еще четыре года. А я ничего

не скрывал, рассказал ей все, как на духу. Понравилась она мне. Ну как родная. Забрала с собой, привезла в этот город, на работу пристроила... душа в душу пять лет жили. И тут – болезнь... Когда из морга ее забирал, думал рядом с нею в могилу лягу. Как с ума сошел... – Копылин всхлипнул. – Потом пил целый месяц по-черному. На работе меня не трогали, понимали. А я хотел от водки сгореть... сбежать от враз опостылевшей жизни. Оклемався... Вот, живу... Зачем?

– Да, дела... – Егор Павлович сокрушенно покачал головой.

Он хотел еще что-то сказать, но тут задребезжал звонок на входной двери. Отложив резец и стряхнув с фартука стружку, старик пошел открывать.

На пороге появилась комическая фигура в старом заячьем треухе и клетчатом пледе, наброшенном на плечи поверх выцветшей от времени фуфайки. Это был Гуга, знаменитый нищий с Подковы.

– Палыч, б-беда! – вместо приветствия выпалил он, с опаской покосившись на Грея, который начал его обнюхивать.

– О чем ты? – старик был удивлен – до этого Гуга никогда к нему не приходил.

– Тетя Игина в б-богнице! Ой, пгохо, очень пгохо...

– Что ты такое несешь!? – старик схватил Гугу за плечи и сильно тряхнул. – Какая тетя, в какой больнице?

– Совсем пгохо... – горестно тянул свое попрошайка; по его щекам побежали слезы.

Егор Павлович не сразу сообразил, о ком говорит Гуга, а потом решил, что ослышался, хотя знал, что "тетей Ириной" нищий называл актрису, несмотря на то, что она была не на много старше его. Ирина Александровна и раньше, а тем более теперь, когда стала зарабатывать получше, подкармливала Гугу горячей пищей и пирожками с ливером, которые он обожал. Обычно он приходил к ней раз в неделю – наверное, понимал, что надоедать нельзя – и усевшись прямо на пол у входной двери, степенно хлебал суп личной деревянной ложкой. Пройти на кухню и поесть, как нормальные люди, он отказывался категорически.

– Что с ней случилось?

– Утгом "Скогая" забгала... у-у-у! – завыл Гуга, размазывая слезы по щекам.

– Куда ее отвезли? – спросил Егор Павлович, торопливо переодеваясь в чистое.

– Вот... – нищий, пошарив за пазухой, ткнул ему в руки мятый бумажный листок.

Спустя полчаса старик уже бежал по щербатым ступенькам восьмой больницы, расположенной в здании довоенной постройки, которое до такой степени обветшало, что его стены скрепили швеллерами и подперли бетонными укосинами. Кардиология – а именно туда поместили Ирину Александровну – находилась на третьем этаже. Ее темные мрачные коридоры наполнились больными; видимо, чтобы разместить всех, не хватало палат, а потому койки стояли под стенами вдоль прохода. Егор Павлович едва не задохнулся от тяжелого сперттого воздуха, насыщенного человеческими выделениями и запахами лекарств.

Актриса лежала в пятнадцатой палате. Наверное, ее узнали и все же предоставили место получше, так как в больничном покое, кроме Ирины Александровны, находились всего две женщины. Комната была достаточно просторная, с высокими потолками и на удивление светлая.

– Что такое, что стряслось!? – бросился к ней Егор Павлович.

– Сердце... – Ирина Александровна попыталась улыбнуться, но у нее это получилось плохо – вымученно. – Колет, вот здесь... – она показала.

– Как это случилось? Когда? Ведь вчера вечером ты выглядела вполне здоровой.

– Это было вчера... – Актриса едва сдерживала слезы. – Посмотри... – Она достала из тумбочки вчетверо сложенный листок и протянула его старику.

Недоумевая, он развернул бумажку и прочитал несколько строчек текста, написанного от руки; это была ксерокопия расписки, заверенной нотариусом.

– Что это? – спросил он, силясь понять о чем идет речь в расписке.

– Муж... у кого-то занял... – По щеке Ирины Александровны медленно скатилась слеза.

– Зачем?

– Он не мог занять такую сумму. Семь тысяч долларов – с ума сойти... Я бы знала. Нам хватало того, что он получал. А на большее мы не претендовали.

– Может, он хотел купить машину?

– Мы от своей едва избавились. Ремонты и бензин съедали львиную долю нашего семейного бюджета.

Кстати, мы и гараж продали. Так зачем ему нужна была еще одна обуза? Не понимаю, ничего не понимаю...

– Возможно, он в карты играл, ходил в казино...

– Что ты! Последний год муж не отпускал меня ни на шаг от себя, а если мы куда и ходили, то только вместе. Он как чувствовал близкую кончину.

– Да, все это очень подозрительно... – Егор Павлович задумчиво вертел расписку в руках. – Но подписи на месте, заверено нотариусом... указан срок возврата долга. Почерк не подделан?

– Как будто его, но ручаться не могу. У мужа всегда были проблемы с почерком, который с годами начал меняться по несколько раз на дню – в зависимости от душевного состояния. Все это было, конечно, смешно, но иногда приносило некоторые неудобства и недоразумения, особенно когда дело касалось финансовых документов.

– А кто принес эту ксерокопию?

– Я их не знаю. Совершенно чужие, посторонние люди. Один высокий, прилично одетый и приторно вежливый. А второй настоящий бандит. Он стоял возле двери и глупо хихикал.

– И что они хотят?

– Дали еще две недели сроку. Если я... если я не отдам долг... – Актриса снова заплакала. – Они грозились отобрать квартиру!

– Успокойся, Ира, я тебя умоляю... – Егор Павлович сам едва не плакал от жалости к несчастной женщине. – Как это – отобрать квартиру? Нужно еще разобраться, что это за расписка. Ладно, допустим муж занял. Но ты-то причем? Какой с тебя спрос?

– Тот, который со мной говорил, сказал, что их это не щекочет. Да, именно так и выразился. И еще он предупредил меня, что если в срок не уложусь, то они поставят меня на этот... ну как его?.. а, вот – счетчик. Что это?

– Ясно... – нахмурился Егор Павлович. – Неважные дела...

– Господи, что мне делать?! – Ирина Александровна в отчаянии закрыла лицо руками.

– Номер с квартирой у них не пройдет, – жестко сказал старик. – Это я тебе обещаю.

– Но как?..

– Давай договоримся: ты выздоравливай и особо не переживай, а я постараюсь, во-первых, во всем разобраться, а во-вторых – если расписка и впрямь не поддельная – решить вопрос с деньгами.

– Такая большая сумма... – Ирина Александровна, приложив ладонь к груди, болезненно поморщилась.

– Что-нибудь придумаем, – придав голосу бодрости, сказал Егор Павлович. – Тебе эти... хмыри адрес оставили?

– Да... – Актриса продиктовала, а старик записал на клочке бумаги координаты фирмы со странным названием "Джелико", которая от имени ее директора ссудила Велихову семь тысяч долларов.

– Благодетели... – со злой иронией буркнул Егор Павлович – ссуда была беспроцентной, что вызывало определенные подозрения.

Подкова научила его многому. За достаточно короткий срок он узнал как делаются деньги и что стоит за всеми этими дивидендами, акциями, спонсорами, процентами и прочими понятиями, о которых в своей тайге слухом не слыхивал. И еще Егор Павлович очень хорошо уяснил, что такое "счетчик". Однажды ему довелось присутствовать при экзекуции владельца табачного киоска, посаженного на счетчик "быками", взимающими с торговцев ежедневную дань. Беднягу светлым днем при всем честном народе измочалили так, что он две недели лежал в реанимации. И все делали вид будто это безобразие их не касается. В том числе и наряд милиции, быстренько испарившийся с места событий в неизвестном направлении.

Прикупив в больничном киоске нужные лекарства и посулив лечащему врачу и медсестрам свою искреннюю благодарность, которая выражалась в долларовом эквиваленте, Егор Павлович поехал разыскивать "Джелико". Его поиски длились недолго – фирма находилась в центре, неподалеку от выставочного комплекса. Однако прорваться на прием к директору мог разве что танк – массивное серое здание с колоннами, кованными решетками на окнах и бронированной дверью парадного охраняла милиция и здоровенные мордovorоты в штатском, от которых за версту перло уголовным духом.

Потыкавшись в крохотной клетушке на первом этаже сбоку от центрального входа, представляющую собой бюро пропусков, и услышав в ответ от рафинированной девицы с черным маникюром и такими же траурными губами, что все руководство в отъезде и будет на месте не раньше чем через полмесяца, Егор Павлович в сердцах плюнул и пошел к нотариусу, чья подпись и штамп стояли на обороте расписки. Он понял, что к директору "Джелико" до окончания срока возврата ссуды ему не проникнуть ни под каким видом, тем более, что все та же суперсовременная краля предлагала ему записаться на прием под энным номером, очередь которого дойдет тогда, когда рак свиснет. Потому старик решил попытать счастье в последней инстанции – частной нотариальной конторе; умудренный небольшим опытом своего "бизнеса" на Подкове, с милицией он решил вообще не

связываться.

Но и у нотариуса, как говаривал Гоша Копылин, его ждал полный облом и фунт ореховой скорлупы.

Прилизанный живчик, похожий на "голубого", вежливо показал ему книгу регистрации заверенных документов, где значилась и злополучная расписка, и весьма галантно попросил очистить помещение. Все.

Круг замкнулся. Нужно было или признать собственное бессилие, или принимать какие-то экстраординарные меры, чтобы спасти любимую женщину от рокового финала.

Егор Павлович думал весь вечер и почти всю ночь. Семь тысяч долларов – это для него просто огромная сумма. Возможно, через год, полтора он и смог бы наскрести такие деньги, работая, как проклятый, денно и ночью – для Ирины Александровны он пошел бы на любые жертвы – но сроки... Проклятые сроки! Занять? У кого? Его заказчики были богатыми, но прижимистыми людьми и считали каждый цент почище базарных торговков. Заложить свою квартиру? За нее больше трех тысяч никто не даст. А где искать остальные деньги?

Нужное решение пришло во время утренней прогулки с Греем. Гуляя по заброшенному парку, он потихоньку добрал до приснопамятной круглой поляны с остатками статуи, когда-то изображавшей спортсменку с веслом, где волкодав сражался с боксерами Чатбарой и Чангом. Ему вдруг вспомнился владелец ротвейлера, присутствовавший во время схватки. И его странное, тогда неприемлемое предложение попробовать Грея на собачьем ринге. Может, это и есть выход?

Разволновавшийся старик скомкал прогулку и едва не бегом возвратился домой. Он перерыл всю квартиру в поисках визитной карточки странного незнакомца, пока наконец не нашел ее среди старых газет и разнообразных квитанций, которые он обычно складывал на антресоли. "Чижеватов Михаил Венедиктович, кандидат технических наук" – прочитал Егор Павлович красивую буквенную вязь, оттиснутую позолотой на белоснежном глянцевом картоне. Странно, подумал старик, какое отношение имеет этот образованный человек к жестоким играм с собаками? Но размышлять было недосуг, и, наскоро перекусив, Егор Павлович отправился на поиски любителя острых ощущений.

Оказалось, что Чижеватов живет неподалеку, около того самого парка, где они встретились впервые. Но когда Егор Павлович разыскал нужную улицу и указанный в визитке номер дома, то поначалу несколько опешил. Он предполагал, что кандидат наук должен жить по крайней мере в приличном многоквартирном доме, а на самом деле Чижеватов обитал в каких-то приземистых строениях, похожих на склады и огороженных двухметровой высоты дощатым забором. Постояв в нерешительности перед запертой калиткой минут пять, старик нерешительно нажал на белую кнопку электрического звонка. Ждать отклика пришлось долго. Он уже начал было думать, что или звонок испортился, или Чижеватова нет дома, как по другую сторону внушительных железных ворот раздались шаги и чей-то прокуренный голос спросил:

– Кто там?

– Мне бы Михаила... Венедиктовича, – запнувшись на отчестве, ответил Егор Павлович.

– По какому вопросу? – продолжал нудить невидимый собеседник.

– По личному, – отрезал старик. – Он дал мне свою визитку и сказал, что будет ждать.

– Покажь, – требовательно сказал хриплоголосый страж; Егор Павлович сразу понял, что это не Чижеватов – тот говорил тоже с хрипотцой, но уверенным тоном человека, привыкшего

повелевать.

В калитке открылось крохотное оконце, и старик сунул в него руку с визиткой. Послышалось недовольное сопение, затем кашель, и только потом звякнул засов.

Наконец Егор Павлович попал в заветный двор. Возле ворот стоял уже немолодой мужчина с копной русых волос на приплюснутой, как толстый блин, голове, отчего лицо сторожа (или привратника – так теперь кликали сторожей некоторые "новые" русские) напоминало детский рисунок: глаза-щелки, нос пуговкой и уши торчком. Рядом с ним угрожающе, но беззвучно, щерилась клыки южнорусская овчарка, похожая на белого барашка.

– Не бойся, не укусит. Она ученая, – деловито сказал сторож, заметив оценивающий взгляд старика, брошенный на собаку.

– Возможно, – согласился Егор Павлович. – Но все же, держи ее, мил человек, от меня подальше. Неровен час...

Он знал, что несмотря на спокойный, уравновешенный характер, южнорусская овчарка чрезвычайно агрессивна и очень не любит, когда чужаки переступают границы ее владений.

– А что, ты прав. Пошла! – прикрикнул сторож на овчарку, и она нехотя потрусилась под навес, где лежали прямоугольные вязанки соломы, предназначенные, скорее всего, для подстилки животным. – Тебе повезло.

Я сегодня добрый... хе-хе... – Он кивком позвал старика идти за собой и продолжил треп, шагая впереди кривыми "кавалерийскими" ногами. – На месте Михал Венедиктыч, на месте. Приехал полчаса назад.

Однако, о тебе он ничего мне не сказал... А может я забыл? Но опять же – визитка... М-да...

Они миновали складские помещения и подошли к двухэтажному дому средних размеров, очень напоминающему заводскую контору. Возле ступенек, сидя на хлипком стульчаке, скучал крепкий парень в спортивной форме. Он выслушал объяснения сторожа и исчез за крепкой, окованной металлическими полосами, дверью. Спустя минуту парень возвратился и молча указал старику наверх.

Егор Павлович поднялся по деревянной лестнице и очутился в коридоре, застеленном "кремлевской" ковровой дорожкой красного цвета. Она упиралась в стеклянную перегородку с дверью – тоже из стекла.

Когда он переступил через порог, то оказался в солидно обставленной приемной. Но место секретаря было пусто.

– Ба, кого я вижу! – послышался веселый голос.

Старик повернул голову и увидел Чижеватова, который стоял в дверном проеме кабинета. У его ног виднелась внушительная фигура ротвейлера, готового атаковать посетителя при первом подозрительном движении.

– Джейсон, место! – приказал кандидат наук, проследив за направлением взгляда Егора Павловича. – Проходите, пожалуйста...

Старик сел в шикарное кресло и сразу же почувствовал себя неудобно, хотя кабинет выглядел так, будто сошел с рекламного плаката. Наверное, чтобы не придавать встрече чересчур официальный характер, Чижеватов пригласил гостя к журнальному столику, на котором стояла ваза с цветами, бокалы и несколько бутылок с иностранными наклейками.

– Я очень рад нашей встрече, – приветливо улыбаясь сказал хозяин кабинета. – А потому, прошу вас, не откажите в любезности... – Он быстро плеснул в бокалы что-то темно-янтарное. – Это, как говорят знатоки, лучший в мире французский коньяк. Ваше здоровье...

Егор Павлович охотно поддержал кандидата наук – его нервы были на пределе. Горячая волна сначала мягко обожгла желудок, а затем медленно растеклась по всему телу. Напиток и впрямь оказался хорош, хотя к коньякам старик был равнодушен.

– А я ждал, что вы мне позвоните. Очень надеялся. Извините, как вас зовут?.. Итак, Егор Павлович, вы все-таки решились принять мое предложение? – Чижеватов пытливо смотрел на старика темными глазами, в которых светилась не наигранная доброжелательность.

– Как вам сказать... – Егор Павлович не знал с чего начать. – Может быть. Но у меня есть кое-какие вопросы...

– Естественно, – понимающе кивнул Чижеватов. – Отвечу на все без утайки.

– Скажите, собаки дерутся... насмерть?

– Ни в коем разе! Конечно, бывают случаи смертельного исхода, но очень редко. За этим следят специальные люди. Если хозяин пса посчитает, что бой его любимец проиграл, то он может остановить схватку, выбросив на ринг полотенце. Все как в боксе.

– Понятно. И еще одно... – Старик заколебался, не зная как сформулировать вопрос.

– Вы хотите узнать о вознаграждении? – помог ему хозяин кабинета.

– Да. В общем... конечно...

– Здесь нечего стесняться. Спорт – это всегда деньги. И очень большие. Собачьи бои в общем-то запрещены, а потому, как захватывающее зрелище, ценятся достаточно высоко. Владельцы первоклассных боевых псов имеют столько, что вам и не снилось.

– Например?

– Все зависит от многих составляющих. Я не буду на них останавливаться – это своего рода коммерческая тайна. Но за месяц можно заработать от пяти сотен до десяти тысяч долларов.

– Месяц... – Старик нахмурился.

– У вас большие финансовые проблемы? – правильно истолковал его мимику Чижеватов.

– Как вам сказать... – Егор Павлович запнулся.

– А, о чем я спрашиваю?! – воскликнул хозяин кабинета, вновь наполняя бокалы. – У кого их нет. Тем более, в нынешнее время. Полагаю, вам нужны быстрые деньги. И много. Не так ли?

– Вы угадали, – сокрушенно вздохнул старик.

– Сумма и срок? – посерьезнев, деловито спросил кандидат наук.

– Шесть-семь тысяч долларов до конца следующей недели.

– Да-а, это прилично... – Собеседник Егора Павловича выпил свой коньяк не смакуя, одним глотком. – Задача не простая. Главная проблема заключается в том, что ваш Грей не

раскручен. То есть, его еще никто не знает. Хотя... – Он на миг задумался. – Может быть в этом и будет наш главный козырь. Но время, время...

Его катастрофически мало. Я не волнуюсь за вашего пса – он свое дело сделает... при умном подходе.

Конечно, нужно посмотреть... Но в любом коммерческом мероприятии всегда присутствует риск. А так получается, что мы должны бить только наверняка. Дело в том, что собачьи бои проходят раз в неделю и Грей пока не заявлен. Но это препятствие вполне преодолимо. Самое скверное другое – псу необходимы специальные тренировки. Конечно, он у вас и так превосходный боец, я в этом убедился лично. Однако, профессиональный собачий ринг имеет некоторую специфику. Это не просто травля собак, это спортивное состязание. Жестокое, кровавое – но состязание. А у нас времени в обрез.

– Значит, ничего не получится? – упавшим голосом спросил старик.

– Я такого не говорил! – живо откликнулся Чижеватов. – Скажу честно: мне очень не хочется упускать столь уникальный шанс. Ваш Грей – это что-то... И будет жаль, если вы его потеряете. Все дело в специфической выучке. Грею бы, как говорят в спорте, поставить технику – и тогда равных ему будет найти трудно. Но что делать, раз у вас нет выхода – не так ли? – и вы настаиваете...

– С болью в сердце...

– Мне это понятно. Мой Джейсон – тоже превосходный боец. Но с некоторых пор я на ринг его не выставляю.

– Значит, договорились? – с невольным трепетом спросил старик.

– А почему бы вам не взять эти деньги займы?

– Кто мне их даст? – с горечью ответил вопросом на вопрос Егор Павлович.

– Ну, например, я.

– Нет! – твердо отрезал старик. – Если Грей не сможет их отработать, отдавать мне будет нечем.

– Вы честный человек... – Старику послышалось в голосе кандидата наук удовлетворение. – А потому я сделаю для вас все возможное и невозможное. Да, придется потрудиться... Сегодня я занят, но завтра прямо с утра приводите Грея на тренировку. Считайте, что с заявкой на воскресный ринг вопрос решен. Мне не откажут.

– Извините, Михаил Венедиктович, но я хотел спросить... Как так получилось, что вы, кандидат наук, ученый человек, и?..

– Занимаюсь черт знает чем? – весело подхватил Чижеватов. – Чего проще, Егор Павлович. Сначала закрыли мою тему, а затем и институт, где я работал над докторской диссертацией. Мель, на которую меня посадило наше правительство, оказалась весьма фундаментальной. Руками работать я не приучен, к коммерции равнодушен и мало в ней понимаю, а получать мизерное пособие по безработице как-то стыдно. Была возможность уехать за рубеж – между прочим, приглашали, сулили неплохие деньги – но оказалось, что я квасной патриот. Нет, не Отчизны, как таковой. Это все высокие материи. Просто не могу себя представить без речушки, где мое любимое рыбное место, без грибной охоты, когда рядом старые друзья и чекушка в кармане, чтобы выпить с устатку, наконец, без Джейсона и еще одной моей любимицы, Джильды, которая сейчас на сносях. Как видите, все предельно конкретно и без патриотических сентиментов. Так вот, помыкался я месяца три в роли лишнего для общества

человека, а затем пришло озарение. С псами я вожусь сызмальства – это, можно сказать, семейное; в моем роду почти все большие любители и знатоки собак. Вот и решил внедрить на нашей отечественной ниве буржуазное отношение к друзьям человека. – Он скептически ухмыльнулся. – Начиная с малого – не буду вас утомлять подробностями – и сейчас у меня самый крупный в области питомник боевых собак. Появились и конкуренты, но тягаться со мной им уже слабо. Пять лет назад я выкупил эту базу – раньше здесь были галантерейные склады – и теперь у меня имеется превосходный тренировочный центр боевых псов и хорошо оборудованный ринг. Вот такая петрушка, Егор Павлович. Теперь вы знаете, как я дошел до такой жизни... – И кандидат наук заразительно рассмеялся...

Домой Егор Павлович возвращался окрыленным. Ему верилось, что все закончится благополучно, и он сможет помочь Ирине Александровне. И только когда на пороге квартиры его встретил своим преданным взглядом Грей, в душу старика вползла давящая муть, от которой на глаза навернулись скупые мужские слезы.

Отступление 5. Зона Сиблага, 1960 год Годы – как вешняя вода. Уносят и мусор, и ценный домашний скраб. Затворническая жизнь среди таежного приволья очистила душу и мысли Егора до полной прозрачности, но наделила его жестким неуступчивым нравом, в котором сантиментам не было места. Все помыслы егеря теперь сосредоточились на одном – он страстно желал еще раз повстречаться с Чагирем сам на сам. Ради этого Егор с большим усердием отлавливал беглых рецидивистов, за что и получил от них многозначительную кличку – Сатана. Он боялся, что наступит такое время, когда руководство спецзоны откажется от его услуг, и тогда пахан станет недосыгаемым.

Но бывший майор, а ныне подполковник Кривенцов, берег следопыта, словно главное свое сокровище, и даже не заикался о прекращении сотрудничества. И его можно было понять – за время пребывания Кривенцова в должности начальника зоны ни один побег не закончился для эзков успехом. Все их ухищрения напрочь перечеркивал один-единственный человек – егерь заказника по прозвищу Сатана. Если охрана была не в состоянии поймать беглецов, тогда подполковник подключал Егора. И, попивая водочку с приятелями, сидел на мягком диване вполне спокойный и уверенный в положительном результате поисков.

Он даже заключал пари – как скоро Сатана доставит в лагерь или беглых эзков, или то, что от них осталось; с особо опасными рецидивистами в таких случаях было приказано не миндальничать.

Кривенцову уже не раз предлагали повышение по службе – то есть, перевод начальником другой, более "престижной" зоны, ближе к центру – но он был мудр и не торопился нажать себе неприятности, предполагающие преждевременную отставку с вытекающими отсюда последствиями. За Егором подполковник находился словно за каменной стеной, подтверждением чего были многочисленные благодарности руководства и переходящее красное знамя, надолго прописавшееся в его хозяйстве. А Кривенцов хорошо знал, как обстоят дела в других лагерях. С недавних пор, почувствовав послабление, эзки начали бегать пачками. Но одно дело, когда в верхах болтают для публики о смягчении режима, а другое – обеспечивать его стабильность и выполнять многочисленные предписания, сыпавшиеся из министерства едва не ежедневно и в таких количествах, что только после их прочтения голова шла кругом. Потому начальник спецзоны спокойно почивал на лаврах, заработанных для него неутомимым егерем-следопытом, и мечтал лишь о молодой красавице–врачихе, которая невесть каким образом угодила в эти Богом забытые места.

Личная жизнь Егора была пуста и однообразна. Единственной отдушиной в монотонном течении дней, месяцев и лет стала страсть к чтению. Он выискивал книги, где только мог, и читал все подряд – от сказок до многотомных энциклопедий. В мучительно долгие холостяцкие вечера книжные страницы уносили его на своих бумажных крыльях в далекие экзотические страны, и молодой егерь во главе пиратов искал зарытые сокровища, дружил с

североамериканскими индейцами, вместе с дворянскими отпрысками обучался этикету, дрался на дуэлях, танцевал на костюмированных балах и совращал красивых девиц. Большой мир распахивал для него все свои двери и окна, и Егор часами летал в искрящемся эфире, временами добираясь даже до далеких звезд...

Всю свою нерастрченную любовь он отдавал Угольку и теперь уже его потомству. Лешак спокойно почил от старости, а Найда все-таки нарвалась на достойных противников. Случилось это зимой, в конце февраля, когда из-за суровой зимы в тайге, подступавшей к границам северного кордона, начались голодные дни.

Олени стада и сохатые постепенно откочевали в низовья рек, где не так донимал мороз и ветры и где они спасались от бескормицы, а часть неучтенного поголовья парнокопытных прибилась к кормушкам заказника, которые неустанно снабжал сеном молодой егерь. Такой миграции можно было только радоваться – обычно животные в подобных ситуациях и летом оставались на местах зимовки, обживая новые территории – но вслед за оленями и лосями потянулись и оголодалые волчьи стаи. Серые разбойники резали олешек днем и ночью; доставалось и сохатым, но таежные богатыри умели за себя постоять и волкам доставались лишь старые и больные.

Егор начал с хищниками жестокую борьбу еще с осени. Шла она с переменным успехом – по части разнообразных хитростей волк давал сто очков форы пресловутой рыжей плутовке лисе. В конце концов егерь заставил волчьи стаи покинуть пределы заказника, сдав в заготконтору немало великолепных светлосерых шкур. Обычно, уходя из дому, он оставлял Найду на хозяйстве, тщательно закрывая ворота. Но однажды по-прежнему независимая и свободолюбивая собака нашла все-таки возможность выбраться из огороженного двора – она сначала залезла на высокую поленницу, затем перескочила на крышу амбара, а после этого, преспокойно прыгнув в сугроб уже за забором, убежала в тайгу на охоту.

Егор искал ее сутки. Тревога бередила душу егеря не зря. Он нашел свою любимицу в распадке, где Найда скрадывала оленей. Возле растерзанной суки лежало пять окоченевших волков, а по следам егерь определил, что стая насчитывала не менее полутора десятков хищников. Оставшимся в живых, чтобы насытиться, хватило зарезанного Найдой оленя, потому они не тронули ни своих собратьев, ни отважной собаки. Так славно закончила жизненный путь родительница Егоровых псов, которые уже стали достопримечательностью заказника.

С женщинами у Егора как-то не заладилось. Он считался видным женихом, хотя и не отличался особой мужской статью, как коренные сибиряки. Молодой егерь слыл крепким хозяином и состоятельным человеком, что в общем соответствовало истине – по деревенским меркам, он получал приличную зарплату и солидные премиальный за отстрел четвероногих, а также двуногих хищников, бежавших из спецзоны.

Наверное, живи Егор поближе к обжитым местам и захомутай его какая-нибудь зазноба, судьба парня сложилась бы совсем по-иному. Но дикая тайга, этот природный монастырь, держала своих верных послушников за зеленым древесным забором не хуже, чем святая обитель монахов за каменными стенами.

Странно получается в жизни: ожидаешь, сидя в засаде, свою удачу, дни и ночи не спишь, все сторожишь, готовый в любой момент схватить ее за вихры – она будто сквозь землю провалилась или где-нибудь спит непробудным сном; а отлучишься всего на миг, когда тебе думается, что именно сейчас-то ее уж точно не будет – и получи подарок с бритым затылком, за который не ухватишься.

Исчезнет твой фарт, лови потом ветра в поле, жди, когда вернется, до новых веников.

Так вышло и у Егора. Столько лет ждал побега Чагирия из зоны, сжигая молодые годы в

медвежьим углом, сторожил его, как кот затаившуюся в подполе мышь, а когда ожидаемое случилось, оказался совсем в другой стороне, далеко от места событий. Будто нелегкая подтолкнула Егора съездить в этот долгожданный день в Загорье, чтобы забрать обещанную директором никелевого рудника бензопилу – большой дефицит в их краях. С освещением своего хозяйства вопрос он уже решил, по дружбе выпросив у Кривенцова дизельный электрогенератор, а вот что касается заготовок дров на зиму и плотницких работ по изготовлению и ремонту кормушек – тут у егеря получалась большая загвоздка. В помощники себе он так никого и не взял, а справляться самому без техники было нелегко. Потому пришлось пойти навстречу желанию директора поохотиться в заказнике и с большими трудами выправить ему лицензию на отстрел одного лося.

Возвращаясь домой, он решил навестить Кривенцова. У Егора была одноколка, своего рода таежный вездеход, но так как спешить, по его уразумению, не стоило, он поехал по более удобной дороге, кружным путем. Несмотря на радужное настроение – наконец удалось заполучить такой желаемый и нужный в хозяйстве дефицит – какое-то неосознанное беспокойство смущало ум и бередило душу. Когда до зоны оставалось километра два, молодой егерь не выдержал напора беспорядочных встревоженных мыслей и начал стегать лошадь кнутом, заставляя ее ускорить ход.

Возле лагерных ворот царил суевея. Похоже, формировалась поисковая команда, так как среди вооруженных солдат Егор заметил и двух овчарок на длинных поводках. Егеря охрана зоны знала достаточно хорошо, а потому пропустила к подполковнику без проволочек.

– Твою мать!.. – "поприветствовал" его Кривенцов, который был бледный и взъерошенный. – Куда ты запропастился!? Я уже хотел посылать к тебе нарочного, думал, что рация вышла со строя.

– Побег? – спросил Егор, холодея от неясных предчувствий.

– Да еще какой. Ох, чую, не сносить мне головы... – и Кривенцов начал ругаться матерно, поминая всех святых.

– А что случилось?

– Подкоп. Какой позор на мои седины! Я думаю, эти сволочи рыли его года два. И никто ничего не заметил.

Представляешь? Все, Егор, мне хана. "Опустит" меня начальство как лагерную Маньку. Вместо двух больших звезд на погонах оставят четыре маленьких. Как пить дать, понизят в звании. А то и на Колымские лагеря перебросят. Бля!

– Сколько человек ушло в побег?

– В том-то и дело, что до хрена. Восемнадцать. Полбарака, едит твою мать.

– Кто? – наконец решился спросить Егор, тая дыхание – будто вот-вот должен был нажать на курок.

– Зубры, Егорий, одно зверье. Во главе с паханом. Что будет, что будет?..

– Чагирь сбежал!? – Егор даже задохнулся от горячей волны, хлынувшей в голову.

– Он, сучара. Эх, нужно было еще три года назад, когда Чагирь прирезал свою "шестерку", подвести его под "вышку". Ну дурак я, ну дурак...

– В котором часу они вышли за пределы зоны? – уже тверже спросил егерь.

– Сразу после вечерней поверки. В том-то и загвоздка. Представляешь – почти восемь часов форы. Пока собрались да раскачались... тут ты куда-то запропастился...

– А кто у ворот?

– Еще одна группа. У первой получился полный облом. Представляешь, что придумали беглые мерзавцы: прихватили с собой любимую кошку моей жены – я эту старую дуру когда-нибудь как мамонта забью! – и привязали животину к дереву на высоте пять или шесть метров в двадцати километрах от зоны. Распяли.

Собаки довели солдат до этого места, а дальше – ни шагу. Лают на кошку, которая воеет, не переставая, прыгают на сосну... – сумасшедший дом. Пока проводники не догадались снять кошку с дерева, угрохав на это еще добрых два часа... – подполковник начал с остервенением раскуривать отсыревшую папиросу.

– Ну, а потом что?

– Потом? Мой помощник не нашел ничего лучшего, как послать с "драгоценной" кошкой одного из охранников обратно, который и рассказал о случившемся. Собаки больше след не взяли – что и не мудрено.

Правда, там еще зэки махорку рассыпали. Это дело знакомое. Не впервой. Но когда хорошо обученные ищейки идут по горячему следу, ты сам знаешь, что такая преграда им до лампочки. Если, конечно, у них проводники не остолопы. Короче говоря, теперь погоня продолжается вслепую, наобум лазаря. У беглых сто дорог, а у моих парней – всего одна. Хуже не придумаешь...

– Погоня так и идет одной командой?

– Конечно. А почему ты об этом спросил? – Кривенцов остро взглянул на Егора.

– Думаю, что возле дерева, к которому была привязана кошка, беглецы разделились, – уверенно ответил молодой егерь. – И можно только гадать, на сколько групп.

– Час от часу не легче. Если твоя догадка верна, то... Влип я, Егорий, ах, как я влип!

– Это все Чагиря заморочки... – Егор напряженно размышлял. – Покажите мне на карте маршрут беглецов.

Кривенцов молча достал десятиверстку и развернул ее на письменном столе.

– Здесь то самое дерево... – ткнул он пальцем. – Зэки, судя по всему, бегут на запад. Все, как обычно.

– Да? – в вопросе-реплике Егора прозвучала неприкрытая ирония. – Не забывайте кто их возглавляет.

– Ты думаешь по-иному?

– Чагирь решил пожертвовать своими дружками. Я в этом уверен. Да, часть зэков пойдет в западном направлении. Но он придумал для себя какой-то необычный маршрут.

– Все это твои догадки, – фыркнул подполковник.

– Я нутром чую... – угрюмо бросил Егор. – Ладно, мне пора. Разберусь на месте. Стволы у них есть?

– Не знаю. Скорее всего, заточки и ножи.

– Плохо... Уж лучше бы они разоружили охранников.

– Ну ты даешь... – у Кривенцова от удивления глаза полезли на лоб. – Говори да не заговаривайся.

– Вам ведь хорошо известно, что долго выдержать в тайге без огнестрельного оружия очень непросто, если не сказать – невозможно. А зэкам предстоит не близкий путь, и тех сухарей, что они прихватили с собой, им хватит от силы на неделю. Обычно так они и рассчитывают: берут столько харчей, сколько нужно, чтобы добраться до более-менее обжитых мест, где можно разжиться едой. Ваша зона – не продовольственный магазин и не курорт, где всего вдоволь, у вас каждый грамм на учете. Потому больших запасов зэки просто не в состоянии сделать.

– Все это так, но причем твои пожелания по части разоружения охраны?

– Притом, что беглецы будут стараться заполучить стволы любыми путями и средствами. Теперь уже ясно – быстро мы их не поймаем. И можно только представить, что сделают эти звери с охотниками или рыболовами, повстречавшимся им на пути. А ведь ни один из местных жителей не ходит в тайгу без оружия.

Чагирь это тоже знает. И на этом строит весь свой замысел. Иначе он просто подойдет с голоду... если не прихватил с собой "барашка"[24].

– Резонно... – Похоже, от объяснений Егора подполковнику стало дурно, потому что он тяжело рухнул на стул и поторопился выпить стакан воды. – Кранты мне, Егорий. За мирных жителей с меня тем более три шкуры сдерут. Выручай, дружок, за мной не постоит. Только на тебя и надежда. Не подведи.

– Я... постараюсь... – неожиданно хрипло ответил молодой егерь.

И столько в его внезапно севшем голосе было ненависти, что ошарашенный Кривенцов откинулся на спинку стула – будто его стегнуло током. Таким обычно уравновешенного и доброжелательного егеря он видел впервые.

Глава 18. Лизавета

Наконец! Прорезалось, прорвало и понесло по кочкам. Ах, как это было здорово – ощущать, что не зря получаешь зарплату, что есть еще порох в пороховницах и что твой план оперативных мероприятий сработал словно по писаному.

Тюлькин нашел Лизавету. Вернее, норку, куда девушка забилась после событий на кладбище. И вывела на ее след, как и предполагал старший оперуполномоченный, сотрудница, болтливая подружка, у которой жертва Джангирова временно и квартировала. Точнее, не у подружки, потому что она жила вместе с родителями в коммуналке, а у ее родной бабки, проживающей в микрорайоне Красный Пахарь. Все пути ведут в Чулимиху, думал, посмеиваясь про себя, майор, когда они с Тюлькиным пылили на встречу с Лизаветой, которая пока не подозревала о столь долгожданном для Клевахина randevu. Прямо тебе не поселок, а новый Рим...

– Ну, блин, и таратайка... – бурчал Тюлькин, пытаясь устроиться поудобней в кабине старого "запорощца". – Вы этот драндулет не на свалке откопали?

– Не угадал, – довольно осклабился Клевахин. – Одолжил... по блату.

– У столетнего раввина?

– Что ты, Шурик! Их теперь, как и прочих патриархов всех конфессий, на шестисотых "мерсах" возят. Это пошел мне навстречу простой мент, участковый Бочкин. "Запор" ему достался по наследству. Он на нем к теще в гости ездит. Чтобы гостинцы руки не оттянули...

Клевахин решил не брать машину из гаража управления – во избежание лишних эмоций со стороны тех, кто старался не выпускать майора из виду ни на миг. Усыпленный перемирием с Атарбековым и своим шефом, майор на некоторое время потерял бдительность. А когда очнулся от самоуспокоенности, то оказалось, что ему кто-то прицепил вполне квалифицированный "хвост". Клевахин подозревал в этом Джангирова – похоже, походы Тюлькина по предприятиям и конторам в поисках Лизаветы не остались незамеченными главным сатанистом города. Это обстоятельство с одной стороны радовало майора, указывая, что его расследование движется в верном направлении, а с другой – настораживало и неприятно щекотало нервы, так как он даже не мог предположить какой фортель выкинет Джангиров, когда поймет, что его вместе с Атарбековым водят за нос. Поэтому выезд на встречу с Атановой – такую фамилию носила Лизавета – Клевахин обставил по всем шпионским канонам: из дому ушел перед утром, к гаражу Бочкина добирался кружным путем, а Тюлькина посадил в "горбатого" за городом, в чистом поле, куда старлей доехал на перекладных, проделав те же финты, что и его шеф.

Клевахин вполне обоснованно опасался за жизнь девушки. И в особенности после того, как он с нею побеседует. Скукожившись в кабине чихающего и кашляющего ветерана отечественного автомобилестроения, майор напряженно размышлял как ему быть со своей находкой дальше. Ведь если Тюлькин сумел ее разыскать, то и люди Джангирова когда-нибудь выйдут на след Атановой. Спрятать ее было негде, а предъявлять девушку Атарбекову майор пока не хотел – тот запросто мог упрятать Лизавету в следственный изолятор, где беглянку могли подвергнуть психологической обработке. И тогда, как свидетель, она уже не будет представлять никакой ценности.

Дом, где пряталась Елизавета Атанова, был таким древним, что сдавалось дунь на него и он тут же обрушится. Входная дверь оказалась запертой, но Тюлькин заметил бабулю, которая ковырялась возле сарая – складывала дрова в поленницу. Предварительно заглянув в мутные оконца и не заметив внутри дома ни одной живой души, немного встревоженный Клевахин пошел звать хозяйку, так как на оклики она не реагировала – возможно, была глуховата.

– Здравствуйте бабушка! – майор добавил в голос металла, чтобы он звучал как иерихонская труба.

– Чегой это ты, милок, раскричалси? – ехидно полюбопытствовала старушка, с трудом разгибая спину. – Аль что случилось?

– Пожарники мы, бабушка. Плановая проверка. – Клевахин решил схитрить.

– А документ у вас есть?

– Бабушка, неужто я похож на бандита? – изобразив обиду, сказал Клевахин. – На всех бумагах не напасешься.

Дефицит.

– И то правда, – согласилась хитрющая старушенция. – На бандита не похож. У меня и брать-то нечего...

– Вот-вот! – подхватил майор, которому позарез нужно было проникнуть в дом без лишнего

шороха; к сожалению, он не мог поставить в известность о своем предприятии Атарбекова, чтобы получить разрешения на обыск. – Мы долго не задержимся. Посмотрим, как у вас обстоит дело с электропроводкой и печкой, распишитесь в журнале – и до свидания.

– Ну, если недолго... – старушка, воспитанная еще НКВД, когда сотрудники милиции в поисках самогона могли прийти в любое время дня и ночи без всяких формальностей, пребывала в смятении: пускать в дом чужих людей не хотелось, но воспротивиться вторжению ей не позволял страх перед властью, въевшийся в плоть и кровь с малых лет. – У меня работы – не початый край...

Чувствуя себя из-за обмана не в своей тарелке, Клевахин, подав знак Тюлькину, чтобы тот помалкивал, прошел через сенцы в просторную, но темную и бедно обставленную комнату, главным украшением которой был иконостас с лампадкой. В доме не оказалось даже стульев – возле придвинутого к окну стола стояли две прочные деревянные скамьи. Для вида быстро осмотрев проводку, Клевахин затем обследовал кухню и чулан. К его недоумению и разочарованию Лизаветы в доме не оказалось. Неужто они пошли по ложному следу? Профессиональным взглядом окинув кухонный стол, майор мысленно вскрикнул от радости – есть! Там стояла недопитая чашка кофе, которая была еще теплая на ощупь, и лежала разломанная на кусочки плитка шоколада. Представить себе, что бабуля с ее мизерной пенсией тешит себя городскими деликатесами, Клевахин не мог...

– Все в порядке, – весело сообщил он не отходящей от него ни на шаг старушке. – Сейчас мой товарищ, – майор кивнул в сторону Тюлькина, – оформит все, как нужно, а вы поставите свою подпись.

Заметив умоляющий взгляд старлея, который понятия не имел что и на чем писать, Клевахин сделал зверское лицо – мол, не дури, тяни время и выкручивайся как знаешь. Главное – отвлеку внимание старухи.

Тюлькин глубокомысленно кивнул и потянул за собой хозяйку дома к окну, где было посветлей. Пока он вешал бабуле лапшу на уши, оставленный без присмотра майор тихо выскользнул в сенцы и полез по приставной хлипкой лестнице на чердак, не без основания опасаясь сломать себе шею.

На удивление, чердак был хорошо освещен. Солнечные лучи, врываясь через окошко, высвечивали старый хлам, копившийся здесь даже не годами – десятилетиями. Клевахин, стараясь не шуметь, двинулся на цыпочках к груде каких-то вещей, сложенных в дальнем конце чердака и прикрытых старыми одеялами.

Ему привиделось, что там что-то двинулось. Миновав печную трубу, он остановился и прислушался. Нет, под одеялами и впрямь таилось живое существо; Клевахину даже показалось, что он не только слышит его дыхание, но и биение сердца.

– Хватит прятаться, Лизавета, – мирно сказал он, на всякий случай достав пистолет и отступив за трубу. – Выходи. И не бойся – я из милиции.

Поначалу ответом ему было молчание. Но затем, спустя две-три минуты, одеяла полетели в сторону и перед майором предстала очень даже симпатичная русоволосая девушка (с косой!), одетая в простенькое ситцевое платьице, поверх которого был накинут ветхий полушубок. Смущенный майор поторопился спрятать оружие и широко улыбнулся.

– Не бойся, – повторил он. – Мне нужно лишь поговорить с тобой. Никто, кроме меня, не знает, где ты скрываешься. Пойдем...

Не спуская с него широко раскрытых остановившихся глаз, девушка пошла, словно сомнабула, механически переступая негнущимися ногами, обутыми в стоптанные валенки.

Они появились в комнате, когда красный, словно вареный рак, Тюлькин плел какую-то несуряницу из области пожарной безопасности, о которой имел весьма смутное представление. Но главную задачу он все же выполнил – бабуля смотрела на него, не отводя глаз, как будто он был не переодетым в штатское ментом, а по крайней мере известным экстрасенсом.

– Осподи! – охнула старушка, завидев девушку в сопровождении Клевахина. – Разбойники, охальники! – набросилась она на оперуполномоченных. – Стыдно вам старого человека в оману вводить! Не бойся, голуба, я не дам тебя в обиду. Кыш с моей хаты! – замахала она руками на Клевахина, признав в нем старшего.

– Успокойтесь, бабушка. Мы не причиним ей никакого вреда, – сказал майор, пятясь к двери под натиском хозяйки дома. – Наоборот – спасем ее от очень больших неприятностей. Честное слово.

– Кто вы такие? – задиристо спросила старуха. – А, что я тут спрашиваю. Вам, уже вижу, и соврать не долго.

– Уголовный розыск, – Клевахин раскрыл свое удостоверение перед самым лицом бабули. – Пожалуйста, простите нас... за маленькую хитрость. По другому мы никак не могли...

– Ах, негодники... – покачала головой старушка. – Обвели меня, глупую, вокруг пальца. Правду люди бают – как с лет, так и с ума.

– Так ведь мы с добрых побуждений... – развел руками Клевахин.

– Не знаю, не знаю... – Сомнения не оставляли бабулю.

– Поверьте нам. А теперь оставьте нас на часок, мы с Елизаветой побеседуем... о разном. Пожалуйста. Вы не возражаете, если мы будем разговаривать в доме?

– Куда вас денешь... – пригорюнилась старуха. – Лиза, дочка, скажи, что мне делать?

– Спасибо вам... за заботу, за то, что приютили меня... – наконец и Лизавета подала голос. – Идите, не волнуйтесь, все будет хорошо.

Что-то бормоча себе под нос, старушка вышла во двор. Клевахин сел на скамейку возле стола и жестом пригласил девушку последовать его примеру. Она безропотно подчинилась.

– Долгонько мы тебя искали... – приветливо сказал майор, чтобы с чего-то начать.

Елизавета промолчала. Она даже не шелохнулась – сидела прямо, опустив глаза.

– Не возражаешь? – Клевахин достал из кармана диктофон, подсоединил выносной микрофон и включил на запись. – А ты веди протокол допроса, – приказал он Тюлькину. – По всей форме.

На вопросы, касающиеся ее личности, девушка ответила исчерпывающе, но не многословно.

– Елизавета Петровна, вы были на чулимихском кладбище?.. – майор назвал дату; теперь он перешел на официальный тон.

Девушка молчала. С виду она казалась спокойной, но ее лицо покрыла неестественная бледность.

– Поверьте, мы вам желаем только добра... – Клевахин пытался поймать ее ускользающий взгляд. – Кстати, на нашем месте могли быть другие люди. Мы их просто опередили. А они с

вами церемониться не станут.

Вас убьют, Елизавета Петровна. Вы это понимаете?

– Мне уже все равно... – девушка сказала это, почти не открывая губ.

– Чушь! – фыркнул майор. – Вы молоды, вам еще жить и жить. С вашей помощью мы сумеем упрятать тех мерзавцев за решетку на долгие годы. Там им быстро рога пообломают. Расскажите все, как было, дайте нам возможность выкорчевать эту сатанинскую пакость.

– Ничего вы им не сделаете. Это страшные люди... – Елизавета судорожно сглотнула. – Они убьют и меня, и вас.

– Возможно. А может и нет. По крайней мере, кто-то должен попытаться поставить им заслон.

– Не подумайте, что я боюсь... Зачем? Я уже и так живой труп. Я избранная.

– Это как?

– Меня назначили в жертву... тому, страшному... – Казалось, что девушка вот-вот потеряет сознание. – Я обречена.

– Хорошо, пусть так. Тогда возникает закономерный вопрос: если вы... избранная, то почему решили спрятаться от них? С каких соображений вы не вернулись в секту, а ударились в бега? Не можете ответить?

То-то... Любому человеку присуще держаться за жизнь до последнего. Возможно, за исключением фанатиков и чокнутых. Но вы вполне нормальная, здоровая девушка. И вам эта "избранность" совсем не по нутру. Я уверен, что в секту вы попали совершенно случайно.

– Так оно и есть...

– Вот-вот. Потому и прошу – помогите нам. Чтобы на вашем месте не оказались другие девушки, которые хотят жить не менее вашего. Со своей стороны я сделаю все возможное, чтобы оградить вас от сатанистов.

Поверьте.

– Я... не знаю...

– Смелее, Елизавета Петровна! Могу сказать больше – мне тоже отступить уже некуда. Или мы, или они.

Будем держаться вместе – прорвемся.

– Хорошо... – Девушка постепенно оживала: исчезла бледность, участилось дыхание, потухшие сухие глаза вдруг сверкнули, как будто внутри зрачков загорелся фонарик, и наполнились влагой, от которой сразу стали на удивление большими и выразительными. – Я расскажу. От этого ничто не изменится... я не очень верю вашим словам... но хуже все равно уже не может быть...

"Черт! Какая она красивая! – невольно воскликнул про себя Клевахин. – Эх, Колян, где твои семнадцать?..

Ну, ладно, пусть тридцать..." – Я приехала в город два года назад. Мамка померла... у меня больше никого не осталось. Батю задавило бревном на лесосплаве, когда я была совсем маленькой. Где-то есть старшая сестра по отцу и братья – как будто двое – но мы никогда с

ними не общались, а потому адресов я не знаю. Я даже не помню, как их зовут... Да и зачем я им нужна...

Девушка на некоторое время умолкла – ушла в себя, захваченная потоком воспоминаний.

– Оно конечно... М-да, жизнь... – нарушил несколько затянувшуюся паузу Клевахин – лишь бы что-нибудь сказать.

– Понятно, что в городе меня никто не ждал. Но так случилось, что с работой повезло, – продолжила свой рассказ Елизавета. – Я пришла по объявлению в газете, и меня приняли даже без испытательного срока. Это теперь я понимаю, что попала в хорошо обставленную западню, а тогда я была на седьмом небе от счастья.

Как же – служба не пыльная, но денежная, дали комнату в общежитии – фирма платила... Сидела, переключившись с места на место бумаги, выучилась работать на компьютере, даже думала поступать на вечернее отделение какого-то коммерческого института... Господи, какая я была дура! – она закрыла лицо ладонями.

– Успокойтесь, Елизавета Петровна... все нормально... – поторопился вступить майор и бросил взгляд на Тюлькина, который строчил ручкой по бумаге словно из пулемета.

– Спустя полгода... может, больше, меня вызвал к себе наш главный босс...

– Кто? – быстро спросил Клевахин. – Фамилия?..

– Кирюхин. У меня был другой шеф, но, по-моему, он только числился начальником. Делами в фирме заправляли другие.

– Знакомая картина... – пробормотал, не сдержавшись, майор. – Зицпредседатель... Кто он?

Елизавета назвала фамилию, которая Клевахину ни о чем не говорила, и стала рассказывать дальше:

– Он предложил мне временно поработать в другом офисе... у Джангирова. Конечно же, я согласилась. Тем более, что Кирюхин пообещал повысить зарплату... – Девушка снова потеряла живость – будто мгновенно обледенела. – Меня определили помощником референта... дали крохотный кабинет в доме Джангирова – на первом этаже у него что-то вроде конторы. Работы было много – большей частью я занималась различной корреспонденцией, набирала на компьютере какие-то договора и прочие официальные бумаги. Мне стали платить почти вдвое больше, и я сняла квартиру. Понимаете, в общежитии чересчур шумно... парни пьяные ходят... однажды пытались выломать дверь моей комнаты... В подъезде темно...

– Понимаю, – сочувственно кивнул майор.

– А потом к Джангирову как-то приехал Кирюхин. Навеселе. С ним был еще кто-то, наверное, большой начальник, так как перед ним ходили едва не на цыпочках. Они зашли в мой кабинетик, долго разглядывали меня, не говоря ни слова – будто я была вещью – и так же молча ушли. И в этот же вечер все и случилось...

Девушка прикусила нижнюю губу и в ее глазах мелькнуло отчаяние.

– Помощник Джангирова приказал подготовить срочные бумаги и я задержалась допоздна. Где-то около восьми вечера экономка, довольно странная пожилая особа, всегда одевающаяся в черное, принесла большую чашку кофе и булочку. Я очень удивилась такому необычному вниманию к моей персоне – раньше мне тоже изредка приходилось работать сверхурочно, но я могла рассчитывать лишь на минералку, которая всегда была на столе;

потом из зарплаты ее стоимость вычли. Поскольку я была очень голодна, то не стала отказываться от угощения и задавать ненужные вопросы. Перекусив, я включила принтер, чтобы распечатать уже готовую работу. Тут-то и началось... – Девушка от возбуждения даже всхлипнула, будто собиралась расплакаться; но глаза ее были сухими. – Мне поначалу показалось, что я теряю сознание. Но затем моя душа будто отделилась от тела, и я увидела себя с высоты птичьего полета – за столом, возле работающего компьютера, крошечную и с каким-то странным выражением на лице... по-моему, я смеялась... или просто гримасничала. Это было ужасно! Я так испугалась, что начала кричать. Но мой голос не был слышен, он будто увязал в плотном воздухе, который поддерживал меня в полете, как вода пловца. Мне даже показалось, что я уснула и вижу сон. Я закрыла глаза... и очнулась в большой зале с высоким потолком, освещенный свечами. Окна там тоже были, но непрозрачные – с витражами. Вокруг стояли одетые в черное люди в плащах с капюшонами, скрывающими лица, и что-то нараспев бубнили. Я осмотрелась, все еще в каком-то дурмане, и поняла, что сижу на высоком кресле, обитом красным велюром, абсолютно голая и увешанная драгоценностями; на голову мне одели корону с шестью зубцами и черным камнем спереди. Рядом стоял Джангиров и та самая старая мымра, что приносила кофе. Самое интересное – я совершенно не испугалась и не застеснялась; я сидела будто прикованная к креслу, не имея желания даже шевельнуться...

Елизавета облизала кончиком языка пересохшие от волнения губы, потерла виски – словно пытаюсь вспомнить что-то очень важное – и продолжила свой рассказ:

– Не знаю, сколько продолжалась сатанинская месса – как я после узнала, так называлось это сборище – но потом зазвучала музыка, по-моему, что-то классическое, часть свечей потушили, и началось... Простите, мне стыдно... – Девушка вздрогнула. – Они все... друг с другом, в разных позах, некоторые – мужчина с мужчиной, женщина с женщиной... Это было отвратительно! Эти люди занимались любовью словно животные. Дикие вопли мужчин, визг женщин... А я сидела и смотрела на все это... Наверное, я потеряла сознание, потому что открыла глаза уже дома в постели. Сначала мои воспоминания показались мне дурным сном, но потом, когда я наконец поняла куда влипла и хотела немедленно, на следующее утро, сбежать из города, в подъезде меня встретил здоровенный детина, который представился как телохранитель. С той поры меня не оставляли без присмотра ни на миг. Я опять стала работать на прежнем месте и время от времени участвовать в шабашах. Когда я попыталась воспротивиться, мне не стали ни грозить, ни убеждать; просто отвезли куда-то за город, в лес, и подвели к яме, где уже лежали мертвые люди. На моих глазах зарезали еще одного мужчину, и я... я упала на колени, стала умолять... Я очень испугалась! Яму забросали землей и прикрыли дерном, а меня посадили в машину и отвезли к черной женщине, помогающей Джангирову устраивать мессы. Она меня снова напоила какой-то дрянью... и так продолжалось до тех пор, пока не приключилась стрельба на кладбище...

– Извините, но я должен задать этот вопрос... – Клевахино почему-то стало неловко. – Вы тоже с этими... ну, в общем, с ними... кгм!.. занимались любовью?

– Нет. Я ведь избранная и должна быть непорочной. Мне запрещали даже смотреть на мужчин.

– Простите, я так понял, вы... девственница? – майор спросил это, не поднимая глаз.

У Тюлькина, который трудился в поте лица, на физиономии появилось глуповато-удивленное выражение.

Клевахин мимику старлея понял сразу; действительно, в нынешние времена полной свободы от всего и всех найти в городе нетронутую девушку тяжелее, чем крокодила в собственной ванной. Тем более, возрастом свыше двадцати лет. А Елизавете Атановой уже стукнуло двадцать четыре. Да, есть женщины в русских селеньях...

– Конечно, – просто ответила девушка.

Почему – конечно? Так подумал майор, но развивать эту тему не стал.

– Вы сможете указать место в лесу, куда вас возили, так сказать, для "профилактики"?

– Если ехать в машине, то, пожалуй, да. Меня везли в закрытом фургоне, но я нашла там щель и кое-что подсмотрела. На всякий случай.

– Вы хотели сбежать?

– Еще как хотела. Да все случай удобный не подворачивался. Думала, что в лесу смогу. Я ведь деревенская, мне тайга – родной дом.

– Тех, кто приходил на черные мессы, вы знаете?

– Некоторых. Их портреты я видела в газетах.

– Не хило... – прошептал сам себе Клевахин. – А опознать остальных, если придется, сумеете?

– Конечно. У меня хорошая зрительная память.

– Тогда назовите кого знаете...

Пока Лизавета диктовала фамилии, а Тюлькин заносил их в протокол, майор сосредоточенно предавался размышлениям. Набор имен участников сатанинских шабашей впечатлял. Как использовать полученные от девушки сведения в дальнейшей разработке "кладбищенского" дела?

Вопрос не то что повисал в воздухе, он вообще казался не решаемым. Кто посмеет дать добро на допрос двух депутатов, которые принадлежали к весьма подозрительной компании Джангирова? Только сумасшедший; или человек, честный до мозга костей. Но ни такой порок, ни подобное приятное исключение из общепринятых норм бытия не были присущи городскому прокурору. Не поднимется его перо и чтобы дать соответствующую санкцию на других шишек и прыщиков рангом пониже, но в которых долларов столько, что куры не клюют. Да что там санкция – стоит только где-нибудь обмолвиться о имеющемся компромате на всех этих власть и деньги имущих, и можешь немедленно заказывать себе деревянный макинтош. Или как можно скорее подавать рапорт об отставке и искать другое место жительства. Это в лучшем случае.

Нужна конкретные факты. Весом сто тонн, не меньше, чтобы из-под такой тяжести не мог выбраться даже слон. Яма с трупами в лесу? Это серьезно, если, конечно, она не плод девичьей фантазии. Но опять-таки еще нужно связать убийства с именем Джангирова, потом протянуть ниточку к "кладбищенскому" делу – если это вообще возможно – и попробовать выйти на снайпера, который устроил разборку с сектантами сатанистами, конечно же, не без веской причины, подразумевающей "заказ" или личные мотивы.

Значит, необходимо искать "гвоздь программы" – нечто такое, похожее на удавку вокруг шеи Джангирова – чтобы он мог от нее освободиться, лишь отправившись к своему страшному владыке... -... Товарищ майор! Николай Иванович, вы меня не слышите? – вернул его к действительности голос Тюлькина.

– Что там у тебя? – недовольно спросил Клевахин, с трудом собирая бестолково суетящиеся мысли.

– Мне бы нужно... ну, это... – заговорщицким тоном прошептал старлей, кивая на дверь.

– А... Дуй, только долго не задерживайся.

Тюлькин трусцой выскочил во двор. Майор задумчиво смотрел на девушку, которая отрешенно теребила тугую русую косу. "Ах, хороша! – восхищенно думал он, чувствуя как сильно трепыхнулось его сердце. – Повезет же кому-то... Какому-нибудь хмырю ушастому... Эх!" Старлей даже не вбежал в дом, а вкатился. В одной руке он держал пистолет, а второй пытался застегнуть ширинку.

– Нас пасут! – вскричал он и закрыл дверь на примитивный деревянный засов.

– Кто? – встревожился Клевахин.

– Не знаю. Один человек за сараем, второй в саду. Со стороны улицы я не заметил никого, но думаю, что и там заслон. Оба вооружены и в белых накидках, возможно, маскхалатах.

– Не было печали... – Майор прильнул к окну.

Но так ничего и не увидел. Неярко светило холодное предзакатное солнце, деревья роняли иней, по двору шел толстый серый кот... – и все. Тишина.

– Они тебе не привиделись? – спросил Клевахин.

– Товарищ майор! – обиженно возопил Тюлькин. – Я что, пацан? Между прочим, я бывший морской пехотинец, так что кое в чем кумекаю.

– Ладно, ладно, не заводись... – Майор посмотрел на Елизавету, о которой они на время забыли.

Девушка оцепенела. Казалось, что она превратилась в бездыханный истукан, и лишь в ее больших глазах светилась искра жизни.

– Пойду... посмотрю, – Клевахин направился к выходу. – Шурик, запи за мной дверь. И не открывай, пока не отзовусь...

Бабуля по-прежнему возилась с дровами. Майор не стал идти к сараю, а выглянул из-за забора на улицу.

Перед домом не было никого, но чуть поодаль стоял "джип", в кабине которого сидели люди. Похоже, Тюлькин не ошибался – их стерегли достаточно плотно. Что предпримут эти "пастухи"? Клевахин почти не сомневался, что они тоже вышли на след Лизаветы. И если это так, то оперативники им не нужны, а значит их пропустят беспрепятственно. Хотя... кто его знает. Но если забрать девушку с собой – а теперь ее оставлять нельзя ни в коем случае – то Клевахин был уверен, что живыми они до города не доберутся.

– Бабушка! – позвал он хозяйку дома. – Идите сюда.

На удивление, глуховатая старушка сразу откликнулась на его зов; похоже, она наблюдала исподтишка за входной дверью.

– Ага, – сказала она, кивнув, и, не выпрямляя натруженной спины, направилась к крыльцу.

Они вошли в дом и Клевахин опять запер дверь – но так, чтобы не видела старуха.

– Ну как? – спросил возбужденный Тюлькин.

– Нормально, – буркнул майор. – Прорвемся...

Сказал и подумал: "Похоже, что на тот свет..." Он понимал, что против "джипа" их горбатый

ветеран имел нулевые шансы. Так же, как и он с Тюлькиным по сравнению с "пастухами": два "макарова" оперов против минимум четырех стволов, среди которых могло быть и кое-что покрупнее, чем пистолеты, не располагали к оптимизму.

Звякнуть в управление? Благо сотовый телефон, подарок Балагулы, в кармане. Пока соберутся, пока доедут – в случае наличия бензина – то к тому времени может рак свиснуть. Но если "пастухи" уже поняли, что их заметили, то трудно сказать на сколько им хватит выдержки топтаться на морозе и пассивно ждать развития событий. Кроме того, этим звонком Клевахин благополучно разрушал здание, которое сам же и построил.

"Засветка" собранных материалов в таком случае была обеспечена, а это могло значить лишь отсрочку "оргвыводов" противной стороны.

А что если?.. Нельзя! Почему? У чекиста – читай, мента – должны быть чистые руки... Папаша Дзержинский.

Классика. Чистые руки? Никаких проблем – они такими и останутся...

Клевахин вышел на кухню, чтобы его не слышал Тюлькин, и набрал закодированный номер:

– Алло! – солидно пробасил он в микрофон.

– Кто звонит? – услышал Тюлькин недовольный голос Балагулы.

– Знакомый, – криво ухмыльнувшись, ответил майор.

– Неужто?.. – начал было обрадованный Балагула, но тут же зажевал остальные слова – вдруг все-таки, несмотря на гарантии связистов, канал прослушивается. – Что-то случилось? – спросил он деловито.

– Еще как случилось. Загостился я тут у "пахарей"...

– Понял. Адрес?..

Майор наплел черт знает что – опять-таки на всякий случай – но бывший опер сразу выловил из словесного потока необходимые координаты, что и подтвердил так же иносказательно.

– Конец связи, – сказал Балагула. – Будем через полчаса. Продержитесь?

– Да уж постараемся...

Оставалось только ждать. Клевахин проверил пистолет и возвратился к остальным затворникам.

День потихоньку клонился к вечеру.

Глава 19. След

Одеяло было мокрым от пота, а подушка превратилась в дурно пахнущий влажный блин. Почти всю ночь Базуля трясло, как эпилептика, и лишь к утру нервный криз пошел на убыль. С таким состоянием старый вор был хорошо знаком еще со времен своих многочисленных отсидок по тюрьмам и лагерям, а потому врача звать не стал, лишь выпил горячего молока с медом и таблетку импортного аспирина. Он знал, что никакие доктора и лекарства не избавят его от сидевшего внутри беса, который крутил свою адскую динамо-машину невзирая на

время года и количества денег в кармане. К старости Базуль начал понимать, что нельзя быть постоянно в состоянии сжатой пружины, когда-нибудь все равно последует надлом, но его нынешний статус вовсе не предполагал полную безмятежность, хотя возможностей для приятного времяпровождения у него вполне хватало.

С головы не уходила страшная картина побоища, сотворенного неизвестной тварью в его собачьем питомнике. Когда он пришел в сознание и, собрав охранников и вызвав Балагулу, начал проводить расследование случившегося, первое, что ему пришло на ум, был вопрос: каким образом зверь открыл запертые на засовы вольеры? То, что он не оставил следов, объяснить, пусть с натяжкой, можно было – ночью шел снег. Но опять-таки, прошла всего лишь пороша, и полностью загладить снежный покров она, конечно же, не могла. И тем не менее, территория владений Базуля была девственно нетронута и ни единое углубление, бороздка или холмик не напоминали о ночных событиях.

Мистика? Нечистая сила? Когда заикнулись о потустороннем, Балагула промолчал, но скептически хмыкнул. И Базуль был с ним согласен – он тоже не верил ни в черта, ни в Бога, хотя, повинувшись современной моде на показушную набожность, которой грешили все большие и малые шишки от бизнеса и политики начиная с "челнока" и кончая президентом, храм иногда посещал и денег на церковные нужды не жалел.

Тогда что это? Балагула подозревал, что нападение на вольер – отлично спланированная операция "третьей" силы. Если это так, то нужно отдать должное его таинственным противникам – удар был нанесен в самое больное место старого вора "в законе". Деньги – всего-навсего тлен, бумажки, пусть и нужные, но бездушные и жестокие в своей свободе выбирать хозяина. А вот собаки – совсем другое дело, пусть их и натаскивали на роль убийц. Любовь к друзьям человека у Базуля сохранилась с детства, когда он, голопузый, гонял наперегонки с соседским Шариком. Она не поколебалась даже тогда, когда во время побегов из зоны его преследовала охрана с ищейками.

Пожар в казино Арутюняна тоже не случайность. Расследование дало четкое и недвусмысленное заключение – поджог. Но про то ладно – начинка игорного зала уже себя давно окупила. Месяц на ремонтновосстановительные работы, еще сколько же – чтобы заказать и смонтировать новое оборудование, и денежный ручей снова потечет в его хранилище. А вот касаясь сейфа... Суперсовременную бандуру вскрыли настолько мастерски – швейцарскую, патентованную! – что его старые приятели-"медвежатники", которых Базуль экстренно пригласил со всех концов бывшего Союза в качестве экспертов, только руками развели. Все в один голос заявили, что на такой финт был способен лишь один-единственный человек – асс-бобер[25] по кличке Гомон. Но он умер от старости пять лет назад и двое из приглашенных лично отдали последние почести коллеге по ремеслу. Поскольку с того света еще никто не возвращался, то вариантов было всего два (если исключить сговор пройдохи Гарика с бухгалтером – они могли открыть сейф только вместе, пользуясь специальными ключами, не имеющими аналогов): или на воровском горизонте появился новый спец экстракласса, или... Вторая версия вводила в такой мистический мрак, что ее побоялись рассматривать – как ни странно, почти все старые урки оказались суеверными...

Балагула явился лишь к вечеру. Базулю очень хотелось с кем-нибудь побеседовать, чтобы отвести душу, но Шатоха на роль кореша явно не тянул, а отрывать своего помощника от текущих дел для слюнявого трепя "положенец" просто не имел права. Потому когда квадратная башка бывшего опера нарисовалась в дверном проеме, старый вор почувствовал что-то наподобие радостного возбуждения – будто он был в зоне и ему вручили справку об освобождении.

– Ну, как там Чингиз? – спросил Базуль.

– Мне кажется, он растерян.

– Даже так? – почему-то удивился "положенец".

– Наши люди, которых мы к нему внедрили, докладывают, что Чингиз лег на дно и почти каждый день проводит совещания со своими бригадами. Но внешней активности не проявляет.

– Боится, козел... – с мстительной радостью сказал Базуль.

– На него это не похоже. Чингиз отнюдь не трус. Скорее всего, он хочет разобраться в ситуации.

– Или готовит достойный ответ на наш наезд. Мне Шатоха докладывал, что твои парни славно поработали...

– Неплохо, – угрюмо кивнул Балагула. – Магазин одежды выгорел дотла, вместе со складскими подсобками, а пожар в гастрономе потушили, но пожарники там сделали болото, так что весь товар можно выбросить на помойку. Убытки колоссальные.

– За что боролись, на то и напоролись, – злобно покривился вор "в законе". – И пусть только Чингиз попробует еще раз высунуться. Мы его обложим и затравим, как волка.

– Я не думаю, что Чингиз виноват в событиях, что произошли в казино... – после некоторого колебания сказал Балагула.

Он ожидал, что Базуль взорвется и начнет, как обычно, метать громы и молнии на всех и вся. На его удивление, "положенец" отреагировал совершенно спокойно. Мало того – он задумчиво покивал, будто соглашаясь со своим помощником.

– Может быть... – произнес старый вор каким-то неестественно напряженным голосом. – По крайней мере, спецов, способных так лихо взять сейф, у него нет. Это факт. Я не знаю, что и думать...

– Не нужно было трогать его магазины...

– Ни хрена подобного! – взвился, как ужаленный, Базуль. – Каждый в этом городе должен знать свое место.

Да Чингизу за то, что он понты бил по поводу Кургузого рынка, голову оторвать нужно. Сявка, мать твою!..

Балагула понял: босс просто не хочет признавать свою ошибку – что он погорячился в выводах по поводу казино и наломал кучу дров. Помощник Базуля и сам поступил бы так же – авторитет зарабатывается годами, а потерять его можно из-за пустяка.

– У нас пока все спокойно? – спросил, остывая, "положенец".

– Так, мелочи... Несколько фирмачей не показали всю выручку, пришлось применить штрафные санкции...

– Замесили? – бесцеремонно перебил своего помощника Базуль.

– Извините, Федор Лукич, но я полагал, что в данном случае физическое воздействие на пользу не пойдет.

– Что-то в последнее время ты стал уж больно добрым, – в голосе старого вора звучал острый сарказм.

– Не в этом дело. В свете последних событий (у меня такое впечатление) город просто наэлектризован. Все чего-то ждут и боятся. Некоторые свернули свою деловую активность почти до нуля. Мы уже потеряли несколько "хлебных" точек из-за того, что их владельцы признали себя банкротами. Я провел по ним выборочную проверку и оказалось, что они могли преспокойно работать и дальше. Но – закрылись.

Некоторые повесили на торговые точки замки, а кое-кто выставил магазины и киоски на продажу. Вывод напрашивается один: они уводят капиталы из-под нашей опеки. И помешать этому процессу мы не в состоянии. Потому я решил проявить либерализм и особо не обострять ситуацию. Прикинулся лохом, который верит басням про досадные ошибки в отчетности. Мы разошлись достаточно мирно, почти по дружески.

– Разводишь тут дипломатию... – покривился Базуль. – Благодаря тебе, они нам скоро на шею сядут.

Положено – плати. Я так понимаю процесс. И всякие там отговорки – не более, чем пустой звук. Еще года два-три назад таких борзых мы брали за жабры и на цугундер. И толку было гораздо больше, чем сейчас... с твоими гнилыми интеллигентскими замашками.

– Ситуация меняется с каждым днем, Федор Лукич. Многие из наших подопечных заматерели, навели соответствующие мосты на Запад, и платят нам больше по инерции, нежели из-за боязни. Прижми их посильней – и только пыль столбом увидишь. Рванут за бугор, к своим капиталам, а мы будем лишь локти кусать. У нас нынче и так перебор с кадрами, платим парням вполовину меньше, чем совсем недавно.

Смешно, но факт – около полусотни городских "быков" мыкаются в поисках работы. Им все равно под чье крыло идти, лишь бы бабки платили.

– То не наши проблемы.

– Не скажите. К себе взять их мы не можем по финансовым соображениям. И под контролем держать тоже не в состоянии. Потому можно только гадать, к кому они примкнут. Ладно, к Чингизу, хотя я очень в этом сомневаюсь – у него такие же проблемы, как и у нас. А если к таинственной "третьей" силе? Полсотни хорошо натасканных бойцов – серьезный аргумент в предстоящих разборках.

– Эти бугры в столице совсем оборзели! – взвился, как ужаленный, Базуль. – Все свою политику мусолят, как импотент целку. А народ уже зубы на полку положил, копейки за душой нету лишней. Докатились, бля!

Никакой жизни...

Балагула едва не заржал в полный голос. Это же нужно – старый вор и бандит ратует за обнищавший народ!

Однако, смех смехом, но оборот их торговых точек за последний год уменьшился почти наполовину, а значит и доходы резко упали. Хорошо, пока выручает продажа нефти и леса в капстраны, которую наладил еще предшественник Балагулы, которого достали даже за рубежом, на Кипре – утопили в ванной отеля. Но как будет дальше, не знал никто. Стоит только поменяться власти – и дело труба. Все хотят есть белый хлеб с маслом и паюсной икрой. И если нынешние паханы от большой политики уже затарились долларами по самое некуда, то будущие "радетели" за процветающую и богатую отчизну сядут за державный руль в рваных портках и с ртами как у щелкунчика. Чтобы их накормить, не хватит никакой казны. То-то будет "веселье"...

– Федор Лукич, мне кажется у нас что-то проклевывается по части "третьей" силы...

– Ну!? – Базуль даже подскочил в кресле от такой новости.

– Вы уже знаете, что я наладил отношения со Штымпом...

– Легавый пес... – Старый вор не выдержал, чтобы не прокомментировать слова Балагулы.

– Породистый пес, доложу я вам. С ним, конечно, нужно ухо держать востро, но свое дело он знает туго. Я пока не имею представления, что за игру затеял Штымп, однако, похоже, в него кое-кто вцепился мертвой хваткой.

– Ну и хрен с ним! – снова брякнул Базуль, ненавидевший Клевахина больше, чем кого-либо.

– И то... – согласился для виду Балагула, чтобы не сыпать перцу на старые раны пахана. – Так вот, сегодня после обеда он позвонил мне и попросил о помощи. Судя по его тону, я понял, что ситуация серьезная.

Потому я быстро собрал парней и на двух машинах выехал в поселок Красный Пахарь, где Штымпа заперли в мышеловке...

– Кто? – быстро спросил Базуль.

– Извините, я буду по порядку... – Балагула недовольно нахмурился. – К дому, где отсиживался Штымп, я подъехал один. Вторую машину я на всякий случай оставил за кадром – чтобы не светить все свои силы. И оказался прав. Неподалеку от дома стоял "джип" с неизвестными мне парнями и, как сообщил по телефону Штымп, еще двое со стволами отиралась на задах. Мы не стали ввязываться в драку, лишь прикрыли Штымпа, пока он не отчалил на своей тачке, старом "запорожце", восвояси.

– Один? – спросил Базуль.

– Нет. С ним был старлей Тюлькин из "убойного" отдела и еще кто-то. Я даже не понял, мужчина это или женщина. Оно, скажем так, было укутано в одеяло с ног до головы. Лица я не видел.

– Хитер, блин...

– Да уж, этого у Штымпа не отнимешь. Короче говоря, он по-быстрому свалил, а мы отсекли его "запор" от "джипа", который попытался нас обогнать. Возможно, у парней, которые сидели в этой тачке, и были намерения прощупать нас огоньком на окраине Чулимихи, но я велел своим ребятам продемонстрировать автомат и они тут же отстали.

– И это все? – Глаза Базуля превратились в узенькие щелки и жалили, словно осы.

– Обижаете, Федор Лукич... – снисходительно осклабился Балагула. – Я приказал второй машине упасть на хвост "джипа" и вести его незаметно до самой конюшни.

– Ну и?..

– Нормалек. Парни провернули работенку на "отлично". Хмыри в "джипе" свернули на другую дорогу и напрямик направились – куда бы вы думали? – к особняку бывшего мэра Смидовича.

– Интересно... – Базуль расслабился и откинулся на спинку кресла. – Кто там сейчас обитает?

– Некий Джангиров.

– Какие-либо сведения о нем у нас имеются?

– Весьма скудные. Я знаю лишь то, что он водил компанию с покойным Кирюхиным.

– И это все?

– Как сказать... Помаленьку занимается бизнесом – торговля недвижимостью, посредничество, юридические услуги. Навару почти никакого. Так, мелочь...

– А на какие шиши Джангиров купил особняк? Он тянет по меньшей мере лимона на полтора "зеленью".

– Если не больше, – согласился Балагула. – Откуда у Джангирова такие бабки – это вопрос. К сожалению, в свое время мы не поинтересовались, что за птица пожаловала к нам в город. Насколько я знаю, его прикрывал кто-то сверху, возможно даже со столицы. Потому мы решили до поры до времени оставить Джангирова в покое. Тем более, что он находится не на нашей территории.

– Территория... – недовольно буркнул Базуль. – Давно нужно было покончить с анархией в городе. Развелось тут разной шушеры – пруд пруди. А все из-за твоей примиренческой позиции. Крови испугался? Плевать!

Нужно всего лишь раз сделать обстоятельную прополку – и потом трава не расти. Бугров умять, а отморозков к ногтю, чтобы общей картины не портили. Если, конечно, они на рожон попрут.

– В свое время я предлагал объединение. Вы не дали добро.

– Слушай, кончай бакланить! Ты хотел создать что-то вроде союза, а я не согласился. Мне только и не хватало, чтобы я сидел на одной скамейке с такими, как Чингиз, и кивал, соглашаясь на уступки.

Парламент, мать твою... В городе нужна твердая власть, и ее может обеспечить лишь сильная рука. Одна рука и голова, а не целый колхоз. Мы сожрали бы друг друга ровно через полгода. Я придерживаюсь другого мнения: или все, или ничего. В шестерках никогда ни у кого не ходил и не буду ходить.

– Может, вы и правы... – миролюбиво согласился Балагула.

– Трижды прав! И подтверждением служит этот Джангиров. Будь все по-моему, он уже давно сидел бы на крючке и не трепыхался. А так мы не только не знаем какое у него истинное положение в делах, но и вообще что он за фрукт и чем дышит.

– Теперь узнаем, – с угрозой сказал Балагула. – Мы его наизнанку вывернем. В особенности если он начал мутить воду под знаменем "третьей" силы.

– А может он и есть эта самая сила?

– Дайте мне неделю, и я отвечу на все интересующие нас вопросы.

– Заметано. А что там базлает Штымп?

– К сожалению, сегодня я так и не смог с ним поговорить. Он просто исчез. Ни дома, ни на работе его нет, на телефонные звонки по сотовому он не отвечает.

– Странно... – пробормотал в задумчивости Базуль. – Но, насколько мне помнится, твоя машина шла за его "запорожцем"?

– Каюсь, этот старый лис обвел меня вокруг пальца. Он заехал на территорию, где

базируется ОМОН, и мне ничего иного не осталось, как ожидать Штымпа снаружи. Однако я так и не дождался. Предполагаю, что он каким-то образом смылся оттуда. Возможно, выехал на служебном микроавтобусе вместе с ментами.

– А у тебя, конечно не хватило масла в мозгах, чтобы догадаться, что у него на уме, и отследить маршрут передвижения телеги с омовцами?

– Так ведь они постоянно снуют туда-сюда. Как узнать, в какой он машине? Спросить у ментов?

– Ну ладно, ладно, не заводись... Никуда Штымп не денется, припрыгает к нам, козел, как миленький. Если его пасут такие серьезные хмыри со стволами, то у него только два пути: к нашей кормушке или на небо.

Пусть выбирает, мент поганый. Ох и повеселюсь я...

Балагула благоразумно промолчал. Он знал Штымпа не хуже, чем пахан, а потому очень сомневался, что майор пойдет у вора "в законе" на поводу. Не тот товар.

– Когда побазлаешь с ним, доложишь немедленно. Мне не хочется, чтобы эта "третья" сила отправила Штымпа вперед ногами раньше, чем он вычислит неизвестного снайпера и поможет нам – вольно или невольно – разобраться в ситуации, сложившейся в городе. Интересно, кого он прятал под одеялом?

– Я бы тоже хотел это знать.

– Вот и узнай. Наколешь Штымпа для нашей коллекции как бабочку – "капусты" у тебя будет валом.

– Столько, как я получил в качестве премиальных после "стрелки"? – не удержался Балагула, чтобы не напомнить Базулю про его "щедрость".

– Ты еще будешь плакаться! – отрезал Базуль. – Твой навар исчисляется пятизначными числами. Я получаю всего лишь в два раза больше, чем ты.

Как же, подумал Балагула, в два раза... Неплохо бы узнать, Федор Лукич, какие бабки Шатоха проводит мимо общей корзины и отправляет за рубеж на твои счета. Ничего, придет время – и все тайное станет явным. Вот тогда мы и побазарим на предмет заработка и о прочих, очень интересных, вещах...

Подумал, но на его лице даже мускул не шевельнулся. Балагула никогда не отличался повышенной эмоциональностью, а после работы в милиции, где многие стремились въехать на шею товарища в рай, именуемый благосклонностью начальства и быстрым продвижением по служебной лестнице, он вообще надел на себя каменную маску абсолютной невозмутимости.

– Как насчет перекусить? – сменил Базуль гнев на милость.

– Не откажусь. Я голоден, как волк.

– Вот и ладушки... – Базуль включил селекторную связь с кухней: – Давайте ужин. На двоих... Нет, не в банкетном. Пусть накроют стол в кабинете. Здесь уютней...

Трапезничали при свечах – так пожелал неизвестно от чего разомлевший пахан. Балагула смотрел на огонь в камине и ловил себя на мысли, что вдруг начал впадать в детство. В свое время, когда его буйный папаша измывался над матерью, юный Никита мечтал превратиться в мышонка и, забравшись в норку, жить там в тепле и спокойствии, грызя загодя запасенные

зернышка. И сейчас, сидя в шикарном кресле, за высоким забором и под надежной охраной, ему до душевной боли почему-то захотелось стать маленькой зверюшкой, чтобы переждать грядущие потрясения в какой-нибудь тайной подземной обители, откуда его не могли бы выкопать даже экскаватором.

Глава 20. Грей

Неделя тренировок перед предстоящим боем Грея на собачьем ринге вымотала Егора Павловича вконец. Он даже не мог себе представить с какими сложностями ему придется встретиться. Чего стоили, например, одни кроссы для укрепления физической выносливости. В тайге Грей всегда был в отменной форме, так как гулял практически с утра до вечера. Но по приезду в город пес большей частью отсиживался в четырех стенах, и постепенно начал обрастать жирком, хотя старик, понимающий толк в собаках, держал его впроголодь.

Для того, чтобы заставить Грея бежать без остановки два-три часа, Егору Павловичу пришлось вспомнить молодость и сесть на лошадь. Это мог сделать и любой из четырех тренеров, помощников Чижеватова, но Грей признавал лишь команды своего хозяина, а потому старик, ворча и охая, тряся на спине здоровенного норовистого одра, как мешок с костями, два раза в день – утром и вечером. Конечно, на кордоне у него был конь, но Егор Павлович больше любил ходить пешком, а если и садился в седло, то предпочитал объезжать свое таежное хозяйство ступой, лишь изредка позволяя Воронку переходить на рысь.

Грей тоже уставал, но Чижеватов нагрузки не снижал. Перед тем, как приступить к тренировкам, пса обследовали ветеринары, и старик только удивлялся, глядя на специальный диагностический кабинет, где различной современной аппаратуры было больше, чем в первоклассной поликлинике. Все тесты Грей сдал на "отлично", и Михаил Венедиктович решил его не щадить – несмотря на вынужденное городское безделье, пес пребывал в хорошей форме. Правда, Чижеватов высказал сомнение в целесообразности длительных тренировок по бегу – обычно перед соревнованиями боевым собакам устраивали пробежки в пределах часа – но вскоре изменил свое мнение: Грею такие прогулки нравились и доставляли радость.

После казалось бы изнурительного кросса по пересеченной местности пес даже не ложился отдохнуть, а резвился, словно щенок. Тренеры только головами качали в восхищении, когда им показывали распечатки диаграмм, показывающих пульс и кровяное давление; Грей лишь здорово потел поначалу, но ему каждый вечер делали массаж и купали в кипяченой воде с добавкой соды.

Были и проблемы, особенно когда Грею для усиления злобности и агрессивности устроили травлю на привязи. Для этого его и молодого, но уже бывалого пит-буля, посадили на цепь внутри собачьего ринга в метре друг от друга. Вместо того, чтобы рычать от ярости и кидаться на предполагаемого противника, Грей молча и с явным неодобрением смотрел на беснующегося сородича, будто хотел сказать: и чего это ты, дурашка, икру мечешь зря? разве тебе не понятно, что наши хозяева шутят? посмотри здраво – цепь-то коротка.

Пришлось по настоянию Чижеватова вмешаться Егору Павловичу. Старик только покачал с осуждением головой и тихо скомандовал: "Взять!" О том, что случилось в дальнейшем, тренеры судачили целый день. Грея после команды будто током ударило; могучим рывком он порвал свою привязь и обрушился на пит-буля как разящая черная молния. Не вмешайся старик, молодой пес был бы разорван на куски. После первого неудачного опыта травлю прекратили. Как сказал огорченный ранениями пит-буля Чижеватов, у Грея злобы хватит на

двоих, а потому уж лучше пусть он ее прибережет к поединку.

Теперь Грея и кормили не так, как это делал старик. Псу давали только сырое свежее мясо с добавками отрубей и яиц, а также кровь. Грей блаженствовал – новый рацион напоминал ему прежнюю таежную жизнь – чего нельзя было сказать о Егоре Павловиче: на такое питание никаких денег не хватит. Хорошо, что пока еду оплачивал Чижеватов, а как будет, когда все вернется на круги своя? Старик потратил немало времени и сил, чтобы приучить Грея к "городской" пище и при этом не дать ему захиреть. И вот теперь, похоже, все придется начинать сначала, так как Егор Павлович не собирался в дальнейшем выставлять своего друга на ринг.

Но Михаил Венедиктович на возражения старика по поводу чересчур шикарного стола для Грея ответил коротко: так надо. И пояснил, что, во-первых, псу нельзя превышать допустимый вес, потому как на ринге существуют весовые категории, а во-вторых, такая пища убережет волкодава во время боя от обезвоживания организма. Пришлось Егору Павловичу с такими доводами смириться, хотя он и ворчал про себя, когда видел какие куски парного мяса уминает Грей.

Однако самая главная загвоздка заключалась в другом. В пятницу, где-то в середине дня, к Егору Павловичу подошел несколько озабоченный Чижеватов. Старик в это время тренировал Грея на развитие глубины хватки. Для этого тренеры подвесили на веревке автомобильную шину без металлокорда, куда запихнули свежую собачью шкуру, и пес, повинаясь команде, в прыжке доставал большое кольцо и в подвешенном состоянии с остервенением грыз упругую резину.

– Замечательно! – не скрывая восхищения, сказал Михаил Венедиктович, рассматривая разодранную шину. – Такое впечатление, что у Грея стальные клыки.

– Стараемся... – сумрачно ответил Егор Павлович, которому уже начали надоедать бессмысленные, как на него, упражнения; он лучше, чем тренеры, знал, на что способен пес, способный в одиночку остановить медведя.

– У нас есть одно слабое место, – сказал без обиняков Чижеватов. – Грей уже заявлен, необходимые формальности соблюдены, так что в этом вопросе все в порядке. Но поскольку он "темная лошадка", своего рода сюрприз для публики, организаторы боя и судьи решили не открывать до последнего имя соперника Грея.

Это чтобы сделать интригу еще привлекательней. И они уже добились своего: цены за место на трибунах выросли вдвое против прежних, а лишний билет днем с огнем не найти.

– Какая разница с кем будет драться Грей? – пожал плечами старик.

– Вы так уверены в нем? – не без задней мысли поинтересовался Михаил Венедиктович.

– Отнюдь, – признался Егор Павлович. – Но, как вам известно, выбор у меня скромный. Вернее, его вообще нету. Или пан, или пропал. Вот и вся моя нынешняя философия.

– Надо признать, что вы правы. Действительно, мы идем на большой риск. Надеюсь, Грей не подведет.

Впрочем, будь это не так, я бы, если честно, и гроша ломаного не вложил в предстоящий бой. Уж извините, Егор Павлович – бизнес...

– Понятно... – Старик тяжело вздохнул. – Мы с Греем постараемся оправдать ваше доверие...

– Так вот, в продолжение темы... – Чижеватов нахмурился. – С кобелем у Грея, по идее,

особых проблем не предвидится. По крайней мере, с ним он точно будет драться. А если на ринг выпустят суку?

– А разве они тоже участвуют в боях? – искренне удивился старик.

– И еще как. Нередко суки бывают более свирепыми, чем кобели. А по хитрости они всегда дают самцам фору. Опасные бойцы...

– Я вас понял. Вы боитесь, что Грей откажется от боя с сукой?

– Да. Такое может случиться. И тогда нам засчитают поражение. Со всеми вытекающими отсюда финансовыми последствиями.

– Но ведь это не по справедливости! Природа предназначила самца защищать свою подругу. И обычно кобель избегает стычек с сукой. Разве устроители собачьих боев про то не знают?

– Конечно, знают. В этом как раз и заключается вся соль. Настоящий, правильно тренированный, боевой пес не разбирает кто перед ним. Любая четвероногая особь, оказавшаяся в пределах ринга, для него враг.

– Это жестоко...

– Согласен. Но изменить ситуацию я не в силах. Правила позволяют выпускать на ринг разнополых бойцов.

– И что нам тогда делать?

– Грей должен преодолеть этот барьер, – не колеблясь, жестко отчеканил Чижеватов. – Сегодня, сейчас.

Завтра уже будет поздно – по графику у него отдых перед схваткой. Поймите, по-иному просто нельзя, – продолжил он, заметив на лице старика гримасу отвращения. – Бойцовая сука на ринге – отнюдь не безобидная слабосильная шавка. Это убийца, кровожадная стерва. Она перегрызет горло опешившему кобелю в один миг. Так что вам решать... если вы, конечно, сильно дорожите своим Греем...

– Решать? Разве у меня осталась такая возможность? – устало спросил – скорее, сам себя – старик. – Делайте, как знаете...

Стараясь не встречаться с ним взглядом, Михаил Венедиктович подозвал одного из тренеров и дал ему соответствующие распоряжения.

Спустя полчаса почти все сотрудники тренировочного центра боевых псов окружили собачий ринг, где в своем углу невозмутимо сидел Грей. Для спарринга ему нашли выбракованную суку по кличке Хильда, совершеннейшее чудовище, помесь дога с мастифом и еще неизвестно с каким представителем собачьих пород. Она уже давно миновала пик своей боевой молодости, однако все еще была сильна и вынослива. А многочисленные шрамы на теле Хильды подсказывали скептикам, не верящим в ее возможности, что уж чего-чего, но боевого опыта ей не занимать.

– Будем сажать Хильду на цепь? – спросил у Чижеватова тренер.

– Зачем? – недоуменно воззрился на него Михаил Венедиктович.

– Чтобы в случае чего оттащить Хильду в свой угол. Она может поранить Грея... и не только... А ему через день на ринг. Как бы не было хуже...

– Чушь! – фыркнул Чижеватов. – Хильда не станет сражаться на цепи. Она хитра, как сам дьявол. Разве вы этого не знали? А что касается Грея, то на нем ошейник с шипами. Любимая хватка Хильды – за горло – сегодня не пройдет. Так что не волнуйтесь... Но на всякий случай будьте наготове, – после некоторого раздумья добавил он, искоса посмотрев на бледного от волнения старика.

Хильда, едва ее поставили в противоположный от Грея угол ринга, тут же рванулась вперед, и два тренера приложили немало сил, чтобы до сигнала о начале боя удержать эту фурию на месте.

– Командуйте, – сказал взволнованный Чижеватов тренеру, выполняющему роль судьи или, по другому, корнера.

– Приготовиться! – тренер посмотрел на секундомер. – Пускай!

– Взять! – голос Егора Павловича предательски дрогнул.

Похоже, Грею показалось, что хозяин пошутил над ним или он ослышался. Пес повернул голову и с недоумением посмотрел на Егора Павловича, будто хотел сказать: "Разве ты не видишь кто передо мной?" Стоявший рядом со стариком Чижеватов не выдержал драматизма момента и прошипел сквозь стиснутые зубы площадную брань.

Тем временем обретшая свободу Хильда, свирепо рыча, в два прыжка преодолела расстояние, отделяющее ее от Грея, и попыталась сразу же зажать его в углу, чтобы лишить маневра. Старик уже знал, что правила боя гласят: если собака после сигнала не бросается в центр ринга, к диагональной разделительной полосе, для схватки с противником, то она считается побежденной. Правда, Чижеватов его несколько утешил, сообщив, что этот пункт своеобразного кодекса собачьих ристалищ соблюдается очень редко и то если существует предварительный уговор. И все же, пассивность Грея в предстоящем воскресном поединке могла стоить очень дорого – в прямом смысле – как Егору Павловичу, так и Михаилу Венедиктовичу, намеревающемуся поставить на Грея значительную сумму.

Хильда просчиталась, понадеявшись на внезапность нападения и немалый собственный вес. В последний момент Грей каким-то чудом извернулся и отскочил к центру ринга, всем своим видом демонстрируя суке миролюбие. Правда, ему немного досталось – Хильда все же успела цапнуть его за холку – но пес в своих таежных похождениях получал от волков куда более серьезные укусы, а потому он лишь оскалил клыки, будто предупреждая, что с ним шутки плохи.

Сука приготовилась повторить нападение, но тут прозвучала команда Чижеватова:

– Собак на место!

Тренеры быстро развели противников по углам; Хильда особо не сопротивлялась – привычка, а Грея пришлось старику успокаивать – он не переносил чужих рук и подчинялся тренерам с большой неохотой.

– Черт возьми! – вскричал Чижеватов. – Я знал, что так оно и будет!

– Плохо... – сокрушенно опустил голову старик. – Как теперь быть?

– Продолжим, – решительно сказал Михаил Венедиктович. – Только я вас прошу – добавьте в свой голос твердости и решительности. Собаки умны, они все понимают. А ваш Грей – тем более. Идет?

– Попробую...

– Отлично. Отсчет! Приготовились!..

На этот раз команду "Пускай!" дал сам Чижеватов. Старик, собравшись с духом, с таким злобным азартом крикнул "Взять!", что Грей даже вздрогнул. Теперь у пса уже не было сомнений – хозяин хочет, чтобы он сражался, притом не на жизнь, а насмерть. И когда руки тренера отпустили его ошейник, Грей рванулся навстречу яростной Хильде.

Сшибка вышла короткой и жестокой. Грей ударил более высокую Хильду в ноги, и бедная псина покатила по деревянному полу ринга с перегрызенной лапой. Она попыталась встать, ее неукротимый боевой дух жаждал достойного отмщения, но волкодав не оставил ей ни малейшего шанса: он сначала рванул ее за бок, опрокидывая на спину, а затем вцепился в нижнюю челюсть, так как и на Хильде был одет предохранительный ошейник.

Когда собак разняли и Егор Павлович закончил шептать Грею на ухо ласковые ободряющие слова благодарности и дал ему кусочек сахара – как награду, к нему подошел сияющий Чижеватов.

– Вот теперь я верю, что все у нас получится. Поздравляю, ваш Грей – это и впрямь не пес, а чудо дивное. Но его еще нужно сегодня потренировать на ринге – чтобы он вовремя оставлял свой угол. Кстати, почему вы командуете не "фас", а "взять"?

– Не знаю, – растерялся старик. – Так у нас было принято...

– Ладно, это не имеет значения. Иногда и городские собаководы меняют содержание команд – чтобы, так сказать, нехорошие люди, решившиеся напасть на хозяина, не могли сообразить после какого слова они получают от его пса достойный отпор. И чтобы собака была невосприимчива к чужому влиянию; не знаешь, как с нею войти в контакт – не подчинишь своей воле. Или на это потребуется слишком много времени.

– Я как-то над этим не задумывался.

– Я тоже, – широко улыбнулся Чижеватов. – У меня есть предложение вместе отобедать. А Грей пусть пока отдохнет. Ему сегодня пришлось нелегко. В моральном плане... – Он снова довольно хохотнул.

Стол был накрыт в отдельном кабинете столовой, предназначенной для обслуживающего персонала. Работа по тренингу собак продолжалась с утра до вечера, а перед соревнованиями и без выходных, потому сотрудники Чижеватова, чтобы не нажить сухомыткой неприятностей с желудком, получали полноценный обед с горячей пищей. Еда была непритязательной, в чем старик уже успел убедиться, но сытной и вкусной.

– Позвольте спросить, Егор Павлович, зачем вам нужны такие большие деньги? А то меня любопытство замучило, – широко улыбнулся хлебосольный хозяин, когда подали второе, отбивные с жареной картошкой.

– Если это, конечно, не большой секрет. Тогда я прошу меня извинить.

Как ни странно, но вопрос Чижеватова был очень кстати. Старик и сам несколько раз порывался проконсультироваться с кандидатом наук по поводу несчастья, обрушившегося на бедную Ирину Александровну, но все никак не мог осмелиться. За те часы, которые они провели вместе, тренируя Грея, Егор Павлович успел убедиться, что Чижеватов – человек без двойного дна. Была в нем какая-то чисто русская, ныне почти сказочная, доброта; конечно, с поправкой на его положение и реалии времени – слабый, безвольный человек не смог бы с успехом вести такой бизнес, как у бывшего научного работника. А Егор Павлович уже знал, что Чижеватов отнюдь не бедствует.

– Какой там секрет... – с горечью ответил старик. – Все гораздо проще...

И он рассказал. Правда, не касаясь глубоко своих отношений с Ириной Александровной.

– Велихов!? – удивился Чижеватов. – Я его лично знал. Мы несколько раз встречались. Я даже выступал в роли одного из спонсоров на праздновании его юбилея. Дай Бог памяти, когда это было?.. Впрочем, не суть важно. А вы не можете показать мне дубликат той расписки? Принесите ее завтра.

– Она у меня с собой. Вот... – Егор Павлович достал из нагрудного кармана мятый, сложенный вчетверо листок. – Я сделал ксерокопию.

– Ну те-с... – Чижеватов несколько раз внимательно перечитал текст расписки. – Лихо, – покачал он головой. – Значит, нотариус показывал вам книгу регистрации? Вот сукин сын... Все это липа, Егор Павлович.

– Почему вы так решили? – с надеждой спросил старик.

– Юридически расписка составлена просто безграмотно. Опытный адвокат растребушит ее в пух и прах – поверьте мне, я в таких делах собаку съел. И это если она подписана самим Велиховым. В чем я очень сомневаюсь.

– Значит, можно обратиться в суд?

– Извините за нескромность, но какое вы имеете отношение к Велиховым? – остро взглянул на старика Чижеватов.

Егор Павлович смутился и немного растерялся. А и впрямь – кто он Ирине Александровне? Друг?

Любовник? От этого слова старика покорибило. Но он ответил:

– Я не знаю, что вам сказать... В общем...

– Не продолжайте, – перебил его Чижеватов. – Мне все ясно. На вашем месте я поступил бы так же. Это благородно – заступиться за одинокую женщину. Но... – Он вдруг запнулся.

Старик вдруг почувствовал как тревожно сжалось сердце. Дурное предчувствие, которое он старательно прятал даже от себя где-то в тайниках души, неожиданно вырвалось на свободу и скользкой гадиной вползло в столовую.

– Понимаете, Егор Павлович, я подозреваю, что с этим делом не все так просто... – Чижеватов с трудом подбирал нужные слова. – Суд – это, конечно, хорошо... но, боюсь, толку с него будет мало...

– Но вы ведь говорили...

– Да, закон на стороне Велиховой. Однако, судебная тяжба, во-первых, влетит в немалую копеечку, во-вторых, будет продолжаться очень долго, а в-третьих, существует гипотетическая возможность и проиграть дело. Вы уже взрослый, бывалый человек, а потому я не открою вам большую тайну, если скажу, что исход судебного разбирательства в нашей стране зависит еще и от суммы взятки. И в этом вопросе вы своим противникам не конкурент. Я знаю, кто стоит за фирмой "Джелико"...

– Значит, выхода нет?

– Почему нет? Вы его уже нашли. Нужно заплатить – и проблема будет решена...

Однако в голосе Чижеватова старик почему-то не услышал уверенности. Кандидат наук с виноватым видом поторопился налить себе бокал сухого вина и медленно, вразяжку, выпил, избегая смотреть на собеседника.

– Вы о чем-то умалчиваете. – Егор Павлович решил выяснить недоговоренное Чижеватовым до конца, хотя чувствовал, что правда может принести ему новые тревоги и волнения.

– Мне очень не хочется вас огорчать... – Кандидат наук покривился, будто вино оказалось прокисшим. – Но я думаю, что распиской дело не закончится. Я так понимаю, кто-то из наших городских воротил положил глаз на квартиру Велихова. Судя по "артподготовке", вы сцепились с весьма серьезными людьми. И как закончится ваше сражение, я судить не берусь. Но думаю, что ничем хорошим. Извините, я вас расстроил.

Но я обязан был сказать вам голую правду.

– Значит, никакой надежды?..

– Дай Бог, чтобы я ошибся! Ничего иного сейчас не хочу себе желать. Возможно, я сгустил краски и все не так мрачно. По натуре я перестраховщик – жизнь в бизнесе заставила. Так что будем надеяться и зарабатывать деньги...

Егор Павлович заставил себя улыбнуться. Но в душе у него все перевернулось. Ему вдруг захотелось немедленно бежать к Ирине Александровне, которая уже выписалась из больницы, чтобы просто увидеть актрису и посидеть у ее изголовья – она большей частью лежала в постели, предаваясь горестным размышлениям. Женщина оживлялась лишь тогда, когда приходил старик. И все равно во всем облике Ирины Александровны просматривалась какая-то обреченность, хотя она и пыталась довольно успешно скрывать свое истинное состояние под маской несколько лихорадочного веселья – чтобы еще больше не огорчать Егора Павловича.

Старик тяжело вздохнул и посмотрел в окно, где виднелись верхушки сосен. Эх, в тайгу бы сейчас, подумал Егор Павлович. Окунуться с головой в не оскверненный человеческим присутствием мир дикой природы, забыть о всех этих Подковах, долговых расписках, фирмачах, "Джелико", собачьем ринге...

За окном послышался лай и свирепое рычание: обед закончился, и тренеры-кинологи снова занялись привычным делом – натаскиванием псов-убийц.

Отступление 6. Зона Сиблага, 1960 год Егор встретил первую группу поисковиков возле того самого дерева, на котором беглые зэки распяли кошку жены Кривенцова. Егерь взял с собой четверых самых надежных псов: Уголька, Рекса, Полкана и их мамашу Неру. Все они обладали главным достоинством в предстоящей охоте на человека – великолепным верховым чутьем, обычно в большей мере присущим русско-европейской лайке, нежели волкодавам, в том числе и потомкам легендарной полукровки Найды. Брать большее количество собак не имело практического смысла, потому как в таком случае они были плохо управляемы и для них требовалось много корма.

Охотиться Егор не мог – чтобы не раскрыть прежде времени местонахождение погони, а таскать на закорках рюкзак с вяленным мясом для своих ищеек по нехоженой тайге – себе дороже.

Командир группы, капитан Блинков, матерился так, что от него шарахались даже овчарки. Бойцы охраны бестолково суетились, пытаясь найти хотя бы маленький следок беглых зэков, но, напуганные взбесившимся помощником начальника зоны, не замечали даже очевидное. Впрочем, настоящих таежных следопытов среди них не было, за исключением потомственного сибиряка старшины Панышина. Однако и тот оказался в затруднительном

положении: злополучная сосна высилась на каменистом пригорке, от которого осьминожьими щупальцами отходили голые скалистые гребни; они тянулись по пологому склону до самого дна распадка, где журчал мелкий, но широкий ручей.

– Я вас!.. И вашу маму!.. – орал насквозь пропотевший Блинков. – Кого прислали, Егор!? – спрашивал он егеря уничижающим тоном, тыкая пальцем в сторону солдат. – Салабоны, интеллигенты хреновы! Вот пожрать – тут они сильны. В наше время таких к зоне не подпустили бы и на пушечный выстрел. Бля...

Егерь пропустил жалобные стенания капитана мимо ушей. В другой обстановке он, конечно, мог бы сказать Блинкову пару "теплых" слов, напомнив ему, что в тайге помощник начальника зоны и сам без году неделя.

А также освежить память капитана некоторыми моментами из его первых поисковых вылазок в тайгу под началом Егора. Но, зная склочный и злопамятный характер Блинкова и понимая, что время играет на руку беглецам, он лишь неопределенно хмыкнул и подозвал Паньшина.

– Как сквозь землю провалились, – растерянно развел руками старшина. – Эти гады махры не жалели, весь склон осыпали.

– Ручей проверили? – спросил Егор.

– Мы отмахали по ручью вверх и вниз по три километра – глухо. Не берут псы след – и точка.

– Мне сказали, что эски захватили с собой веревки, взломав каптерку завхоза, – обратился Егор к Блинкову.

– Ну и что тут непонятного? Значит, у них маршрут нацелен на перевал. Там веревки в самый раз. Вот только с какой стороны они на него выйдут...

– Один из маршрутов... – Егерь через бинокль внимательно рассматривал противоположный склон распадка.

– Они разделились.

– Час от часу не легче... – И капитан снова выругался. – А ты откуда знаешь?

– Предполагаю, – не стал выкладывать ему свои умозаключения Егор. – Но для начала хочу сказать, что по воде, как обычно это делается, чтобы сбить с толку собак, беглые не пошли.

– Мы и сами видим, что они упорхнули, – со злой иронией перебил его капитан. – Я лично проверял противоположный берег ручья – и ни единого следа.

– Так не бывает. Плохо смотрели. Пойдемте... – И егерь стал спускаться по гребню в низину.

Он остановился лишь возле скрюченной сосны, дугой согнувшейся над темной водой ручья. Она каким-то чудом выросла среди голых камней, а потому уже с малого ростка тянулась к живительной влаге, которой так не хватало ее корням.

– Смотрите, – Егор указал на ствол сосны – туда, где она раздваивалась в большую рогульку. – След от веревки. А внизу осыпавшаяся сухая кора.

– И что это значит? – спросил озадаченный Блинков.

– Расскажи, Григорий Кузьмич, – обратился егерь к старшине, который в это время с виноватым видом стучал себя по голове кулаком и что-то бубнил под нос – похоже, ругался последними словами.

– Виноват, товарищ капитан, дал маху... – покаянно молвил Паньшин, жалобно сморщив свое веснушчатое лицо. – Беглецы ушли по деревьям. Они перебросили веревку через ручей – вон на ту расщепу, – старшина ткнул пальцем в сторону расколотого молнией дерева на противоположном берегу, – и преспокойно перенеслись по воздуху (благо в ту сторону идет уклон) на валун возле его подножья.

– Но это еще не все, – продолжил разъяснения Егор. – С валуна они перебрались на осыпь, а там найти следы и впрямь сложно, если не сказать невозможно.

– Однако, ты ведь их видишь. Или я не прав? – Блинков смотрел на егеря с сомнением.

– Конечно. Если хорошо присмотреться, то можно заметить более темную узкую полоску на осыпи. Она идет немного наискосок. Скорее всего, один из эзков забрался с веревочной бухтой наверх, а потом за ним поднялись и остальные. Из-за того, что они не ползли на четвереньках, как это обычно бывает при таких подъемах, а шагали, держась за веревку, камни осыпи остались на своих местах.

– Ну, бля, и хитровыдрюченный народец нам попался... – выругался Блинков. – Намаемся мы с ними.

– Чагирь. Это все его заморочки, – с ненавистью сказал Егор. – Хочу вам сказать, что сюрпризы только начинаются.

– Ничего, выдюжим. Мы тоже не пальцем деланные. Верно я говорю, ребята? – бодрым голом спросил капитан у бойцов.

– Так точно! – не очень стройно рявкнули солдаты, обрадованные изменением настроения начальника в лучшую сторону.

– Мы обойдем осыпь справа. Там есть удобная тропа. Я догадываюсь, куда они направились... – Егор посмотрел на Паньшина; тот кивнул, соглашаясь.

Старшина успокоился, и теперь в его желтоватых рысьих глазах остро посверкивал охотничий азарт.

– И куда? – спросил Блинков.

– К Белому озеру. Там есть заимка рыбхоза. Сейчас она, скорее всего, пустует, но в ней есть то, что очень нужно Чагирю – лодки.

– Твою дивизию... – капитан в отчаянии схватился за голову. – Если они пойдут сплавом, нам их никогда не догнать. Как найти, где эти ублюдки выйдут из озера? Чтобы обойти Белое, нам и двух суток не хватит. А за это время они будут за тридевять земель. Хотя... – Он поднял на егеря вспыхнувшие надеждой глаза. – Может, нам повезет...

– И мы тоже заимеем плавсредство, – продолжил его мысль Егор. – Я повторяю – это Чагирь. Ничего мы не найдем. Он готовился к побегу годы, а значит маршрут отработал до мелочей. Поэтому, не будем тратить время зря, пора на тропу. Скоро вечер...

К озеру они подошли уже в потемках. На небе выткался щербатый месяц, но даже при таком скудном освещении вода казалась молоком, налитым в огромную чащу со сколотыми краями. Такой эффект придавали окружавшие озеро обрывистые меловые холмы. Они размывались дождями и сползали в глубокую каменистую впадину, за многие столетия превратившуюся в чудо природы. Вода в озере была прозрачной, рыба в нем водилась самая разная, и когда заканчивался паводок, восхищенный наблюдатель или рыбак мог, как замороженный, часами рассматривать плавающую живность, которая казалась нарисованной серебряными фосфоресцирующими красками на удивительно белом холсте дна. Бывалые таежники

поговаривали, что в глубинах озера живут какие-то странные существа, с виду похожие на тайменя, но по ночам выползающие на берег – то ли травку пощипать, то ли поохотиться на мелких земных обитателей. Как бы там ни было, но Белое пользовалось репутацией нехорошего места и на нем рыбачили в основном хакасы-переселенцы, которые из-за нужды соглашались на любую работу.

Заимка представляла собой небольшую бревенчатую избу на сваях. Там же стоял длинный лабаз, крытый дранкой – весьма древнее сооружение, построенное в начале века без единого гвоздя. Остальную часть территории хозяйства занимали столбы с жердями для вяления рыбы. Под навесом были сложены прохудившиеся бочки для засолки, ломанные ящики и несколько тюков смолы. Неподалеку от лабаза, на открытом воздухе, стояла на камнях металлическая бадья, в которой разогревали вар для осмолки лодок.

– Ну? – коротко спросил раздосадованный капитан озабоченного Егора.

Пока солдаты готовили ужин из концентратов, егеря, старшина и Блинков осмотрели заимку и окрестности.

Как и предполагал Егор, от лодок остались лишь воспоминания.

– Две плоскодонки, – ответил он. – К воде их тащили волоком. Все это понятно и было ожидаемо. Худо другое – они забрали НЗ хакасов.

– Лови ветра в поле... – с досадой сплюнул Паньшин.

Блинков промолчал; он так за день умаялся, что у него даже язык не ворочался. Капитан, как и следопыты, знал, что на заимке хранились продукты, не подверженные порче: соль, чай, мука, засоленная в бочке рыба, а также спички и керосин для фонарей. Часть неприкосновенного запаса была закрыта в прочном, окованном металлическими полосами, деревянном ларе на замок – чтобы не добрались мыши и подлая зверюга россомаха, способная не столько сожрать, сколько перепортить. Теперь сбитый замок валялся на полу избы, а ларь стоял с широко разинутым пустым ртом. Беглые зэки добрались и до бочки: часть соленой рыбы они забрали – сколько могли унести, а остальную залили керосином – чтобы не дать возможности подкормиться погоне. Чагирь точно знал – за ним пойдет сам Сатана, а потому особо не обольщался на предмет того, что поисковые группы не выйдут на след беглецов.

– И куда теперь дальше? – спросил обмякший и разомлевший от еды Блинков, когда Паньшин расставил посты на ночь и присоединился к своему начальнику и Егору.

Тот в это время кипятил воду на чай: несмотря на усталость, у него сна не было ни в одном глазу.

Лихорадочное возбуждение, охватившее егеря еще в спецзоне, не отпускало следопыта ни на миг. В этот момент перед внутренним взором Егора стояла тайга – как бы с птичьего полета, и он мысленно тасовал варианты маршрутов, которые мог выбрать Чагирь; только он – другие беглые зэки егеря не интересовали.

– Посмотрим... – безразлично ответил он капитану, засыпая в солдатскую кружку столовую ложку заварки. – Вы ложитесь, до рассвета всего ничего...

Когда Блинкова разбудили, егеря уже кормил свою свору. Его псы, все как на подбор рослые, с широкими массивными челюстями и мощными мохнатыми лапами, жадно хватали испорченную беглыми рыбу. Егор, чтобы харч все-таки не пропал даром, хорошо ее отмыл, а затем, несколько раз меняя воду, сварил в большом котле, в котором хакасы готовили тузлук. [26] Лагерные овчарки, попробовав "деликатес", долго с негодованием отфыркивались и

жалобно скулили, и оживились лишь тогда, когда им бросили по несколько сухарей. Егерь не побоялся дать своим собакам этот весьма подозрительный корм лишь по той причине, что надеялся на их луженые желудки, способные переварить и не такое. Еще Егор знал, что хороший нюх им не понадобится по меньшей мере сутки: путь вокруг озера к намеченной им точке на противоположном берегу был как будто и не длинен – километров восемь-десять – но представлял собой беспорядочное нагромождение вымытых паводками со склонов камней и сваленных буреломами деревьев.

Можно было, конечно, обойти этот хаос стороной, взяв чуть выше, но Егор боялся, что хитроумный Чагирь тоже так подумает и пристанет к берегу неподалеку от заимки, чтобы по скальным возвышенностям, не хранящим следы, уйти вглубь тайги. Поэтому поисковая группа разделилась на четыре команды: две пошли в одну сторону вдоль берега, еще две – в другую; при этом три человека вместе с проводником и его ищейкой продвигались поверх меловых склонов – так посоветовал Егор, чтобы на всякий случай подстраховаться. Сам он шел вдоль берега, у самой воды, вместе с Блинковым; Панышин возглавил остальные две команды, направившиеся в противоположную сторону...

Как ни странно, но первой на след беглых эзков вышла команда, которая топала по возвышенностям. С высоты они заметили затопленные лодки, выглядевшие на светлом дне словно две огромные рыбины. Это был явный прокол Чагиря, не сообразившего, что в озере все-таки не белая непрозрачная взвесь, а кристально-чистая вода. По всему было видно, что эзки, высадившись на берег, тщательно маскировали следы, не подозревая о главной улике – лежавших на глубине плоскодонках, сводившей на нет все их усилия.

– Все-таки они идут на перевал! – радостно потирал руки Блинков. – Там открытая местность, и мы перещелкаем этих уродов, как куропаток.

– Чтобы их догнать, вам придется шагать большую часть ночи, – ответил капитану Егор. – И то если они устроят привал до утра.

– Нам? Разве мы не вместе идем? – забеспокоился Блинков.

– Мало того, вы еще и разделитесь на две команды.

– Почему? – удивился помощник начальника зоны.

Они стояли посредине высохшего озера, которое называлось Мара. Периодически – раз в четыре года – вода из него уходила в какие-то подземные пустоты, обнажая плоские сланцевые камни, сплошь устилавшие дно.

Спустя семь-восемь месяцев после этого события раздавался гул, от которого содрогалась земля на десять верст в округе, и в центральной части озера начинал бить огромный фонтан. Вода, прошедшая через какие-то дьявольские фильтры, обладала целебными свойствами. Озеро располагалось на стыке западного и северного кордонов заказника, потому Егору уже приходилось здесь бывать и он знал, что летом сюда приходили старые и больные животные, чтобы часок-другой поваляться возле берега в вязком иле, имеющем странный фиолетовый оттенок. Водилась в озере и рыба, хотя было совершенно непонятно, как она сюда попадала.

– Эзки разбились на три группы, – Егор посмотрел на старшину Панышина; тот хмуро кивнул, соглашаясь. – Вон там, на берегу, хорошо виден след среди ягодников – это первая. Метров на сорок правее, где засохшая грязь, прошла вторая группа. А вот третья... – Егерь быстро пошагал в направлении невысокой скалы, торчавшей, как гнилой зуб, среди молодой поросли, уже наступавшей на озеро. – Эти самые ушлые...

– Чагирь?.. – спросил уже уверенный в положительном ответе капитан.

– Больше никому. Его группа прошла по сланцевым плитам, чтобы не оставлять следов, а затем зэки забрались по уступам на скалу – видите, здесь сорван мох, а там, у верхушки, свежий скол. Затем они спустились вниз с обратной стороны и пошли по редколесью. Там почти нет травы и твердая почва.

– Проверим собаками? – Блинков хотел было отдать соответствующее распоряжение, но Егор остановил его.

– Нет смысла. Внимательно посмотрите под ноги.

– Махорка? Опять?! Они что, целый мешок махры с собой тащат?

– Надеюсь, это последняя порция. Теперь зэки пойдут очень быстро, а значит лишний груз им ни к чему.

– Значит, и нам нужно разделиться... – Блинков нахмурился. – Не нравится мне это.

– Я думаю, что теперь вам будет полегче. Чагирь наконец сбросил балласт.

– Балласт? – Капитан с недоумением воззрился на егеря. – Это как понимать?

– Очень просто. Чагирь отдает вам своих "барашков" на съедение. Те маршруты, по которым пошли две группы, достаточно легкие. Как для беглецов, так и для вас. С собаками вы их догоните примерно к завтрашнему полудню.

– А третья группа?

– Оставьте ее мне. Вам с ними не совладать. Разве вы еще не поняли, куда направляется Чагирь?

– Извините, но я как-то не уловил...

– Он идет на Громовик.

– Что-о?! Неужто Чагирь свихнулся? Громовик не каждый альпинист осилит, а беглая шантрапа – тем более.

– На это он и рассчитывает. Никто даже предположить не может, что Чагирь осмелится на подобный, с виду безумный, шаг. Но даже охотники-промысловики не знают, что на Громовик ведет баранья тропа. Она, конечно, не мед, но смелый человек вполне способен забраться по ней на вершину. А с обратной стороны Громовика длинный пологий склон, заканчивающийся, как вам известно, возле железнодорожной станции.

Вот и смекайте какая петрушка получается.

– Вот сволочь! – И Блинков отвел душу, вспомнив всех святых. – Чагирь не должен уйти!

– А он и не уйдет, – с отрешенным видом сказал Егор. – Вам следует поторопиться.

– Может, мы возьмем на себя группу Чагиря?

– Нет! Он мой. Мой! Уголек, Нера, ко мне! Я ухожу... – Егор созвал свою свору и, помахав на прощание Панышину, быстро начал подниматься по откосу на берег.

Перед ним стояла мрачная стена тайги с позолоченными солнцем зубцами – верхушками столетних сосен.

Она что-то нашептывала, и Егор слушал ее со странным чувством. Он наконец дождался

своего часа, но почему тогда так тревожно на душе?

Ответ можно было получить лишь на скалах Громовика, который выросал с каждым шагом егеря.

Уставшее за день солнце выкрасило плоскую спину хребта в оранжевый цвет, утопив подножье в серебристо-серую тень, и Егору казалось, что по голубому небу плывет огромная позолоченная ладья.

Глава 21. Кровавые знаки

Когда Клевахин проснулся, огонь в камине уже оставил после себя лишь горстку серого невесомого пепла и несколько тлеющих угольков. Несмотря на мороз за окном, в комнате было жарко. Майор спал на раскладушке, а на диване разметалась в крепком молодом сне Лизавета. Одеяло упало на пол, и Клевахину было видно оголенное бедро. Приятные округлости и молочно-белая упругая кожа девушки поразили холостяцкое воображение майора, и он даже задохнулся от горячей волны, ударившей в голову и опустившейся в чресла. Багровый от стыда, Клевахин поторопился встать и направился к умывальнику.

Они заночевали на даче приятеля, участкового Бочкина, хозяина "запорожца". Впрочем, таким громким и многозначительным словом крохотный домик назвать было трудно. Так же, как и пять соток твердокаменного глинозема – дачным участком. Это была типичная советская "фазенда", получившая свое громкое прозвище после бразильского телесериала "Рабыня Изаура". Невероятными ухищрениями Бочкин сначала выцарапал себе у горисполкома кусок бросовой земли, а затем поистине рабским трудом шесть лет по кирпичику строил избушку на курьих ножках и облагораживал свой земельный отвод. Теперь на участке рос молодой сад, кусты крыжовника и малина, а также хорошая закуска под стопарик: лук, чеснок, петрушка и прочие витаминные добавки к ныне оскудевшему столу простых обывателей.

Клевахин остановил свой выбор на дачном участке не наобум. Он понимал, что теперь охота на Елизавету пойдет по все правилам партизанской войны с засадами, выстрелами из-за угла и Штирлицами в тылу. То, о чем рассказала девушка, могло стать бомбой, и не простой, а, как для местного масштаба – атомной. Как ни слаба была центральная власть, но и она старалась очистить свои ряды от откровенно криминальных элементов. Не говоря уже о чиновниках разного ранга, замаравших себя связью с мафиозными формированиями. Документально доказанной связью – почти все власть имущие поднялись до своих высот вовсе не на благородных пищевых дрожжах, а на криминальном дерьме в позолоченной для народа обертке.

В последнее время со своих тронов сыпались, как горох, прокуроры, судьи, генералы, министры, премьеры и другая чешуя рангом пониже. Их отправляли на дачный покой с самыми разными формулировками: от "по состоянию здоровья" или "по собственному желанию" до "полного служебного несоответствия". Такой поворот в их карьере означал то, что значило для тельца отлучение от материнского вымени – потеря сладкой и безбедной кормушки. И потому Клевахин очень сомневался, что городские воротилы сложат оружие без боя и с повинной головой сдадутся на милость победителя.

Куда спрятать Лизавету? Этот вопрос маячил перед майором всю дорогу, пока они с Тюлькиным и девушкой отрывались под прикрытием "быков" Базуля от неизвестных преследователей. Теперь она и впрямь была "избранной" – так же, как и он со старлеем; их выбрали в качестве живой мишени...

Решение пришло уже в черте города. Заметив, что за ним идет, как привязанная на невидимом канате, машина Балагулы, он, не долго думая, направился на базу городского ОМОНа. Наказав Тюлькину подождать за забором, пока помощник "положенца" не уберется восвояси, а затем отогнать "запорожца" в гараж, Клевахин вместе с девушкой подсел в микроавтобус с выездной группой омовцев, который довез их до стоянки такси. Оттуда майор доехал до автобазы, расположенной на окраине города, где уговорил разбитного водилу грузового ЗИЛа подбросить его к дачам.

Он знал, что кому-кому, а Бочкину доверять можно. Тем более, что участковый понятия не имел о Джангирове и его компании. Кроме того, дачный поселок был очень удобным местом с точки зрения конспирации. Зимой там почти никто не появлялся, и только немногочисленные чудаки потихоньку коптели небо своими "буржуйками", охраняя погреба с запасами солений и овощами, а также наслаждаясь тишиной и одиночеством, невозможными в городских условиях. Все они жили уединенно, никто друг к другу в гости не ходил и не страдал нездоровым любопытством, потому новое лицо в этом дачном "Эдеме" могло совершенно не бояться пристального внимания к своей персоне и назойливого вторжения в личную жизнь...

– Где я?

Задумавшийся Клевахин от неожиданности вздрогнул и резко обернулся. Лизавета сидела на краю дивана и по-детски терла кулачками все еще сонные, а потому незрячие глаза.

– На вилле в Ницце, – пошутил майор.

– Это... вы? – девушка поторопилась прикрыть голые ноги.

– Нет, перед тобою мой двойник. В принципе я мент, но сейчас замаскировался поваром.

– Вы умеете готовить? – любопытство в голосе девушки было смешано с удивлением.

– Холостяк во имя личной свободы готов на любые подвиги. Я еще могу стирать, пылесосить ковры и мыть посуду... раз в неделю. И то только потому, что она уже в мойке не помещается.

– Пахнет изумительно... – Лизавета, накинув на плечи одеяло, подошла к камину, где на специальной подставке стояла большая чугунная сковорода. – Что это? – с удивлением спросила она, указывая восхитительно изящным пальчиком на скворчащую бурую массу.

– Сие блюдо называется "Завтрак одинокого опера". Рецепт не продается, а если да, то только за большие деньги. Садись за стол, будем пробовать.

Девушка невольно улыбнулась, поддавшись веселому настроению Клевахина. При виде ее миловидного личика у него с головы моментально выветрились все служебные проблемы, и жизнь вдруг стала восхитительно светлой и содержательной.

Пока Елизавета умывалась и приводила в порядок волосы, майор разложил по тарелкам свою оригинальную стряпню и заварил чай.

– Вот только у нас хлеба, увы, нет. Так что будем блюсти фигуру. Ну, как мой "деликатес"?

– М-м... Здорово... – Девушка наворачивала еду с завидной скоростью. – Я так проголодалась... А и впрямь, что это такое?

– Сказать честно или как?

– Лучше говорите правду. Я ваш секрет никому не открою. Клянусь.

– Верю. Здесь всего понемногу – что я тут сумел найти: картошка, банка кильки в томатном соусе, кетчуп, засоленный укроп, подсолнечное масло и лук.

– Да-а, вот это изобретение... – Лизавета покончила со своей порцией и бросила взгляд на сковороду. – А... можно еще?

– Конечно. Вкусно?

– Очень. В жизни ничего подобного есть не приходилось.

– И вряд ли придется – теперь здесь шаром покати. Кроме солений – в погребе есть огурцы и грузди. Но грибы с утра, да еще без соответствующего сопровождения... – это варварство.

– Вы много пьете?

– Если хороший продукт да еще на дармовщину – до положения риз. Ладно, ладно, я шучу. Скорее не пью – выпиваю. Чтобы крыша окончательно не съехала. При нынешней жизни и с моей профессией не то что к спиртному пристрастишься – волком завоешь.

При последних словах майора лицо девушки вдруг посерьезнело и поскучнело; она мгновенно вся скукожилась, будто влезла, как улитка, в свою черепашку.

– А теперь слушай меня, Елизавета... – Клевахин тоже посуровел и прогнал улыбку с лица. – Придется тебе пожить какое-то время здесь. Наружу особо не высывайся, едой я тебя обеспечу. Дров хватит до весны, так что не замерзнешь. И прошу тебя – не убегай. Иначе нас вычислят моментально. Ты уже знаешь, какие серьезные люди идут по твоему следу. Они убьют и тебя, и меня, и Тюлькина. Не знаю, как ты, а мне еще хочется немного пожить. Не подведи. Договорились?

– Договорились... – словно эхо откликнулась Лизавета.

– Оставляю тебе сотовый телефон и перечень номеров, по которым можно звонить, чтобы оставить мне сообщение. Если... – майор запнулся, подыскивая нужные слова. – Если я не выйду на связь с тобой в течении пяти дней, свяжись с этим человеком, – он нашел на листке нужную фамилию и ткнул в нее пальцем. – Он тебе поможет. Ему можно верить как мне. И еще – это дача моего приятеля, участкового Бочкина. Он хороший, порядочный парень, что, в общем-то, большая редкость в нашей системе. Но рассказывать ему о твоих проблемах не стоит. Я почему его вспомнил – первое время он будет работать у тебя снабженцем. Я уверен, что за мной станут следить, а потому не хочу притащить за собой "хвост".

– Но он может поинтересоваться кто я вам...

– Дельное замечание, – Клевахин задумался. – Ты сказки любишь?

– В детстве любила.

– Есть предложение придумать сказочную историю в стиле Андерсена. Поможешь?

– Ну, не знаю... – девушка вдруг зарделась и опустила глаза.

– Вот-вот, вижу, что ты уже начала кое-что понимать, – не без смущения улыбнулся майор. – Например – как вариант – я положил на тебя глаз (можно даже сказать, что влюбился и не без взаимности), но твои родители категорически против наших отношений, грозящих перерасти в нечто большее... скажем, мы хотим пожениться. Причина резкой конфронтации налицо – я несколько староват для столь юной особы...

– Я бы так не сказала...

– Да? – Клевахин сделал вид, что принял слова девушки, как удачную шутку. – Спасибо, Лизавета. Первый раз в жизни слышу комплимент в свой адрес... Так вот, мы решили, пока все утрясется, поиграть с твоими родителями в прятки. А для того, чтобы не было неприятностей у меня на работе, ты якобы написала им письмо, где в горестных стенаниях на их бессердечие объявила о своем намерении уехать из города куда глаза глядят... для поправки душевного здоровья. Конечно, эта сомнительная история шита белыми нитками, но для Бочкина сойдет. Пусть себе гадает, что у меня на уме. Главное, в чем я абсолютно уверен – свой язык он умеет держать на привязи. Кроме того, я настоятельно попрошу, чтобы он тебе не докучал. Ну как тебе моя сказка? Сойдет? Не возражаешь?

– Нет. Я постараюсь сделать все так, как вы говорили.

– Вот и ладушки... – Клевахин начал одеваться. – Мне пора на службу. А тебе придется до вечера посидеть на соленых гурдях и чае. Сахар есть, с полкило. Так что вынужденная диета потерей энергии не грозит.

Держись, Лизавета, вместе мы прорвемся. Ты мне веришь?

– Вам верю. Но я боюсь...

– Я тоже... – тяжело вздохнул майор. – Даже поджилки трясутся. Ладно, не дрейфь, выдюжим. Мы с тобой зубастые. Пока.

– До свидания... – Глаза Елизаветы подозрительно заблестели...

В управлении Клевахина уже обыскались. Не заходя в свой кабинет, он поторопился к Бузыкину, который затерзал дежурного ежеминутными вопросами, начинающимися словом "где" и заканчивающимися чем-то не очень удобоваримым, но чисто по-русски доходчивым.

– Здравия желаю, Игорь Петрович! – преувеличенно бодро сказал майор и даже сделал вид, что стоит на вытяжку.

– Садись, Николай Иванович, – кивком поприветствовал его полковник.

Клевахин осторожно опустился на стул и стал разглядывать свои руки в ожидании очередного разноса, как можно было судить по покрасневшей физиономии начальника отдела уголовного розыска.

Однако, бури не последовало. Бузыкин с минуту перебирал какие-то бумаги на столе, а затем буднично промолвил:

– У нас неприятности...

– Это не новость. Чего-чего, а такого добра хватает. Каждый день новые проблемы, и одна заковыристей другой.

– И то правда, – легко согласился полковник. – Меня скоро кондрашка хватит от обвала "мокрухи" за последние полтора года. Сам знаешь, людей мало, хороших спецов, как говорится, раз, два – и обчелся, а за процент раскрываемости бьют по-прежнему много и больно. Все как в старые добрые времена...

"С чего это он плачется?" – встревожился Клевахин. Он настолько хорошо изучил бывшего своего стажера, что казалось мог даже читать его мысли. Бузыкин обладал поистине иезуитским складом характера, и стать настоящим Торквемадой[27] ему мешали всего два фактора – необузданная вспыльчивость и отсутствие в черепушке стоящих мозгов. На своем уровне он крутился, как уж, умудряясь проскальзывать в игольное ушко, но стоило ему сделать попытку забраться на более высокую ступень, как тут же со всех сторон раздавалось

классическое: "А король-то гол!" Бузыкин горел на том, что не учитывал единственного – к главной кормушке приближают либо очень счастливых, либо действительно умных; конечно, с поправкой на личную преданность. Из-за постоянных срывов в деле дальнейшего продвижения по служебной лестнице полковник все больше наливался желчью и отыгрывался на подчиненных, с мстительным упоением истребляя в своем ведомстве всех толковых и инакомыслящих.

И сейчас Бузыкин явно переигрывал. Он изображал уставшего от каждодневных многотрудных забот отцакомандира, беседующего на биваке с одним из своих храбрецов-гусаров.

– Да, тяжело... – индифферентно покивал головой Клевахин.

Полковник не смог выдержать до конца явно не свойственную ему роль и со злобным подозрением посмотрел на Клевахина. Но майор с грустной миной на лице представлял собой именно то, что Бузыкин хотел в нем видеть – потрепанного жизнью неудачника, смирившегося со своим подчиненным положением.

Тем более, что внешность его визави вполне располагала к таким выводам: вчерашнее приключение в Красном Пахаре плюс ночные страдания на голой раскладушке и двухдневная щетина на щеках внешне состарили Клевахина как минимум на пять лет.

– Вот поэтому передай "кладбищенское" дело Берендееву и подключайся к Никольскому, – совершенно непоследовательно закончил свои упражнения в лицедействе Бузыкин. – Опять надавили сверху, даже прислали кого-то из главного управления...

Полковник продолжал говорить, но Клевахин почти его не слушал. Стараясь сохранять прежний сонный вид, он лихорадочно обдумывал сложившуюся ситуацию.

Подполковник Никольский, зам Бузыкина, расследовал убийство депутата, бывшего диссидента, а затем известного политического деятеля. Оно имело большой резонанс, потому поначалу в бой бросили лучших сыщиков города. Но по истечении года выяснилось, что политикой там и не пахнет, а имеет место обычная уголовная история с гоп-стопом – депутат вез с собой большую сумму денег, чтобы оплатить расходы по предвыборной кампании, и кто-то из его добровольных помощников предпочел борьбе за идею всеобщей справедливости и подлинной демократии совершенно тривиальные зеленые бумажки с изображением американских президентов.

Сотрудники специально созданной в пожарном порядке группы, спецы достаточно высокой квалификации, мотив убийства уловили сразу и отнеслись к нему с пониманием, но дальше этого дело не сдвинулось. Оно превратилось в долгоиграющий "висяк" – это когда сыщики усиленно изображают бурную деятельность, а в конечном итоге занимаются чем угодно, в основном текучкой. Группа постепенно распадалась, но ее время от времени по депутатским запросам подвергали реанимации. И тогда многострадальный Никольский превращался в громоотвод. По нему били все, кому не лень. Подполковник мужественно держал наезды всех вышестоящих и журналистов, напускал густого тумана в интервью, намекая на некую секретную информацию, в интересах следствия закрытую для широкой общественности, грозно рубил воздух ладонью перед телекамерами, предупреждая распоясавшихся бандитов, что "вот-вот... и мы вас всех под корень..." – короче говоря, достаточно умело копировал главных действующих лиц центральной власти, обещающих то же самое, но в более глобальных масштабах. По идее, приобщение к группе Никольского автоматически значило вступление в сонм лучших из лучших – элиту уголовного розыска. Но для Клевахина такое "признание" его заслуг перед обществом сулило нечто совершенно иное...

Майора отстраняли от расследования взрывоопасного "кладбищенского" дела. Именно взрывоопасного – это Клевахин теперь знал совершенно точно. Отстраняли грубо,

бесцеремонно, но все же не без определенной лакировки. Что было еще хуже по возможным последствиям – те, кто дал "добро" на перевод майора в группу Никольского, предполагали (а может и знали), что он владеет определенными сведениями, представляющими опасность для них или тех, кто ими руководил. И предполагая, дали майору понять, что это последнее предупреждение.

– Ну, если надо... Будет исполнено, – с деланным безразличием согласился Клевахин.

– Берендеев уже ждет, – отрывисто и сухо сказал Бузыкин – видимо решил, что он и так чересчур долго изображал душку.

– Я свободен?

– Да... – Полковник нахмурился и решительно придвинул к себе какую-то папку...

По лицу капитана Берендеева не было видно, что он в восхищении от перспективы получить в производство новый "висяк".

– Подсидел ты меня, тезка, – с деланной укоризной сказал Клевахин, передавая ему тощую серую папку с материалами по делу. – Получи...

– Фашист гранату, – кисло добавил капитан.

– Не все так мрачно в мире этом, мой любезный друг... – Майор бросил взгляд на часы. – Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Берендеевич, ты завтракал?

– Намекаешь?

– Ага, как в том анекдоте: что это ты, милок, все намеками да намеками?.. Махнули?

– Нельзя отказывать старшему по чину, – ухмыльнулся Берендеев.

– Тогда жди меня внизу, я зипун накину и кабинет закрою...

Клевахин довольно быстро отыскал то, что нужно. Это была новомодная забегаловка, устроенная в полуподвальном помещении и работающая, как говорится, с утра и до закрытия. Она именовалась "У Михеича" и встретила их гулкой пустотой. Выбрав столик подальше от стойки бара, за которым клевал носом прилизанный юноша в бордовом жилете, они заказали водку, лимон и маслины.

– Колись, – сказал Берендеев, когда они причастились по рюмашке. – Тут нас точно никто не подслушает. Ты ведь по этой причине совратил меня прямо с утра?

– Точно. Пусть уж лучше думают, что мы с тобой алкоголики и решили опохмелиться, не дожидаясь обеда, нежели запишут нас в заговорщики.

– Николай Иванович, ты мне тут зубы не заговаривай, а лучше скажи почему тебя так оперативно сбросили с седла?

– Вернее, сняли седло. И вообще – с чего ты взял, что меня опрокинули? У Никольского дело тоже далеко не мед.

– Не надо нам ля-ля. Он работает на публику, чтобы мы под его крышей могли спокойно и эффективно действовать с пользой для общества без особой оглядки на наши мертворожденные демократические принципы.

– Спасибо за политинформацию. Ты, случаем, не был комсоргом?

– Все мы выросли не в колыбели, а в ленинской кепке, уважаемый тезка. Но про то ладно, вернемся к нашим баранам. Я еще, сам понимаешь, с материалами не знакомился, но, зная твой стиль работы, уверен, что в них без бутылки точно не разберешься. А в твои мозги не заглянешь.

Клевахин колебался. Он понимал, что не ввести коллегу в курс дела не имеет морального права, и в то же самое время полностью открыть карты не позволяла элементарная осторожность. Информацию для Тюлькина он обычно дозировал, мотивируя его вторичным, подчиненным положением, что в общем оправдывалось служебной этикой. Но Берендеев был иного поля ягода, профессионалом в полном смысле этого слова, а потому дать ему вместо фактов намеки и предположения или вообще ввести в заблуждение майор считал просто неприличным.

И он рассказал – не все, но многое. Клевахин упустил лишь свои контакты с Балагулой, а также то, как он нашел Лизавету и где она скрывается. Насчет девушки у него была с Тюлькиным договоренность – чтобы тот никому ни пара с уст. Майор был уверен, что старлей не проговорится даже под угрозой отчисления из органов – события вчерашнего дня вовсе не располагали к откровенности с кем бы то ни было; своя рубашка ближе к телу. К тому же Клевахин несколько сгустил краски, и теперь бедный Тюлькин готов бы откусить язык, лишь бы не выдать их общую тайну, которая могла стоить ему жизни.

– Твою мать!.. – прокомментировал Берендеев услышанное. – Вот это я приплыл... Сплел ты мне лапти, Николай Иванович.

– Благодарю не меня, а Бузыкина. А что касается дела... думаю, тебе Атарбеков подскажет, как выйти сухим из воды.

– А потом, случись чего, сам меня и утопит. Знаю я такие штучки. Мы хоть и пскопские, но хлябало держим закрытым.

– Хочешь совет?

– Звони, как говорят наши "приятели" урки. Слово к делу не пришьешь, но все же...

– Плыви по течению. Не дергайся. Трудись в обычном режиме, наводи шорох. Пиши побольше бумаг и почаще преданно заглядывай Бузыкину в глаза. Он это любит, а потому простит тебе все твои прегрешения и недоработки. Отсидись в окопе.

– А все ли ты, друг мой сердешный, рассказал? – Берендеев впился в невозмутимое лицо Клевахина острым испытующим взглядом.

– Может, попросить бармена пусть он включит рефлектор? Чтобы как на допросе – триста ватт прямо в глаза. Кончай, Берендеич, сверлить во мне дырки. Что накопал, то и выложил. Хочешь пойти по моим стопам – рискни. Смелого пуля боится.

– Ну да, пуля – дура, штык – молодец. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Раньше посмертно хоть в партию принимали, а сейчас через год забудут и как звали. Слушай, Николай Иванович, ты взятки берешь?

– Только борзыми.

– Я серьезно.

– Не дают, Колян. Мы с тобой легавые, нас бандиты за людей не считают. Вот если бы мы с тобой работали в налоговой службе...

– Да-а, мечта... А вообще-то шутки шутками, но до полочки дотягиваю с трудом.

– Бери с меня пример. Я занимаю.

– Неужто у нас завелись подпольные миллионеры?

– Товарищи по оружию мне доверяют и считают за честь прийти на выручку. Я каждый вечер пью за их здоровье кефир.

– А вот сейчас ты мне и впрямь дал хороший совет...

Домой Клевахин возвратился когда стемнело. Никольский, рано поседевший брюнет с широкими черными бровями, педантично вводил его в курс дела почти три часа. Возможно, подполковник и заметил, что опер слегка подшофе, но виду не подал – Никольский и сам был не дурак пропустить рюмку в течении рабочего дня, когда не намечалась встреча с большим начальством. Впрочем, Клевахин все-таки принял некоторые превентивные меры – сжевал половинку мускатного ореха. Вежливо откланявшись, майор поторопился связаться с Бочкиным – чтобы тот обеспечил Лизавету продуктами. Он не стал пользоваться служебным телефоном, а позвонил с подсобки продовольственного магазина, где работал его старый знакомый. Майор не очень доверял спецам с техотдела, еженедельно проверяющим кабинеты на предмет "клопов", "жучков" и прочая. Если им прикажут, они вмиг оглохнут и ослепнут.

Лестничная клетка почему-то не была освещена. Клевахин насторожился. Он хорошо помнил эпопею двухмесячной давности, когда неизвестные злоумышленники, скорее всего, местные пацаны, с завидной регулярностью вывинчивали в подъездах лампочки. Отчаявшись бороться с такой напастью, жильцы скинулись, пустив шапку по кругу, и приобрели на толчке массивные шахтные светильники со стеклянными колпаками, забранными решеткой из толстой проволоки. После их установки набегии новых варваров прекратились – теперь до лампочки можно было добраться лишь взорвав светильник.

Дождавшись пока в подъезд зашли жильцы дома – семейная пара, Клевахин достал пистолет и, держа руку с оружием за пазухой, быстро нырнул вслед за ними в черную прямоугольную пасть дверного проема. Не пытаясь сесть в лифт, он быстро побежал по ступенькам вверх, стараясь ступать как можно мягче. Клевахин не стал останавливаться возле своей квартиры, а поднялся еще на два этажа выше. Но лестница оказалась пуста, киллеров нигде не намечалось, и успокоенный майор, сунув "макарова" в наплечную кобуру, достал ключи.

И застыл, боясь дышать – дверь была открыта! Вернее, неплотно притворена: уходя позавчера на службу, Клевахин, как это с ним нередко случалось, забыл выключить свет в ванной, и теперь светлая узкая полоска, которую он в горячке не заметил, когда скакал, будто горный козел, по ступенькам, отчетливо выделялась на темной стене.

Майор стоял столбом возле двери минут пять. В квартире царила полная тишина, если не считать звонкого "блям, блям..." – кухонный кран давно просил слесаря, но Клевахин то забывал его вызвать, то ленился.

Наконец он принял решение, которое трудно было назвать разумным. Майор мог вызвать подкрепление, позвонив от соседей в дежурную часть, однако боязнь оказаться смешным старым идиотом, шарахающимся, как пуганая ворона, от каждого куста, вынудили его переступить порог собственной квартиры, отбросив всякую осторожность. Будучи бывалым опером, он понимал, что внутри мог быть как неумелый молодой вор, так и профессиональный киллер, державший прихожую на мушке какой-нибудь мощной импортной "дуры" с глушителем.

Клевахин толкнул дверь от себя и мгновенно рухнул на пол, готовый стрелять в любую тень. Еще несколько лет назад такое намерение даже не пришло бы ему в голову, но теперь, когда любой человек мог получить свинцовую примочку в лоб за здорово живешь даже среди бела

дня, ему было наплевать на все предписания, касающиеся действий сотрудника милиции в подобной ситуации. Потому первую пулю майор без малейшего колебания готов был всадить во взломщика, если он с оружием, и только после этого выпустить вторую в потолок – для отмазки перед следствием, которое, конечно же, поинтересуется, почему он не сделал предупредительный выстрел. А в том, что следственный отдел в нынешних обстоятельствах отнесется к нему предвзято, Клевахин совершенно не сомневался...

Его страхи оказались напрасными. Квартира была пуста. Но когда майор включил свет, то, несмотря на свой немалый криминальный опыт, едва не упал в обморок.

Все стены его жилища и постель были залиты кровью. А на тумбочке, в рюмке, стояла куриная лапка, перевязанная красной, "подарочной", ленточкой с бантом.

Глава 22. Сходняк

Старому "положенцу" все-таки пришлось на время покинуть свою лесную крепость. Обстановка в городе была сложной, накаленной, но когда главные воротилы воровского сообщества решили провести выездное совещание именно в его владениях, Базулю ничего иного не осталось как взять под козырек и в сопровождении многочисленной охраны приехать в находившийся под "крышей" Чингиза ресторан "Малибу", получивший свое название от сокращенных фамилий владельцев – Малькова и Бутырина.

Заведение отличалось солидностью и претензией на колониальный шик. Оно было отделано ценными породами дерева, привезенными из Южной Америки. На стенах ресторана висели маски африканских колдунов, рога, луки, копья, щиты из буйволово́й кожи и колчаны со стрелами, в огромных аквариумах плескались экзотические виды рыб вплоть до кровожадных пираний, в позолоченных клетках орала собранные со всего света разнокалиберные попугаи, а среди официанток, одетых лишь в легкие юбочки из какой-то травы и лифчики, представляющие собой два больших цветка на сосках, преобладали мулатки и негритянки – не зарубежные, доморощенные, благо наши женщины в эпоху всеобщего интернационализма спали не только с грузинами и чеченцами, но и с представителями поработанных капиталистами народов Черного континента. "Малибу" считался рестораном для элиты, а потому цены в нем были просто умопомрачительными. Особенно "новых" русских и старых чиновников-взяточников привлекало то, что после определенной дозы горячительного можно было запросто взять под локоток приглянувшуюся официантку или стриптизершу и удалиться в номера; ненадолго – час жаркой "африканской" любви в "Малибу" стоил пятьсот баксов, что даже для тугих лопатников новоявленных нуворишей оказывалось весьма накладно.

На время "съезда" воров "в законе" ресторан для обычных посетителей был закрыт; как гласила вывеска на дверях, в связи с санитарным днем. Машины прибывающих перед парадным "Малибу" не останавливались.

С проулка они въезжали в закрытый хоздвор ресторана, где их уже ждала многочисленная охрана. Базуль зло покривился, увидев среди встречающих Чингиза. Но в день общего сбора воровских заправил было объявлено всеобщее перемирие, а потому "положенец" сухо кивнул ему и направился к неприметной двери, которая вела на второй этаж ресторана, в банкетный зал, где уже накрыли столы. На первом этаже, демонстративно раздвинув тяжелые, шитые золотой нитью портьеры, работали мойщики окон, полотеры, декораторы и прочие разнорабочие – показуха для особо любопытных и соответствующих органов, не оставляющих "Малибу" без присмотра.

Базуль приехал как раз вовремя – почти все приглашенные оказались в сборе. Его

поприветствовали достаточно тепло и дружелюбно – среди собравшихся были в основном его старые кореша, воровская элита, и всего лишь четверо недавно "коронованных" на воров "в законе", из новой волны, не соблюдающей блатные традиции. Эти держались отдельно, будто скромничали, но Базуль знал, что каждый из них при необходимости может выставить по две-три тысячи стволов.

– Сначала поговорим о наших делах на трезвую голову, – взял слово единодушно избранный председателем сборища Малява.

Он был моложе Базуля почти на десять лет, но "положенец", обычно главенствующий на подобных толковищах, в этот раз отказался занять "королевский" трон. Ему хотелось побыть равным среди равных, чтобы лучше ощутить общий настрой, который трудно уловить, восседая в роли главного арбитра и облаивая необузданных урок, словно пес на привязи.

Все расселись вокруг длинного стола, поставленного в стороне от второго, банкетного, сверкающего под светом люстр богемским хрусталем. Малява, как и подобает по чину, занял кресло с высокой спинкой во главе сходняка.

– Главная беда, которая и собрала нас на этот сходняк, не дает нам покоя уже лет пять, – солидно начал Малява, пытаясь придать своему морщинистому лицу, запечатлевшему все мыслимые и немыслимые пороки, значимость и властность.

Был он невысокого роста, нескладный, дерганый, но за такой невзрачной внешностью скрывался один из самых жестоких и волевых на территории бывшего Союза паханов. Лучшей характеристикой его качеств был случай, когда Малява во время побега нечаянно угодил в медвежий капкан. Погоня шла по пятам, а потому он, будучи не в силах раскрыть железные зубатые челюсти, не мудрствуя лукаво, отрезал по живому два пальца на левой ноге.

– Все дело в чеченах. Они лезут во все дырки. Вы знаете, что мнение по этому поводу разделились: одни ратуют за компромисс и содружество, другие, как например Роспись, готовы пойти на свару и до конца, лишь бы загнать их в хлев. И они, и мы уже потеряли многих, но пока сшибкам не видно конца...

– А ты за кого? – бесцеремонно перебил его Кинто, вор грузинской национальности, давно обрусевший и потерявший связи с исторической родиной.

– Потерпи, – поморщился Малява. – Получишь слово – тогда и будешь базлать. Но на твой вопрос ответчу: я за справедливость. Однако, когда славян начинают выдавливать с их исконных территорий, то напрашивается очевидный вывод...

Все дружно кивнули.

– Но я все-таки хочу спросить вас всех, как будем действовать дальше. Начнем с наших младших корешей...

Базулю предстояло завершить обсуждение, как самому старшему по возрасту. Он сидел, нахолившись, словно сыч, изредка украдкой поглядывая на Чингиза. Казалось, что тот еще больше похудел – будто совсем недавно встал с больничной постели – но его восточные глаза по-прежнему пугали своей темной стеклянной глубиной. Базуля так и подмывало спросить своего злейшего врага: "А что это ты, чурка не огороженная, в последнее время стал таким тихим? Какую пакость готовишь, узкоглазый урод?" От Балагулы "положенец" знал, что "быки" Чингиза пока ведут себя тише воды, ниже травы, но за своими точками присматривают весьма тщательно, притом в несколько эшелонов – устраивают засады внутри, болтаются снаружи и дежурят на машинах. Потому Базуль приказал своим подручным пока не высовываться и не проявлять активности, а тоже сосредоточиться на

охране фирм, магазинов и банков, находившихся под его "крышей". -...Ни хрена подобного! – голосил на удивление тонким дискантом Артюх, громила двухметрового роста, из молодых. – Вы хотите иметь одни убытки? Или вам мало войны в Чечне, на которой мы потеряли такие бабки, что страшно сказать?!

– Ну, скажем, не все потеряли... – вклинился в его писк черный, как смоль, Цыган. – Кое-кто подлатался очень даже не хило.

– Ага, – с сарказмом кивнул чересчур маленькой для громоздкого тела головой Артюх. – Кое-кто – это точно.

Те, кто торговал стволами и бронетехникой и у кого была прочная связь с военной верхушкой. Но остальные – а их большинство – лапу сосали и контрили с чеченами до полного самоуничтожения. Это хорошо?

– Что ты предлагаешь? – прямо спросил Малява.

– Пойти с ними на мировую. Тогда и азеры,[28] и другие лягут на дно, а мы не будем оглядываться по сторонам, топая в собственный сортир.

– Так и запишем, – с глубокомысленным видом изрек председатель сходняка, хотя никто даже не подумал достать ручку и блокнот. – Следующий...

Собрание набирало обороты, возбуждение нарастало, лишь Базуль сидел холодный и отрешенный. Что-то беспокоило старого вора, некая заноза, все больше и больше шпыняющая в нервные центры. Он всегда отличался способностью к предвидению, и потому привык доверять своим чувствам, нередко вступающим в противоречие с логикой.

Что-то должно было случиться... Базуль лихорадочно прокручивал в голове сложившуюся ситуацию, но пока не видел изъянов ни в подготовке к сходняку, ни в принятых мерах безопасности. Но почему тогда так тревожно на сердце и время от времени по спине пробегает холодок?

Ответа не было, и Базуль сидел на мягком стуле словно на иголках, хотя и не подавал виду, что ему не по себе. -...Вы, блин, готовы лизать задницу любому, кто предложит вам хороший сармак! – гневно выговаривал молодым вора "в законе" порывистый кудрявый Габор, в жилах которого текла венгерская, цыганская и украинская кровь. – вспомните, как начинали чечены. Прикинулись овцами, все шелестели о вечной дружбе и взаимовыручке, хвосты за нами заносили. А что вышло? В столице половина банков на них пашет, спирт и наркота идет большей частью через чеченов, в торговле табаком они тоже мазу держат. Нам остались лишь некоторые рынки, шалавы и часть игорного бизнеса.

– Габор, не преувеличивай, – прогудел густым басом меланхоличный Чалый, украинец по национальности. – Провинция почти вся наша. В столице мы тоже постепенно наводим шорох. Но отобрать у чеченцев все и сразу – у нас кишка тонка. Поэтому, лучше договориться. По крайней мере, на время.

– Ну вот, еще один защитник чурок выискался! – окрысился на него Габор. – Наверное, потому, что ты с ними вместе в зоне не был.

– Ты, Габор, чеши языком, да не заговаривайся, – угрюмо бросил Кинто. – Это еще нужно посмотреть, кого считать чурками.

– Стоп! Хорош по дурному бакланить, – стукнул ладонью по столу Малява. – Мы здесь собрались не для того, чтобы вцепиться друг другу в глотки, как наши правители, из-за спора чья кровь чище и цивилизованней (это слово он выговорил с трудом – скорее всего, чтобы

повыпендриваться) и где пограничный столб ставить. Я этого не потерплю. Всем ясно? Продолжим...

Присутствующие на сходняке успокоились и снова приняли чинный вид. Все знали, что власть председательствующего на сбирщице неограниченна, и он может применить к нарушителю спокойствия весьма серьезные санкции – от большого штрафа до постановки вопроса о его соответствии званию вора "в законе". А это было вовсе не смешно: выброшенный за борт воровского сообщества сразу становился изгоем, лишаясь не только привилегий и щедрой кормушки, но иногда и жизни.

Базуль хмуро ухмыльнулся. Кто-кто, а он хорошо знал, что такое воровская солидарность на самом деле.

"Положенец" не сомневался, что в другой обстановке грузин Кинто без лишних разговоров перерезал бы горло "дорогому корешу" Габору; или наоборот – как придется...

Обсуждение "чеченского вопроса", главного в повестке дня, подходило к концу и некоторые из паханов – те, кто помоложе – уже с вожделием поглядывали на великолепно сервированный стол, как вдруг со стороны главного входа в "Малибу" раздался чей-то истошный вопль, а затем послышался глухой удар, от которого содрогнулось здание, и звон бьющегося стекла.

На какой-то миг все оцепенели. Малява, в этот момент что-то вещавший со своего "трона", так и застыл с открытым ртом. Горячий Габор, продемонстрировав, несмотря на возраст, отменную реакцию, мгновенно выхватил из-за пазухи пистолет и бросился к зашторенному окну, выходящему на главную улицу. Причина для такого мандража у него была, что называется, налицо: он уже больше года находился в розыске, а потому любая встреча с правоохранительными органами светила ему как минимум пятью годами тюрьмы.

Обстоятельный и невозмутимый Чалый неторопливо отодвинулся от стола, расстегнул пиджак для большей свободы действий и достал из кармана миниатюрное переговорное устройство – чтобы в случае надобности быстро связаться со своими телохранителями. Молодые воры "в законе" тоже последовали примеру Габора, но с точностью до наоборот: быстро подхватились с мест, однако оружие демонстрировать без нужды не стали (похоже, они его и не имели – во избежание соблазна обнажить стволы не там, где нужно, и в неподходящее время), и метнулись к выходу в хоздвор. Относительно спокойными (по крайней мере, внешне) остались лишь Кинто, приехавший в город вполне официально, по служебной командировке, как представитель совместного американо-русского предприятия, имеющий на руках паспорт гражданина США, и Базуль – в критических ситуациях он всегда был сдержан и не совершал необдуманных поступков.

– Что там? – одновременно спросили человек шесть у выглядывающего из окна через щель в портъере Габора.

– Какой-то странный шухер... не пойму... – Побледневший Габор даже привстал на цыпочки, чтобы разглядеть тротуар возле входа в "Малибу".

И в это время грохнули взрывы или выстрелы прямо в помещении ресторана, на первом этаже.

– Менты! – заорал кто-то дурным голосом.

– Окружили! Нас подставили! Какая сука навела!? Мать твою!.. Спокойно, братаны, разберемся! К выходу...

Где охрана!? Чингиз, ты ответишь!.. Куда прешь, бля!

Минуты две в банкетном зале царил полный бедлам – все кричали и говорили одновременно. Наконец Базуль, не принимавший участия в групповом помешательстве, неожиданно зычным голосом скомандовал:

– Ша, братва!!!

Шум утих мгновенно. Все посмотрели на "положенца", который с решительным видом встал и подошел к пустующему креслу председательствующего – Малява, как и Габор, выглядывал на улицу.

– Вы что, белены объелись!? Или не слышите, что шмаляют не со стволов? Габор, раздвинь шторы!

Малява и Габор поторопились выполнить приказание Базуля, и все увидели за окном настоящий фейерверк – только пасмурным зимним днем. Шутихи и ракеты, дробя разноцветные искры о стены домов на противоположной стороне улицы, с воем и визгом ввинчивались в небо, где расцветали неяркими из-за дневного света, но пышными огненными султанами, шаровыми молниями прыгали по мостовой, гоняясь за обалдевшими прохожими. Постепенно к ярким всполохам потешных взрывов начал примешиваться и густой черный дым, поваливший из разбитых витринных окон "Малибу", а где-то вдалеке послышался вой сирен пожарных машин. Прильнувшему к окну вора "в законе" был виден хвост автомобильной фуры, которая почти до половины въехала в помещение ресторана. Ее брезентовый тент пылал и без устали выплевывал вверх и по бокам все новые и новые порции воющих на все голоса потешных ракет.

– Какая падла?.. – у Малявы не хватило словарного запаса, чтобы прокомментировать увиденное.

– Не знаю, что там и как, но мы "засветились" по полной программе, – Базуль выразительно глянул на растерянного до полного оупения Чингиза – тот нес за подготовку сходняка единоличную ответственность.

– Нам нужно рвать когти отсюда. И побыстрее...

Наверное, "положенец" был единственным из присутствующих в банкетном зале, кому происшествие в ресторане было на руку и не вызвало отрицательных эмоций. Базуль в очередной раз поблагодарил личного ангела-хранителя, который не подвел и на этот раз. Перед встречей возник вопрос где ее проводить.

Старый вор, выбитый из колеи гибелью своих любимцев, боевых псов, не стал возражать, когда Чингиз заявил, что на этот раз принимать гостей будет он. Базуль знал, что таким образом его враг приобретает некоторое преимущество и становится на какое-то время почти ровень с ним – быть хозяином сходняка считалось большой честью, так как это означало полное доверие к нему элиты воровского мира. Но с другой стороны хозяин был в ответе за все, и главное – за безопасность собравшихся. Потому паханы понимали, что Чингизу в сложившейся ситуации не позавидуешь – даже если он вообще ни в чем не виноват. Базуль был в курсе и еще одной тонкости: теперь Чингиз должен оплатить все командировочные расходы прибывшей на сходняк братвы; а они всегда брались с потолка и обычно составляли очень большую сумму.

– Ты прав... – И Малява, все еще считающийся председателем, начал распорядиться отъездом.

Но едва первая группа направилась к выходу, как в банкетный зал заскочил один из владельцев ресторана, плюгавый Мальков.

– Извините... тут такое... – лепетал он, боясь поднять голову.

– Мы уже, как ты понимаешь, сами сообразили, – снисходительно сказал Базуль, которого забавлял вид Чингиза, стоявшего перед Мальковым в позе удава, гипнотизирующего лягушку.
– Уйдем по пожарной лестнице. Туда огонь еще не добрался?

– Я не о том... – мямлил владелец "Малибу". – ОМОН уже на кухне...

– Что-о!? – вопрос выпорхнул почти изо всех глоток.

Ответ на него пришел мгновенно: грубый башмак омовца вышиб дверь, и в банкетный зал хлынули крепкие парни в камуфляжной форме и черных вязанных шапочках-масках с прорезями для рта и глаз.

Базуль не успел опомниться, как уже лежал на полу лицом вниз, а здоровенный детина, поставив ему ногу на шею, сноровисто выворачивал карманы, поминая сквозь зубы мать пахана и высказывая предположения о его сексуальной ориентации...

Их даже не посадили, а побросали в "воронок" как кули с мукой. Базуль глазам своим не верил – казалось, что к "Малибу" собрались все омовцы области. По крайней мере, их было гораздо больше, чем городских. Неужто опять "третья" сила?

Полчаса езды до следственного изолятора внутри старой гроыхающей колымаги показались старому вору "в законе" длиннее, чем несколько суток в столыпине,[29] возившим этапы в Сиблаг.

Глава 23. Жестокий ринг

Егор Павлович никогда не думал, что собачьи бои проходят в цирке. Как объяснил ему Чижеватов, до недавнего времени они были вообще запрещены, однако большие деньги сокрушат кого угодно, а потому местные власти смотрели на эти жестокие развлечения состоятельных людей сквозь пальцы, благо и им перепал солидный куш от организаторов состязаний боевых псов. Бои ни для кого не являлись тайной, в цирк мог прийти практически любой желающий, но входные билеты стоили очень дорого, а потому простой люд на рингах обычно не присутствовал.

"К сожалению, в погоне за деньгами все как-то забыли о главных действующих лицах – собаках, – говорил Михаил Венедиктович. – Вы сами убедитесь, каких неподготовленных псов выставляют. Где-то находят страшилищ под сто килограммов весом и думают, что такая псина станет чемпионом. Чушь! Нарушение анатомически правильного строения тела ведет к потере баланса, что делает такого монстра тренировочным чучелом для настоящей бойцовой собаки. Чересчур крупные псы малоподвижны, имеют неважную реакцию, что в условиях ринга смерти подобно. Но хуже всего, если применяют методы искусственного выращивания боевых собак с применением анаболических препаратов. Получаются костистые и мускулистые Шварцнегеры, только на четырех лапах и с никуды не годной дыхалкой. А, что я тут распространяюсь! Посмотрите своими глазами..." В субботу вечером Егор Павлович, как обычно, наведился к Ирине Александровне. Она немного оживилась и даже шутила, готова ужин. Старик смотрел на нее с болью в сердце – актриса здорово сдала за последнюю неделю и как-то потускнела, будто ее присыпали пылью. О злополучной долговой расписке они не говорили – так попросил Егор Павлович, когда давал Ирине Александровне обещание уладить эту проблему.

Старик не хотел, чтобы они каждодневно бередили кровоточащую рану, однако его задумка мало помогла: актриса о деньгах не напоминала, но все ее мысли были сосредоточены на приближающемся сроке расплаты. Расставание получилось тягостным: старик старался не смотреть актрисе в глаза, чтобы не выдать нарастающее беспокойство за завтрашний поединок Грея, а она, чисто по-женски интуитивно понимая, что скоро Егору Павловичу придется несладко, пыталась придать своему звонкому чистому голосу мягкую задушевность, но у нее это плохо получалось...

Цирк бурлил. Старик с удивлением разглядывал публику, которая толпилась возле баров, где пенилось шампанское, янтарем отсвечивали бутерброды с красной икрой и витал аромат хорошего кофе, брала штурмом кабинки букмекеров и с жаром обсуждала достоинства боевых псов у стенда с регламентом поединков. Он всего лишь раз был на настоящем цирковом представлении, но даже с таким мизерным опытом участия в массовых зрелищах понимал, что сегодня собрался народ несколько иной, нежели обычно. В фойе не было детей, а немногочисленные женщины... они казались ему ведьмами, собравшимися на шабаш – таких старик видел в американских фильмах ужасов, что демонстрировались по кабельному телевидению: с горящими нездоровым ажиотажем глазами, раскрашенными, словно куклы, и в вызывающе мрачной одежде, где большей частью преобладали красные и черные тона.

– Пора, Егор Павлович, за кулисы, – дернул его за рукав Чижеватов. – Грей скучает...

Старик оставил пса под присмотром одного из тренеров, единственного из всех служащих фирмы Михаила Венедиктовича, к которому нелюдимый пес относился достаточно индифферентно и благожелательно.

– Держите... – Чижеватов всучил старику красочно оформленный буклет.

– Что это?

– Программка. Только не удивляйтесь тому, что там написано, – Михаил Венедиктович рассмеялся и покачал головой. – Реклама – двигатель бизнеса...

Егор Павлович читал и диву давался. Выражения типа "неустршимый", "железный", "дьявол" так и мелькали в тексте. Он обнаружил, что оказывается его пес носит имя Грей Черная Молния, а противник волкодава – Чемпион Убийца Викинг. Другие боевые собаки тоже имели клички, непривычные для восприятия старика; многие именовались чемпионами.

– После трех выигранных боев пес получает чемпионское звание, – объяснил Чижеватов. – Сегодня собралась элита бойцовых собак. Некоторые выиграли по пятьдесят и больше боев. Но про то ладно... – Он нахмурился и опустил голову.

– Что-то не так? – с тревогой спросил Егор Павлович.

– Как вам сказать... Когда я регистрировал Грея, то поставил условие, что, во-первых, он идет вне весовых категорий, во-вторых, должен быть для всех "темной лошадкой", а в-третьих – это уже требование организаторов ринга – ваш пес тоже получает противника, имя которого должно быть раскрыто лишь перед началом соревнований. Эдакая интрига. И кстати, она удалась – сегодня цирк забит под завязку.

– Так что же вас смущает?

– Чемпион Викинг. Я еще не видел его в деле, так как он из другого города, но о нем слышан. Пес выиграл сто пять схваток. Его считают непобедимым. Я подозреваю... – Чижеватов запнулся.

– Что вы подозреваете? Говорите, Михаил Венедиктович, я должен все знать.

– Меня хотят прокатить. Нет, это не вражда какая-то или месть – отнюдь. Азарт и деньги – всего лишь. Для устроителей не секрет, что я поставил на Грея большую сумму, а потому кто-то из них не поленился найти вашему псу действительно достойного противника. Конечно, в случае поражения Грея (тьху! тьху!), – суеверный во всем, что касалось собак, Чижеватов дважды сплюнул через левое плечо, – мой кошелек несколько облегчится. Но не это главное: деньги – дело наживное. Я боюсь, чтобы Грей не "перегорел" – есть такое понятие в нашем виде спорта. Если бы мы потренировались с ним еще пару месяцев... м-да... – Он сокрушенно вздохнул. – Потерять такого пса лично для меня – большой удар. Я уже не говорю о вас...

– Мне отступить некуда, – угрюмо сказал старик.

– Я знаю. И сочувствую. А, ладно! Чего мы горюем раньше времени? Как говорится, поживем – увидим.

Кстати, еще одно... я вам об этом не сказал... – Чижеватов выглядел смущенным. – Дело в том, что владельцы собак перед боем должны внести денежный залог, который достается победителю...

– Сколько? – требовательно спросил старик.

– Много, Егор Павлович, – нехотя сознался Чижеватов. – Пять тысяч долларов. Но вы не волнуйтесь, деньги я внес. Деваться некуда – поезд уже тронул. Или мы будем на коне вместе, или благополучно пойдем ко дну – тоже вдвоем. Скажу сразу – в случае проигрыша вы мне ничего не должны. И баста! Я так решил.

– Спасибо, Михаил Венедиктович... – Старик был растроган.

– Ладно, сочтемся. А теперь – к барьеру! Ринг начинается. Пока посмотрим на других бойцов. Весьма интересное и поучительное зрелище, доложу я вам...

Перед тем, как пройти на места для владельцев и тренеров собак, Егор Павлович проведаль Грея, которого, как и других псов, держали в специальном ящике с сетчатым верхом – чтобы злобные сверх всякой меры четвероногие гладиаторы не устраивали гвалт при виде своих сородичей. Волкодав был неспокоен, но держался с достоинством. Его не так угнетали заглядывающие в вольер специалисты-кинологи – букмекеры уже прекратили принимать ставки, потому что судьи начали взвешивать собак, а это значило, что доступ к новичкам ринга свободен – как гул большого скопления людей. Возвращенный среди вольной природы, в глухой тайге, где и два человека – толпа, он просто терялся, когда попадал в стаю двуногих существ, похожих на его хозяина. Грей не знал, как поступить: то ли напасть на них и драться, то ли сделать вид, что он их не замечает. О том, чтобы поджать хвост и дать деру, как дворняга, гордый волкодав даже не помышлял. Он не боялся людей; мало того – пес был приучен охоте на человека. Ему уже не раз приходилось вступать в схватку с двуногими существами и даже получить от них несколько ранений. Грей знал, что человек слаб, незащищен и труслив, но коварен, хитер и жесток. Наверное, обладай пес более развитым мозгом, он просто презирал бы людей.

Другое дело хозяин. Он тоже был двуногим, однако Грею, который в первые минуты жизни почуял запах не только материнского молока, но и его удивительно теплых и ласковых рук, старик казался Богом. В воображении пса хозяин совершенно не ассоциировался с остальными представителями рода человеческого.

Он чувствовал, что все они для хозяина чужие, а значит враждебные. Разве его Бог когда-нибудь разговаривал со своими сородичами так долго и доброжелательно, как с ним?

Разве он трепал их за уши, гладил, или вычесывал блохи приятно щекочущей металлической щеткой? Разве хозяин смотрел на них с такой же любовью, как на него?

Для Грея хозяин был смыслом его существования, второй, нераздельной, половиной. Пес не мог выразить это словами, он, естественно, не только не умел разговаривать, но даже лаял так редко, что казался немым.

Нельзя сказать и что Грей выражал свои чувства чисто по-собачьи – умильно заглядывая хозяину в глаза и виляя хвостом. Он почти всегда был бесстрастен, словно какой-нибудь буддийский монах, а высказывать знаки внимания, как другие псы, подавая сигналы своим куцым, купированным природой, обрубком, волкодав не имел возможности. Но в его сердце не было места иному состоянию, чем то, которое можно охарактеризовать короткой фразой – безграничная, всепоглощающая преданность хозяину. Прикажи ему старик броситься в пропасть, Грей прыгнул бы в нее не колеблясь ни секунды...

Первая пара бойцов, которую вывели на ринг, представляющий собой квадратный манеж (так называемую яму) с бортиками и деревянным полом, особого интереса у публики не вызвала. Дрались два молодых псабоксера, плохо обученные и перетренированные, как объяснил старику их состояние Чижеватов – они были вялыми, на удивление нерасторопными, с плохим мелким хватом и совершенно отвратительной устойчивостью.

Вторая (мастифы) и третья пара (доги) закончили бой очень быстро. Здесь сошлись неравные противники – по возрасту. Но если во втором поединке победила молодость, то в третьем верх взял опыт – сплошь покрытый шрамами ветеран, как показалось Егору Павловичу, подавил соперника уверенностью и поистине королевским величием еще стоя в своем углу. Молодой дог дрогнул лишь на мгновение, но и этого очень короткого временного промежутка хватило, чтобы старый боец резким мощным наскоком сначала свалил его с ног, а затем безжалостно вогнал клыки в шею, таким образом закончив схватку в рекордно короткий срок. Поверженного пса спасли от верной смерти помощник главного судьи, вовремя заметивший белый лоскут, выброшенный на арену хозяином неудачника.

Четвертый бой оказался самым кровавым и продолжительным. На ринге сошлись признанные бойцы, американские пит-були – широкогрудые шоколадные красавцы, матерые, но не старые, с большим опытом схваток не на жизнь, а на смерть. Полчаса в центре ринга бушевал ураган, куча мала, и трудно было понять, какой пес берет верх. И лишь после второго перерыва, длившегося, как обычно, всего полминуты, стало ясно, что побеждает молодость – пит-буль по кличке Чемпион Эдгар был в гораздо лучшем состоянии, нежели его более старший противник, который казался сплошной раной.

– Этот раунд – последний, – уверенно сказал Чижеватов. – Между прочим, Эдгара тренировал я, – в его голосе слышалась гордость. – У него мертвая хватка. Сейчас первый запал прошел и он готовится к своему коронному приему – по-бульдожьки вцепиться сопернику в горло. Эдгар – хитрая бестия...

Все вышло, как говорил Михаил Венедиктович. Раненный пит-буль явно не ждал уловки, которую применил противник: во время сшибки в центре ринга Эдгар, вместо того, чтобы сойтись грудь в грудь, молниеносно отскочил в сторону и пока его несколько опешивший соперник поворачивался, впился ему, словно большой клещ, в шею. Будь второй пес посвежее и помоложе, наверное он бы стряхнул Эдгара, но полчаса боевого неистовства изрядно подточили его силы. Он заметался по рингу, пытаясь извернуться и достать плечо Эдгара, однако тот был настороже и, совершая почти танцевальные па, все больше и больше смыкал на шее противника свой живой капкан. Второму пит-булю повезло в единственном – Эдгар слегка промахнулся и вогнал клыки всего в каком-то сантиметре от артерии. И это дало возможность владельцу раненного пса спасти ему жизнь, выбросив белый флаг поражения.

– Антракт, – объявил, поднимаясь, Чижеватов. – По окончании перерыва состоятся еще два боя. А после них придет и наш черед. Пора готовить Грея. Как вы себя чувствуете?

– Не так, чтобы очень... но вполне сносно...

Егор Павлович покривил душой. Все его естество сопротивлялось той ауре жестокого варварского азарта, которая витала под цирковым куполом. Старик отнюдь не был мягкотелым и безвольным типом, теряющим сознание при виде одной-единственной капли крови. Он и сам пролил ее предостаточно, охотясь в тайге на разнообразную живность. Но одно дело житейская необходимость, а совсем другое – удовлетворение низменных человеческих страстей. Для Егора Павловича его псы всегда были верными друзьями, и смерть любого из них приносила ему страдания, вполне сопоставимые с теми, которые бывают когда гибнет близкий человек. А здесь, в цирке, в окружении цивилизованной публики, владельцы собак ради денег посылали своих любимцев на верную смерть, не испытывая к ним ни жалости, ни сострадания. Старик видел, как хозяин потерпевшего поражение дога в ярости орал что-то нечленораздельное и пинал ногами едва дышавшее животное. Похоже, он проиграл большую сумму, однако, разве пес виноват в том, что у хозяина жадность победила не только здравый смысл, но и присущую любому человеку доброту к братьям нашим меньшим?

Старик страдал, глядя на кровавое зрелище. Но еще больше он мучился от мысли, что и сам – пусть и поневоле – встал вровень с такими, как хозяин дога...

– Вы не хотите посмотреть на соперника Грея? – спросил Чижеватов, когда они зашли за кулисы.

– Наверное... да, конечно...

– Я сгораю от любопытства, – признался Михаил Венедиктович. – И, кроме всего прочего, нужно хотя бы на глазок определить чего можно от Викинга ждать и как превратить его недостатки в достоинства Грея с малыми затратами усилий и большой пользой. По научному это называется выработать стратегию и тактику для предстоящего поединка. Конечно, за такой короткий срок, ни разу не видев Викинга в деле... м-да, задачка... Ладно, надеюсь, прорвемся...

Чемпион Убийца Викинг содержался точно в таком же ящике с сетчатым верхом, как и Грей. Его контейнервольер находился неподалеку – метрах в пяти – от волкодава, который уже места себе не находил от волнений за где-то пропавшего хозяина. Рев трибун и рычание сражающихся псов только подтверждали подозрения Грея в том, что с его Богом или уже случилось несчастье, или вот-вот произойдет. Если перед началом поединков, когда в цирке было относительно тихо, волкодав сдерживал свои эмоции, то теперь он с таким свирепым видом скалил клыки на любопытных, заглядывающих в его узилище, что те от неожиданности шарахались в сторону – им казалось, что на них смотрит сам дьявол.

Когда к вольеру наконец подошел Егор Петрович, бедный Грей даже тихо заскулил от радости. Он с такой укоризной посмотрел на старика, что тот не нашел ничего иного в свое оправдание как виновато отвести взгляд. Прошептав волкодаву несколько ободряющих слов, Егор Павлович направился к контейнеру с Викингом. Там уже стоял с ошеломленным видом Чижеватов, бормоча себе под нос ругательства.

– Что случилось? – встревожено спросил его старик.

– Пока ничего... – уклончиво ответил Михаил Венедиктович. – Посмотрите... – он кивком указал на ящик с Викингом.

Егор Павлович заглянул в контейнер и почувствовал, как по спине пополз неприятный

холодок. Внутри вольера сидело настоящее страшилище – огромный пес незнакомой ему породы с массивной квадратной челюстью и лапами толщиной с человеческую кисть руки. Он был сама безмятежность, но в его неподвижных, налитых кровью глазах явственно читались неукротимая свирепость и постоянная жажда смертельной схватки.

– Что это за порода? – почему-то с трепетом обратился старик к Чижеватову.

– Бэндог. Помесь американского пит-бультерьера с мастифом. Но я думаю, что в его крови есть примеси и других, совершенно экзотических пород...

Чижеватов ударился в пространные рассуждения, понятные лишь опытному специалисту-кинологу, но Егор Павлович слушал его вполуха. В душе старика начала постепенно созревать удрученность. Он просто не мог представить, что должен предпринять Грей для победы над этим монстром. По весу они не были равны – волкодав оказался легче бэндога почти на двенадцать килограмм, если судить по протоколу взвешивания, который показал старику Чижеватов – и к тому же Викинг имел большой боевой опыт и соответствующую закалку. Представив, как уродливо большие челюсти Убийцы Викинга с клыками величиной в человеческий мизинец крошат кости Грея, Егор Павлович едва не лишился сознания. ...Надежда лишь на выносливость Грея, – старик услышал лишь конец фразы.

– Простите, я не понял... – Егор Павлович с трудом оторвал взгляд от Викинга.

– Бэндоги сильны и практически непобедимы в бою только первые двадцать минут. По истечению этого времени они просто выдыхаются и дожать их, как говорится, дело техники. И упрямства. Ни того, ни другого Грея не занимать. Он прирожденный боец... – Видно было, что Чижеватов убеждает не столько старика, сколько себя.

– Но как Грея продержаться эти двадцать минут?

– Не знаю, – честно ответил Михаил Венедиктович. – Вся беда в том, что, как я уже сказал, в Викинге течет кровь и какой-то другой породы, кроме пит-буля и мастифа; по-моему, что-то восточное. И как весь этот винегрет сказался на бойцовских качествах бэндога, сказать трудно. Эх, ну почему я ни разу не съездил на бои с участием Викинга! Меня ведь приглашали...

– Будем надеяться... – мрачно сказал Егор Павлович и поторопился отойти от контейнера с бэндогом.

Он должен был поговорить с Греем. Они понимали друг друга с полуслова, а иногда их общение вообще было чисто интуитивным. Но сегодня старик просто обязан был рассказать волкодаву о своей любви к нему и попросить у него прощения за печальную необходимость послать его на бой, который мог быть последним в жизни верного пса.

Грей уже все знал. Неизвестно какие флюиды просочились через массивный череп волкодава, чтобы подсказать: рядом, в нескольких шагах, враг. И он должен его убить, чтобы выручить хозяина. Грей не мог видеть через плотно подогнанные доски вольера Викинга, но когда Егор Павлович подошел к ящику, где находился волкодав, тот стоял в напряженной позе, повернувшись мордой точно в сторону бэндога. Его нос слегка подрагивал, впитывая мгновенно ставший ненавистным запах Викинга, по великолепным мышцам пробежала дрожь боевого азарта, а где-то глубоко внутри, практически не слышимый для человеческого уха, рождался зловещий рык. Грей готов был убивать; и не из-за векового инстинкта, чтобы спасти свою жизнь, а ради хозяина, попавшего, как он чувствовал, в беду...

В цирке творилось что-то неопишное. Подогретые в антракте спиртным, зрители неистовствовали.

А когда в деревянной яме ринга появились Грей и Викинг, на арену обрушился шквал воплей и свиста.

Чижеватов объяснил старику, что на последнюю пару бойцов – "темных лошадок" – ставки в тотализаторе были самыми высокими. Толстосумы, до этого дня не видевшие Грея и Викинга на ринге, хотели таким образом пощекотать себе нервы. Они желали увидеть нечто необычное, нестандартное, и, похоже, их ожидания оправдались – черный, как смоль, волкодав и огромный пятнистый бэндог и впрямь впечатляли.

На этот раз, вопреки правилам, но согласно договоренности, последнюю пару бойцов на ринг вывели не корнеры, а сами владельцы псов – и Викинг, и Грей не признавали никого, кроме своих хозяев. Егор Павлович, который оказался на людях впервые, почему-то совсем не оробел. Он отключился от окружающей его действительности и все свое внимание сосредоточил на Грее. Ему казалось, что сейчас не волкодав бросится в бой, а он. Старика даже испарина пробила; ему показалось, что кровь уже не течет по жилам, а несется, словно горный поток.

Хозяин Викинга был под стать своему псу – здоровенный, какой-то глыбистый и с квадратным лицом в оспинах. Он буквально буровил маленькими злыми глазками Егора Павловича, будто хотел его испугать. Но не отличающийся ни ростом, ни статью старик просто не замечал широкого, как шкаф, владельца Викинга.

Он поглаживал Грея, бормоча что-то не очень внятное – даже не связные слова, а просто набор звуков. И тем не менее волкодав его понимал. Шерсть на холке пса встопорщилась, в глазах зажглись опасные огоньки и только воля хозяина удерживала Грея от немедленной атаки. Впрочем, Егор Павлович на всякий случай держал его за ошейник.

Команда "Пускай!" ударила по нервам старика словно кнут. Мгновенно сдернув ошейник, старик скомандовал тихо, но жестко, с металлическим акцентом – "Взять!" Он мог бы вообще ничего не говорить. Злоба на врагов хозяина переполняла Грея, и ему сейчас было все равно кого рвать: сородича, зверя или человека. Он вовсе не страшился жутковатого на вид Убийцу Викинга, хотя, конечно, понимал, что этот противник гораздо сильнее все тех, с кем ему приходилось драться раньше, в таежных селениях. Бэндог, подогретый науськиванием хозяина, тоже не боялся Грея, но звериное чутье подсказывало ему, что стоящий на ринге пес совсем не похож на многочисленных сородичей, которых он побеждал в схватках. От волкодава, всосавшего в себя еще с молоком матери пьянящий воздух свободы, псу, возвращенному в неволе, веяло чем-то первобытным, грозным и непонятным.

За спиной Грея роились призраки давно исчезнувших с лица земли хищников, с которыми далекие предки Викинга дрались и умирали, защищая человека и его очаг. И волкодав казался одним из них, только во плоти. Никто из людей неспособен был понять то, что узрел Викинг; однако отважный бэндог, не отличающийся особой чувствительностью, презрев голос инстинкта, подсказывающего ему быть предельно осторожным с этим необычным противником, бросился вперед без страха и колебаний.

Псы сшиблись в самом центре ринга. По наитию Грей избрал верную тактику боя; он избежал прямого столкновения, где преимущество было на стороне более тяжелого Викинга, и попытался подставить бэндогу плечо, чтобы затем, использовав временную потерю соперником равновесия, вцепиться ему в шею, поближе к горлу. Но Викинг не зря носил чемпионское звание. Он остановился так резко, что его когти оставили на деревянном помосте ринга несколько глубоких царапин. И в следующее мгновение пес обрушился на Грея, который теперь встретил бэндога грудью. Схватка пошла клык на клык – в лобовую. Егор Павлович, бурно дыша от волнения, готов был сам перелезть через бортик, чтобы помочь Грею.

Волкодав пока не уступал бэндогу Но он никак не мог добраться ни до горла Викинга, ни до его ног. Куда бы Грей ни ткнулся, как тут же встречал страшные клыки чемпиона. С трибун казалось, что бэндог не торопится побыстрее закончить бой, выматывает волкодава. Но это было не так. Викинг дрался, как бешенный, не испытывая усталости, однако в его действиях все же проявлялась какая-то странная для опытного бойца неуверенность. Похоже, он не мог понять, почему Грей, как будто уступающий напору, все время оказывался чуть дальше от его пасти, чем ему хотелось бы. Викинг щелкал зубами с такой силой и громкостью, словно у него были стальные челюсти. Но этот воистину медвежий капкан чаще всего срабатывал вхолостую.

И все же псам доставалось – как Грею, так и Викингу. Кровь из ран уже оросила чисто отмытые после предыдущего боя доски пола. Старик с болью в душе маялся от собственного бессилья возле бортика ринга, совершенно не слыша рева публики, буквально обезумевшей от захватывающего зрелища. Зато он улавливал каждое движение, каждый финт Грея, вертевшегося вокруг более массивного Убийцы Викинга со скоростью волчка. И когда клыки бэндога оставляли на шкуре волкодава кровоточащие отметины, Егор Павлович почти физически ощущал боль, которую испытывал в этот момент его любимец...

На первый перерыв псов едва растащили. Они сплелись в какой-то немыслимый клубок, гидру с двумя головами и неизвестно каким числом конечностей. Хозяевам бойцов помогали и корнеры, однако всем четверым пришлось здорово потрудиться, прежде чем Грей оказался в своем красном, а Викинг – синем углу ринга.

Все полминуты перерыва, пока корнеры обтирал волкодава и бэндога полотенцами, старик что-то нашептывал Грею на ухо, будто тот и впрямь был не псом, а самым настоящим боксером-человеком, и мог понять его тренерские советы. То же самое делал и хозяин Викинга, но громче. Видимо, он был разъярен тем, как ведет себя бэндог в бою, а потому резко, не стесняясь в выражениях (благо в цирке было и в перерыве довольно шумно), ругал своего пса. Наверное, таким образом он подтравливал Викинга, потому что бэндог к исходу тридцатисекундной передышки злобно рычал и рвался из рук корнера, чтобы наброситься на Грея.

Второй раунд начался для волкодава неудачно. Чемпион обрушился на него как каменная глыба, и Грей уже не смог, как прежде, увернуться. Викинг рванул плечо противника и выдрал приличный кусок шкуры.

Волкодав даже не зарычал – взревел, что случилось с ним первый раз за все время боя и презрев беспощадные клыки бэндога, молниеносно вцепился ему в челюсть. Не ожидавший такого отпора Викинг в ярости мотнул головой и Грей отлетел от него будто выброшенный катапультой. Правда, при этом ему все же удалось располосовать нижнюю губу бэндога, что вызвало у Викинга новый приступ бешенства. Он сильным прыжком преодолел расстояние между ним и Греем и буквально накрыл волкодава своим мускулистым телом.

На этот раз волкодав на ногах не устоял. Викинг, не давая Грею времени, чтобы подняться и дать отпор, катал его по полу как большой меховой мяч, безжалостно нанося глубокие раны. Правда, волкодаву в какойто мере повезло, что бэндог был приучен искать в бою на теле противника лишь уязвимые места, к которым, похоже, лапы не относились – так его учили – иначе мощные челюсти чемпиона уже переломали бы все кости на ногах Грея. Но все равно бедному волкодаву от этого было не легче – Викинг не давал ему ни секунды передышки.

Старику казалось, что он вот-вот сойдет с ума от страха за жизнь своего любимца. Он уже готов был выбросить на ринг полотенце, чтобы остановить бой, и даже схватил этот белый лоскут, но тут раздался неистовый вопль Чижеватова "Не-ет!!!", сидевшего в первом ряду, прямо за его спиной, и Егор Павлович безвольно опустил руки. Страдая от собственного бессилья, он наблюдал как Викинг терзает Грея – и плакал. Скупые слезы стекали по щекам,

мутили взгляд, но старик их не замечал и не пытался вытереть. В этот момент он не думал ни об Ирине Александровне, ни о деньгах, ни о том, что вдруг начало покалывать сердце. Все его помыслы были там, в яме ринга, где сражался Грей.

И вдруг течение боя изменилось. Что-то произошло, понял старик. Но что именно? По-прежнему Викинг рвал Грея, а тот отбивался, как мог, хотя все же на ноги поднялся, и по-прежнему бэндог теснил волкодава, пытаясь загнать его в угол, чтобы лишить маневра. И все равно, что-то было не так.

Егор Павлович посмотрел на хозяина Викинга. Тот выглядел озадаченным и встревоженным и время от времени поглядывал на секундомер. Старик перевел взгляд на ринг и наконец заметил, что атакам бэндога явно стало не хватать мощи. Как и прежде, он превосходил Грея в натиске, но теперь его укусы не оставляли на теле волкодава глубоких ран, а лишь царапины. Викинг устал! Неужто Чижеватов был прав!? Грей, миленький, держись! Еще немного...

Волкодав будто услышал немой призыв хозяина. Он вдруг сжался в комок и ударил в грудь бэндога словно пушечное ядро, тем самым заставив противника отвернуть в сторону и подставить ему бок. И тут Грей поступил вопреки логике собачьих боев. Он не стал кусать бэндога в незащищенное место, а мощным прыжком вскочил ему на спину и вогнал свои, тоже немалые, клыки в холку Викинга.

Цирк сначала взревел, а потом замер. На глазах искушенной в собачьих боях публики творилось нечто непонятное – совсем недавно бэндог гонял волкодава по всему рингу, и все уже думали, что победа Викинга близка, а теперь он сам мечется, как полоумный, внутри деревянного ящика, пытаясь сбросить вцепившегося в него мертвой хваткой Грея.

И только старик разгадал замысел своего любимца. И облегченно вздохнул – Господи, неужели?..

Грей вспомнил свое недавнее прошлое, когда они с хозяином травили медведей. Свора обычно отвлекала внимание косолапого, а Грей, улучив момент, запрыгивал медведю на спину. Обезумевший от ярости и боли зверь что только не делал, чтобы сбросить с загривка нелегкую, беспрестанно жалящую ношу. Но волкодав отпускал его лишь тогда, когда старик подходил к медведю на расстояние верного выстрела и коротким свистом извещал пса, что пора ему и своре отойти на безопасное расстояние...

Бэндог выдохся. Это стало ясно всем. "Шкаф", его хозяин, пенился от бессильной злости и кричал так, словно его резали. Но пес уже не внимал его командам; он носился по рингу с угла в угол, иногда падал, с трудом поднимался, и снова продолжал свой безумный забег с тяжелым грузом на спине. Никогда прежде он не испытывал такого унижения. Викинг всегда побеждал, он был по своей сути вожаком стаи, а потому до сих пор просто не представлял себя в роли униженного и поверженного. Бессильная злоба, не находящая выхода, смешанная с накопившейся за время боя усталостью, постепенно превращалась в апатию, и Викинг, уже будучи не в состоянии держаться на ногах, сначала упал на передние лапы, а затем и вовсе лег, погребенный под черным мохнатым ужасом, все глубже и глубже запускаящим свои клыки в тело бэндога.

Бой остановил главный судья – вопреки бурным возражениям совсем потерявшего голову хозяина Викинга.

У старика хватило сил лишь на то, чтобы отозвать условным свистом злого, как тысяча чертей, Грея. Едва пес подошел к нему и ткнулся мордой в колени, Егор Павлович даже не сел, а рухнул на пол ринга. И тогда впервые произошло то, чего до сих пор никогда не случалось: волкодав заботливо слизал своим бархатным языком с лица старика капельки слез.

– Я говорил, я говорил!.. – кричал счастливый Чижеватов.

– Да, да, конечно... – старик еле ворочал языком.

Овации в честь Грея не утихали...

Отступление 7. Зона Сиблага, 1960 год Вблизи хребет поражал своим грозным величием и неприступностью. Конечно, он не был так высок, как гора Казбек в Грузии, нарисованная на папиросной пачке; Громовик по высоте не дотягивал и до трех тысяч метров над уровнем моря. Однако человек в здравом уме – если он не хорошо подготовленный альпинист – даже не подумал бы сделать попытку оседлать его длинную спину, куда вели лишь бараньи тропы.

И тем не менее Чагирь рискнул...

Теперь свора уверенно и цепко стала на след беглых зэков и довела Егора до крутого склона, за которым начинался хаос из скал, ложбин и уродливых сосен, державшихся на юру благодаря не толщине ствола и прочности корней, а из-за приземистости и широко раскинутых крученых-перекрученых веток, дробящих воздушные потоки, вследствие чего деревья выдерживали любые бури.

Егерь решил устроить привал на берегу ручья, берущего начало среди скал Громовика – там, где сахарно белел так и не растаявший за лето снег. До темноты оставалось еще часа три, но он понимал, что должен прежде всего хорошо выспаться, так как до следующего привала, во-первых, нужно еще дожить, а во-вторых, когда появится возможность хотя бы отдохнуть, Егор просто не мог знать. Он понимал – погоня вступает в завершающую фазу; а это значило, что с завтрашнего утра, по меньшей мере на сутки, о сне можно забыть.

Костер он разжигать не решился, обошелся вяленным мясом и сухарями – на всякий случай, чтобы ненароком не выдать Чагирю свое месторасположение. Места кругом были нехоженые, дикие, а потому даже запах дыма мог подсказать беглому пахану, что Сатана совсем рядом. Немного поразмыслив, Егор избавился и от продуктов для собак, бросив им всю вяленую без соли рыбу, которая у него еще оставалась, и часть немного заплесневевших сухарей. Как ни обидно было это сознавать, но при подъеме на Громовик псы станут для него обузой, и егерь решил их оставить здесь, у подножья хребта. Он знал, что свора не пропадет. Собаки были обучены сколь угодно долго оставаться без хозяина, терпеливо ожидая его возвращения – где бы то ни было. Тем паче Егор не переживал из-за корма для псов: Уголек под предводительством Неры мог загнать даже сохатого. Но в этом году расплодилось много зайцев, а потому егерь был уверен, что свора оставит красного зверя в покое, и будет охотиться лишь на косых, нежное жирное мясо которых собаки ели с большим аппетитом, чем сухую и жестковатую оленину или лосятину.

Засыпая, Егор с тревогой думал о беглых зэках – они уже имели оружие...

Он оказался прав, когда предположил, что Чагирь мечтает раздобыть ствол и пойдет ради этого на все. Но как он узнал, где можно добыть ружье? Это был вопрос. И тем не менее, группа пахана вышла точно на заимку ненца Хойко, появившегося в прикордонье около десяти лет назад. Он привез с собой жену по имени Яляне и двухгодичного сына. Что побудило ненца бросить родное стойбище и убраться от него подальше, за тридевять земель, так никто и не узнал. Хойко не стал селиться ни в одной из деревень округа, а, будучи великолепным охотником-промысловиком, заключил договор с заготконторой и отправился в настоящую глушь, на Бабаеву заимку, существующую с начала столетия. В революцию там скрывались сначала красные партизаны, а затем бандиты, грабившие золотоискателей. Гораздо позже, уже по окончании Отечественной войны, Бабаева заимка приютила каких-то богоискателей, но они прожили недолго и померли почти в одночасье, все девять человек, чем вызвали разные пересуды среди жителей таежных поселений, постепенно превратившиеся в истории-страшилки. Тем не менее Хойко не поверил в нечистую силу,

оккупировавшую Бабаеву заимку, и устроился там надолго. Правда, сына он все-таки отправил в школу-интернат, но сам перебраться поближе к цивилизованным местам отказался наотрез.

Чагирь застал Хойко врасплох. Тайга – это не побережье Черного моря, где можно безбоязненно ходить и днем, и ночью не то что без оружия, но и вообще в одних плавках. Изредка в ней пропадали не только бесшабашные, плохо приученные к таежным условиям, золотоискатели, но и опытные охотники-промысловики имеющие ружья и собак. В тайге незнакомый человек всегда опасность; тем более, вооруженный. И это Хойко знал хорошо. Однако каким-то образом Чагирь его перехитрил. Когда след беглых зэков привел Егора на Бабаеву заимку, егерь обнаружил мертвого ненца и едва дышавшую Яляне.

Она была довольно искусно (с бандитской точки зрения) исколото ножами – так, чтобы не истекла кровью и не умерла, и в то же время чтобы не смогла долго протянуть без медицинской помощи.

Егор сразу понял задумку Чагирия. Бандит знал почти наверняка, что Сатана идет по пятам, и потому подстраховался таким жестоким образом. Он был на все сто процентов уверен, что егерь не оставит умирать раненную женщину; значит ему придется возвратиться в обжитые места с нелегкой ношей в виде Яляне.

Тем временем беглые успеют одолеть Громовик, а там хоть трава не расти – до железки рукой подать. И никакие заслоны не остановят беглых бандитов, потому что их вел сам Чагирь. А пахан ничего не делал наобум; скорее всего, на железнодорожной станции зэков ждали одежда, надежные документы, деньги, грим, чтобы немного подправить внешность, и билеты в центральную часть страны. Егор, проживший все эти годы в ожидании побега убийцы своих родителей, настолько проник в образ и мысли своего злейшего врага, что совершенно не сомневался – так оно и есть.

Чагирь просчитался. Но не в той части замысла, которая касалась лично Сатаны – егерь и впрямь намеревался доставить ее в ближайшую больницу, хотя до нее и было около двадцати пяти верст. (Правда, такое решения он вырвал из своего сердца с отчаянием и болью). Однако закаменевшая от горя и потери крови женщина наотрез отказалась от помощи Егора. Она лишь повторяла, как молитву: "Убей их, убей их, убей их..." К счастью, у егеря была военная аптечка, которой снабдил его Кривенцов. Перевязав раны, сделав несколько нужных в таких случаях уколов и накормив Яляне горячим бульоном, Егор написал обстоятельную записку с описание случившегося. Он спрятал ее в просмоленный мешочек, привязал донесение к ошейнику самой смышленной из все своры ищейки, кобеля по кличке Полкан, и приказал ему найти Блинкова (таким образом он пытался приспать большую совесть). Предполагая нечто подобное, егерь попросил капитана отрезать кусок его портянки, и теперь пес мог разыскать помощника начальника лагеря где угодно – Полкан обладал поразительным верховым чутьем. Его отцом был Уголек и самая лучшая лайка, которую только можно было сыскать в таежных деревнях. Егор выменял пса еще щенком на одного из своих зверюг – для того, чтобы улучшить потомство.

Да, теперь Чагирь был вооружен, притом карабином. Это было плохо... очень плохо... С этой мыслью Егор и погрузился в глубокий сон...

Рассвет застал егеря уже среди диковинных сосен, в ложбине, скрывающей его от нескромных глаз. Он вышел затемно, чтобы не попасть по светлomu на мушку карабина бандитов, которые могли наблюдать за открытым участком склона, где змеилась звериная тропа на Громовик. Ему уже вовсе не нужны были ищейки, чтобы найти следы Чагирия и его подручных. Всего беглых, вместе с паханом, было четверо – отчетливые отпечатки подошв на илистом участке ручья, который зэки перешли вброд, рассказали опытному таежнику-следопыту так много, что, наверное, сам Чагирь удивился бы.

Теперь Егор знал, что один из беглецов, самый высокий ростом, прихрамывает; второй – любитель жульничать даже со своими товарищами; он на ходу украдкой жевал сухари и сахар, общий НЗ, роняя крошки под ноги; у третьего были нелады с мочевым пузырем – видимо, какое-то воспаление; он ходил по малой нужде через каждый километр. А у самого пахана был припрятан небольшой нож – он прикрепил его к щиколотке правой ноги, под штанину. Егор заметил это, когда исследовал очередной короткий перекур эзков посреди влажной низменности. Чагирь лежал на правом боку, и вмятина от ножа просматривалась достаточно отчетливо. Похоже, пахан за годы, проведенные в зоне, стал еще более хитрым и недоверчивым...

Четверо... Беглых эзков снова четверо. История повторяется... Так думал Егор, взбираясь на довольно широкий скальный порог, продолжение звериной тропы. Бандиты тоже шли этим же путем, только с большим отрывом от егеря. Но он не унывал – впереди беглецов ждали такие крутые и неудобные подъемы, что по ним не то что идти, ползти придется с черепашьей скоростью. И здесь он своего не упустит. В долгом ожидании побега Чагиря Егор много раз взбирался на скалы, чтобы приобрести необходимый навык. Он изучил все тропы, все пути возможного маршрута пахана. Бывал егерь несколько раз и на Громовике. Дома Егор устроил своеобразный спортивный уголок и в свободное время часами подтягивался на перекладине, отжимался от пола, лазил, словно обезьяна, по канату и деревьям, качал пресс, с ловкостью эквилибриста ходил по тонкому бревну, перекинутому через глубокий овраг, приучал себя не спать несколько суток подряд. И теперь он мог висеть над пропастью на кончиках пальцев добрых полчаса, нимало не пугаясь высоты и не теряя силы.

Все-таки до ночи он не догнал эзков. Они были уже совсем близко, что называется рукой подать, но – не догнал. Егор долго раздумывал, что делать дальше – продолжить подъем в темноте, или подождать рассвета.

Перед ним высился самый неудобный и опасный участок – скалы Близнецы. Тропа обвивала их сброшенной змеиной шкурой – такой же шероховатой, в прорехах провалов, лентой, петляющей настолько причудливо, что и днем впору было загреметь на многочисленные пики, акульими зубами торчащие далеко внизу.

Подумал и решил – нужно идти. У него просто не было иного выбора...

Жарко, думал он. Как, все-таки, жарко... Думал и сам себе дивился – ночью на склонах Громовика температура упала почти до нуля. Но горячее нетерпение жгло его изнутри словно паяльной лампой.

Егор карабкался размеренно, стараясь не шуметь и не делать резких движений. Иногда ему казалось, что бандиты совсем рядом, за следующим поворотом тропы и что он даже слышит их тихую речь. Тогда егерь надолго замирал, боясь шелохнуться и, как бы ни была неудобной поза, стоически терпел, сколько считал нужным. В одном месте Егор чуть не сорвался, но успел зацепиться за небольшой каменный отросток всего двумя пальцами, и пока извивался угрем над черной бездной, стараясь побыстрее найти еще одну точку опоры, едва не заорал во весь голос от ярости и отчаяния – он просто не имел права, не мог умереть, не рассчитавшись с Чагирем сполна.

Пронесло... Привалившись спиной к холодному, вспотевшему камню, Егор сидел, скукожившись, на крохотном пятчке тропы, под небольшим уступом, и размеренно жевал вяленую сохатину. Он понимал, что не подкрепившись, далеко не уйдешь. Эта вынужденная остановка почти на вершине одной из скалблизнецов его раздражала, и егерь время от времени сокрушенно качал головой. Есть ему вовсе не хотелось, но он, буквально насилую себя, запихивал жесткие ломтики мяса в рот и механически работал челюстями, почти не ощущая вкуса походного охотничьего продукта.

Занималась заря. Она высветила дальний горизонт, отделив чернильную темень еще сонной тайги от начинающего синеть неба темно-оранжевым поясом. До звезд казалось можно было рукой дотянуться. Они мерцали холодно и безразлично. В какой-то момент Егору даже почудилось, что он уже не сидит на твердых камнях, а плывет по волнам воздушного океана на упругом ковре-самолете, все дальше и дальше удаляясь от коварных скал, за которые можно хотя бы зацепиться. Испуганно ахнув, егерь двинул себя несколько раз в челюсть – чтобы прогнать сонную одурь, постепенно овладевающую уставшим телом.

Немного отпустило... Посмотрев на восток, Егор решил – пора. Упаковав значительно полегчавший вещмешок и пристроив его и карабин за спину, он снова начал карабкаться по тропе, от которой осталось лишь название – узкие карнизы, местами в две-три ладони шириной, и уступы, похожие на ступени дьявольской лестницы, предназначенной для грешников, спускающихся в ад, мало походили на стежку в общепринятом понятии этого слова. Возможно, для снежных баранов-толсторогов она и казалась проспектом, но для человека такая "прогулка" удовольствия не доставляла. Прижимаясь всем телом к морщинистым скалам, Егор невольно подумал о том, как идут по тропе беглецы, совершенно неподготовленные к горным восхождениям. Если уж ему трудно, то что говорить о них...

Как ни странно, но ответ на этот вопрос он получил через несколько минут. Егор уже перешел по перемычке между скалами и хребтом и осторожно продвигался под отвесным обрывом, опасаясь камнепадов, нередко случающихся на Громовике именно в утренние часы. Неожиданно где-то вверху раздался сначала предостерегающий оклик, а затем прозвучал вопль отчаяния, сменившийся на безумный визг. Егор едва успел прижаться к каменной стене, как почти у его ног – где-то в полуметре – глухо шлепнулось человеческое тело. Оно невысоко подпрыгнуло, словно тряпичный мяч, и, задержавшись на долю секунды, полетело дальше, в бездонный провал, сорвавшись с пологого карниза. Обалдевший егерь минуты две заторможено смотрел на красное пятно, оставшееся после падения – сила удара тела о камни была такова, что разорвались артерии и вены и кровь хлынула фонтаном.

Первый! – так подумал в мстительном возбуждении Егор, когда прошел столбняк. Он так и не понял, кто из зэков сорвался со скал. Но это его совершенно не волновало. Он почему-то был абсолютно уверен, что это не пахан. В голове егеря лишь щелкнуло, как в арифмометре: четыре минус один равняется трем. Все меньше пуль тратить...

Теперь он шел гораздо осторожней, чем прежде. Чагирь был совсем рядом, наверху, всего в полусотне метров по вертикали. Но чтобы их преодолеть, не хватит и двух часов... Поразмыслив, Егор решил пойти более длинным путем, в обход, так как, карабкаясь по уступчикам в том месте, где взбирались беглецы, он запросто мог уткнуться лицом прямо в дуло карабина, позаимствованного Чагирем у ненца. Немного дальше, за каменным завалом, начиналась еще одна тропинка, более удобная, нежели та, по которой до сих пор шел следопыт. Вернее, первая тропа раздваивалась и более короткий ее отросток, оседланный беглыми зэками, вел прямо к вершине Громовика. Второе ответвление огибало обрывы и шло по поросшему лесом участку. Эта стежка была положе, но длинней. Однако Егор знал, что чуть выше от нее отходит еще одна ветвь, забирающая влево. Она выводила как раз к тому месту, где по расчетам егеря должны пройти бандиты через шесть часов. По прикидке получалось так, что он должен опередить их и устроить засаду, чтобы бить беглых зэков с удобной позиции – сверху.

Егор торопился. Ему казалось, что он опаздывал, а потому егерь не щадил ни рук, ни ног. Мышцы временами становились каменными и каждое движение вызывало острую боль. Но следопыт, стиснув зубы, рвался вверх с таким отчаянным напором, будто от скорости продвижения зависела его жизнь. Впрочем, так оно и было...

Он заметил Чагиря и двух остальных беглецов, когда вскарабкался на плоский отрог. До цели осталось всего-ничего, метров восемьдесят достаточно полого поднимающейся вверх по

склону тропы. Но она уже была перекрыта – все-таки бандиты опередили егеря. Застонав от отчаяния, Егор тряхнул головой, чтобы успокоиться и, спрятавшись за странной формы камнем, напоминающим своими очертаниями лошадиную голову, начал готовить карабин к стрельбе. Иного выбора у него не было – дальнейший подъем представлял собой совершенно голые скалы, на которых можно заметить не только человек, но и мышшь. Заметить и сшибить даже камнем, удачно брошенным сверху. Егор был уверен, что бандиты устроят привал – и время подходящее, и места лучше не найти; последний привал перед решительным броском на вершину хребта.

Чтобы поточнее прицелиться, он немного отступил – к низкорослым сосенкам, чудом забравшимся на бесплодный каменистый склон. Цепляясь за стволы и ветки, он поднялся чуть выше, с таким расчетом, чтобы хорошо просматривалась площадка, где, как он и предполагал, отдыхали беглецы. Пристраивая карабин в развилке уродливого деревца – чтобы не дрогнули руки, изрядно натруженные при подъеме, Егор огорченно вздохнул: сделать верный выстрел мешала чахлая поросль, обрамившая площадку. Веточки кустиков были тонкими и с такого расстояния казались почти прозрачными, но егеря знал, что они способны отклонить даже самую тяжелую пулю.

Повздыхав, Егор прицелился – ждать дольше не было смысла...

Он стрелял дуплетом – за секунду два выстрела. Первая пуля вошла одному из беглых зэков точно в грудь, а следующая все-таки изменила траекторию и лишь ранила второго – в предплечье. Егор так и не разобрал, кто из трех бандитов Чагирь, а потому бил по наитию и как было ему удобней. Едва отгремели выстрелы, площадка опустела. Следопыт со своей высоты видел лишь тело убитого; остальные попрятались в какието расщелины. С досады выругавшись, егеря быстро сменил позицию – поднялся чуть выше, в кустарники, где можно было ждать дальнейшего развития событий без особой опаски, что его заметят.

Потянулись томительные минуты ожидания. Егор понимал, что беглецам деваться некуда – и спуск, и подъем были под прицелом его карабина. Наверное, и бандиты так считали. Их даже темнота не спасала – в зоне ходили легенды о невероятной способности Сатаны точно стрелять на малейший звук и в потемках.

Так что же они предпримут? Егеря был абсолютно уверен, что Чагирь, если он остался жив, так просто не сдастся. Но как он может уйти с открытой площадки, не подставив голову под пули?

Ответ последовал примерно через полчаса. Егор, пристально наблюдающий за противником, вдруг заметил, что убитый зашевелился и... пополз! Неужто он промахнулся!? Следопыт мгновенно взял его на мушку, но в следующий момент снял палец со спускового крючка: тело двигалось как-то странно, по-рачьи – задом наперед и притом без помощи рук. Егеря догадался, что мертвеца тащат за ноги. Зачем? Несколько обескураженный следопыт ломал голову над этим вопросом битый час. Но так ни до чего и не додумался.

Тело осталось лежать на виду, его лишь переместили вплотную к груде камней, за которой прятался один из беглых.

Прошло еще четверть часа. Бандиты явно что-то затевали. Но что они могут сделать на открытом месте?

Неожиданно мертвец... поднялся! Ошеломленный Егор машинально нажал на спусковой крючок, целясь ему в голову. Он хорошо видел куда вошла пуля – точно в лоб, над переносицей. И тем не менее мертвец передвигался, держась поближе к откосу.

Егерю показалось, что он сходит с ума. Кустарник скрывал нелепую фигуру мертвеца (!?) до половины и ему не было видно, что творится внизу, у него под ногами. Чтобы разобраться в

ситуации, Егор плюнул на осторожность и начал взбираться на ту сосенку, под которой он устроил засаду. Но едва следопыт подтянулся на руках и забрался на удобную ветку, как наконец заговорил и карабин Чагиря. Пули сбивали хвою, щелкали по камням и расщепили хилый ствол дерева-уродца. Егеря не стал изображать героя и рухнул вниз, в спасительный кустарник. Несмотря на то, что он уже был не на виду, обстрел его вышки не прекращался. Создавалось впечатление, что бандиты вообще не целятся, а палят в белый свет как в копейку.

Так продолжалось минут пять. Недоумевающий Егор лежал, не высовываясь, и дожидался пока у бандитов закончатся или патроны, или приступ бессильного бешенства – а как еще можно было охарактеризовать совершенно нелепую и неэффективную стрельбу?

Наконец наступила тишина. Очень странная тишина. Обеспокоенный Егор поторопился занять прежнюю позицию и осмотрелся. Мертвец снова лежал, как ему и положено, площадка была пуста. Где бандиты?

Следопыт внимательно оглядел склон, но ничего подозрительного не заметил. Несмотря на это в душе егеря почему-то поселилась тревога, чего не было прежде. Он долго крепился, стараясь успокоиться, но все его усилия оказались тщетны – смятение не оставляло ни ум, ни сердце. Что-то шло не так, как планировалось...

Устав бороться с неопределенностью, Егор оставил свою позицию и пополз через кустарник к площадке. Он решил пойти ва-банк – приблизиться к бандитам вплотную и встретиться с ними лицом к лицу; о том, что он может промахнуться или не успеет вовремя нажать на спусковой крючок, егеря даже не думал – такого с ним еще не случалось.

Но выполнить свой замысел он не успел. Ему показалось, что где-то вверху загрохотал гром (при ясном небе?). Егор на секунду остановился, будто запнулся, а затем все-таки повернулся на бок и посмотрел на небо, до половины закрытое каменным козырьком. То, что он увидел, показалось ему дурным сном: над скалами зависло пыльное облако, с которого падали камни. Прыгая по склону, они с невероятной скоростью приближались к следопыту, которому просто негде было укрыться от лавины. Единственное, что он успел сделать перед тем, как его накрыл камнепад, так это свернуться в клубок и закрыть голову вещмешком, где находились остатки продуктов и алюминиевая фляга с водой...

Пробуждение было тяжелым и каким-то нереальным. Когда Егор открыл глаза, то обнаружил себя лежащим лицом вверх на площадке, где совсем недавно укрывались беглые зэки. Несмотря на боль в побитом камнями теле, все еще туманящей сознание, он сразу узнал это место. Егеря сделал поистине титаническое усилие и попытался сесть. Принять сидячее положение ему удалось только со второй попытки. Когда он протер глаза от пыли, и осмотрелся, то сразу же натолкнулся на тяжелый, насмешливый взгляд крепко сбитого человека с сидящим бобриком коротко стриженных волос.

– Оклемался, пес подзаборный? – спросил он Егора.

Чагирь! Не веря собственным глазам, Егор бросил быстрый взгляд на свой карабин, прислоненный к большому камню шагах в трех от егеря.

– Что, хочешь пулянуть? – криво ухмыльнулся пахан. – Все, Сатана, кранты. Ты уже отстрелялся.

– Как вы... меня?..

– Поимели? Ха-ха.. – довольно хохотнул Чагирь. – Чего проще. Пока мой кореш, прикрываясь мертвецом, шмалял по тебе из винта, а ты носом землю рыл, я поднялся наверх и заложил под скалу пару динамитных патронов. Мы их нашли у самоеда на заимке. Ну, а дальше чего

рассказывать – сам видишь. Бум! – и мы в дамках.

– Зачем нужно было нанайца убивать? Ублюдки...

– Я ему сейчас глаза выну! – В поле зрения Егора появился второй бандит, высокого роста мужчина, разменявший пятый десяток; в его руках холодно блестел самодельный финский нож.

Он был высокого роста, худой, но жилистый, и ходил, приволакивая правую ногу.

– Не горячись, Скок, пусть себе ругается. Всею свое время. Теперь уже спешить некуда – главная ищейка в наших руках. Остальные не в счет. Отдохнем, как следует, потолкуем с Сатаной... по петушкам,[30] а после... – глаза Чагиря мечтательно сощурились. – После устроим маленький сабантуй для души... ха-ха...

Егор промолчал. Он был совершенно опустошен и смят неожиданным поворотом событий. Егерь понимал, что живым его не выпустят, а значит Чагирь в конце концов возьмет верх в их противостоянии, затянувшемся на долгие годы. От этой мысли все его естество на миг вспыхнуло жарким пламенем, и тут же потухло, погрузившись в бездну отчаяния. Он проиграл... А значит наглая смерть родителей так и останется не отомщенной.

– Скажи мне вот что, Сатана: зачем ты истреблял братву? Неужто ради бабок, что тебе платил хозяин? – с искренним интересом обратился к егерю пахан, усаживаясь напротив пленника на плоский камень.

Чагирь его не узнал! Впрочем, встретить Егор пахана где-нибудь в городской толпе, одетым не в робу, а в приличный костюм, он и сам бы прошел мимо своего злейшего врага даже не дернувшись – годы одинаково беспощадны и к тем, кто гуляет на воле, и к тем, кто трет лагерные нары за колючей проволокой зоны.

– А ты как думаешь? – вопросом на вопрос ответил егерь.

– Конечно, за бабки. Дешевка она всегда дешевка, под любым прикидом. – Чагирь самодовольно осклабился.

– Что тебе стоило оставить нас в покое? – в золоте купался бы. Урки – народ честный, слово держат всегда.

Разве трудно было намекнуть кому-нибудь из братвы, что так, мол, и так, живу бедно, скучно и без перспективы вырваться со своего медвежьего угла. Мы люди понятливые, подсобили бы. И тебе хорошо, и нам дорога к воле открыта. Ан, нет, за гроши нас отстреливал, давил, как вшу... падло! Вот и допрыгался... – пахан выматерился.

– Говоришь, урки – честный народ? – со злой иронией спросил Егор. – Друг за друга горой, все делите по справедливости – пополам, живете по принципу: сам пропадай, а товарища выручай... Так?

– Слышь, Чагирь, мне уже надоели эти базлы... – Скок с мрачным видом уставился на пахана. – Пора его кончать. Скоро вечер, а нам еще топать и топать до вершины.

– Отлипни, Скок! – в голосе Чагиря прозвучали металлические нотки. – У меня все просчитано. В нужном месте будем вовремя, не ерошись. А тебе отвечу, – обернулся он к егерю. – Да, я готов за кореша жизнь положить.

– Ложь! – Егор спокойно выдержал тяжелый взгляд пахана. – Ты и в этом побеге со спокойной душой подставил своих товарищей под пули, лишь бы уйти самому. Да, верно, ты все просчитал как нужно. В этом у меня сомнений нет.

– И в этом побеге? – Чагирь нахмурился и пристально всмотрелся в лицо Егора. – Что ты имеешь ввиду?

– Вспомни Малеванного, которого ты зарезал как свинью. А он надеялся... на твою дружескую помощь.

Вспомни!

Чагирь на миг оцепенел. На его лице, желтовато-бледном от долгого сидения за колючей проволокой, появился лихорадочный румянец, а в глазах замельтешило удивление вперемешку со страхом – будто перед ним появился сам Малеванный; и не призрак, а во плоти. Но ступор продолжался недолго. Судорожно сглотнув, будто пытаясь протолкнуть застрявший в горле ком, он заорал:

– Заткнись, мать твою! Скок! Порви ему пасть! Нарезь из него полос и кишки выпусти. Да поспеши – нам и впрямь пора.

– О чем идет базар? – Скок насторожился и недобро зыркнул на пахана. – Ну-ка, Сатана, повтори, что ты там трепался про Малеванного.

– Я тебе сказал – кончай его! Или ты глухой? – Чагирь встал.

Теперь он уже не отрывал глаз от Егора. Следопыт тоже глядел на него – с нескрываемой ненавистью. И пахан наконец узнал его.

– Ты-ы!? – Чагирь даже задохнулся на миг. – Так это ты!?

– А кто же еще. И знаешь, я сейчас жалею только об одном – что не раздавил тебя тогда, как гниду. Ты убил моих родителей, сволочь! Ты прикончил и пахана Малеванного – чтобы он не был тебе обузой. Интересно, известно ли об этом твоим "корешам" в зоне?

– Дай! – почерневший от бешенства Чагирь вырвал из рук Скока финку. – Да, убил! Я сделал с них рубленые котлеты... крха-крха... – Он хрипло хохотнул – словно ворон прокаркал. – Понял! Я! А ты меня упрятал в зону, щенок. Так что мы теперь квиты. Но между нами есть одна разница: ты сейчас подохнешь, а я буду жить. Долго буду жить!

Пахан подскочил к Егору и ударил его финкой. Вернее, попытался ударить – с виду медлительный и хромой Скок молниеносно бросился ему наперерез и отшвырнул Чагиря в сторону с такой легкостью, будто это был соломенный куль.

– А ну погодь... – тихо произнес Скок, напряженно глядя на Чагиря. – Не пори горячку. Дай послушать ффраерка. – Он повернулся к Егору: – Начинай, Сатана, звони все, что знаешь о Малеванном.

– Что ты хочешь услышать? – Егерь перевел дух и попытался собраться – как ни готовься к смерти, но когда до нее рукой подать, редко кто может оставаться абсолютно спокойным.

– Я хочу послушать как помер мой брат Спиридон.

– Хочешь сказать, что Малеванный – твой?.. – Такого поворота Егор не ожидал, а потому опешил.

– Да. Старшой. Говори все, как на исповеди. Скажешь правду – умрешь легкой смертью. Солжешь – на кусочки изрежу, будешь сутки сдыхать в страшных муках. Понял, нет? – Скок, ощерившийся, будто взбесившийся пес, был страшен, словно сам нечистый.

Егор посмотрел на Чагиря, который стоял чуть поодаль и пожирал глазами следопыта, затем

перевел взгляд на Скока и, утвердительно кивнув, вкратце рассказал о событиях 1948 года.

– Вон, оно, значит, как... – Скок обернулся к Чагирю. – До меня доходил звон, но я не верил... Зачем Спирьку сгубил?

– Кого слушаешь, дурачина? – голос пахана был тих и спокоен. – Сатана горбатого лепит, а ты свои уши сушить повесил.

– Нет ему резона врать перед смертью... – Скок не отрывал от него побелевших от ярости глаз. – А я тебе верил... Все верили. Значит, тогда ты братана замочил, а теперь всех нас на съедение псам бросил... Шкуру свою бережешь. Какая же ты сука, Чагирь...

– Ты!.. – выскочил пахан. – Говори да не заговаривайся. Я тебе не шестерка. Сатана врет, как сивый мерин.

Разве ты не видишь, что он хочет нас поссорить? Кончай базар и вали эту ищейку. И пора отсюда когти рвать, пока другие легавые на шухер не подвалили.

– Зачем брата... Спирьку... – Скок казалось не слышал слов Чагиря. – Ты мне ответишь, век свободы не видать... – Пошатываясь, словно пьяный, он шагнул к пахану, который снова успокоился и наблюдал за ним, как показалось Егору, с холодным интересом.

– Напрасно... – Пахан стоял на месте, как статуя – не шевелясь. – Напрасно ты эту разборку затеял...

Скок не ответил. Он надвигался на Чагиря, будто намереваясь растереть его в порошок о скалу за спиной пахана. Скок передвигался словно сомнабула – с широко открытыми, ничего не видящими глазами и безвольно болтающимися вдоль туловища длинными руками. Со стороны казалось, что ситуация ничем серьезным пахану не грозит, но Чагирь, хорошо знающий о медвежьей силе Скока, думал иначе. Под натиском товарища по побегу пахан начал медленно отступать, забирая влево, к обрыву, под которым далеко внизу зеленел плотный ковер сосновых крон. Таким образом они постепенно приближались к Егору, который следил за разворачивающимися перед ним событиями затаив дыхание. Он понимал – сейчас Скок вне себя, но что задумал Чагирь? А в том, что хитрый, как змей, пахан уже готовит для своего, теперь уже бывшего, друга какую-то пакость, егерь совершенно не сомневался – несмотря на финку, оставшуюся в руках Чагиря, в рукопашной против Скока его шансы практически равнялись нулю. Это было видно по посеревшему от гнева и страха лицу пахана, который даже не помышлял воспользоваться для собственной защиты остро отточенным клинком.

Все свершилось быстро и страшно. Чагирь вдруг прыгнул в сторону, как большой кот, и упал, а когда Скок навис над ним, угрожающе протягивая к горлу пахана свои руки-клещи, тот наставил на него лежавший рядом короткоствольный карабин Хойко и расстрелял прямо в грудь брата Малеванного всю обойму.

Егора будто током ударило. Как ни странно, но камнепад не сломал ни одной его кости, лишь наставил синяков, а потому тело хоть и болело, однако все же повиновалось, в чем следопыт успел убедиться, незаметно для бандитов двигая руками и ногами. Муть в глазах уже прошла, только в голове стоял шум, мешающий сосредоточиться. И тем не менее Егор все-таки сообразил – стычка Скока с Чагирем дает ему шанс; пусть и мизерный, но все же...

Пахан уже встал, когда егерь, собрав оставшиеся силы, подобрался к нему на четвереньках – сразу подняться на ноги он не рискнул, боялся, что в вертикальном положении не удержит равновесие. Чагирь, все еще под впечатлением схватки со Скоком, посмотрел на него недоумевающим взглядом и не нашел ничего лучшего, как отступить в сторону. Но не на столько далеко, чтобы Егор не смог до него дотянуться. Егерь, оттолкнувшись от земли с

таким яростным усилием, что даже в глазах потемнело, по-собачьи прыгнул вперед и схватил пахана за правую ногу. От неожиданности Чагирь выронил карабин, которым мог воспользоваться как дубинкой, и принялся голыми руками молотить клещом вцепившегося в него Егора.

Захваченный врасплох, он понял замысел следопыта чересчур поздно. Егор, мужественно терпя удары, все-таки добрался до ножа, который пахан хранил привязанным к лодыжке правой ноги. Разорвав ветхую штанину, егерь выдернул небольшой клинок из ножен и нанес Чагирю несколько ударов, целясь в живот. Но достал лишь до бедра. Пахан, словно очнувшись от кошмарного сна, в бешенстве заревел, будто раненный зверь, и одним мощным усилием освободился от захвата. Он не стал ввязываться в драку с Егором, а подбежал к камням и схватил оставленный там без присмотра карабин егеря.

Все кончено, почему-то с облегчением подумал Егор. Вот теперь уже он действительно проиграл... Егерь встал и подошел к обрыву. Его шатало, к горлу подступала тошнота, в глазах мелькали радужные круги.

Нет, он не даст Чагирю возможность раскромсать его тело на куски – так, как этот хищник в человеческом обличье поступил с родителями!

Егор окинул взглядом горизонт и, раскинув руки так, будто они были крыльями, прыгнул вниз – туда, где густо росли разлапистые сосны...

Глава 25. Сюрприз

День казался резиновым. Сначала Клевахин смотрел на наручные часы, но когда убедился, что в минуте явно не шестьдесят секунд, а по крайней мере втрое больше, он в раздражении снял их и зашвырнул в ящик письменного стола – чтобы не подвергать себя ненужному соблазну. Куча бумаг, которые всучил ему Никольский, вызывала даже не отвращение, а неистовое желание облить их бензином и сжечь все к чертовой матери. Наконец, не выдержав пытку временем, он втихомолку смылся из управления – где-то за полчаса до обеда – и просидел "У Михеича" остаток рабочего дня, наливаясь спиртным под завязку. Но алкоголь, вместо того, чтобы, как обычно, приносить облегчение и разрядку, еще больше сгущал мрачные тучи, заполнившие тяжелую голову.

Майор не стал поднимать шум из-за того, что кто-то проник в его квартиру и изгваздал ее от пола до потолка кровью. Такой поступок был сродни крику о помощи глухой ночью в поселке Красный Пахарь – ори, сколько хочешь, только горло надорвешь, да еще и схлопочешь лишний раз по физиономии. Клевахин понимал, что Джангиров и те, кто стоит за ним, в очередной раз продемонстрировали свою силу и возможности – на всякий случай, если майор не захочет правильно понять отставку от "кладбищенского" дела. Оставалось лишь прикинуться в очередной раз туповатым простаком и сделать хорошую мину при плохой игре. Поэтому Клевахин, кое-как приладив замок – хлипкую "совковскую" дверь даже не потрудились открыть отмычкой, а просто вышибли – отправился ночевать к Тюлькину, наплевав старлею, что его в очередной раз залила Грачиха, соседка с верхнего этажа.

Уснул он только под утро. Если всякие там метафизики и прочие оккультисты говорят правду, то эта ночь и для Джангирова была бессонной и явно не из лучших. За долгие годы работы в уголовном розыске с Клевахиным случалось всякое, но никогда и никто так бесцеремонно не вторгался в его личную жизнь.

Постоянно вращаясь среди отбросов общества, он, тем не менее, не утратил ни доброты, ни

человечности; его генная конституция оказалась в состоянии выдержать и едкую кислотную среду тоталитарного строя, и трупный яд мертворожденной демократии. Скорее всего, майора спасало неизбывное чувство юмора и чисто деревенская созерцательная обстоятельность, присущая людям, выросшим не в каменных городских джунглях с их сумасшедшим житейским ритмом, а в сельской местности, где время не имеет ни цены, ни смысла.

Но сейчас Клевахин был глубоко оскорблен. Мало того – он кипел от ярости, наполнившей его до краев. И если в кабинете Бузыкина, когда тот предложил ему передать "кладбищенское" дело Берендееву, майор даже несколько поколебался в своих намерениях довести расследование до финала, то теперь он готов был не только докопаться до самого дна этой истории, но и объявить Джангирову настоящую вендетту. Знал бы сатанист, какого дьявола разбудил своим дурацким ритуальным предупреждением...

Домой майор возвратился около восьми вечера. Теперь его уже не мог испугать вид измазанных кровью стен; мало того, он даже хотел посмотреть на сатанинскую роспись, чтобы еще больше ожесточить свою негодующую душу для предстоящего поединка с врагами. Именно врагами – до сих пор майор просто исполнял свой долг, абсолютно не испытывая ни симпатий, ни антипатий к тем, кого ему приходилось преследовать, ловить и сажать за решетку; в его понимании менты и уголовники были всего лишь двумя сторонами тяжелой медали, болтающейся на шее общества.

Отрешенный, весь в плену мыслей и переживаний, Клевахин вставил ключ в замочную скважину, но повернуть его не смог. Озадаченный, он с минуту тщетно трудился над непослушным замком, а затем, разозлившись, пнул дверь ногой, чтобы взломать ее в очередной раз, благо она держалась на честном слове.

Дверь устояла. Мало того – она ответила не податливой упругостью, а жестким металлическим гулом. Что за черт!? Не долго думая, майор приложился еще раз – изо всех сил. Но результат оказался прежним – дверь стояла, как скала. Остолбеневший Клевахин сначала посмотрел на номер, а затем, словно слепой, пощупал дерматиновую обивку. Нет, точно, его квартира. И черный дерматин был тот самый, что он покупал полгода назад – в каких-то мелких коричневых точечках.

Ничего не соображающий майор пощупал голову, чтобы убедиться в отсутствии жара. Она была холодной и пустой, как земля в начале творения. Клевахин снова перевел взгляд на дверь и только теперь заметил крохотный клочок бумажки, свернутый в трубочку. Он был засунут под жестяную цифру номера.

Майор достал его заметно подрагивающими руками, развернул и прочитал: "Ключи под ковриком".

Оглянувшись по сторонам, Клевахин нагнулся, поднял кусок транспортерной ленты, заменяющий коврик, и увидел две связки новеньких ключей. Все еще пребывая в легком трансе, он отомкнул замки и, ступая по полу, как по минному полю – почему-то на цыпочках и держась поближе к стене прихожей – прошел в комнату.

Увиденное сразило его наповал. Зал блистал просто немыслимой для его холостяцкого жилища красотой. От сатанинских рисунков не осталось и следа, на стенах были наклеены дорогие импортные обои, а пол покрывал современный линолеум. Несмотря на распахнутые форточки, в комнате витал запах свежей краски – кто-то перекрасил окна и двери. Совершенно невменяемый Клевахин заглянул в ванную, туалет и, добравшись до кухни, рухнул на стул, бессмысленно таращась на стены – все подсобные помещения были отделаны импортной кафельной плиткой, а на новой сантехнике пестрели фирменные заграничные наклейки. Бред!

Майор поднялся со стула, подошел к холодильнику и словно слепой нашарил там бутылку водки. Он почему-то совершенно не удивился, во-первых, как она там оказалась, а во-вторых, что это был шведский "Абсолют". Налив почти полный стакан, он одним махом осушил его до дна и даже не ощутил потребность закусить. Потоптавшись на кухне, Клевахин возвратился в зал и посмотрел на диван-кровать. Когда он уходил, постель представляла собой кадр из фильма ужасов, а сейчас она была застелена новым пледом, изпод которого выглядывала белоснежная наволочка подушки.

Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Клевахин осторожно опустился на пол, привалился к стене и закрыл глаза. Даже его жесткий и практичный ум был не в состоянии разобраться с происходящим. Он даже не пытался задаться вопросом – кто и зачем? Голый факт, он и есть голый факт. Который непонятно откуда всплыл и неизвестно в папку с каким делом его подшить...

Дверной звонок тренькнул тогда, когда немного пришедший в себя Клевахин намеревался повторить свои упражнения со шведской водкой. Решительно достав пистолет, он направился в прихожую и открыл входную дверь, даже не посмотрев в глазок.

На пороге стоял Балагула. В его маленьких глазках светилось насмешливое любопытство, а руки он поднял вверх, открытыми ладонями к майору, чтобы на всякий случай продемонстрировать свое миролюбие и отсутствие оружия.

– Только не пугайте, Николай Иванович, – предупредил он, с опаской покосившись на "макарова". – Я без бронежилета.

– Тебе чего? – устало спросил Клевахин, абсолютно не удивившись столь необычному визиту.

– Есть разговор...

– Завтра...

– Извините, но время не ждет. Я вам звонил весь вчерашний вечер и половину ночи, но вы почему-то не отвечали. Случилось много событий, в которых я сам разобраться не могу.

– Ладно... куда денешься... Входи... – Майор хмуро покачал головой.

Балагула это телодвижение понял по-своему.

– Не волнуйтесь, – сказал он, закрывая дверь. – За мною "хвоста" нет. Проверено...

– Плевать мне на "хвост", – отрубил Клевахин. – Мне вообще на все наплевать. Уйду на хрен на пенсию.

Видал я эту службу в гробу в белых тапочках с черными шнурочками.

– Какая муха вас укусила?

– Не муха, а шершень. И прямо в задницу. Ни сесть, ни лечь. А все время стоять навтыжку здоровье не позволяет.

– Неужто и вас в конце концов достали? Насколько мне помнится, вы числились в толстокожих.

– Даже подметка и та изнашивается. А я как будто человек... хотя и мент.

– Камешек в мой огород? – Балагула невесело осклабился.

– Нужен ты мне больно... – буркнул Клевахин. – У тебя твоя свадьба, у меня – своя. Да воздастся каждому...

– Какие-то у вас заупокойные мысли. Может, мы их слегка взбудрим, выпив грамм по сто? Моей компанией не побрезгуете?

– Кончай выпендриваться. Ты мой гость, хотя и незваный, так что мне иного выхода нет, как изображать хлебосольство. Проходи на кухню...

Балагула сел на кухонный табурет и с интересом осмотрелся.

– Прилично, я бы сказал... – пробубнил он под нос, загадочно ухмыляясь.

– Ты о чем? – спросил Клевахин.

– Интерьер получился – закачаешься.

– Стоп, стоп... – Внезапная догадка мгновенно очистила замутившиеся от сплошных таинственных загадок мозги майора и он остро посмотрел на благодушествующего Балагулу.

– Ну-ка, скажи мне честно, Никита: все это, – он показал на стену, облицованную импортной плиткой, – не твоих ли рук дело?

– Честно? Нет, не моих. Я всего-навсего бывший мент, у которого руки растут не из того места, что нужно. Я даже в личной машине знаю только что такое руль, рычаг переключения передач и тормоз. Все остальное для меня – темный лес.

– Я не так выразился.

– Понял... – Балагула снова заулыбался. – Свои руки к вашей квартире я приложил только тогда, когда открывал дверь. Впрочем, я лишь постучал – может, сильнее, чем нужно – так как на звонки никто не откликнулся, а она возьми и отворись... Пришлось войти. И знаете, мне совсем не понравилось то, что я увидел внутри. Жуть! Как я уже говорил, к телефону вы не подходили, а так как мне кровь из носу нужно было увидеться с вами именно сегодня, то я подъехал к вашему дому утром, в шесть часов. Увидев этот кровавый бардак, я с перепугу позвонил дежурному по управлению, но тот меня успокоил, сказал, что вы на рабочем месте.

– Спасибо за заботу! – окрысился Клевахин.

– Да будет вам, Николай Иванович... Короче говоря, я подумал, что жить вам среди таких художеств будет не очень приятно, а потому попросил надежных фирмачей сделать блиц-ремонт. Как видите, марку они держат.

– Сколько это все стоит?

– Дорого. Думаю, что вам не по карману.

– А ты в него заглядывал?! – еще больше взбеленился майор.

– Не заводитесь, Николай Иванович. Для вас все это будет бесплатно. Впрочем, и для меня тоже – если уж как на духу. И не думайте, что я позволил себе примитивный рэкэт или широкий благотворительный жест в стиле графа Монте-Кристо. Все гораздо проще. Я помог президенту строительной фирмы, которая произвела срочный ремонт вашей квартиры, получить кредит под низкий процент. Так что он был мне обязан.

– Хочешь сказать, что теперь уже я у тебя в долгу?

– Бога ради! О чем базар! Если вас не устраивает ремонт или вы боитесь сесть на крюк, как

выражаются ваши коллеги, то можете прямо сейчас содрать линолеум и обои и раздербанить в пух и прах облицованные стены. Я сделал это от чистого сердца и без задней мысли. Да, у нас есть с вами уговор помогать друг другу, но, по моему мнению, ничего предосудительного в нем нет.

– Так уж и нет?

– Откройте Конституцию или уголовно-процессуальный кодекс, Николай Иванович. Я пока такой же гражданин, как и большинство. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Имею полное право общаться с соотечественниками, а также иностранцами, где угодно, когда угодно и с кем угодно. В том числе и с сотрудниками правоохранительных органов. Надеюсь, я не нахожусь в разработке лично у вас?

– По моей парадии ты не проходишь...

– Намекаете? Тогда осмелюсь вам доложить, что не только я под колпаком, но и вы – если судить по настенной "росписи" в вашей квартире. И еще неизвестно, у кого он тяжелее.

– Считай, что ты меня уболтал. Но деньги за ремонт я все равно отдам... позже.

– Как вам угодно, – пожал своими широченными плечами Балагула. – Я попрошу, чтобы подсчитали, во что он обошелся. Но повторяю – деньги мне не нужны.

– А что тебе нужно?

– Об этом мы уже говорили. И не более того.

– Верно, говорили. И я согласился посодействовать. Насколько это в моих силах. А счет все равно пусть предоставят.

– Сам упрямый, видел упрямых, но чтобы до такой степени... – Балагула сделал трагическую мину.

– Это единственное мое достояние. Уж извини – что есть, то есть.

– Так мы поужинаем или как? Я голоден, словно волк.

– Открой холодильник и ставь на стол все, что ты принес пока меня не было дома. Вместе с "Абсолютом".

– Догадливый вы, Николай Иванович. Только этот тормозок сюда притаранил не я, а посыльный из супермаркета. Я все заказал от вашего имени. Так сказать, во избежание...

– Ладно, чему быть...

Только сейчас майор почувствовал, что и у него кишки играют марш. "У Михеича" он больше пил, чем закусывал, а потому при виде деликатесов, умело разложенных Балагулой по тарелочкам, у него началась выделяться, как у собак великого экспериментатора доктора Павлова, обильная слюна.

Бутылку шведской водки они допили в полном молчании, налегая на еду с таким воодушевлением, будто голодали по меньшей мере неделю. Лишь когда заварили кофе и на столе появился отменный армянский коньяк, отяжелевший от сытной пищи Балагула лениво спросил:

– А как вам дверь?

– Дверь? Ах, да, за замки спасибо...

- Разве вы ничего не поняли? – искренне удивился Балагула.
- Что я должен был понять?
- Она ведь новая, сейфового типа. Теперь ее снарядом не прошибешь. А обивку оставили старую. Чтобы никто не подумал, что вы... хе-хе... удачно женились или разыскали в Америке богатого дядюшку.
- Такая дверь – это хорошо, – вынужден был согласиться Клевахин. – А то у меня как-то руки не доходили...
- Я рад, что хоть в этом вам угодил.
- Ладно, подзакусили маленько, пора и к делу переходить. Зачем меня разыскивал?
- Вы слыхали, что случилось позавчера в "Малибу"?
- Краем уха. Знаю только, что ОМОН замел толпу воров "в законе", собравшихся на сходняк. Как ты понимаешь, вся эта история проходит по профилю другой конторы и угрозыску она по барабану. Что, и твой пахан влип? – ехидно ухмыльнулся майор.
- Уже отпустили... – сумрачно ответил Балагула. – У вас с ним, я вижу, взаимная "любовь"...
- А как же. Столько лет, можно сказать, рука об руку... Только он всегда почему-то предпочитал "браслеты".
- Не о нем речь, – досадливо поморщился помощник "положенца". – Можно подумать, что у вас с Бузыкиным все ладно да складно. Начальников не выбирают, они сами нам на шею садятся.
- И то верно.
- Николай Иванович, нас кто-то стравливает.
- Кого это – нас?
- Не прикидывайтесь недалеким. Все вам известно очень даже неплохо.
- Почему ты так думаешь? У меня своих забот полон рот. Ваши разборки меня не касаются. И если честно, то я совсем не испытываю сострадания, когда завалят какого-нибудь вашего "быка". Он должен был знать, чем заканчивается погоня за грязными деньгами.
- А в чем его вина? В том, что государство выбрасывает вполне здоровых и неглупых парней на улицу? В том, что у него есть только одна перспектива – присоединиться к нищим на церковной паперти? А если ему не хочется рыться в отбросах или потихоньку спиваться на те гроши, что ему подадут сердобольные граждане?
- Вот что мне в тебе нравится, Никита, так это твое "верхнее" образование. Ты демагог почище некоторых лекторов бывшего политпросвещения. Под все мерзости можешь подвести такую фундаментальную, почти научно обоснованную, базу, что комар носа не подточит. Запомни совет старого мента, который насмотрелся за свою жизнь всякого дерьма по самое некуда: кто хочет вымараться в грязи, тому не нужно искать болото. Так что твой "плач" о судьбе пропадающего поколения напоминает мне игру плохих трагедийных актеров, которые, чтобы выдавить слезу, трут глаза луком. Можно подумать, что все парни после окончания школы сразу хватаются за стволы и бегут на рынок, чтобы потрошить старушек, торгующих семечками и укропом.

– Давайте закончим этот спор, – угрюмо сказал Балагула. – Каждому свое. Да, я знаю, что мы с вами антиподы. Но это не значит, что нам нужно постоянно бить морды друг другу. Жизнь сама рассудит по каким полкам нас рассовать. А уж на вашем месте я бы вообще не хотел сейчас оказаться.

– Ты о чем?

– Все о том же. О вашей жизни. Которая висит на волоске. Я думаю, что "художества" в квартире сотворили вовсе не глупые пацаны, а люди имеющие и власть, и силу. Так что, как ни крути, а нынче мы с вами, Николай Иванович, в одной лодке. Ладно, пусть ненадолго. Поэтому я и предлагаю грести в одну сторону, чтобы не попасть в водоворот, который засосет и вас, и меня.

– Возможно ты и прав... Так что там с "Малибу"?

– Кто-то нас вложил по высшему разряду. О том, что в ресторане будет... съезд, – Балагула запнулся, подыскивая нужное слово, – знал весьма ограниченный круг людей. Все многократно проверенные, не болтливые – чреватое. И все равно омовцы шли по наводке. Был звонок...

– Откуда? – быстро спросил майор.

– Из телефонного автомата. Притом позвонили не нашему ОМОНу, а столичному отряду, который прибыл в город совсем с другой целью. Конечно, не воспользоваться таким идеальным случаем столичные менты просто не имели права. Вот так все и вышло.

– Интересно...

– Да уж, еще как... Дальше – больше. Для усиления эффекта и чтобы посильнее раздраконить омовцев, кто-то угнал целую фуру с китайскими потешными ракетами и хлопушками и въехал на ней прямо в ресторан. Грохоту и шуму было больше, чем на фронте.

– Водителя фуры нашли?

– Да, но только того, у которого ее угнали. Он ни при чем. Просто, раздолбай покровский. Вместо того, чтобы по приезду в город сразу сдать товар, куда следует, он решил сначала навестить родственников...

– Район?.. – перебил собеседника Клевахин.

Балагула назвал адрес, где "расслаблялся" незадачливый водила.

– Раненные возле ресторана были? – спросил майор.

– Вы считаете?..

– Именно, – утвердительно кивнул Клевахин, поняв своего бывшего коллегу с полуслова. – Водитель фуры не мог остаться без отметин. На скорости вышибить дверь и, наверное, судя по размерам машины – КАМАЗа? – часть стены... Сомневаюсь, что вместо человека за рулем сидел железный робот.

– Мы как-то об этом не подумали, но проверили всех, кто выглядел подозрительно. Правда, в такой запарке... ОМОН и прочее...

– Ну и?..

– Раненым оказался только нищий с Подковы. Его кличут Гуга. Он в тот момент у входа в ресторан просил подавание. Стеклом разбитой витрины ему набило шишку и порезало руки.

– Гуга... – майор задумался. – Не помню... А он не мог быть тем самым неуловимым водителем фуры?

– Что вы, Николай Иванович! Это просто городской дурачок. Юродивый.

– Юродивый, говоришь... Возможно. А вы не догадались сделать снимки толпы по горячим следам?

– Увы... – развел руками Балагула.

– Плохо... – Клевахин сокрушенно покачал головой. – Кстати, – оживился он, – в ресторане есть система видеослежения за улицей и клиентами? Я знаю, что самые крутые заведения подобного рода уже обзавелись такой технической новинкой. Для нас новинкой.

– К сожалению, владельцы ресторана поскупились.

– Наверное, это чересчур дорогое удовольствие. Но про то ладно. Ты скажи следующее: зачем мне все эти подробности нужны? Ну, настучал кто-то на ваших паханов, вызвал ОМОН и вдобавок протаранил "Малибу". Так что с того? Мало ли у вас случается разборок? По моим подсчетам – регулярно раз в месяц.

Это, так сказать, большие "маневры". А стычки местного масштаба случаются каждую неделю. Тому башку раскололи, тому ногу отстрелили, ну а кое-кому и живот свинцом нашпиговали... Ажур.

– большей частью это "отморозки", – раздраженно ответил Балагула. – Они и нам надоели дальше некуда. А что касается того, почему я вам все это рассказываю, так это потому, что, по моему мнению, и здесь сработал тот самый неуловимый снайпер... возможно, с компанией.

– Ты, случаем, не начал детективы писать? Сейчас этим занимаются все, кому не лень. Твое предположение очень смахивает на вымысел. У снайпера, как тебе известно, "профиль" работы несколько иной. А в "Малибу" потрудились башковитые людишки. Все у них получилось очень уж складно и главное – согласованно.

– Не буду спорить. Может, вы и правы. Но вам неизвестно еще кое что... – и Балагула рассказал Клевахину про странное убийство боевых псов Базуля.

Майор, углубившись в свои мысли, молчал минуты четыре. Помощник "положенца" даже заерзал от нетерпения. Наконец Клевахин удрученно пожал плечами, выпил рюмку коньяка и закурил.

– Ну, что вы на это скажете? – все-таки не выдержал затянувшейся паузы Балагула.

– Говоришь, не было никаких следов? – спросил майор.

– Абсолютно. Все, как на "стрелке". Только там удалось отыскать хоть что-то, а на территории дачи даже белка не ходила.

– Думаешь, что снайпер и в этом случае замел следы веником?

– Иного толкования у меня нет. Если только не предположить, что он имеет крылья.

– Когда добьем и эту бутылку, – Клевахин постучал пальцем по наклейке с пятью

звездочками, – то я уверен, что ты предложишь мне версию о пришельце из космоса. А кто тогда псов растерзал? Или этот снайпер вовсе не человек, а мифический грифон? Бред сивой кобылы! Мы с тобой материалисты. Можно найти объяснение всему... кроме того, что и впрямь не объяснишь.

– Тупик... – Балагула в отчаянии обхватил голову руками. – У меня крыша скоро поедет...

Майор задумчиво изучал собеседника. С виду он был спокоен, но какая-то, пока еще не до конца сформированная, мысль вдруг ни с того, ни с сего вонзилась занозой в мозги, добавив в кровь добрую порцию адреналина. Решение задачи было где-то очень близко... совсем рядом... однако не хватало самой малости... Чего именно? Думай, старый пень, думай! Черт тебя возьми...

А что если... Нет! Почему? Тебя смущает странный альянс милиции и мафии? Ха! Как будто это что-то из ряда вон выходящее... Не дури, патриарх хренов. Для пользы дела все варианты приемлемы. Тем более, что Балагула уже раз тебя выручил...

– Кстати, Никита, спасибо за подмогу. С меня причитается.

– Это как? – оживившись, любопытствовал помощник "положенца".

– Ну, угостить шикарным ужином с девочками я не смогу – сам знаешь, сколько нам платят. А вот когда вас всех возьмут на цугундер – и тебя в том числе – обязуюсь понаблюдать, чтобы обращались с тобой вежливо и без зуботычин.

– Заметано, – ухмыльнулся Балагула. – Я знаю, что слово свое вы держите. Только, боюсь, к тому времени вы будете заслуженным пенсионером.

– А меня уже перевели на легкий труд – как беременную женщину.

– Простите, не врубаюсь...

– Я отстранен от "кладбищенского" дела.

– Не хило... – Балагула помрачнел. – Вот вам еще одно доказательство, что какая-то "третья"... или пятая, десятая сила хочет большой крови. Повторю еще раз – кто-то пытается ловить рыбку в мутной воде. И для этого идут в ход все средства. В конечном итоге впереди маячит большая кровь.

– Боишься?

– Смерти только дурак не страшится, потому что ему все равно. Может, я по молодости и наделал глупостей, но сейчас стараюсь не высовываться и пытаюсь быть законопослушным гражданином. Насколько это возможно в нынешние времена.

– Не смей меня, старика. Я ведь не веду протокол допроса и мне твой патриотизм до лампочки. Прибереги такие речи для другого, более подходящего, места.

– Ладно, не будем пикироваться, – миролюбиво сказал Балагула. – А что если восстановить статус кво?

– Каким макарон?

– Те, кто вас пасут, наверное думают, что они всемогущи. Это большая ошибка. Можно замолвить за вас словечко таким высоким чинам, что местным шавкам останется лишь выть от злости на луну.

– Сулишь мне полковничью папаху? – с иронией спросил Клевахин.

– Если пожелаете, – осклабился Балагула. – Но то, что "кладбищенское" дело останется у вас в производстве – можете не сомневаться. Могу даже побиться об заклад.

– А вот этого, Никита, делать не стоит, – очень серьезно сказал майор. – Пусть все будет, как есть.

– Почему?

– Есть у меня одна мыслишка... Но она пока не до конца созрела. Мне нужно еще несколько дней... покумекать. И кое-что предпринять.

– Джангиров? – пристально глядя на Клевахина, в лоб спросил Балагула.

Майор спокойно выдержал его взгляд, а затем не спеша налил себе кофе.

– Балуешь ты меня, Никита, – Клевахин с удовольствием сделал несколько глотков. – Кофе явно не туфта.

Бразильский?

– Зачем вы темните, Николай Иванович? Ведь это люди Джангирова на вас наезжали. Что вы с ним не поделили?

– А кто такой Джангиров? – невинно хлопая ресницами, спросил майор.

– Та-ак, понятно... – Балагула кисло поморщился. – Ваш стиль работы нельзя спутать ни с каким другим. Все как в тоннеле – полный мрак. И впереди нету даже светлого пятнышка.

– Эт точно... – широко улыбнулся Клевахин. – Никита, я не подписывался открывать все свои карты. Когда придет время, ты все узнаешь. Все, что касается снайпера – подчеркиваю. Остальное пусть никого не волнует. Хочешь заниматься этим... Джангировым – твои дела. А я пока еще на госслужбе. Которая предполагает определенный режим секретности в расследованиях. Впрочем, тебе это хорошо известно. Как говориться, Богу – богово, кесарю – кесарево.

– Ну что же, будем ждать. Хорошо бы недолго...

– Я об этом просто мечтаю. Ладно, спасибо за харчи и прочее, и будь здоров. Спать хочу – глаза слипаются.

Эту ночь мне пришлось кантоваться на детской кроватке, которая при моем росте как-то не располагает к полной расслабухе, – майор поднялся. – А счет, будь добр, пусть мне принесут. И чтобы без дураков – проверю каждую копейку...

Повздыхав, Балагула согласно кивнул. В его неподвижных свинцовых глазах почему-то появилось тоскливое удрученное выражение.

Глава 25. Пеха[31]

Как посмели!? Его, человека, который фактически является теневым руководителем города, пинали ботинками, как последнего фраера, камуфлированные менты! Нет, они ему за это ответят. Такие обиды и унижения прощать нельзя. Нельзя!

Базуля освободили только под утро, на следующий день, одним из первых. Едва он приехал домой, в свое лесное логово, как сразу же начали звонить телефоны. Ему выразили соболезнование почти все городские шишки и даже кое-кто из "центровых" – столичных "друзей", поставленных "положенцем" на довольствие.

Но старому вору "в законе" от этого вселенского плача легче не стало. Тесная вонючая камера в изоляторе временного содержания остро напомнила Базулю его совсем недавнее прошлое. Всего каких-то двенадцать лет...

Впервые за последние четыре года он напился вдрызг. Шатоха по его приказанию доставил на дачу целый шалман валютных проституток – все девки, как на подбор, длинноногие и красивые – и Базуль отвязался на всю катушку. Что он с ними делал, вор "в законе" так впоследствии и не мог вспомнить. В памяти осталась лишь сауна, после которой он заставил их сначала валяться голышом в снегу, а после поставил на хор[32] своим охранникам. Здоровенные "быки", заведенные шалостями пахана до полной невменяемости, буквально истерзали несчастных парапетниц, которые, несмотря на всю свою сексуальную "закалку", даже не могли самостоятельно дойти до микроавтобуса, увозившего шалав в город. Впрочем, при всем том, девки остались довольны – не каждый клиент за "рабочую" смену отваливает по две тысячи зелены.

Проснувшись на заре, все еще во власти хмельной одури, Базуль поплелся к опустевшим вольерам, и долго плакал пьяными слезами – выл по-волчьи, раскачиваясь со стороны в сторону будто китайский болванчик.

Когда пришел начальник телохранителей и попытался увести босса в дом, "положенец" ни с того, ни с сего взбеленился и едва его не пристрелил. Хорошо, что бывший спецназовец оказался быстрым на ногу и успел спрятаться за водонапорную башню, которая, кроме своего прямого назначения, служила еще и дозорной вышкой. Ничего не соображающий Базуль палил во все стороны, пока не закончилась обойма. Одна из пуль влетела в кухонное окно и, срикошетив от сложенной из дикого камня крестьянской печи – старый вор питал слабость к отечественной экзотике – оглушила повара. К счастью, его череп оказался достаточно прочным и бесформенный кусочек свинца лишь рассек кожу.

Наплакавшись вдоволь, Базуль пошел в душ, чтобы согреться – зима уже постепенно сдавала свои права, но не на столько, чтобы можно было разгуливать по двору в халате, пусть и стеганом. Горячая вода окончательно прогнала хмель, и "положенец", вспомнив, что он совсем недавно вытворял, устыдился. Весь во власти раскаяния, он долго бродил по этажам коттеджа, ласково, по-отечески разговаривая со всеми своими присными, а когда дошел черед до девочки-содержанки, его человеколюбие вообще перешагнуло все разумные пределы. Базуль приказал охранникам отвезти малолетнюю путану в город и дать возможность развлекаться, как ей заблагорассудится. В том числе и прикупить одежонки: несмотря на то, что он никогда не был по настоящему женат, старый вор хорошо знал как угодить слабому полу, испытывающему в жизни только одну настоящую страсть – шататься по промтоварным магазинам, бутикам, маркетам и прочим барахолкам с полным кошельком денег до полного изнеможения.

В обед "положенец" надолго закрылся в кабинете со странным типом, который никогда не снимал темных очков. О том, что этот человек существует, знал только Шатоха. Но сегодня секретаря-референта Базуль уснул по делам в город – чтобы не путался под ногами, а бывший опер и борец Бобер занимался расследованием происшествия в "Малибу". Тип в темных очках откликнулся на имя Пеха, хотя как его зовут на самом деле не знал даже старый вор.

Базуль познакомился с ним совершенно случайно, лет двадцать назад, когда их этап по ошибке высадили из вагонов на одной сибирской станции, неподалеку от которой находился

тщательно охраняемая колония усиленного режима с весьма специфическим контингентом заключенных. Об этой спецзоне не знали даже выдавшие виды воры "в законе", получившие "путевку" в места не столь отдаленные еще от чекистов Дзержинского. Пока разбирались как и почему случилась досадная накладка, этапированных эков закрыли в длинном, насквозь продуваемом всеми ветрами бараке под присмотром молчаливых и жестоких военных, готовых без лишних проволочек стрелять в любого, кто осмелится воспротивиться приказанию надзирателей. Не привычные к такому обращению рецидивисты пытались качать права, но когда их "делегацию" в составе пяти человек бесстрастные охранники изрешетили пулями, даже не моргнув глазом, в бараке воцарился страх, который не оставлял этап до самого места назначения.

Их отправили дальше на четвертые сутки. Недоумевающие и напуганные воры галдели, как стая воронья, обмениваясь впечатлениями от увиденного. И лишь пахан Базуль лежал на своем "королевском" ложе молча и с загадочной улыбкой мифического Сфинкса на лице.

Он знал, что собой представляет эта засекреченная зона...

Закрывать в бараке этап кормили два раза – утром и вечером. На удивление, еда была вполне сносной, чтобы не сказать больше. Кое-кто умудрялся найти в борще даже крохотные кусочки мяса, а вместо обычной лагерной каши этапированным рецидивистам приносили невиданное лакомство – толченую картошку с жареной рыбой. Термосы с харчами доставляли все те же молчаливые псы,[33] но на раздаче стоял довольно симпатичный парнишка, один из сидельцев спецзоны. Базуль, как пахан, руководил раздачей и следил за порядком. Обычно он стоял в трех шагах от поваренка, как окрестили парня эки, а в затылок ему дышал здоровенный надзиратель.

Но однажды попку[34] куда-то позвали. И тут парнишка заговорил. Как обычно, не открывая рта, он все также сноровисто орудовал черпаком, и тем не менее Базуль отчетливо слышал обращенные к нему слова:

– Выручи, друг. Если у тебя есть пила по металлу или напильник, будь добр, передай мне. И если можно скажи адресок на воле, где можно раздобыть ксиву и шмотки. Даю слово, отблагодарю. Клянусь...

Ошеломленный неожиданным чревоуещанием, Базуль лишь слегка кивнул, стараясь не глядеть на парня. Он переваривал услышанное еще минут пять, а затем все-таки спросил, тоже стараясь не разжимать губ:

– Кто хозяин вашей зоны?

Поваренок вопрос понял правильно. Чутко поколебавшись, он все-таки ответил:

– Госбезопасность...

Базуля будто током ударило. Шпионы! Здесь чалятся[35] шпионы! Неужто этот хлипкий с виду пацан – диверсант, засланный в Союз иностранной разведкой, может даже американец? Бля-а...

Ночь пахан провел без сна. Впрочем, к бодрствованию и обстановка располагала – пошел мелкий занудливый дождь, и прохудившаяся крыша барака не то что исполняла свое прямое предназначение, а, как казалось Базулю, даже притягивала дождевые капли, чтобы еще больше усугубить бедственное положение этапированных, выливая на и так иззябших эков ушаты холодной воды.

Пахан размышлял. Он вовсе не был глупым, ограниченным человеком, как большинство его товарищей по многочисленным "ходкам" за решетку. Еще в молодые годы, несмотря на явно

выраженные отклонения в психике, постоянно подталкивавшие его сначала на мелкие правонарушения, а затем и на "мокрый" грабеж, Базуль вообще не считал, что образование – помеха для тех, кто вольно или невольно противопоставил себя закону. Он и в школе учился весьма прилично, а когда попал в лагерь, то прослыл самым прилежным читателем библиотеки зоны. Правда, выбор книг там был небогат, но даже сочинения коммунистических вождей, если их читать между строк, приносили быстро материющему вору немало пользы. Позже, когда Базуля короновали на вора "в законе", ему, вместе с продуктовыми передачами из воли, доставляли толстые журналы с литературными новинками и самые дефицитные издания, которые в те времена были доступны лишь партбоссам и торговым работникам. Доходило до смешного – к лагерному пахану в очередь за книгами выстраивалось все начальство зоны во главе со своими женами и домочадцами.

Зато во время побегов и когда он между отсидками колесил по стране, Базуля принимали за кого угодно, но только не за уголовника и отпетого негодяя. Благородная седина на висках, отлично пошитый дорогой костюм, изысканные манеры, особенно в обществе женщин, и грамотная речь могли сбить с толку не только сотрудников уголовного розыска, но и опытных психологов. У него было несколько настоящих паспортов с весьма тщательно разработанными легендами. Не будь он вором "в законе", для которого требовалось постоянно поддерживать свое воровское "реноме" все новыми и новыми грабежами и налетами, а в перспективе – и отсидками за решеткой, Базуль мог бы запросто раствориться в людской массе и работать где-нибудь в глубинке на непыльной и денежной должности, благо купить трудовую книжку и диплом о высшем образовании для него не представляло большой сложности.

Базуль был многолик. Он казался своим и в рабочей среде, и на бенефисе какой-нибудь народной артистки, и, естественно, в зоне, и среди рафинированных интеллигентов – впрочем, в таких случаях вор все-таки предпочитал помалкивать, напуская на себя глубокомысленную задумчивость, как бы подчеркивая, что немногословие и впрямь золото. И он был весьма предусмотрительным человеком, иногда чисто интуитивно предугадывая динамику развития событий, начавшихся казалось бы с совсем незначительного случая.

Пахан дал молодому зэку спецзоны КГБ все, что тот попросил. Никакой шмон не мог выявить в этапированных деньги, карты, заварку для чифиря, курево и запрещенные предметы вплоть до напильников и заточек. Заключение демонстрировали чудеса изобретательности и буквально цирковые фокусы, чтобы обмануть опытных и бдительных надзирателей. Но такие спецы имелись только в лагерях, а обычный конвой на этапе в основном состоял из не очень разбитых деревенских парней, которые не видели дальше воинского устава и служебных предписаний, в которых могли разобраться достаточно образованные люди.

Базуль сунул надфиль в объедки, а адрес и пароль для надежного человека на воле сказал прямым текстом, зашифровав под воровскую феню, на которой он говорил со своими товарищами по этапу, выстраивая их в очередь к термосам с едой. На удивление, поваренок все понял с первого раза, выдав свое истинное состояние лишь острым, словно укол шпаги, взглядом, в котором пахан прочитал и благодарность за услугу, и нечто загадочно-мрачное, отдающее могильным холодом, тут же заставившее вора "в законе" пожалеть о своем поступке...

Прошли годы. Базуль уже начал забывать о случайной встрече, но поваренок сам напомнил о своем существовании. Позже пахан удивлялся, как он умудрился разыскать его на необъятных просторах Союза, однако в тот момент, когда это случилось, Базулю было не до анализа свершившегося.

Его опять повязали. Как всегда, под чужим именем и с фальшивыми документами. Несмотря на то, что в стране полным ходом шел вселенский бардак под звучным именем "перестройка", органы по инерции делали свое дело и криминалитет пока не чувствовал себя, как после

развала Союза, вольготно и независимо. Базуля крутили уже неделю, пытаюсь не только расколоть, но и навесить на него еще несколько дел, однако для опытного вора "в законе" потуги молодого следователя были, что называется, семечками.

Тем более, что его истинную фамилию за это время так и не смогли установить из-за обычных бюрократических проволочек.

На седьмой день Базуля вызвали на очередной допрос. Его сопровождал почему-то лишь один конвоир, который неожиданно для пахана изменил обычный маршрут и вывел вора "в законе" через КПП прямо на улицу, где их уже ждал милицейский "козлик". Они ехали минут десять, а затем в одном из глухих переулков Базуля пересадили в БМВ с тонированными стеклами и дипломатическим номером. Изумленный пахан решил помалкивать и не брыкаться, так как с двух боков возле него сидели крепкие неразговорчивые парни. Машина выехала за город и, немного поплутав по проселкам, доставила пассажиров на охраняемую лесную дачу. Там Базуля завели в комнату с решетками на окнах и оставили в полном недоумении, предложив кофе и сигареты.

Спустя несколько часов дверь отворилась и в комнату вошел элегантно одетый сухощавый мужчина в черных очках. Он остановился в двух шагах от Базуля, который и не подумал встать, и некоторое время рассматривал вора с совершенно бесстрастным видом.

– Гражданин начальник, что за дела? – первым нарушил молчание Базуль. – Я ни в чем не виноват. И вообще – куда меня привезли?

Он понимал, что говорит глупости, но от вошедшего исходила какая-то угроза и чтобы снять все возрастающее напряжение пахан решил пойти в атаку первым.

– Вот и свиделись... – наконец разжал тонкие волевые губы мужчина. – Здравствуй, Федор Лукич... – И он снял очки.

Разверзшись в тот момент под ногами пол, Базуль удивился бы меньше, чем при виде острых холодных глаз незнакомца. Это был тот самый поваренок из колонии усиленного режима КГБ!

– Ты!? – Базуль подхватился, как ошпаренный. – Откуда?..

– Как видишь, жив. Между прочим, твоими молитвами. Да ты садись, сейчас нам принесут перекусить и коечего для согрева души. Отметим встречу. И поговорим...

Они беседовали до вечера. Бывший зэк спецзоны КГБ, который назвался Пехой, умел убеждать. И этот вторник стал днем рождения бизнесмена Базуля, чуть позже на сходке воров "в законе" получившего под свое начало целый областной центр. Пеха помог ему навести мосты на Запад и все эти годы выполнял функции "серого" кардинала, обеспечивая внешнюю безопасность группировки "положенца". Иногда Базуль задавался вопросом: кто Пеха на самом деле и какие преследует цели? Но спросить напрямую у него почему-то не хватало смелости. Впрочем, он был уверен, что Пеха правды не скажет. Лишние знания обременяют человека...

Пеха выглядел усталым. От того юного миловидного поваренка, который когда-то вертелся юлой со своим черпаком, не осталось и следа. Годы оставили на аскетическом лице "серого" кардинала даже не морщины, а целые рвы, хотя он был и не стар. – ...Говоришь, "третья" сила? – переспросил Пеха. – Возможно. Но не обязательно.

– Ну а кто же тогда устраивает все эти козни?

– В предвыборной кампании все средства хороши, это аксиома. Но не до такой степени.

Бойня не нужна никому. Все широковещательные заявления президента и прочих государственных мужей в преддверии выборов об усилении борьбы с преступным миром и коррупцией – не более чем дымовая завеса. И ты, и я хорошо знаем кто платит по счетам за постановку различных выборных шоу. Наркоман никогда не сдаст своего поставщика. А те, кто рвутся к власти, торчат на финансовой игле не менее прочно, чем примитивные идиоты, которые не в состоянии прожить ни единого дня без шприца с какой-нибудь гадостью. Кто захочет рубить сук, на котором сидит?

– Но факт, как говорится, налицо.

– Факты можно и подтасовать. Все то, о чем ты мне, Федор Лукич, рассказал, смахивает на голливудский сценарий с совершенно дикими натяжками. Да, все довольно хитро сплетено, однако я пока не улавливаю смысл затеянной постановки. Вечный вопрос юриспруденции – кому это выгодно? – как-то не просматривается.

– Но Чингиз...

– Он всего лишь пешка в чьей-то достаточно примитивной игре. Это можно выяснить в два счета. Но вот другие наслоения мне непонятны. А что касается некоего зверя из преисподней, то пока еще конец света, когда из ада вылезут на поверхность разные чудища, не предвидится. Или, по крайней мере, настанет несколько позже, если судить по предсказаниям Нострадамуса.

– Мне от этого не легче, – буркнул Базуль. – Все рушится на хрен...

– Так уж и все? Не нужно драматизировать ситуацию. Твое финансовое положение достаточно прочно, люди расставлены по точкам грамотно, поддержка с центра работает выше всяких похвал – чего еще нужно?

Процесс идет, как говаривал некий господин Горбачев. В чем-чем, а в прозорливости ему не откажешь. И идет он, между прочим, в нужном для нас направлении.

– Для кого это – "для нас"? – резко спросил Базуль, выведенный из себя невозмутимостью собеседника.

– Вопрос на засыпку? – растянул свои тонкие губы в жесткой ухмылке Пеха. – Отвечаю: для тебя, меня и тех, кто сделал на нас ставку. А это очень серьезные люди, поверь. И сидят они в таких вершинах, что нам и не снится. Так что не будем разводить базар-вокзал.

Базуль демонстративно пожал плечами и насупил брови. Он даже себе не признавался, что побаивается Пеху, хотя и не знал по какой причине. Этот бывший зэк спецзоны КГБ, ныне вращающийся среди элиты воров "в законе", обладал способностью подчинять своей воле самых закоренелых строптивцев, не ставящих и свою, и чужие жизни ни в грош.

– Я пока покручусь в вашем городе, – сказал Пеха. – Мне не нравится твое настроение. Думаю, что вскорости все станет на свои места. Главное – найти кончик ниточки, дернув за которую, можно распутать весь узелок.

Этим я и займусь.

– Отлично! – обрадовался "положенец". – Такой помощник, как ты, мне позарез нужен.

– А разве своим ты не доверяешь?

– Доверяю, но до определенной меры. Сам знаешь, что со временем глаз замыливается и иногда не замечаешь очевидного. Так что тебе и карты в руки.

– Для меня и моих людей потребуется хаза, средства передвижения и надежная связь.

– Нет проблем. У меня есть еще одна дача, поменьше, на окраине города. Там раньше жил какой-то партбосс. Хороший район...

– Не подходит, – бесцеремонно перебил его Пеха. – Я обязан быть поближе к эпицентру событий. Нужна просторная городская квартира. Только не в центральной части, где такое жилье обычно под колпаком у правоохранительных органов и братвы. Этаж не должен быть первым, но и не выше третьего, дом отыщите неприметный, лучше старой постройки. Дверь нужно заменить на железную, сейфового типа.

– Квартиру купим. Завтра же. И оборудуем. К вечеру все будет в ажуре, – уверенно пообещал Базуль. – А пока погости у меня.

– Нет, – отрезал Пеха. – Спасибо за шикарный обед и – пока. Позвоню через день.

– Жаль... Ну, ладно, как хочешь...

Пеха уехал, оставив вора "в законе" с неприятным осадком на душе. Только сегодня Базуль окончательно понял, что колея, по которой он катит на бронированном "мерсе", ведет куда-то не туда. И даже вовсе не в ту сторону, куда "положенец" взял курс еще в отрочестве. Но свернуть на другую дорогу он был уже не в состоянии.

Глава 26. Страшное утро

Они пришли утром, сразу после завтрака – высокий прилизанный блондин со смазливой физиономией "голубого", два бугая с головами, которые сидели прямо на плечах, и уверенный в себе тип в малиновом пиджаке с позолоченными пуговицами. Вновь обретшая твердость духа и жизнерадостность Ирина Александровна и морально измученный перипетиями схватки Грея на собачьем ринге старик их уже ждали.

У Егора Павловича денег было почти в четыре раза больше, чем требовалось чтобы отдать долг. Он так устал после ринга, что даже не пытался сопротивляться Чижеватову, с победоносным видом всучившему старику пакет с долларами. Михаил Венедиктович признался, что поставил на Грея все свои наличные деньги, и его выигрыш на тотализаторе составил астрономическую сумму, часть которой он просто обязан отдать Егору Павловичу.

– Сегодня истекает срок... – "Голубой" слащаво ухмыльнулся.

– В шесть часов вечера, – спокойно уточнил старик.

– Да, да, конечно, – вежливо кивнул человек в малиновом пиджаке. – Мы зашли напомнить...

– И правильно сделали, – с вызовом сказала Ирина Александровна. – Вечером я занята. Вот, – она положила на стол перед "голубым" пачку долларов, перехваченную резинкой.

Незваные гости остолбенели. Наверное, они просто не ожидали, что актриса соберет такую сумму. Наконец довольно длинную паузу прервал "малиновый пиджак":

– Отлично. Извините за беспокойство. Мы сейчас пересчитаем и пойдем... – Он хотел было взять деньги, но тут раздался тихий утробный рык, и возле стола появился Грей.

Волкодав все еще был в бинтах, но его оскаленная пасть вовсе не напоминала благодушную

улыбку больного добродушного пса. Человек в малиновом пиджаке с такой скоростью отдернул руку от денег, будто прикоснулся к горячей сковородке. Незваные гости в замешательстве попятнулись к двери.

– Не торопитесь, – твердо сказал старик. – Сделаем все, как положено – пойдем к нотариусу и оформим соответствующие документы. Чтобы ни у кого не было никаких претензий.

Потерявший слащавость "голубой" молча кивнул...

Егор Павлович не поддавался на увещевания "малинового пиджака", который настаивал на погашении долговой расписки у того нотариуса, который ее составлял. Они пошли в государственное нотариальное бюро, где выстояли в очереди почти два часа. Когда стороны подписывали бумаги, старик заметил сочувственный взгляд пожилого нотариуса, направленный на Ирину Александровну. Наверное, он, как и Егор Павлович, понял, что расписка – грубо сфабрикованная "липа", но коль желание клиентов не входило в противоречие с законом (если кто-то решил за здорово живешь избавиться от лишних денег – это личное дело простофили), то и его дело – сторона. Нотариус решил промолчать. Тем более, что он видел, кто пришел вместе с "голубым"...

Победу праздновали на квартире старика. По такому случаю слесарь Копылин даже нацепил галстук, который шел ему, как корове седло. Егор Павлович позвал и Гугу. Но едва нищий появился на пороге, Ирина Александровна решительно схватила его за рукав и потащила в ванную. Бедный Гуга едва не плакал от такого "надругательства" над своей свободой, но актриса была неумолима. Пришлось несчастному попрошайке сбросить лохмотья и отдаться на милость железных рук слесаря, который тер Гугу мочалкой с таким усердием, будто хотел смыть не только грязь, но и содрать кожу. Когда юридивый вылез из ванной, его ждал еще один сюрприз – чистая, хотя и не новая, одежда Егора Павловича. Нищий, распаренный докрасна и даже надушенный усердным Копылиным – слесарь вылил на него почти полфлакона дорогого одеколona – к удивлению собравшихся, даже не пытался сопротивляться, когда на него натягивали новое платье. Не возражал он и против персонального стула, хотя и порывался несколько раз втихомолку занять свое любимое место на коврикe у порога. Однако, очнувшись от черной меланхолии и брызжущая проснувшейся энергией "тетя Ига" пресекала эти попытки с завидной настойчивостью и цепкостью.

Повздыхав от жалости к себе, Гуга решил отомстить честной компании, съев все, что стояло на столе. Он навалился на еду с мрачным и решительным видом и работал челюстями почти без остановки весь вечер, пока остальные веселились и дурачились словно дети.

Копылин был от Ирины Александровны без ума. Он то ходил гоголем, то ерничал, то рассказывал очень смешные анекдоты, а когда включили магнитофон, слесарь вел ее в танце так бережно и аккуратно, будто она была не живым человеком, а хрупкой фарфоровой статуэткой...

Разошлись далеко за полночь. Актриса осталась ночевать у старика, а Копылин потащил Гугу в свою мастерскую, где у него был топчан, раскладушка и кое-какие постельные принадлежности. После выпитого ему очень хотелось поговорить, а найти в два часа ночи более благодарного слушателя, чем значительно повеселевший Гуга, которому удалось тайком забрать из мусорной корзины свои лохмотья, было довольно трудно...

Прошло полмесяца. Старик по-прежнему водил Грею в тренировочный центр Чижеватова, но теперь по иной причине – к врачу-ветеринару. Раны волкодава заживали довольно быстро, но Михаила Венедиктовича беспокоила легкая хромота пса на левую ногу. Он боялся, что задеты нервные узлы, что чревато параличем.

Поэтому Грею делали массаж и прогревали пораженное место ультразвуком.

Ирина Александровна, как в совсем недавние времена, порхала, словно мотылек, забыв и про годы, и про болезнь. Она узнала, каким образом Егор Павлович заработал деньги, и ее благодарность чаще всего выражалась в нежных взглядах, которые актриса украдкой бросала на старика. Ей уже было известно, что он не переносит бурного проявления чувств, а потому Ирина Александровна старалась вести себя по возможности сдержанно, хотя это у нее не очень получалось.

Зато Грею доставалось сполна. Она замучила бедного пса своей заботой до такой степени, что он даже впал в апатию. Волкодав понимал, что у хозяина появилась подруга, это было ему знакомо по собственному опыту. Возможно, волкодав даже воспринимал их отношения с ревностью. Но он хорошо усвоил, что друзья его хозяина, его Бога – табу. Им нельзя причинять боль, из-за них нужно терпеть неудобства, связанные с посягательством на его независимость. И он стоически терпел, лишь поглядывая на хозяина с укоризной.

И все же снова воцарившаяся между стариком и актрисой идиллия была чересчур неправдоподобной и не могла до конца приглушить в душе Егора Павловича тревожное чувство надвигающейся беды. В своих таежных скитаниях он привык больше доверяться инстинкту, не раз спасавшему ему жизнь, нежели видимой части бытия, которая на поверку нередко оказывалась обманом. И теперь старик маялся, не в состоянии разобраться в собственных сомнениях и предчувствиях, довольно неуклюже маскируя свои терзания в присутствии Ирины Александровны.

Он заметил слезку, когда возвращался с Подковы, куда изредка заходил, чтобы навестить приятелей и знакомых. Неприятный холодок, угнездившийся где-то под ложечкой, появился когда Егор Павлович садился на трамвай. Старику это чувство было знакомо до боли. Впервые оно возникло еще в молодости.

Однажды он нечаянно подошел ближе, чем следовало бы, к логову рыси, у которой были детеныши. И в какой-то момент резко остановился, будто наткнулся на невидимую преграду. Ему вдруг показалось, что у него появился третий глаз; он был незрячим, но улавливал флюиды неизвестной и грозной опасности настолько явственно, что Егор Павлович испугался до холодного пота. Он долго стоял в полной неподвижности, прислушиваясь к дыханию тайги и внимательно осматриваясь. Казалось, что вокруг царит полная безмятежность и умиротворенность, вообще присущие дикой природе, но старик, тогда еще просто Егор, не мог сдвинуться с места, чтобы продолжить свой путь.

Наверное, не посмотри он вверх, то так и остался бы лежать в глухом распадке до скончания века. Ему даже показалось, что мышцы сами сократились, запрокидывая голову.

Разъяренная самка-рысь уже была готова к прыжку. Она залезла на толстую ветку почти над головой Егора и когда он посмотрел на нее, злобно зашипела, обнажив клыки. Понимая, что карабином в такой ситуации он воспользоваться не успеет, Егор выхватил нож...

Тогда он еле добрался домой, истерзанный когтями хищницы, защищающей свое потомство. И не будь рядом верного пса, вовремя вмешавшегося в схватку, то рысь, совсем освирепевшая от ножевой раны, разорвала бы ему горло. С той поры Егор стал доверять интуиции не меньше, чем глазам или ушам.

И вот снова заработал "третий" глаз – впервые за те несколько лет, что старик провел в городе. Егор Павлович, стараясь ничем не выдать беспокойство, неторопливо осмотрелся по сторонам и сразу же наткнулся на острый, напряженный взгляд крепкого парня, одетого в кожаную куртку. Он стоял на задней площадке вагона.

Старику никогда прежде не приходилось уходить от слезки в городских условиях. Он даже не предполагал, что такое с ним может случиться. В тайге, работая егерем, Егор Павлович попадал в разные ситуации.

Бывали случаи и когда за ним устраивали настоящую охоту. Но там он чувствовал себя как рыба в воде и, отменно зная местность, мог обставить кого угодно. А город так и остался для него чужим и непознанным.

Этот парень не может быть один, почему-то подумал старик. Тогда где другие? И вообще – с какой стати за ним следят как за шпионом?

Егор Павлович не стал выходить на своей остановке. Он сошел на следующей и тут же пересел на трамвай, который направлялся в обратную сторону. Егор Павлович сделал вид будто что-то забыл – искал у себя в карманах, рылся в наплечной сумке, сокрушенно качал головой, что-то бормотал под нос... Короче говоря, изображал склеротического старца, у которого семь пятниц на неделе. Он не знал, настолько убедительно его "театр" выглядит со стороны, но ничего иного ему в этот момент в голову не пришло.

Парень в кожаной куртке последовал за ним. Теперь вагон был почти пустой, и ему пришлось сесть, чтобы не торчать столбом перед глазами старика. Сам Егор Павлович устроился на переднем боковом сидении – таким образом, чтобы наблюдать за всем вагоном. В его голове правил бал полный бедлам, но все же он успел заметить как на трамвайной остановке парень обменялся условными знаками с пассажирами импортной машины, теперь следующей по дороге, параллельной маршруту. Значит, за него взялись очень серьезно... Но почему!?

Посетив еще раз Подкову, где купил какую-то безделушку, Егор Павлович решительно направился домой. А что делать? Не будешь ведь спрашивать шнурка в кожаной куртке с какой стати он так заинтересовался личностью обычного пенсионера? Старик, конечно, видел разные шпионские фильмы, но представить себя в роли матерого разведчика или диверсанта, способного уйти от любых преследователей и прокладывающего дорогу с помощью кулаков и пистолета, он не мог.

Остаток дня закончился без приключений, хотя на душе у старика было мутно. Он даже не стал прогуливать Грея по обычному длинному маршруту, а ограничился близлежащим сквером. Там, среди таких же, как и он, обывателей, совершающих вечерний моцион со своими Жучками и Джульбарсами, Егор Павлович чувствовал себя более-менее защищено. Тем более, что все владельцы собак знали друг друга и готовы были прийти на помощь любому из сплоченной компании.

Ночью его одолела бессонница. Чтобы понапрасну не мучится, старик почти до полчетвертого утра резал вазу на заказ, а затем, выпив горячего молока с медом, все-таки забылся в тревожной полудреме. Наверное он спал очень беспокойно, возможно даже что-то говорил или кричал, потому что в очередной раз очнувшись от забытья, увидел прямо перед собой глаза Грея, покинувшего свое место, чего раньше ночью не случалось. Пес был очень возбужден и тихонько повизгивал, будто просил прощения за свой проступок.

Старика разбудил телефонный звонок. До недавнего времени он не имел телефона. Ему просто некому было звонить. Но после знакомства с Ириной Александровной такая надобность стала само собой разумеющейся.

И когда Егор Павлович получил премию за бой Грея, то первой крупной тратой – после погашения велиховского долга – стала оплата установки телефонного аппарата.

– Приезжай... срочно приезжай! – голос Ирины Александровны прерывался от с трудом сдерживаемого волнения.

– Что случилось!? – Старик пытался одной рукой натянуть брюки.

– Ничего. Пока ничего... У меня тут... люди...

– Кто?

– По-моему, те самые... Приезжай поскорее!

Егор Павлович вызвал частное такси, которое домчало его до дома актрисы за десять минут – он пообещал водителю заплатить втрое больше, чем положено. Впрочем, таксист и сам был рад побыстрее избавиться от такого пассажира, как Грей, который дышал ему прямо в затылок.

В квартире Ирины Александровны, кроме нее, находились трое мужчин. При первом же взгляде на них у старика отлегло от души – они были вполне респектабельными господами, скорее всего, "новыми" русскими, и не походили на коротко стриженных костоломов, слоняющихся по Подкове.

– Что им здесь нужно? – вместо приветствия резко спросил Егор Павлович у актрисы.

– Мне предлагают продать квартиру... – В ее глазах стояли слезы.

– Ну и?..

– Я отказалась.

– Это твое право. Вы слышали, господа? – обратился старик к мужчинам. – Квартира не продается. Так что можете быть свободны.

– Извините, с кем мы имеем честь разговаривать? – спросил один из них, круглолицый, с голубыми блудливыми глазами и, как показалось Егору Павловичу, напудренный.

– Точно такой же вопрос я хотел бы задать вам, – неприязненно ответил старик.

– Моя фамилия Опришко, Сергей Константинович. Я юрисконсульт фирмы "Абрис", – манерно наклонил голову с длинными вьющимися волосами голубоглазый. – А это, – он элегантно, чисто женским жестом указал на сидевшего рядом представительного мужчину с намечающимся брюшком и грубо высеченными чертами неприятного лица, – господин Кирюхин, Вениамин Аркадиевич, наш директор.

Третьего, которому на вид было не более двадцати пяти лет, он не назвал. Наверное, этот крепко сбитый парень в темном костюме, плотно облегающем атлетический торс, не казался Опришко стоящим объектом для церемониального представления. Крепыш сидел у двери на краешке стула в несколько напряженной позе – неподвижный, словно статуя Будды. О том, что он пока еще живой, свидетельствовали лишь глаза парня – неуловимо быстрые и осязаемо холодные; от его цепкого оценивающего взгляда Егору Павловичу стало не по себе.

– Меня зовут Егор Павлович... – буркнул старик.

– Вы близкий родственник госпожи Велиховой? – продолжил свои расспросы Опришко.

– Этот факт имеет какое-то значение? – ответил вопросом на вопрос Егор Павлович.

– Имеет. И немалое, – неожиданно вступил в разговор Кирюхин; он говорил густым басом и немного в нос. – У нас сейчас идет деловой разговор, который посторонних не касается.

– Вениамин Аркадиевич хотел сказать, что... э-э... необходимо соблюдать конфиденциальность... – заблеял Опришко, чтобы как-то сгладить грубый выпад своего босса. – Сами понимаете – большие деньги, большие проблемы...

– И сколько они предлагают? – Егор Павлович обернулся к актрисе, которая неприкаянно маялась возле серванта.

– Двадцать тысяч... долларов... – тихо ответила она.

– Всего-то? – Старик недобро покривился. – Щедрые, однако, господа...

– Товарищ не понимает... – снова пробасил Кирюхин – на этот раз угрожающе. – Вам не кажется, что здесь кто-то лишний? – спросил он сквозь зубы, обращаясь к двум своим наперсникам.

Опришко с деланной скорбью потупился, а крепыш слегка наклонился вперед, готовый немедленно выполнить любое приказание босса. Теперь его глаза уже не бегали; они застыли на бесстрастном лице, словно две льдинки, и их выражение не сулило старику ничего хорошего.

Грей появился бесшумно, будто вырос прямо из паркетного пола. Егор Павлович оставил пса в прихожей, и нежеланные гости не знали о присутствии волкодава в квартире. Старик даже не думал его звать, но волкодав, похоже, интуитивно почуял угрозу, исходившую в этот момент от зловещей троицы. Грей остановился рядом с крепышом – где-то в двух шагах – и, глядя на него угрюмым злобным взглядом, беззвучно обнажил клыки. Медленно повернув голову в его сторону, парень мгновенно побледнел до синевы. Он сначала испуганно дернулся, будто намеревался вскочить и убежать. Но затем благоразумие взяло верх, и крепыш так и застыл в нелепой позе с глупым выражением на потерявшем жесткость черт лице.

– Эта квартира стоит более ста тысяч. И вам это хорошо известно, – как ни в чем ни бывало продолжил разговор Егор Павлович.

– Уберите пса, – процедил сквозь зубы Кирюхин.

– Странные вы люди – то я вам сначала пришелся не по нутру, теперь собачка мешает. Он побудет с нами – для паритета. Грей! – старик глазами указал волкодаву на его место.

Пес неторопливо отступил и сел возле Ирины Александровны, продолжая пристально наблюдать за незваными гостями.

– Ничего себе собачка... – пробормотал Опришко.

– Так на чем мы остановились? – невинно улыбаясь, спросил Егор Павлович.

– Дело не в том, сколько квартира стоит, а сколько за нее дадут, – досадливо морщась, сказал Кирюхин.

Похоже, теперь его уже не волновал статус старика. Директор "Абриса" набычился и смотрел на Егора Павловича с таким видом, будто собирался его съесть.

– Верно, – легко согласился старик. – Однако, как вы уже убедились, Ирину Александровну совершенно не интересуют не только разговор о цене, но и ваше предложение в целом. Квартира не продается, господа. И я думаю нам больше не стоит толочь воду в ступе, беседуя, как выяснилось, на отвлеченные темы.

– Напрасно... – злобно прошипел Кирюхин.

– Что именно? – посмотрел прямо ему в глаза Егор Павлович.

– Напрасно вы не соглашаетесь на наши условия. Как бы Ирине Александровне и вам не

пришлось об этом пожалеть...

– Возможно. Однако вам, достаточно молодому человеку, наверное, неизвестно, что вся человеческая жизнь соткана из сожалений. Мы постоянно вспоминаем с досадой про упущенные возможности, но, увы, время вспять не повернешь. Так что в нашем возрасте одним раскаянием больше, одним меньше – все едино.

Никто не в состоянии прозреть будущее. Ирина Александровна не хочет продавать квартиру вовсе не из вредности или потому, что вы ей предложили такую мизерную сумму. Она прожила здесь большую часть своей жизни, в этих стенах хранятся воспоминания, которые ей дороги, так оставьте ее в покое, не берите грех на душу, строя разные козни. У вас ведь тоже есть матери и родные гнезда. Подумайте и представьте своих родителей на месте Ирины Александровны. Сегодня вы богатые, сильные, уверенные в себе и своих возможностях. Но неизвестно как будет завтра. И никто не даст гарантий, что в один прекрасный день к вашей матери, господин Кирюхин, не придут похожие на вас бизнесмены и не предложат то же самое, что вы предлагаете Ирине Александровне. Подумайте над моими словами. И извините, если что не так. Мы люди маленькие...

Кирюхин переваривал услышанное не менее трех минут. Наконец он резко встал и направился к выходу, что-то буркнув на ходу – наверное, попрощался. За ним потянулись и остальные двое. Голубоглазый Опришко, натянуто улыбаясь, даже поклонился актрисе, но в его движениях уже не было изящества и приторной элегантности. Их проводил только Грей. Он вышел в прихожую и стоял там до тех пор, пока не раздался щелчок замка входной двери.

– Спасибо... – тихо сказала Ирина Александровна, с любовью глядя на старика. – Я бы сама так не смогла...

– Плохо, – угрюмо сказал Егор Павлович. – Очень плохо...

– Что ты имеешь ввиду? – встревожено спросила актриса.

– Они тебя не оставят в покое. Это не люди, это моральные уроды. Им наплевать на совесть, честь, сострадание. Я уже встречал таких. В споре с ними действенен только один аргумент – пуля в лоб.

– Что ты такое говоришь!? – всполошилась Ирина Александровна. – Выкинь эти глупости из головы!

Она с испугом глядела на Егора Павловича, который стоял напряженный, как струна. В глазах старика, обычно добрых и ласковых, бушевало холодное пламя, а от его фигуры явственно исходили угроза и жестокость. Таким Егора Павловича актриса видела впервые.

– Извини... – покаянно опустил голову старик. – Наверное, я чересчур переволновался...

Неделя прошла без особых происшествий. Никто не тревожил ни Ирину Александровну, ни Егора Павловича. Слежки тоже не было, хотя старик не мог поручиться, что за ним не наблюдают более профессионально, чем прежде. И однако дурное предчувствие не покидало Егора Павловича ни днем, ни ночью. Чтобы хоть немного обезопасить Ирину Александровну, он предложил ей пожить какое-то время у него, на что актриса с радостью согласилась. Похоже, ей было неуютно и страшно жить одной в четырех стенах. Егор Павлович мог и сам перебраться в ее квартиру, она приглашала и даже настаивала на этом, но он должен был закончить срочный заказ на резные панели, а потому работал в своей мастерской с раннего утра до ночи.

Это были удивительные дни. Старик колдовал над верстаком, Ирина Александровна тоже

сидела в мастерской, в кресле-качалке, что-то читая или рукодельничая – она вязала Егору Павловичу шарф, а Грей, блаженно потягиваясь и добродушно шурясь, лежал в углу на куче стружек и с каким-то странным интересом наблюдал за хозяином и его подругой. Ему было внове такое прибавление к их дружной компании двух бирюков, и пес еще не знал, как относиться к этому событию. Он чувствовал, что его хозяина снедает тревога, но пока не мог определить чем она вызвана. Это с одной стороны тревожило Грея, а с другой ставило в тупик – аура умиротворенности, возникшая в квартире старика после появления в ней Ирины Александровны очень нравилась волкодаву, который ощущал волны добросердечия всеми фибрами своей собачьей души. Дни пролетали как один миг, ночи были наполнены странной негой, а прогулки превратились для Грея в праздник: старик обычно шел чинно, не спеша, и нередко предоставленный самому себе пес откровенно скучал, а Ирина Александровна бегала с ним наперегонки, заставляла приносить брошенные сухие ветки (что волкодав делал с удовольствием) и ходить по бревну, переброшенному через канаву.

То утро ничем не отличалось от предыдущих. Поначалу... Старик и актриса, весело подшучивая друг над другом, быстро выпили по чашке чаю и отправились в сквер на прогулку. Правда, в отличие от других дней, актриса почему-то была несколько вялая, будто провела бессонную ночь (хотя это и не соответствовало действительности), и шла неторопливо, держа Егора Павловича под руку. Покрутившись возле них и поняв, что на этот раз игр не предвидится, Грей с укоризной рыкнул и скрылся среди деревьев, чтобы покуражиться над ежами, которые к осени расплодились в невероятном количестве. Он не боялся их иголок, и когда находил очередной колючий клубок, то упражнялся в реакции – молниеносными движениями лап катал его, как мяч, среди опавших листьев, постепенно превращая в бесформенный ком.

Грей, конечно, мог при желании добраться до живой плоти, заключенной в игольчатый панцирь, но он был не голоден и, будучи истинным охотником, пренебрегал такой малявкой как еж. Пес просто играл, наслаждаясь вожденной свободой, которая казалась ему после тесной квартиры-норы еще более желанной, чем тогда, когда он вольно бегал по тайге.

Машина появилась внезапно, когда старик и актриса уже возвращались домой и вышли из сквера на пока еще пустынную улицу – время было раннее. Она была импортной, с мягко воркующим мотором, и ехала поначалу не быстро. Ирина Александровна и Егор Павлович, из-за отсутствия тротуара, шли по достаточно широкой мостовой, держась за руки, и непринужденно болтали о всякой всячине. Автомобиль приближался сзади и они его не видели и не слышали до тех пор, пока водитель не добавил газу. Будто почувствовав недоброе, старик быстро обернулся – и увидел машину уже в нескольких метрах от себя. Она неслась прямо на них.

Он не успел не только что-либо предпринять, но даже вскрикнуть. И последнее, что Егор Павлович увидел перед тем, как широкий бампер авто подмял под себя Ирину Александровну, был черный мохнатый клубок, летящий прямо ему в грудь. Грей ударил его с такой силой, что старик был отброшен с проезжей части как невесомый соломенный куль...

Егор Павлович очнулся от влажного прикосновения чего-то бархатистого. Его спаситель, верный Грей, стоял над ним и, жалобно поскуливая, старательно вылизывал ему лицо. Старик, держась за голову, где выросла большая шишка – похоже, при падении он сильно ударился головой о камень – встал на колени и в недоумении осмотрелся. Егор Павлович пока не понимал где находится и что с ним случилось. Но вот наконец шум в ушах начал стихать, в глазах прояснилось и старик увидел...

Нет! Не-ет!!! Егор Павлович закричал так страшно, что с деревьев взлетела стая ворон. Не осознавая, что делает, старик по-собачьи, на четвереньках, пробежал метров десять и рухнул у распростертой на асфальте Ирины Александровны. Она была буквально растерзана тяжелым автомобилем. Алая кровь, вытекающая из раны на ее голове, уже начала,

сворачиваясь, чернеть, и восковая бледность постепенно сползала с высокого чела на щеки и подбородок. Ничего не соображая, Егор Павлович попытался поднять Ирину Александровну, но силы изменили ему, и он тяжело упал, при этом стараясь чтобы ее голова легла ему на грудь.

Отдышавшись, старик наконец полностью пришел в себя. Он сел и как-то отрешенно приложил пальцы к шее актрисы, чтобы пощупать пульс. Егор Павлович мог бы этого и не делать. Ему столько раз приходилось видеть смерть во всех ее обличьях, что он уже заранее знал результат своей попытки найти хотя бы малую искру жизни в уже начавшем коченеть теле любимой женщины.

Как он хотел ошибиться! За это ему не жалко было отдать все свои оставшиеся годы.

Увы, пока еще теплое тело Ирины Александровны ответило ему не толчками бегущей по жилам крови, а всего лишь последним прикосновением беломраморной шелковистой кожи.

Актриса была мертва.

Отступление 8. Зона Сиблага, 1995 год.

Лосиху убили совсем недавно, от силы два часа назад. Она была стельной, и Егор, вернее, уже Егор Павлович, горько вздохнул. Браконьеры, судя по следам, прилетели на вертолете и стреляли прямо с воздуха. Сюда, на южную окраину заказника, добраться пешком мог только человек, хорошо знающий тайгу. В этом месте когда-то была запань, а потому и на моторке подойти к берегу было весьма непросто, если не сказать – невозможно. Коварные топляки подстерегали лодку даже на стремнине. Егерь давно знал, что низину возле самого берега облюбовали сохатые, которым нравился молодой осинник, растущий на сухих прогалинах среди болотца. До недавнего времени лосиные семьи здесь чувствовали себя вольготно, так как их не могли потревожить ни охотники, ни хищные звери – с одной стороны река, а с другой почти непроходимая марь обеспечивали им спокойную жизнь и защиту, в особенности самкам и молодняку.

До недавнего времени... Егор Павлович сокрушенно покачал головой. Горбачевская перестройка исподволь разрушила достаточно хорошо налаженную за долгие годы систему охраны заказника, и орды браконьеров стали чувствовать себя совершенно безнаказанно. Оснащенные новейшей вездеходной техникой и первоклассным оружием, в том числе и автоматами, двуногие хищники всех рангов и сословий промышляли в тайге в любое время года и били все подряд, оставляя после себя пустоши. В переносном и прямом смыслах – небрежно брошенный окурок или не потушенный пьяными горе-охотниками костер, особенно в засушливые годы, вызывали многочисленные пожары, которые тушить было нечем и некому. Да что браконьеры – егеря, не получавшие зарплату по несколько месяцев, чтобы прокормить семьи, с отчаяния сами промышляли на зверя, наплевав и на лицензии для отстрела, и на все правила и уложения лесного кодекса.

Поначалу Егор Павлович пытался бороться с этим несчастьем, обрушившимся на него, казалось бы незыблемый и спокойный мирок, но когда на несговорчивого старшего егеря цыкнуло с самых вершин большое начальство, пригрозив за строптивость раньше времени отправить на пенсию и вышвырнуть на улицу, он смирился с неизбежностью. И потянулось тоскливое ожидание непонятно чего и неизвестно зачем. Для Егора Павловича тайга сызмальства была родным домом, но теперь, на исходе лет, она вдруг стала для него чужой и постылой. Возможно, будь у старика семья, дети и внуки, он не воспринял бы так остро свою беспомощность и незащищенность перед надвигающимся на страну и заказник в частности страшным молохом самоуничтожения. Но егерь был один, как перст – если, конечно, не считать двух его помощников, молодых парней, и остатков собачьей своры, где главную скрипку играл входивший в пору зрелости Грей, потомок незабвенных Найды и

Лешака.

Но больше всего Егора Павловича угнетало поражение, которое он потерпел в многолетней охоте за Чагирем. Эта глубоко угнездившаяся заноза отравила все его существование, временами доводя до исступления. Он сотни раз перебирал в памяти все перипетии их последнего поединка, казня себя за, как ему казалось, недостаточную собранность и отсутствие предвидения. Ведь мог же он, мог сообразить, что у Чагиря есть динамит и что пахан додумается вызвать камнепад, взорвав скалу!

Прыжок в пропасть запомнился Егору Павловичу тугими воздушными потоками, которые стегали его тело широкими вожжами. Он почему-то совсем не испугался, даже наоборот: наконец исполнилась его сумасшедшая детская мечта ощутить себя вольной птицей – такой, какой он был в своих снах. Егеря летел вниз и кричал, но не от страха, а от восхитительной ярости, помноженной на упоение полетом. Он парил – парил! – и каждая клеточка его тела упивалась блаженством полета. С головы Егора Павловича выветрилось и ожесточение схваткой с бандитами, и назойливая мысль наконец свести счеты с Чагирем и даже инстинкт самосохранения. Он в одно мгновение стал свободным от всего наносного, копившегося годами. Страшно даже представить, но егеря в эти, возможно последние, мгновения своей жизни был счастлив!

Его спасли густые сосновые ветки, выполнившие роль матраца и смягчившие удар, и кустарник, куда он в конце концов свалился, сломав по пути руку и четыре ребра. Когда егеря нашла поисковая группа во главе с Блинковым – Полкан все-таки разыскал капитана и доставил ему донесение – он был без сознания. В общем Егору Павловичу здорово повезло – не наткнись Блинков на остальных псов, дожидавшихся своего хозяина у подножья Громовика, его бы не отыскивали никакие следопыты. Вряд ли кто-нибудь мог сообразить, что он лежит на труднодоступном склоне, который находился в стороне от маршрута беглых зэков. Но свора, возглавляемая Полканом, переупрямила недоумевающего старшину Панышина, который никак не мог взять в толк настойчивое желание псов свернуть с хорошо видимого следа в сосновые заросли. Как могли собаки почуять запах егеря с достаточно большого расстояния и точно вывести поисковиков к месту его падения, так и осталось загадкой...

Выздоровев, Егор Павлович продолжил работать на "хозяина" спецзоны. Свою мрачную кличку Сатана егеря оправдывал выше всяких похвал. От него не мог уйти ни один беглый зэк, каким бы ушлым он ни был.

Поиски беглецов приносили Егору Павловичу садистскую радость – за неимением главного своего врага Чагиря, он мстил остальным рецидивистам с иезуитскими выдумками и пугающей их жестокостью. Спустя несколько лет после схватки с паханом бежать из зоны мог лишь самоубийца или совсем отчаявшийся.

Воры ненавидели его и боялись как никого иного из охраны, где тоже были еще те типы. И все эти годы Егор Павлович с надеждой ждал появления в спецзоне Чагиря. Он даже готов был все бросить и перевестись в те места, где вор "в законе" отбывал очередной срок, потому что был уверен – хитрый, как змей, пахан нигде долго не задержится и уйдет в побег. Но начальство зоны уже знало о вендетте егеря-следопыта, и, чтобы не потерять такого ценного внештатного сотрудника, намеренно его дезинформировало, когда егеря с непреходящей настойчивостью пытался выяснить судьбу Чагиря, хотя такие сведения "хозяин" мог предоставить ему в любой момент.

Спецзону закрыли в 1979 году. Выросший возле нее поселок вохры[36] постепенно заустевал, и уже через пять лет мало что напоминало о скорбном месте принудительного захоронения человеческих страстей и дурных склонностей. Бараки кто-то сжег, колючая проволока превратилась с ржавую пыль, а избы лагерной obsługi вросли в землю по окна. В

поселке остались лишь самые закоренелые старожилы, которых нигде и никто не ждал. Кое-кто из них подался в охотничью артель, а самые старые проедали нажитое и бражничали, с тоскою и пьяными слезами вспоминая былое. Егор Павлович поначалу наведывался сюда, чтобы покалякать о том, о сем со знакомыми – друзьями или даже близких приятелей он так и не завел – но вскоре понял, что вид зоны навевает на него смертную тоску и посещения обломков крушения своих надежд прекратил.

Так шли годы – ни шатко, ни валко – медленно, но верно покрывая голову Егора Павловича сединой, а горячее беспокойное сердце – пеплом старческого благоразумия и философского отношения к жизни. Лишь одно могло заставить пробудиться закоренелую душу егеря и полыхнуть жарким пламенем – воспоминания о Чагире. Но и они с годами навещали его все реже и реже, постепенно превращаясь просто в кошмарный детский сон...

Запах костра Егор Павлович услышал, когда наконец выбрался из топкого места на достаточно удобную тропу, ведущую на плоскогорье. Весна пришла ранняя, солнечная и земля покрылась свежей зеленью за какую-то неделю. Егеря и зимой днями пропадал в тайге, а в хорошую теплую погоду мог неделями не появляться в своем егерском "поместье", где несли вахту в общем то неплохие ребята, но очень уж молодые и совершенно чуждые ему по духу. Он их всего лишь терпел, как необходимое и, к счастью, небольшое зло и не позволял им лезть в свою в душу. Впрочем, Егор Павлович был для них начальником и легендарной личностью, о которой они были наслыханы с малых лет, а потому молодые егеря относились к нему с почтением и не позволяли себе, как многие подчиненные, злословить в адрес шефа.

Егор Павлович долго размышлял – идти к костру или нет. Он точно знал, что лично ему встреча не сулила ничего хорошего. До его ноздрей уже долетел запах печеного мяса, и егеря был абсолютно уверен, что где-то впереди, на расстоянии в сотню метров, разбились бивак браконьеры, которым такое рандеву тоже шло не в масть. Будь он моложе, никакие соображения или колебания его не остановили бы. Но тяжелые путы безразличия, сковавшие все еще крепкие и быстрые ноги Егора Павловича, заставляли призадуматься.

Сколько раз за последние годы ему приходилось отлавливать таких двуногих хищников – и что? А ничего.

Их даже официально не штрафовали, кивая на некие высшие соображения. Заключающиеся, как уже знал егеря, в элементарных взятках, регулярно получаемых руководством заказника и от "старых", и от "новых" русских за бандитское право под корень истреблять всю таежную живность.

Посмотрев назад, Егор Павлович сокрушенно вздохнул: возвращаться – значило опять брести по болоту и преодолевать буреломы. А он уже и так отмахал по дикой тайге около тридцати километров. Звериная тропа была единственным удобным путем к распадку, за которым начинался редкий и удобный для ходьбы молодой сосняк.

Оставалось одно... Егеря посмотрел на Грея. Умный пес давно учуял присутствие чужих людей и стоял напряженный, словно туго сжатая пружина, готовый в любой момент начать уже привычную для него охоту на человека.

– Поди-ка ты, дружок, сторонкой, – сказал ему с теплотой в голосе Егор Павлович.

Сказал и по-особому тихо посвистел. Грей глянул на егеря с неподражаемым лукавством, и исчез в зарослях так быстро и бесшумно, что со стороны могло показаться будто под ним разверзлась земля и проглотила пса. Он знал, чего хочет от него хозяин и был готов исполнить все в лучшем виде...

На достаточно обширной поляне, уныло опустив длинные гибкие лопасти, стоял небольшой вертолет незнакомой ему конструкции; скорее всего, эта красивая стрекоза с большими

выпуклыми глазами темного стекла была импортного производства. Метрах в двадцати от винтокрылой машины горел костер; возле него была развернута скатерть с напитками и едой. Над костром на вертеле скворчал приличный кусок мяса, за которым присматривал здоровенный битюг с бритым затылком; похоже, ему уже давно перевалило за тридцать. Кроме повара по случаю, на поляне находились еще двое: упитанный господин-товарищ лет пятидесяти пяти – шестидесяти в новенькой штормовке и с "начальственным" выражением несколько обрюзгшего от возлияний лица и спортивного типа черноволосый мужик, помоложе, в кожаной куртке и джинсах. Они о чем-то разговаривали, рассматривая ружье – американский "винчестер" с оптическим прицелом, как определил со своего места егерь.

Терпеливо обождав еще минуты две – вдруг еще кто плутает в кустах? – Егор Павлович наконец решил показаться всей это честной компании. Приготовив карабин к стрельбе (чем черт не шутит, в такой ситуации всякое может случиться), он снова вышел из зарослей на тропу, но не успел сделать и пяти шагов, как почувствовал резкий тычок чем-то твердым в спину, пониже лопаток. И в тот же миг насмешливый голос сзади предостерег:

– Не трепыхайся, дядя. Иначе пульну. А ружьишко положь. Медленно... Вот и ладушки. Пошел... – Егеря грубо подтолкнули.

Их появление на поляне произвело сильный эффект. Полный мужчина в штормовке даже открыл рот от изумления. А битюг, у которого все руки были в наколках, от неожиданности оступился и угодил одной ногой в костер.

– Ну, как вам мой улов? – спросил тот, что шел позади егеря. – Больно хитер оказался, курилка. Но я его все равно вычислил, хотя он и маскировался.

– Какого хрена, Глеб!? – наконец прорвало мужчину в штормовке. – Зачем ты его сюда привел? Мне уже твои диверсантские штучки во где сидят, – он показал на свой кадык.

– Так ведь этот старый хмырь шел сюда не с пустыми руками. Пушка у него будь здоров. Мог запросто перещелкать нас, как куропаток. Какие уж тут штучки, Кирилл Петрович.

– Кто ты такой и что тебе тут нужно? – резко спросил полный Егора Павловича.

– Аналогичный вопрос и мне хочется задать, – спокойно сказал егерь.

– Не дерзи, мужик, – подал голос и мужчина в кожаной куртке. – Ты не на профсоюзном собрании.

Он говорил тихо, но от его ледяного голоса по спине Егора Павловича пополз холодок. Неподвижные змеиные глаза мужчины в кожанке были пусты и казались совершенно безжизненными. Левый бок его куртки довольно заметно оттопыривался, и егерь не сомневался, что там прицеплена наплечная кобура с пистолетом. Опасный человек, решил про себя Егор Павлович.

– Если я вам помешал – извините, – пожал плечами егерь. – Отдайте мне карабин и я пойду дальше. Будем считать, что мы друг друга не видели.

– Братва... Кирилл Петрович! – вдруг вскричал битюг, который до этого стоял в полном ступоре, глаза на Егора Павловича как на нечистого, неожиданно выскочившего из преисподней. – Это... это Сатана! Мать твою...

– Что ты буровишь, Гриб?! – с удивлением воззрился на него полный. – Мы еще не пили, а у тебя крыша уже набекрень.

– Кирилл Петрович, век свободы не видать, я его узнал! Перед вами местный егерь, он скольких зэков отправил вперед ногами – не пересчитать. Мне его портрет деловые

"нарисовали" еще в зоне во всех подробностях. При случае они просили этого пса вогнать в землю по уши. Сатана – всего лишь кликуха.

– Это правда? – жестко и требовательно спросил Кирилл Петрович, который для остальных, видимо, был боссом.

– Да, я и впрямь старший егерь заказника, – невозмутимо ответил Егор Павлович. – Ну и что с того?

По-моему, я прав не качаю (хотя мог бы), иду себе по своим делам, никого не трогаю...

– Дрейфит, сука! – победоносно воскликнул Гриб. – Он это, даю рубль за сто. Кирилл Петрович, отдайте мне этого старого козла. Я его кишки на сосну намотаю. Братва мне при жизни памятник поставит.

– Помолчи! – резко оборвал его Кирилл Петрович. – Ты от "старого" и "козла" тоже недалеко ушел.

Битюг хотел было возмутиться, но, к счастью, вовремя понял причину раздражительности босса – Кирилл Петрович, как и егерь, тоже был далеко не молод. А на людей преклонных лет любой негативный отзыв о возрасте – пусть и другого человека – нередко вызывает реакцию неприятия и даже гнева.

– Документы есть? – Мужчина в кожаной куртке подошел к Егору Павловичу.

– В боковом кармане, – ответил егерь, понимая, что сопротивление бесполезно.

– Значит, Егор Павлович Велтистов... Егерь. Все верно... – Мужчина обернулся к боссу и показал ему удостоверение пленника с фотографией. – Очень нежелательная встреча, Кирилл Петрович... – Он многозначительно прищурил свои темные глаза.

– Позволь, Равиль, мне решать как относиться ко всему этому. – Босс явно не отличался сдержанностью. – Так тебя действительно кличут Сатаной? – спросил он Егора Павловича.

– Мало ли что люди болтают, – осторожно ответил егерь. – А мне недосуг чужие басни слушать.

– Во брешет, пес... – не выдержал Гриб. – В расход его – и все дела.

– Ты лучше смотри за сохатиной, – неодобрительно сказал Равиль. – А то она скоро обуглится.

– Если он и впрямь Сатана, то нам какое дело? – в раздумье сказал Кирилл Петрович. – Подумаешь, шлепнул несколько эзков. Меньше в тюрьге народу – больше кислороду.

– Воры "в законе" просили... – опять начал свою волынку побагровевший от распиравшей его злобы битюг.

– Мне на них наплевать, – высокомерно ответил босс. – И тебе, Гриб, не советую идти у деловых на поводу.

Это, знаешь ли, может завести не туда, куда нужно. Не забывай, что ты работаешь на меня.

– Извините, Кирилл Петрович... – разом стушевался Гриб.

– То-то... – Босс задумчиво смотрел на егеря – видимо, соображал, как с ним поступить.

– В этой истории есть одно "но", – вступил Равиль. – Он вас видел, Кирилл Петрович. Видел,

– подчеркнул он.

– М-да... Это и впрямь может превратиться в большую проблему... – Немного рыхловатые черты лица босса вдруг затвердели, а в глазах появился нехороший блеск. – Печально...

– Ничего не поделаешь, издержки повышенных мер безопасности, – равнодушно сказал Равиль.

– Только без всяких там садистских штучек... – Кирилл Петрович брезгливо поморщился. – Кроважандность, Гриб – большой порок. Отведите господина Велтистова – пардон, Сатану – в сторону... подальше... Мне не хочется портить аппетит. У меня чересчур развито воображение. По-моему, мясо уже дошло...

Егор Павлович слушал и не верил своим ушам. Они разговаривали в его присутствии так, будто он был бессловесной скотиной, приготовленной на убой! И если совсем недавно егерь намеревался уйти с поляны мирно – пусть их, раз такая нынче жизнь пошла – то теперь своими словами эти живодеры разбудили в нем то, что в свое время побудило выдавших виды эков дать ему многозначительную кличку Сатана.

Он не стал ни упрашивать сохранить ему жизнь, ни напирать на такие понятия как человечность, совесть и прочие мудреные вещи. Егерь так долго ходил по острой, как лезвие бритвы, границе между светом и тьмой, что в конце концов перестал бояться очутиться в загробном мире раньше времени. Егор Павлович был законченным фаталистом, чего, на свое несчастье, не поняли его будущие палачи...

Неожиданно для всех егерь резко крутанулся на месте и в один миг очутился сбоку от Глеба, который, обманутый покорностью пленника, несколько утратил бдительность. Позвав свистом Грея, он коварной подножкой свалил своего стража на землю, и пока тот кувыркался, чтобы побыстрее встать на ноги – молодой парень и впрямь был обучен разным бойцовским премудростям – Егор Павлович схватил оброненный им карабин. Однако Глеб оказался побыстрее уже немолодого егеря. Когда он успел вытащить нож, Егор Павлович так и не заметил; серебристая рыбина выскочила из руки парня в тот момент, когда егерь нажимал на курок.

Нож вонзился в левое плечо. Егор Павлович поначалу даже не почувствовал боли, и только когда понял, что шустрый Глеб уже не встанет и быстро обернулся к остальным, ему показалось, что клинок повернулся в ране, вызвав при этом невыносимое жжение. Но егерю было не до такого, с его точки зрения, пустяка. Пока он возился с Глебом, действующие лица разыгравшейся трагедии вовсе не дремали. Гриб, несмотря на свою внушительную комплекцию, бежал, словно спринтер, к вертолету, где, похоже, находилось оружие, Кирилл Петрович, ошеломленный неожиданным поворотом событий, безуспешно пытался достать из кармана пиджака зацепившийся за подкладку пистолет, и лишь не потерявший рассудительность и хладнокровие Равиль ловко обнажил ствол, хранившийся, как Егор Павлович и предполагал, в наплечной кобуре. От немедленной смерти егеря спасло лишь то, что татарин – так определил его национальность егерь – на какоето время замешкался, расстегивая замок своей кожаной куртки.

Они нацелили оружие почти одновременно. Но ни тот, ни другой так и не успели нажать на спусковые крючки – из зарослей бесшумно выметнулся Грей и в великолепном прыжке опустился прямо Равилью на загривок. Татарин от неожиданности и боли вскрикнул и упал под тяжестью пса на землю, однако не растерялся и сделал попытку воспользоваться пистолетом, чтобы застрелить зверя, полосующего клыками его тело. Но обученный охоте на человека волкодав не дал ему ни малейшего шанса. Оставив попытки добраться до горла своей жертвы – мешал жесткий воротник куртки – Грей вонзил зубы в запястье руки с оружием. На этот раз Равиль испугался по настоящему. Уже не соображая, что он делает,

татарин прижал к себе сломанную клыками пса правицу, свернулся в клубок и заорал благим матом.

Тем временем Гриб наконец достал из кабины вертолета автомат, а Кирилл Петрович справился с подкладкой и выхватил достаточно внушительную никелированную "дуру". Егор Павлович, весь во власти холодной, беспощадной ненависти, не стал изображать из себя законника и требовать, чтобы они бросили оружие и сдались на его милость. Впрочем, Гриб и не пошел бы на такой компромиссный вариант – для это нужно было иметь чуть больше мозгов, нежели в его узколобой башке, и поменьше злобы в черной душонке, покрашенной в такой цвет многочисленными "ходками" на зону, как давно уже понял Егор Павлович по наколкам битюга.

Егерь вогнал ему пулю точно в лоб. Затем он перевел ствол карабина в сторону Кирилла Петровича, который уже целился в него неверной, дрожащей рукой, и с каким-то садистским наслаждением нажал на спусковой крючок еще раз...

После схватки, перевязав рану, Егор Павлович долго сидел на земле, обхватив голову руками. Рядом крутился и Грей, который все-таки попробовал на зуб крепость шеи Равиля; татарин так и остался лежать в нелепой позе – скукожившись, будто ему было холодно. С горестным томлением в сердце егерь думал о том, что вот и пришла пора прощаться со своим единственным в этом мире родным и любимым домом – тайгой.

Егор Павлович был уверен, что смерть Кирилла Петровича и его подручных вряд ли свяжут с именем старшего егеря заказчика. И то если разыщут поляну и вертолет – он почти не сомневался, что о своем маршруте босс не докладывал никому. Но Егор Павлович знал и другое: эта винтокрылая машина не первая и не последняя ласточка в заповедных местах. А сражаться с мельницами, как некий испанский рыцарь, книгу о котором он прочитал совсем недавно, старик уже не хотел.

Перетащив тела в кабину вертолета, Егор Павлович отошел на безопасное расстояние и, почти не целясь, расстрелял остаток обоймы в бак с горючим. Металлическая стрекоза взорвалась и загорелась ярким пламенем. Теперь он был абсолютно уверен, что никакой следопыт не определит истинную причину гибели Кирилла Петровича и компании...

Вечер застал его на взгорье. Егор Павлович Велтистов смотрел на уже поблекший солнечный диск, выщербленный снизу вершинами дальнего хребта. Да, решение принято – он уезжает. Навсегда. Где-то там, на западе, в призрачном оранжевом мареве, старика ждал Город. Возможно, его последнее в этой жизни пристанище...

Глава 27. Гуга

Он не любил заходить на Подкову, хотя по долгу службы ему приходилось шляться и по более гнусным местам. Барахолка, она и есть барахолка. Невероятный сплав патологической жадности, человеческого горя, жизненной неустроенности и жажды наживы. Торговля с рук и лотков, детище убогой демократии, приносила доход, помогала свести концы с концами, и в то же время развращала, обнажая перед наивными "совками" с виду благоухающее дно общественной формации под названием капитализм. Глупые бабочки в человеческом обличье слетались к растущим на дне цветам, чтобы вкусить их нектар, насытиться и зажить красивой жизнью, назойливо и каждодневно преподносимой обывателям в виде аппетитных женских попок на фоне ласкового южного моря, белоснежных яхт и экзотических растений голубым экраном наркотика под названием "телевизор", но не зная правил игры, в итоге попадали не в фиалковые кущи, а в вязкую субстанцию тропического цветка-людоеда.

Некоторым удавалось вырваться из его цепких объятий, а коекто, вместе с надеждами на безоблачное будущее, терял честь, совесть и свою душу – нередко в прямом смысле.

Клевахин искал Гугу. Этот нищий здорово заинтересовал майора, после того, как он в конце концов разыскал его досье... в райвоенкомате! Настоящее имя Гуги было Родион Матвеевич Волков. И в свое время несчастный попрошайка служил в Афгане старшиной автороты. Служил на совесть – список боевых наград Гуги впечатлял. Однако, как узнал Клевахин в райсобесе, Волков никакими льготами, предназначенными для воинов-афганцев, не пользовался; и мало того – он даже пенсию по инвалидности не хотел получать.

Впрочем, этот факт у майора вызывал сильные сомнения. Скорее всего, полубезумный нищий просто был не в состоянии собрать кучу разнообразных бумажек, которые требовали совсем зажавшиеся чиновники пенсионного фонда с намертво приклеенными к стульям и креслам задницами. Для них подняться и помочь убогому и беспомощному человеку документально оформить причитающееся по закону пособие было равносильно восхождению на Эверест, куда нормальный человек в здравом уме не попрется ни под каким видом.

Нашел Клевахин и квартиру, где когда-то проживал Гуга. Там теперь обитали другие люди, которые о бывшем хозяине своего жилища не имели ни малейшего понятия. Или – что было более достоверно – успешно постарались его забыть. И было из-за чего.

Вернувшись с афганской войны, Родион Волков устроился автомехаником на одном из предприятий города.

Вскоре ему, как воину-интернационалисту, выделили и двухкомнатную квартиру, куда он въехал с молодой женой и годовалым сыном. Жили они дружно, весело и отличались особым бескорытием – может, потому, что и Родион, и его жена были детдомовскими. Казалось, что никакие житейские бури не смогут разрушить их счастливое гнездышко, любовно свитое и тщательно охраняемое.

Но коварная судьба имела на этот счет свое мнение. Она явилась семье Волковых в образе мафиозной разборки – среди бела дня, в парке, где жена Родиона прогуливала малыша. Шальная пуля угодила трехлетнему пацану точно в сердце. Не помнящая себя от горя жена бывшего воина-афганца бросилась к вооруженным "быкам" и едва не выцарапала одному из них глаза. Ее убили походя, одним ударом ножа – чтобы под ногами не путалась. И чтобы не "настучала" кому следует.

С той поры Волкова будто подменили. Он не стал пить, как многие в подобных ситуациях, а просто замкнулся в себе. Наверное, все-таки в его мозгах произошел какой-то сдвиг, потому что Родион бросил хорошо оплачиваемую работу и стал перебиваться случайными, чаще всего мизерными, заработками. Он мог неделями сидеть в квартире, а когда наконец выходил на свет ясный, то люди просто пугались его вида.

Так прошло три года. А затем случилось то, что называется "демократической" справедливостью. Волков конечно же не был в состоянии со своих копеек вносить квартплату, растущую не по дням, а по часам. И "кристально-честный" начальник ЖЭУ, депутат горсовета от компартии, который старый партбилет держал в красном углу личного трехэтажного дома – как икону, быстренько сварганил необходимые бумаги, отнес их в суд, где, не мудрствуя лукаво, вынесли соответствующее решение. Правда, в иске Родион предстал перед ликом закона как горький пьяница и вообще нехороший человек. Но то были частности. Итогом судебного разбирательства стало лишение Волкова прав на квартиру (между прочим, расположенную в самом центре города), на которую спустя неделю исполком выдал ордер личному водителю мэра.

После выселения Родион исчез из города года на два. А затем возвратился уже в образе юродивого Гуги. Где он бы все это время, чем занимался – никто не знал. Но самое странное

заключалось в том, что Гуга опять стал улыбочивым, контактнм человеком, а главное – начал говорить на тарабарском языке, безбожно картавя и заикаясь. Впрочем, что с него возьмешь – больной на голову, он и есть больной на голову. Так решили все, кто его знал прежде, и на том успокоились. Эти сведения выложили Клевахиноу бывшие соседи Гуги, люди в общем сердобольные и порядочные. Но чем они могли ему помочь, забитые и запуганные новой властью, которая покоилась на плечах мордворотов в погонах и без, вскормленных из одной титьки?

В каком районе города сейчас обитал Волков-Гуга, им было неведомо. Майору лишь подсказали, где его "рабочее" место...

Подкова напомнила Клевахиноу разворошенный муравейник. И покупатели, и продавцы, и вообще праздношатающиеся суетились, бестолково шныряли туда-сюда, тащили в руках или везли на тележках туго набитые сумки, о чем-то спорили, торговались до хрипоты, а иногда и хватались за грудки. Лишь один контингент барахольного сообщества выглядел солидным и никуда не торопящимся: коротко стриженный "быки" деловито и не спеша обходили свои "кормушки", собирая ежедневную дань и зорко отслеживая чужих, иногда имеющих наглость забираться на их территорию. "Чужими" они считали таких же мордворотов, только из конкурирующих банд; менты и налоговики были для них своими в доску, потому что стояли "на довольствии" и отрабатывали положенное им содержание с не меньшим рвением, чем их "кормильцы".

С майором едва не случился конфуз. Пробираясь среди людского месива, он неожиданно наткнулся на соседку с верхнего этажа Грачиху. Здоровенная бабища как обычно вещала своим трубным гласом сдвинутые набекрень истины, почерпнутые из "желтой" прессы. И самое интересное – в благодарных слушателях, судя по собравшейся возле ее лотка толпе, у Грачихи недостатка не было. Трусливо втянув голову в плечи, Клевахин поторопился шмыгнуть в толпу – от греха подальше. Ему вовсе не хотелось, чтобы гром-баба, увидев его, заорала на всю Подкову, как это случалось при встречах в их дворе: "Здорово, мент!

Тебя еще не грохнули?". Майор даже не пытался возмущаться – что с нее возьмешь? Он уже точно знал, что единственным противоядием от этой наглой и бесцеремонной стервы была только пуля. К своему глубокому сожалению, он не был настолько кровожадным...

Гугу опер нашел на самом бойком, "проходном", месте. Нищий сидел прямо на земле и тоже, как и Грачиха, болтал без умолку, притом со смешочками. Наверное, по Подкове гуляла зараза словесного поноса – наподобие эпидемии гриппа. К удивлению Клевахина, Гуга не просил подаяния, как другие его товарищи по несчастью, но шапка перед ним была полна. И притом не мелочью, а достаточно солидными купюрами.

Наверное, Гуга слыл достопримечательностью Подковы, потому что возле него иногда останавливались, чтобы потрепаться, достаточно солидные люди; возможно, еще и потому, что, не в пример остальным попрошайкам, достаточно ветхая заплатанная одежда юродивого была чистой и от него не несло запахом старого вонючего козла.

Клевахин, пристроившись возле одного из лотков – там продавали дешевые импортные очки-однорезки, диоптрические стекла которых вываливались из оправы максимум через неделю – некоторое время наблюдал за Гугой, пытаясь понять на самом ли деле у нищего не все в порядке с головой. Но составить определенное мнение так и не смог: юродивый нес то абсолютную чепуху, то высказывал вполне здравые мысли. Скорее всего, он напоминал майору придворного шута, реликта другой эпохи, чудом попавшего в наше время. Иногда суждения Гуги были настолько точны и остры, что вполне могли составить конкуренцию косноязычным высказываниям некоторых депутатов и министров. Но только по форме – всетаки юродивый здорово коверкал слова, а по содержанию – монологи Гуги составили бы честь любому из власть имущих. И не только. Наверное, его вполне нормальные собеседники

все же отдавали должное необычному нищему, потому что разговаривали с ним будто и не всерьез, но с каким-то странным уважением и сочувствием. Будто перед ними сидел не изгой, к которому обыватели относятся в общем-то с пренебрежением, а нищенствующий мудрец со странностями.

Так ничего и не прояснив для себя, Клевахин наконец решил брать быка за рога и подошел к Гуге.

– Здравствуй, Родин Матвеевич! – сказал майор, бросив купюру в шапку Гуги.

Казалось, что на лице нищего не дрогнул ни один мускул. Но в глазах, поднятых на Клевахина, вдруг появилось тревожное, тоскливое выражение. Которое, впрочем, тут же стерла искра сумасшествия, выскочившая на миг и спрятавшаяся в глубине зрачков.

– Г-гажданин начальник... гы... – безумно осклабился юродивый, сразу признав кто на самом деле стоит перед ним.

– Да, Волков, у тебя глаз-алмаз... – добродушно улыбнулся ему в ответ майор.

– Я Гуга... гы... – Нищий был сама невинность.

– Пусть будет так, – согласился Клевахин. – Мне нужно с тобой поговорить. Без свидетелей...
– Он многозначительно обвел взглядом толпу.

– Б-будете бить? – спокойно спросил Гуга.

– С чего ты взял? – удивился майор.

– М-меня все бьют. Б-больно...

– Родион Матвеевич, я не простой мент, я опер и работаю в уголовном розыске. Да и за что тебя бить?

– Не знаю. Что-нибудь пгидумаете. Вы – власть. А я чеговек м-магенький. Все бьют...

– Даю слово, что я тебя и пальцем не трону. Веришь?

– Куда д-денешься... – Гуга, порастыкав деньги по карманам, встал. – П-пойдемте...

Клевахин шел позади юродивого, который пронизывал толпу, как горячий нож коровье масло.

– Ты куда меня ведешь? – спросил озадаченный майор, когда нищий свернул в проулок.

– Д-домой... гы...

– Ну, если так... – Клевахин от удивления не нашелся, что сказать, и ляпнул первую попавшуюся фразу; в общем, достаточно обычную, но не в этом случае – он точно знал, что у Гуги нет ни дома, ни квартиры; по крайней мере, в адресном бюро Родион Волков не значился.

Гуга привел майора к полуразваленному дому старой постройки. Клевахин знал, что его хотели реставрировать как архитектурный раритет, но городская казна, из которой местные боссы давно вычерпали все денежки на строительство своих загородных дач, могла потянуть разве что ремонт собачьей будки, а потому работы на доме благополучно свернули, и жилище какого-то дореволюционного нувориша с нимфами и наядами на фасаде постепенно рушилось, так как реставраторы первым делом сняли с него крышу.

Поводив майора по коридорчикам, Гуга наконец спустился в подвал, вход в который был до

половины завален. Потому Клевахину пришлось, согнувшись в три погибели, пробираться по битым кирпичам как мартовскому коту за своей желанной подругой в укромное местечко для свершения брачного таинства.

В конце тесного прохода оказалась крепкая дубовая дверь с внутренним замком, который Гуга открыл замысловатым, явно старинным, ключом.

– Проходите, п-пожалуйста... – вежливо пригласил он майора, пытающегося выровнять свою скособоченную спину.

Щелкнул выключатель, и подвальное помещение осветилось. Проводка была временной – наверное, Гуга (или кто-то другой) подсоединился к электросети соседнего дома. Отопление здесь тоже имелось – через подвал проходила толстая труба с горячей водой. Под самым потолком виднелось крохотное зарешеченное оконце, служившее не по своему прямому назначению, а как вентиляционное отверстие. Обстановка "квартиры" юродивого была выдержана в спартанском стиле: топчан, стол, два стула и умывальник – скорее всего, эту мебель Гуга добыл на свалке. В дальнем углу на кирпичях стояла самодельная электроплитка; там же Клевахин рассмотрел кастрюлю, чайник, сковородку, солдатскую кружку и алюминиевую миску с ложкой. Чуть поодаль находился оцинкованный бак для воды. Пол прикрывали разномастные куски старого линолеума. Несмотря на крайнюю убогость интерьера, помещение поражало чистотой. Оно больше смахивало на солдатскую казарму, чем на жилище бомжа.

– Чай б-будете? – с надеждой спросил Гуга.

Похоже, ему было приятно чувствовать себя хлебосольным хозяином и он боялся, что майор откажется изображать из себя гостя.

– Конечно, – одобрительно улыбнулся Клевахин. – А у тебя тут ничего...

– Гы... – осклабился нищий и начал колдовать над чайником и электроплиткой.

– Родин Матвеевич, а зачем ты позвал меня сюда? – спросил майор. – Мы могли бы поговорить и на Подкове.

– Нельзя, – Гуга боязливо поежился. – Т-там эти... большие... П-подумают, что я стучу. Б-будут бить...

– И то верно, – согласился Клевахин.

И подумал, что Гуга не так глуп, как кажется. Впрочем, возможно он всего лишь не утратил инстинкт самосохранения.

Чай оказался отменным. Майору досталась чашка с позолоченным ободком, которую нищий достал из своего сидора, который лежал под топчаном. Наверное она была какой-то реликвией, потому что Гуга нес ее с благоговейным видом. Странное дело, но Клевахин не ощущал присущей ему брезгливости и пил чай с удовольствием, а не для того, чтобы замылить глаза юродивому.

– Расскажи мне о том, что ты видел, когда фура въехала в "Малибу", – попросил он, когда с чаем было покончено.

– О-о... – Гуга сделал испуганные глаза. – М-машина – бум! Стекло упало... мне было б-больно.

– Ты водителя видел?

– Пух! Пух! Стгеляли... – продолжал нести свое Гуга, будто и не слыша вопроса. – Кгасиво... – с нелогичным восхищением закончил фразу юродивый.

– Тебе понравился фейерверк, когда начали взрываться шутихи?

Гуга энергично закивал головой, блаженно улыбаясь.

– Так что там водитель? Ты должен был его заметить, потому что находился рядом, – с нажимом сказал майор, требовательно глядя на юродивого.

– Гуга не знает, Гуга ничего не видел, – неожиданно твердо ответил нищий; но тут же сменил тон и заискивающе заглянул в глаза Клевахина: – А вы точно б-бить меня н-не будете?

– Я ведь пообещал, – с укоризной ответил майор. – Значит, ты ничего не видел? А скажи мне...

Они беседовали еще час. Правда, большей частью говорил Клевахин, а Гуга отделялся совершенной ахинеей. И все же старый опер чувствовал – нищий что-то умалчивает. Он рассказывал о чем угодно, только не о конкретных вещах. К вопросу о водителе КАМАЗа майор возвращался несколько раз, но его настойчивость неизменно натыкалась на явное нежелание Гуги разговаривать на эту тему.

Возвращаясь в управление, Клевахин думал лишь об одном: настолько, все-таки, Гуга ненормален? И не является ли его нищенствование одной из форм самоуничтожения, являющейся производной от постигшего Родиона Волкова горя? Ведь нельзя назвать шута полным идиотом, так же, как и бомжа – сумасшедшим. По крайней мере в разговоре, когда майор менял тему, Гуга иногда высказывал такие перлы, что оперу впору было обращаться к энциклопедии. И тем не менее нищий все-таки явно был не в своем уме. Или уж очень умело изображал из себя юродивого.

Так и не определившись, кем считать Гугу, майор вошел в свой кабинет, где его уже ждал Тюлькин.

Старлей, судя по его виду, был напуган до крайности.

– Что у тебя стряслось?! – спросил Клевахин – в таком незавидном состоянии он видел Тюлькина впервые.

– Мне хана, Николай Иванович... – у старлея зуб на зуб не попадал от волнения, а возможно и от страха.

– В каком смысле?

– В прямом. На меня открыли охоту. Сегодня утром пытались похитить. К счастью, мне здорово повезло... – Морщась, Тюлькин помассировал шею.

– И в чем заключалось твое везение?

– За мною пообещал заехать на своей тачке Берендеев. Я вышел из дому пораньше, а тут эти... Меня уже запихивали в машину, но тут подоспел капитан и начал стрелять. Я тем временем отбилсь...

– Хреново, парень... – Клевахин был озабочен и удручен.

Он совершенно не сомневался, что попытка похищения Тюлькина – дело рук боевиков Джангирова. Видимо, главный сатанист города так и не оставил надежд разыскать Лизавету и теперь хочет узнать ее местонахождение с использованием достаточно экзотических для

города методов; по крайней мере, Клевахин с умыканием сотрудников уголовного розыска встретился впервые. Стрелять – стреляли, однако чтобы отважились на похищение – такого он не помнил.

Но они не успели обсудить сложившуюся ситуацию. В кабинет влетел злой, как черт, Берендеев.

– Ты! – он с обличающим видом ткнул пальцем в грудь Клевахина. – Темнила старый!

– Здорово, Берендеич, – невинно ухмыльнулся майор. – Ты чего обзываешься?

– Вот, посмотри на него! – капитан показал на пригорюнившегося Тюлькина. – Во что ты травил парня?

Делаешь из него Мальчиша-Кибальчиша? Который не выдаст смертельную тайну старшего опера угро Штымпа даже под пытками.

– Это ты о похищении? Так ведь все обошлось.

– Ну ты даешь... – изумленно уставился на майора Берендеев. – Сегодня обошлось, а завтра? Что будет завтра?

– Что будет, то и будет... – буркнул Клевахин. – Мы работаем не в детском саду. А старлей – парень, что надо.

Он не из трусливого десятка.

– Ты ему кидаешь леца, или мне баки забиваешь? Так нечестно, Николай Иванович. Выкладывай все, что ты там накопал. Иначе мне придется ставить вопрос перед Бузыкиным.

– Напугал бабу... этим самым... – Майор раздраженно грохнул дверцей сейфа. – Иди себе, сокол ясный, и отработывай линию снайпера. И не ищи лишних приключений на свою задницу. А Тюлькину нужно побережись – ходить со стволом и не ловить гав. Впрочем, я думаю, больше они к нему не сунутся.

– Я должен знать!..

– Не зарывайся, Колян! – перебил капитана Клевахин. – Ничего я тебе не должен. И не лезь туда, куда тебя не просят. Кто потом будет кормить твоих пацанов? Я тебя советовал, как другу: заглядывай в рот Бузыкину и стой во фронт перед Атарбековым – может, все и обойдется. Неужто так хочешь ступить на мою тропу?

– Значит, ты все-таки продолжаешь заниматься "кладбищенским" делом, – задумчиво сказал Берендеев. – Тихой сапой. И неизвестно кто больше рискует – я или ты.

– Давай забудем этот разговор. Мы с тобою вместе не один пуд соли съели, так стоит ли горшки бить? Если что-нибудь ценное узнаю – будь спок, проинформирую. Надеюсь, ты не страдаешь повышенным профессиональным самолюбием?

– Мои страдания дальше пустого кошелька не распространяются, – пробурчал капитан. – Но ты, однако, гусь...

– Давай на этом и остановимся. Заклейми меня позором. Только желательно не на все управление.

– Где девушка? – вдруг резко спросил Берендеев.

– Это ты о ком? – невинно поинтересовался Клевахин, бросив быстрый взгляд на Тюлькина.

Но старлей, занятый пока еще свежими переживаниями, даже не дернулся – сидел, хмурый и отрешенный, углубившись в свои мысли.

– Об Елизавете Атановой. Которая сбежала с кладбища в чем мать родила. Только не делай вид, что забыл. В ее поисках ты весь город перевернул вверх тормашками.

– А-а... Почему забыл? Девушку помню. А вот фамилию... – Майор развел руками, стараясь, чтобы на его лице не отразились взвихренные неожиданным вопросом мысли.

– Ваньку валяешь... – окрысился Берендеев. – Ладно, что с тебя возьмешь. Я все сам раскопаю.

– У меня на этот счет нет никаких сомнений, – миролюбиво сказал Клевахин. – Ты ведь настоящий профи, Колян.

– Твоими бы устами да мед пить...

– Но у меня есть просьба... – Майор посуровел. – Поскольку сейчас начальником Тюлькина являешься ты, отправь его куда-нибудь подальше от города. С соблюдением строжайшей конспирации. Причину командировки найти не сложно, сам знаешь. Придумай что-нибудь эдакое...

– Понял. Придумаю. Но теперь я остаюсь без помощника... – Он посмотрел долгим взглядом прямо в глаза Клевахину.

Они поняли друг друга без слов. Майор лишь слегка кивнул, а капитан прикусил губу – чтобы не ляпнуть лишнее. И оба, как по команде, многозначительно улыбнулись.

Глава 28. Кровавая охота

Жизнь остановила свой бег. Она погрузилась в летаргический сон прямо на асфальте – там, где умерла Ирина Александровна. Все вокруг окрасилось в серый цвет безнадежности, и Егор Павлович вдруг почувствовал себя столетним старцем, абсолютной развалиной с атрофированными желаниями и немощным телом.

Ни машину, совершившую наезд, ни убийц конечно же так и не нашли. Впрочем, старик от родной милиции иного и не ждал. Потому что он узнал одного из сидевших в импортной легковушке. Это был тот самый крепыш, который приходил вместе с директором фирмы "Абрис" Кирюхиным и юрисконсульту Опришко.

Можно было, конечно, сообщить следователю о своем невольном открытии, но наученный горьким егерским опытом Егор Павлович был уверен, что у всех пассажиров авто есть надежное алиби, а его показания сочтут склеротическим бредом травмированного при наезде старика.

Квартиру актрисы горисполком вскоре продал тому же "Абрису" – у Велиховых не оказалось близких родственников, а дальних не стали искать. Если они и были, то их все равно даже не пригласили на похороны. Все расходы, связанные с ритуальной процедурой, взял на себя театр, где когда-то работали супруги, и еще несколько неизвестных спонсоров. Похоже, заинтересованные лица решили пышной похоронной процессией успокоить общественное мнение, и так наэлектризованное хамским отношением властей к известным в свое время людям: совсем недавно выбросился из окна ветеран труда, орденосец и лауреат всевозможных премий, которого лишили каких-то льгот, а буквально за неделю до смерти

актрисы покончил жизнь самоубийством директор филармонии, очень уважаемый в городе человек – его "съел" зам, ставленник губернатора, ударившийся во все тяжкие, лишь бы получить заветное кресло.

Старик на похороны не пошел. Он ждал процессию на кладбище, спрятавшись за деревьями. Когда наконец гроб с телом Ирины Александровны предали земле и людей увезли в ресторан, где устроили поминки, Егор Павлович подошел к могиле, положил венок из белых роз, а затем упал на могильный холмик и пролежал в полной неподвижности, будто мертвый, остаток дня и всю ночь. Поначалу он беззвучно плакал, а когда слезы иссякли, судорожно сцепил зубы и начал тихо стонать. Поутру старик встал и на негнущихся ногах пошел к выходу из кладбища. Встретивший Егора Павловича священник, случайно поймав его взгляд, втихомолку перекрестился – за ночь глаза старика превратились в бездонные колодцы, на дне которых горели дьявольские огни.

Грей тоже нес бессонную вахту. Горе старика передалось и псу, но он стоически выдержал искушение повить на луну – чтобы не мешать хозяину. Но, в отличие от Егора Павловича, ему даже посидеть не удалось. Едва кладбище опустело, вокруг свежих могил – в этот день хоронили многих – засуетились подозрительного вида людишки. Они торопливо собирали по обычаю оставленную снедь и спиртное, а также подчистую подметали букеты живых цветов – чтобы завтра вынести их на какой-нибудь базар и толкнуть по сходной цене. Особо лакомым куском для этих кладбищенских разбойников была могила актрисы. Но бдительный Грей не подпускал их к скорбящему старику, что называется, на пушечный выстрел. Ни угрозы, ни жалобные просьбы, подкрепленные лакомым куском, на него не действовали. Кто-то из особо дерзких даже рискнул пойти на пса с железным прутом – и едва не распростился со своей рукой навек. Напуганные мерзавцы в конце концов убрались от греха подальше, матерно ругая волкодава на все заставки.

Приходили и другие, уже совсем по темному, пробирались среди могил как ночные тати, но их постигла более горькая участь, нежели, так сказать, осквернителей могил "в законе", считающих кладбище едва не родным домом. Грей расправлялся с ними безжалостно, кусая за ноги с непривычным для него ожесточением. Правда, до сильных увечий дело не доходило – без команды хозяина пес на большее не имел права...

Решение вызревало долго и прорвало, словно гнойный нарыв, когда кто-то из заказчиков приехал к старику забрать резной набор для сауны – ковшики, шайки и пивные кружки. Это был последний заказ, который старик закончил, приложив просто героические усилия. Егора Павловича совсем не тянуло к верстаку, а чтобы не тревожили заказчики, старик отключил телефон и дверной звонок. Он впускал в квартиру лишь по условному стуку и всего двух человек – слесаря Копылина и нищего Гугу. Но они в квартире не задерживались – собеседник из постоянно мрачного старика был аховый. За вечер он мог сказать не более двух-трех фраз, больше отделиваясь между мететиями.

Выглянув в окно, Егор Павлович неожиданно почувствовал как больно сжалось сердце. Охнув, он схватился левой рукой за грудь, но садиться не стал, хотя его с неодолимой силой тянуло вниз – стоял на ватных ногах, буквально приклеившись к стеклу. Со двора как раз вырли машина заказчика, точь-в-точь похожая на ту, которая сбила Ирину Александровну. Как уже старик знал, это был "опель". Прикипев к автомобилю взглядом, Егор Павлович следил за ним, пока он не исчез за углом соседнего дома. И только тогда он почувствовал внезапное облегчение. Мир вдруг наполнился звуками и красками, завертелся вокруг него, наполняя опустошенный почти до дна сосуд тела прежней энергией и целеустремленностью – совсем как в то время, когда он был молодым мужчиной. Почти прежней, но только сейчас эта смесь бурлила внутри, как перегретый пар в котле, готовый взорваться в любую минуту и разнести все вдребезги.

Теперь он знал, что ему делать...

На следующий день старик поехал к Чижеватову. Тот встретил его несколько натянуто и как-то уж очень предупредительно, хотя с недавних пор они были на дружеской ноге. Все прояснилось, когда Михаил Венедиктович, мучительно морщась и даже запинаясь, начал говорить слова утешения и попытался на смерть актрисы сочинить экспромтом едва не эпитафию.

– Я тронут, – резко сказал старик. – Не будем об этом. Мне нужна твоя помощь.

– Деньги?.. – оживился Чижеватов, которого тяготила необходимость выступить в роли плакальщика.

– Нет. Помоги купить машину... и права.

– Никаких проблем. За водительское удостоверение двести пятьдесят баксов, а подержанное авто будет стоить от силы четыре тысячи долларов.

– Мне требуется пусть и не новая, но хорошая машина с мощным мотором. Импортная.

– Такая тачка обойдется в двенадцать – пятнадцать тысяч. Так сказать, по благу, – Чижеватов многозначительно ухмыльнулся. – Есть у меня один вариант...

– Цена вполне приемлема. Значит, договорились?

– Конечно. Время терпит?

– Нет! Два-три дня, не более. И лучше, если это будет вездеход.

– Тогда берем курс на подержанный "джип". Но в таком случае в три дня я не уложусь. Нужна минимум неделя. Как раз к тому времени подспеют и права. Устраивает?

– Куда денешься...

– Никак решил потряхнуть стариной и съездить на охоту? Скоро открытие сезона.

– На охоту? – Егор Павлович сумрачно взглянул на Чижеватова. – Да-да, именно так...

От взгляда старика Михаилу Венедиктовичу почему-то стало не по себе, и он, вместо шаблонного пожелания типа "ни пуха, ни пера", спросил:

– А как там Грей?

– Все хорошо. Бегает...

– Может, попробуем выпустить его на ринг еще разок? – смущаясь и пряча глаза, тихо спросил Чижеватов. – Меня уже затерзали устроители боев, сулят за выступление Грея баснословные суммы.

– Не знаю. Возможно. Но позже, – чтобы не обидеть Михаила Венедиктовича, с запинкой ответил старик.

Засиживаться у гостеприимного Чижеватова Егор Павлович не стал. Возвратившись домой, он с решительным видом разломал большой дощатый ящик, служивший контейнером, когда он отправлял свои немудреные пожитки в город, и, отделив одну из стенок, начал аккуратно выдергивать гвозди, крепившие доски к брускам. Стенка оказалась тайником, внутри которого лежал разобранный на части карабин и патроны к нему. Старик тщательно, с любовью, очистил детали от смазки и не торопясь, с наслаждением, собрал изящное на вид и компактное оружие. Затем, покопавшись в чемодане, достал оттуда завернутый в фланель оптический прицел, и опять-таки не спеша установил его поверх ствола. Закончив сборку,

Егор Павлович с полчаса упражнялся, прикладывая карабин к плечу и целясь – чтобы восстановить утраченные за три года городской жизни навыки обращения с оружием.

Это был карабин Кирилла Петровича, судя по серебряной монограмме, вправленной в ореховое ложе.

Старик просто не смог оставить его в вертолете, как остальные стволы мертвецов, чтобы беспощадный огонь превратил настоящее чудо оружейного искусства в кучку бесполезных железок. Карабин явно был сделан по спецзаказу (он оказался несколько короче стандартного СКС) и отличался идеальной подгонкой частей, совершенством форм и хромированным стволом, не подверженным ржавчине; впрочем, как и остальные детали. Монограмму старик выковырял, а на ее место вставил старинную монету, найденную одним из охотников-промысловиков в разрушенном ските, которую егеря выменял за литр спирта. Уезжая в город, Егор Павлович буквально измаялся вопросом – брать карабин с собой или не брать? В прежние времена ответ искать не нужно было, так как незарегистрированное оружие могло отправить своего владельца в места не столь отдаленные на пять лет. А нынче даже желторотые пацаны козыряют помповыми ружьями, не говоря уже о людях бывалых. Поразмыслив, старик все-таки решил рискнуть – ну не мог он выпустить из своих рук такую дорогую для него вещь, которая одним своим присутствием в квартире действовала на Егора Павловича как амулет на шамана, вызывая в памяти воспоминания о прошлой жизни...

Машину пришлось ждать почти десять дней. Ее пригнали из Латвии, где импортные машины стоили дешевле. Это был самый настоящий американский "джип", своего рода автомонстр с очень широкими шинами и разными наворотами, в которых старик едва разобрался. Егору Павловичу приходилось немало посидеть за рулем, правда, большей частью грузовика и в своем таежном хозяйстве, где у него никто не спрашивал ни прав, ни знаний правил уличного движения. Поэтому он потратил еще неделю, чтобы освоиться с машиной и ездой в городских условиях. В перерывах между своими занятиями по вождению предусмотрительный Егор Павлович устроил в "джипе" хитроумный тайник для карабина – и оружие всегда под рукой, и найти его даже спецам будет нелегко.

На свою первую городскую "охоту" старик выехал во вторник, прямо с утра. Он уже знал, где находится офис фирмы "Абрис", а потому плутать по запутанным улицам и переулкам ему не пришлось.

Припарковавшись позади тягача "вольво", Егор Павлович поднял тонированные стекла, достал из бардачка бинокль и приготовился терпеливо ждать сколько угодно – теперь спешить было некуда.

Он разыскивал крепыша. Это был след, живой, горячий и вполне досягаемый. До остальных, прямо или косвенно причастных к убийству Ирины Александровны, ему было не достать. Дожидаясь пока пригонят машину, старик кругами ходил вокруг "Абриса" и убедился, что господ Кирюхина и Опришко охраняют как президентов. А в сам офис мог прорваться разве что танк – бронированные двери, кованые решетки на окнах, телекамера у входа и вооруженные милиционеры вместо гражданской охраны.

Егор Павлович сидел и думал. Он постарался в мыслях не касаться воспоминаний, чтобы лишний раз не бередить и так изболевшую душу и чтобы они не мешали сосредоточиться на главном. Старик продумывал план последнего в своей жизни поиска. Выходила но то, что и в городе, как и среди таежного раздолья, ему придется полагаться только на себя. Но он должен, обязан разобраться с теми, кто убил его последнюю надежду как-то изменить свой жизненный путь. Теперь Егор Павлович начал личный отсчет оставшихся до кончины дней, потому что все остальное после финала, к которому он должен обязательно прийти, было абсолютно не существенно. Но пока старик не свел счеты с убийцами Ирины Александровны, он просто не имел права умереть раньше четко определенного срока. И он готов был

ногтями, зубами цепляться за жизнь, как бы ни было тяжело. Опасности его не пугали, он к ним привык. Егор Павлович боялся лишь одного – что у него просто не хватит сил. Он прекрасно понимал на что отважился и с кем ему придется схлестнуться...

Крепыш появился возле офиса лишь через два дня после начала бессменной вахты старика. Он подъехал на "девятке" с затемненными стеклами с двумя такими же как он здоровяками. Один из них остался в машине, а крепыш и третий, даже не белобрысый, а белоголовый, исчезли за постоянно закрытой на замок железной дверью парадного входа, отделанной полированным деревом. Егор Павлович, который после своих многочасовых бдений несколько приуныл, мгновенно превратился в обнаженный нерв. Его волнение передалось и Грею, дремавшему на заднем сидении, и пес тихо заурчал, будто предупреждая хозяина, что он наготове.

Крепыш и белоголовый в офисе долго не задержались. Они вышли наружу спустя полчаса и, вполне профессионально осмотревшись, быстро сели в машину. За рулем был угрюмый тип с вполне определенной внешностью дебила – полное, невыразительное лицо, низкий лоб и маленькие тусклые глазки.

Развернувшись, "девятка" проехала буквально в метре от "джипа", и старик смог рассмотреть водителя достаточно подробно. Машина направлялась за город. Это обстоятельство немного подбодрило Егора Павловича, все еще ощущающего некоторую неуверенность при езде в городских условиях. Он старался держаться подальше от "девятки", чтобы его нечаянно не засекли, что в городе было совсем не просто. В одном месте, на перекрестке, старик даже потерял "девятку", которая, не сбавляя ход, нагло проскочила на красный свет. Но к счастью дальнейший отрезок пути оказался прямым, и мощный "джип" настиг ее за считанные минуты.

"Девятка" свернула с шоссе на дорогу, ведущую вглубь лесного массива. Сверившись по карте, Егор Павлович понял, что машина едет к дачному поселку. В этих местах ему бывать еще не приходилось, хотя в ознакомительных целях он исколесил на "джипе" не только город, но и его окрестности. Однако, со слов Чижеватова старик знал, что там расположен целый дачный микрорайон со своей охраной и подсобными службами.

Он доехал только до поворота, откуда были видны ворота дачной зоны. Егор Павлович увидел в бинокль, что одетые в камуфляжные костюмы охранники сначала проверила документы крепыша и остальных и только затем пропустили машину внутрь периметра. Сокрушенно вздохнув, старик немного подумал, а затем решительно повел "джип" прямо через заросли, благо деревья здесь росли не густо и местность была достаточно ровной.

Загнав свой вездеход в ложбинку и замаскировав его свежесрезанными ветками, Егор Павлович достал из тайника карабин и, свистнув исследующему окрестности Грею, начал пробираться через лес к дощатому забору, огораживающему дачный микрорайон. Уже начало темнеть, и он был совершенно спокоен на предмет того, что его кто-то заметит.

Вблизи забор полностью опроверг мнение несколько смущенного железными раздвижными воротами и солидной охраной старика о сложности предстоящего проникновения в дачную зону. Местами доски оказались оторваны, хотя и висели на верхних гвоздях. Наверное, желающих тайно проникнуть в святая святых власть имущих было гораздо больше, чем бдительных стражей, а обслуживающий персонал, несмотря на значимость объекта, относился к своим обязанностям как обычно – спустя рукава.

Подождав пока не станет темно, Егор Павлович пролез сквозь дыру в заборе и оказался среди вековых сосен. Грей, который последовал за ним, едва они прошли по направлению к центральной части дачного микрорайона метров двадцать, неожиданно резко становился и злобно оскалил клыки. Старик тут же спрятался за древесный ствол. Но его старания пропали

в туне – откуда-то из кустов выскочила овчарка и с хриплым басовитым лаем бросилась к Егору Павловичу, не замечая стоявшего несколько в стороне Грея.

Ей пришлось дорого поплатиться за свою ошибку. Волкодав ударил ей в бок молниеносно и с таким остервенением, что достаточно крупная овчарка отлетела от него больше чем на метр. Не давая сторожевой псине опомниться, Грей вцепился ей в горло и долетевшие до старика звуки подсказали ему, что овчарка отдала концы.

Егор Павлович поторопился уйти подальше от поверженной собаки – на всякий случай, хотя, похоже, на ее лай никто из охранников не обратил внимания. Старик видел их: они ходили парами и по освещенным улицам-аллеям, вовсе не горя желанием сунуться в заросли.

Знакомую "девятку" он нашел возле одноэтажного коттеджа старой постройки, реликта брежневской эпохи, выглядевшего по сравнению с трех и четырехэтажными дворцами "новых" русских бедным родственником.

Во всех окнах здания горел свет, но подсмотреть, что там внутри, не позволяли плотные белые шторы. Егор Павлович, подобравшись к коттеджу вплотную, видел лишь неясные тени, мелькающие на светлых экранах оконных проемов и слышал музыку – что-то громкое и ритмичное. Это его воодушевило: теперь он мог не опасаться быть услышанным. Впрочем, практически во всех дачах, судя по доносящимся из них звукам, шел гудеж; и "новые", и "старые", и "правые", и "левые" отрывались за высоким забором элитной дачной зоны на всю катушку, благо здесь не было "народа", перед которым им поневоле приходилось играть в непримиримые противоречия.

Старик не знал, как ему поступить. Ему нужен был только крепыш, чтобы побеседовать с ним "по душам".

Но как его выцарапать из коттеджа? Он не хотел лишней крови, вовсе не рассчитывая на то, что остальные два мордворота поднимут лапки вверх без сопротивления. А если там еще есть кто-нибудь?

Скрепив сердце, Егор Павлович решил ждать...

Видимо, этот день был для него везучим. Ближе к полуночи входная дверь открылась и на улицу вышли водитель и белобрысый. Побеседовав о чем-то вполголоса, они уселись в машину и вскоре гул "девятки" растаял в ночной тиши. Приободрившийся старик быстро взбежал по ступенькам на крыльцо и осторожно повернул дверную ручку.

Дверь была не заперта. Едва он успел порадоваться такому удачному стечению обстоятельств, как в глубине коттеджа раздались шаги. Егор Павлович метнулся вперед и заскочил в какую-то кладовку; Грей, словно тень, последовал за ним. Звякнул засов, затем послышалось удовлетворенное мурлыканье – невидимый человек (крепыш?) что-то вполголоса напевал – и через мгновение в прихожей стало тихо. Теперь таиться уже не было смысла, и старик, держа карабин наготове, стал исследовать помещения коттеджа, чтобы знать их расположение и обезопасить себя от возможных неприятных неожиданностей. На удивление, с виду скромное здание оказалось целым лабиринтом с массой коридорчиков, комнат, ниш и веранд; в нем была даже лестница, ведущая в мансарду.

Побродив в страшном напряжении по неосвещенной части коттеджа, Егор Павлович наконец добрался до просторной гостиной, где играла музыка и горела хрустальная люстра. Она тоже оказалась пуста! Старик несколько растерялся и долго стоял за дверью, соображая, что ему делать дальше. Наконец он решился и осторожно вошел в гостиную. Грей, будто понимая состояние хозяина, быстро обошел все комнату и, принявшись, ткнул носом в книжный шкаф, полки которого были заставлены толстыми книгами с позолоченными корешками. Егор Павлович присмотрелся и удовлетворенно хмыкнул: между стеной и шкафом виднелась узкая

щель, откуда пробивался свет. Старик подошел поближе, без особых усилий отворил вращающуюся дверь, замаскированную под домашнюю библиотеку, и увидел ступени, ведущие в подвал.

Дверь ярко освещенного подвала тоже была приоткрыта. Внутри на зубокаменном кресле сидел представительный мужчина в дорогом мятом костюме и забрызганной кровью белой рубашке. Он был привязан к подлокотникам клейкой лентой. На его опухшем от побоев лице застыло выражение упрямства и смертной тоски – словно он уже принял какое-то очень важное решение и теперь лишь ждал неминуемого конца, понимая, что легким он не будет. Рядом с ним стоял крепыш, поигрывая никелированными щипцами и хищно ухмыляясь. – ...Нет у меня таких денег, – твердил мужчина, стараясь не смотреть на щипцы, которые крепыш демонстративно держал прямо перед его глазами.

– Коже расскажи, – злобно оскалился парень. – Слушай, мне уже надоел этот базар-вокзал. Если нету наличных, перебрось бабки со своего заграничного счета. Реквизиты нашего банка у меня в кармане. Идет?

– Возьмите товаром, – устало сказал пленник. – Я действительно не имею живых денег. Сколько раз можно повторять?

– Столько нужно. Брешешь ты, сучара, как пес. У нас информация железная. Чего в трубу лезешь? Для тебя два лимона зеленью не деньги. Заплати – и катись на все четыре стороны.

– Могу поклясться чем угодно – у меня на счете всего двадцать штук. На эту сумму подпишу чек хоть сейчас.

– Ну, блин, ты меня достал... Ладно, не хочешь по хорошему, получишь концерт по полной программе...

С этими словами крепыш захватил щипцами ухо мужчины и сильно сжал. Пленник глухо вскрикнул и забился в кресле, будто хотел порвать свои путы; из раны потекла кровь – сначала по подбородку, а затем на уже далеко не свежий воротник.

Егор Павлович резко пнул дверь ногой и вошел в подвал вместе с Греем, который тут же очутился возле ошеломленного их появлением крепыша.

– Т-ты... Ты что, мужик!? – парень медленно попятился.

– А вот этого делать не стоит, – рассудительно сказал старик, заметив как рука крепыша поползла подмышку, где в наплечной кобуре торчала рифленая рукоять пистолета. – Не успеешь, парень.

– Так я это... Кто ты такой!? – возопил крепыш.

– Сначала достань свою "пушку" и брось ее на пол. Двумя пальцами! Вот так... А теперь ногой подвинь пистолет ко мне. Хорошо...

– Что дальше? – нервно спросил уже несколько опомнившийся парень.

– Ничего особенного. Хочу с тобой потолковать... есть тема.

– Скажи мне, кто ты? – снова задал вопрос крепыш. – Как вошел в коттедж и о чем хочешь поговорить?

Как ни странно, но он не узнавал Егора Павловича. Наверное, парень все еще находился в шоковом состоянии.

– Не все сразу. И не сейчас. Придет время – узнаешь...

Старик хотел было еще что-то сказать, но тут их диалог нарушил пленник:

– Спасите меня, умоляю! Христом-Богом прошу! Иначе меня тут замучат насмерть. Пожалуйста...

– На пол! – скомандовал парню Егор Павлович. – Лицом вниз, руки за голову. Грей, сторожи! Мой тебе совет, сукин сын: хочешь жить – лежи и не дергайся.

Достав нож, старик разрезал путы на руках и ногах мужчины. Тот кряхтя встал, и сделал два неверных шага, чтобы восстановить нормальное кровообращение. Лежавший на кафельной плитке пола крепыш тихо выругался. Мужчина перевел на него взгляд – и неожиданно схватил пистолет.

– Пададь! Садист! – заорал он, загоня патрон в ствол. – Пристрелю, сволочь!

– Стоп! – властно скомандовал Егор Павлович. – Отдайте оружие, – миролюбиво продолжил он. – Не стоит вам руки марать. Ко всему прочему, мне он еще нужен.

Мужчина, посмотрев долгим взглядом на старика, сумрачно кивнул и нехотя протянул ему оружие.

– Отлично, – бодро сказал Егор Павлович. – А теперь свяжите ему руки... вон там лежит лента. Да покрепче!

Нам пора отсюда убираться...

Дачную зону они покинули без приключений. Старик не стал предлагать мужчине подбросить его к городу – лишние предосторожности еще никому не вредили. Лучше если бывший пленник не будет знать ни имени своего освободителя, ни номера "джипа", по которому легко разыскать владельца автомобиля. Впрочем, мужчина и сам к этому не стремился. Он нашел в коттедже сотовый телефон и, едва они оказались в лесу, вызвал свою машину и охрану.

– Я просто не знаю, как вас благодарить... – Мужчина тряс руку Егора Павловича со слезами на глазах. – Деньги?.. Нет? Я так и знал. Вот вам моя визитка, адрес квартиры и офиса. Звоните, приходите в любое время дня и ночи. – Он приблизил губы к уху старика и шепнул: – Ваш личный пароль "дачи". Скажите его – и вам откроются все двери. Я готов оказать любую услугу, любую помощь. Я ваш должник. Крупный должник. Сегодня я родился во второй раз...

Старик промолчал и поторопился уйти, чтобы бывший пленник не увидел на его лице саркастическую ухмылку. Он прожил достаточно долго, чтобы знать истинную цену таким благим порывам и обещаниям...

Утро застало его далеко от города. Он вез крепыша на свою "базу" – заброшенный лесопильный завод, построенный в далекие тридцатые годы на окраине ныне выморочной деревеньки. То, что Егор Павлович надумал, требовало предусмотрительности, дьявольской хитрости и осторожности сапера, идущего по минному полю.

Глава 29. Западня

На дачу участкового Бочкина майор добирался с соблюдением всех канонов конспирации.

Конечно, насколько он был силен в этом несвойственном оперативнику угрозыска деле. В конце концов Клевахин признался себе, что у шпионов и впрямь нелегкая профессия. Такая мысль пришла ему в голову, когда он, помотавшись по улицам часа два и выехав за город, чесал напрямик через едва прикрытую снегом пахоту, чтобы в очередной раз проверить нет ли за ним "хвоста" – по уже подтаявшему вспаханному полю не пройдет даже козырный импортный "джип". Когда майор дошел до лесополосы, за которой начиналось шоссе, то вдруг ощутил неистовое желание бросить к чертовой матери службу и немедленно уйти на пенсию. Сердце прыгало в груди будто привязанный на резинке мячик, а уставшие до онемения ноги выписывали кренделя даже на ровной поляне.

Поймав попутку, Клевахин возвратился на окраину города, где, выждав момент, едва не на ходу заскочил в автобус, следующий в район рабоче-крестьянских "фазенд". Устроившись на задней площадке, он неотрывно наблюдал за движущимися позади дряхлого ПАЗа машинами все те полчаса, которые заслуженный инвалид преодолевал рытвины и колдобины проселка. Но, кроме обогнавших автобус двух грузовиков и "Таврии" с молоденькой девушкой за рулем, ничего существенно опасного он так и не высмотрел.

И все равно к домику участкового Клевахин подошел по темноте, опять-таки на всякий случай послонявшись около часа еще и по дачному поселку.

– О-ох... – Лизавета зарделась маковым цветом и едва сдержалась, чтобы не упасть ему на грудь. – Это вы...

Господи, до чего я рада! Ужинать будете?

– Холостяк, как солдат, всегда голоден. Между прочим, вкусно пахнет. – Майор с шумом втянул воздух. – Ну до чего здорово...

– Что именно? – несмело спросила Лизавета, быстро накрывая на стол.

– Это трудно объяснить... Уф-ф! – Клевахин плескался под умывальником с таким азартом, что брызги летели во все стороны. – В моем скудном лексиконе есть одно весьма расплывчатое понятие, которое называется "семейный дух". В общем это целый комплекс с массой составляющих – или ингредиентов, если по научному – непременно компонентом которого является, пардон, слабый пол. Ни один холостой мужчина, пусть он хоть трижды чистюля и заслуженный повар страны, не в состоянии создать в своем жилище неповторимую гамму запахов, которые действуют будто сильное успокоительное, как это может самая обычная, а еще лучше – любящая женщина.

– Вы говорите словно поэт.

– Да? – удивился майор. – Не замечал за собой таких талантов... Борще-ец... – Клевахин даже прищурил глаза от блаженства. – Для меня это просто деликатес. Вкусно...

Лизавета сидела на скамье и робко посматривала в его сторону. Ее первый порыв прошел, и теперь она чувствовала себя несколько скованно. Вынужденное затворничество, как ни странно, пошло ей на пользу.

Она даже немного округлилась, а на щеках появился румянец.

– Спасибо. – Клевахин с сожалением посмотрел на сковородку, где оставались еще две котлеты – его живот уже был тугой, как барабан. – За ударный труд обычно причитается премия. Держи. – Он достал из кармана большую шоколадку и протянул ее девушке.

– Ой, что вы?! – Лизавета спрятала ее на груди под накиннутый на плечи платок. – Вам правда моя стряпня понравилась?

– Не то слово... – блаженно улыбнулся майор. – Как говорит нынешняя молодежь – я балдею. Чай и бутерброды, знаешь ли, приедаются. Хотя я уже привык. Но это плохая привычка. Производная от неустроенности быта и мужской лени.

– А вы женитесь, – сказала девушка и как-то странно посмотрела на Клевахина.

– Если честно, то не хочется еще раз наступить на те же самые грабли. – Майор закурил. – А вообще настоящий сыщик должен быть холостяком. По крайней мере, так пишут в книгах. – Он рассмеялся.

– То в книгах...

– Верно. Писатели врут, или – скажем так – несколько утрируют, представляя нас бесполоыми роботами, зацикленными на безукоризненном исполнении гражданского долга. Но с другой стороны трудно представить, например, Шерлока Холмса в окружении чопорной супруги в очках и кучи сорванцов. В таком случае получится уже не крутой детектив, а сладкая, как патока, "мыльная" опера. В которой доктор Ватсон будет выступать под именем альфонса Родриго.

– Вы смотрите "мыльные" оперы?

– Упаси Бог! Просто в нашей системе работают и женщины. Так вот они от них без ума. Каждый день устраивают конференции на тему красивой любви и свободных отношений. Так что все наши мужчины в курсе походов и злодея Родриго, и несчастной Марии.

Лизавета почему-то нахмурилась. Но Клевахин не придавал этому значения и стал по хозяйски устраиваться на ночь: принес из кладовки раскладушку, подбросил дров в остывший камин и налил воды в умывальник – чтобы она к утру согрелась. Девушка молча убрала посуду и подмела пол.

– Не знаю, что с тобой делать... – хмуро сказал Клевахин, когда Елизавета наконец управилась со своими женскими делами. – Тебе нужно отсюда уходить. Но куда?

– Почему – уходить? – тревожно спросила девушка. – Мне здесь нравится. Тихо...

– В том-то и дело, что тихо. Так бывает перед грозой. Не нравится мне эта такая тишина. На душе почему-то тревожно.

– Я не хочу уходить!

– Придется. Тебя продолжают упорно искать. Притом люди далеко не глупые. Они уже весь город перевернули вверх тормашками. А значит скоро примутся и за окрестности.

– Мне некуда деваться... – Лизавета уронила голову на стол.

Клевахин прислушался – она тихо плакала.

– Перестань... пожалуйста... – Он присел рядом и обнял ее за плечи. – Что-нибудь придумаем. Я ведь не сказал, что брошу тебя этим волкам на съедение. Твое будущее мне вовсе не безразлично.

– Правда? – Она с надеждой подняла на майора заплаканные глаза. – Вы меня... не оставите?

В ее вопросе было что-то такое, от чего Клевахина бросило в жар. Вместо ответа он кивнул и хотел подняться. Но Лизавета вдруг обхватила его шею руками и зашептала, будто они были не одни:

– Я пойду с вами куда угодно! Вы такой добрый, сильный... у меня никогда не было мужчин... я вас..

Конец фразы совсем обалдевший майор не расслышал. Вернее, мысленно приказал себе не слушать. От прильнувшего к нему девичьего тела исходил жар, который мутил рассудок. Он ощутил, как в его заржавевшей душе что-то шевельнулось – со скрипом! – будто открылись створки, и в сердце хлынула волна нежности, мгновенно лишившая Клевахина способности не то что говорить, но даже двинуться. Он чувствовал себя болваном, но ничего с собою поделывать не мог – сидел, тупо глядя на противоположную стену, и с мучительным стыдом соображал куда девать свои руки, вдруг ставшие чужими и непослушными.

– Простите... – Елизавета резко встала и выскочила за дверь.

Майор пришел в себя лишь через несколько минут – когда ему в голову стукнула мысль, что девушка вышла неодетой, а ночью все-таки еще была минусовая температура. Схватив первое, что попало под руку – свой пиджак – он быстро вышел на улицу.

Девушка стояла, прислонившись к стене домика, и, закрыв лицо ладонями, качалась вперед-назад словно маятник. Клевахин молча набросил ей на плечи одежду и увлек в помещение.

– Это ты меня должна простить, – сказал он, усаживая Лизавету возле камина, где уже пылал яркий огонь. – Я старый мент, неотесанный чурбан... голова садовая. Извини, не умею красиво говорить... Я к тебе... тоже равнодушен... Честное слово! Но я не знаю, что мне делать и как поступить. Все летит под откос и трудно сказать, что будет со мной завтра. А я ведь далеко не мальчик и лазерным мечтаниям уже не подвержен.

– Я тоже не знаю, что случится со мной, когда мы расстанемся, – тихо молвила Лизавета. – Меня уже и так приговорили... вы знаете. И вот теперь... никаких надежд... – Она прикусила нижнюю губу, чтобы снова не расплакаться.

– Ты не права. Я останусь с тобой до конца, – сурово сказал майор. – Каким бы он ни был. А что касается... – Он запнулся. – Что касается наших личных отношений, то давай дождемся лучших времен. Я просто не имею морального права обмануть тебя в чем либо.

– Господи, какая я дура! – Лизавета покаянно опустила голову. – Я понимаю... все верно... Простите.

– Мне не за что тебя прощать, – ответил Клевахин, весь во власти охватившей его нежности. – Ты такая... Ты не знаешь, какая ты...

Он неожиданно для себя привлек ее к груди и поцеловал в макушку. Девушка встрепенулась и резко подняла голову. Их губы встретились, и бедный майор, мгновенно потерявший способность здраво мыслить, с давно забытым трепетом ощутил их упругую свежесть, почему-то пахнущую хлебом...

Остаток ночи Клевахин провел как бдительный страж. Он сидел у камина, курил и смотрел на умиротворенное лицо спящей Елизаветы. Впервые за многие годы майор был по настоящему счастлив...

Клевахин торопился. Он уже опаздывал на добрых полчаса, а до управления было еще десять минут ходу.

– Николай Иванович! – окликнул кто-то майора, когда он переходил улицу.

Клевахин взглянул на голос и увидел высунувшегося из окна своей машины Атарбекова. Следователь приветливо улыбался и махал рукой:

– Садитесь, подвезу!

– Спасибо, я дойду. Уже не далеко, – сдержанно ответил майор.

– Есть разговор, Николай Иванович, – продолжая скалить зубы, сказал Атарбеков. – На пару минут.

Клевахин, сумрачно кивнув, с неохотой нырнул в салон БМВ, встретивший его мягкой кожей удобного сидения и стереомузыкой.

– Нужно где-то припарковаться... – Следователь повернул за угол и остановился возле продуктового ларька.

– Извините, но я спешу, – угрюмо буркнул майор.

– Сошлетесь на меня, – парировал Атарбеков. – Нам нужно обсудить один очень важный вопрос.

– А не лучше ли это сделать в моем кабинете?

– Думаю, что нет. Лишние уши нам ни к чему.

– Даже так? – насторожился Клевахин.

– Не буду ходить вокруг да около, спрошу прямо: куда вы спрятали девушку, Николай Иванович?

Этого вопроса майор не ожидал. Пытаясь сохранять невозмутимость, он молча смотрел на следователя, лихорадочно соображая как ему себя вести. Атарбеков был очень даже не глуп, и раз он так спросил, значит обладал достаточно достоверной информацией. Неужто Берендеев ему все выложил? Конечно, капитан должен был знакомить следователя со своими наработками, но ведь он видел явное нежелание Клевахина разговаривать на эту тему. А потому, по идее, просто не имел морального права "сдать" коллегу со всеми потрохами. Тем более, что майору показалось при их последней встрече, что они нашли взаимопонимание.

– О чем вы, Темирхан Даудович? – наконец осторожно спросил Клевахин.

– Ну не стоит прикидываться лохом, товарищ майор... ("Волк тамбовский тебе товарищ!" – неожиданно вскипело в мозгах опера.) – Я говорю о Елизавете Атановой, которую вы где-то прячете, – между тем продолжал Атарбеков. – Мне ли вам говорить, что она является очень важным свидетелем в "кладбищенском" деле. Я просто обязан ее допросить. Не так ли?

– Мне это имя ничего не говорит, – упрямо стоял на своем Клевахин. – Вас явно кто-то дезинформировал, – майор этой фразой хотел проверить свое предположение насчет Берендеева.

– По поводу дезинформации следствия – между прочим, с вашей стороны – разговор особый. Но коль уж вы затронули эту тему, то я вас "просвещу", чтобы вы не считали меня круглым идиотом.

К сожалению, в "кладбищенском" деле нормального сотрудничества у нас не получилось. Уж не знаю почему. Я разыскал Усольцева – это раз. Продолжать? Хорошо. Далее, протокол допроса Ватагина – липа.

Почему я так считаю? А потому, что я нашел охранника Кирюхина, некоего Гольцова, которого его дед, небезызвестный вам Андрон, услал от греха подальше – к черту на кулички.

И между прочим, с вашей подачи. Он практически слово в слово подтвердил показания Ваты и рассказал, что вы его уже допрашивали. Ловкая рокировка – и протокол допроса Гольцова с легкой руки опера Клевахина превратился в показания ныне покойного Ватагина. Который теперь не может ни подтвердить их, ни опровергнуть.

Гениальный ход. Но зачем? Вы мне не доверяете? Почему?

Крыть железные факты было нечем и майор ответил:

– Мне не хотелось вас подставлять. Все дело в Джангирове и его покровителях. Вы сами говорили: идти против них, это все равно что добровольно лечь под танк. А он фигурирует в моих разработках как одно из главных действующих лиц "кладбищенского" дела. Только, пожалуйста, не нужно этого отрицать! Это все к тому, чтобы, как вы выразились, я не считал вас круглым идиотом. Отнюдь. Все-то вы хорошо знаете, все вам понятно. Главное заключается в следующем: это не я вас дезинформирую, а вы уведите расследование в другую сторону. Я даже не буду спрашивать по какой причине. Как говорится, козе ясно. Но я профессионал и к счастью – или к сожалению – не покупаюсь. Это моя работа, мой долг, который я просто обязан выполнять честно и добросовестно. А теперь возразите мне, если найдете убедительные доводы. – Голос Клевахина подрагивал от едва сдерживаемой ярости.

Джангиров даже изменился в лице. Не выдержав жесткого взгляда опера, он отвернулся, немного помолчал, и сказал:

– Я не буду сейчас опровергать прописные истины. Возможно, вы правы. Но жизнь всегда вносит в наши планы определенные коррективы. Я ведь всего-навсего живой человек со своими достоинствами и недостатками. И у меня, между прочим, есть семья... дети. Вы не предполагаете, что я по-иному не могу поступать? Мне просто не позволят. Или... ну, в общем, что там говорить...

– Вот поэтому оставьте меня в покое. Кстати, как вы знаете, я уже не имею никакого отношения к "кладбищенскому" делу, – эту фразу майор сказал с многозначительным нажимом. – Можете отнести ваши факты на счет моего раздолбайства и несерьезного отношения к работе. Пусть даже и с оргвыводами. Мне, если честно, уже на все наплевать. Потому что под чужую дудку я никогда не плясал и плясать не буду. А по иному – так, как это положено – мне работать не дадут. В общем, куда не кинь, везде клин.

– Но мне нужна девушка, – твердо отчеканил Атарбеков.

– Ничем не могу помочь, – не менее жестко ответил Клевахин. – Я не знаю где она находится. Достаточно?

– Нет! Напрасно вы так, Николай Иванович... Я хотел как лучше. Извините, но у меня нет выбора...

Наверное, майор просто проглядел условный знак, который Атарбеков подал двум здоровенным лбам, в мгновение ока выдернувших его с переднего сидения, как пресловутая сборная команда во главе с дедом репку, и запихнувших в стоявшую позади БМВ машину, где находился еще и водитель – тоже приличной комплекции "бык" с руками-клешнями. Клевахин, не отличающийся особыми физическими данными, даже не пытался сопротивляться, тем более, что парни обыскали его с головы до ног и забрали табельное оружие.

Атарбеков сразу же выехал на центральную улицу, а машина похитителей, невзрачная с виду "шестерка", начала плутать по переулкам, пока не очутилась в каком-то гаражном кооперативе, где ее и оставили на произвол судьбы; скорее всего, "жигули" были угнаны. Предварительно связав и заклеив липкой лентой рот, Клевахина бесцеремонно затолкали в

багажник "опеля" и он отправился, возможно, в последнее свое путешествие.

Примерно через полчаса машина остановилась и его извлекли наружу. Осмотревшись, майор понял, что находится где-то в районе Чулимихи – из-за высокого дощатого забора, окружавшего двор частного дома, виднелась телевизионная вышка со знакомыми очертаниями. Но долго прохлаждаться и разминать затекшие ноги ему не дали. Бесцеремонно подталкивая в спину, его завели в дом и оставили в горнице, сплошь уставленной зажженными толстыми свечами. Но вместо православного иконостаса, как можно было предположить по тяжелому запаху фимиама, в красном углу довольно просторного помещения висела большая, достаточно искусно нарисованная, картина, изображающая ад с соответствующей атрибутикой и самого хозяина загробного мира в полный рост, смахивающего на Джангирова. Клевахин даже вздрогнул, настолько живыми показались ему глаза рисованного двойника главного сатаниста города.

Присмотревшись, он понял в чем дело – зрачки и радужные оболочки были сделаны с хрустального стекла.

Настоящим казался и огонь в адской печи; скорее всего, и тут не обошлось без спецэффектов.

– Не могу сказать, что рад нашей встрече...

Голос исходил со всех сторон и майор несколько растерялся, не видя говорившего.

– Но мне хочется, чтобы наше расставание было дружеским. Или по крайней мере доброжелательным.

Клевахину показалось, что он слышит какой-то шорох за спиной, и майор быстро обернулся.

Перед ним, закутанный в черный плащ с золотым шитьем по низу и возле ворота, стоял Джангиров. Его мертвенно-бледное лицо было бесстрастным и неподвижным как маска, а немигающие глаза смотрели сквозь Клевахина без какого-либо выражения.

– А-а, господин Джангиров... – Майор перевел дух. – Все в свои страшилки играет. Никак с девушек на мужиков перешли? Что вы себе позволяете? Я вам не бомж с привокзальной площади, которого может любой пнуть, а опер. Это если вы вдруг забыли, с кем имеете дело.

– На память я до сих пор не жаловался. И мог бы напомнить вам все детали допроса, когда вы меня оскорбляли и унижали. А я, кстати, тоже не уличный попрошайка.

– Меня доставили сюда, как вредного кота в мешке, чтобы я перед вами извинился? Никаких проблем. Я готов. Если есть за что.

– Все эти мирские условности, к которым относится и хороший тон, мне безразличны, – брезгливо поморщился Джангиров. – В моей жизни главное цель. Я привык идти к ней прямым путем, как летит стрела. Потому я не буду вдаваться в полемику и опускаться до бордюрного уровня. Мне нужна Елизавета Атанова. Она моя. Моя! И я ее получу.

– Ну вы меня достали с этой девкой... – с сокрушенным видом покачал головой майор. – Сначала мне мозги компостировала ваша шестерка Атарбеков, теперь вы. Я не знаю, где она. Может мне перекреститься? Так вы принадлежите к другой парафии. У вас, я думаю, такие клятвы не катят.

– Вы не ошиблись. Ложь у нас не проходит. Значит, вы отказываетесь честно ответить на мой вопрос?

– Будете пытаться? – полюбопытствовал Клевахин. – На вас это похоже. Да, я ее нашел и

привез в город. Но куда Атанова потом девалась, я не знаю. Она, похоже, девица шустрая, наверное, опять дала деру.

– Нет, пытать вас ни к чему. Это грубо и примитивно. Есть другие, более действенные способы... – Он щелкнул пальцами и по бокам майора выросли уже знакомые ему мордороты.

Они усадили его на массивный деревянный стул с высокой резной спинкой и подлокотниками в виде львиных лап и крепко привязали.

– Уколычик с "сывороткой правды" ширнете? – спокойно спросил Клевахин, хотя на душе у него кошки скребли.

Он боялся, но не за себя, а за Лизавету. Клевахин отдавал себе отчет в том, что шутить с такими людьми, как Джангиров – себе дороже. Однако, иного выхода у опера не было. Майор твердо решил, что если сатанисты и доберутся до девушки, то только через его труп.

– Наверное, вы начитались "шпионских" романов, – снисходительно покривился сатанист. – У нас есть коечто получше. Начинайте! – резко скомандовал он.

Клевахин хотел еще что-то сказать, но тут крепкие руки разжали челюсти майора и в рот ему хлынула теплая густая жидкость с неприятным запахом и горьким вкусом. Он начал было брыкаться, однако сильный удар под ребра заставил его примириться с неизбежным.

Снадобье начало действовать спустя несколько минут. Сначала в голове зашумело, а затем она стала такой пустой и легкой, будто из нее вынули мозги. Какая-то странная эйфория обуюла Клевахина и ему захотелось закричать, запеть, взлететь над городом, чтобы потом броситься вниз и расшибиться в лепешку. Да, ему одновременно было радостно и хотелось умереть. Он пытался противиться этому наваждению, но тут заиграла красивая музыка – что-то быстрое и невыразимо сладостное – и остатки воли улетучились как дым.

Картина, перед которой его усадили, вдруг ожила, и жаркое пламя ада, разбрызгивая искры, жадно потянуло к нему свои огненные щупальца.

Но вместо того, чтобы отпрянуть, майор рванулся вперед, пытаясь освободиться от пут. Он хотел упасть к ногам мрачной и величественной фигуры Джангирова в центре полотна. Его глаза неотрывно смотрели на Клевахина, доставая до самого дна души.

– Где находится Елизавета?

Голос был похож на гром; он проникал во все клетки тела, заставляя трепетать каждый нерв. Джангиров шагнул с полотна на пол и вплотную подошел к бессмысленно улыбающемуся майору.

– Где она? Адрес!

Клевахину очень хотелось потрогать руками фигуру перед собой, чтобы убедиться в ее реальности. Но теперь у него хватало сил лишь на то, чтобы держать голову ровно.

– Где!?

И он сказал, больше не в состоянии противиться неистовому желанию исповедаться перед ожившим повелителем тьмы.

Как он их ненавидел – сытых, самодовольных, лощеных снаружи и грязных внутри, раскатывающих на "мерседесах", купленных на ворованные деньги, и жирующих на банкетах и презентациях! Всех...

Старик осматривал чулимихское кладбище. Он бродил по нему уже пятый час, стараясь запомнить каждый кустик, каждое дерево, многочисленные аллеи и тропинки. Ему нужно было все рассчитать, все предусмотреть, чтобы задуманное прошло без сучка и задоринки.

Крепыш держался не долго. Наверное, он был не из робкого десятка и поначалу вел себя с достоинством.

Видимо, ему и в голову не приходило, что человек преклонных лет, с виду достаточно спокойный и смирный, может быть не менее жестоким чем он сам и его приятели-"отморозки". Правда, судя по выражению его лица, это мнение несколько поколебалось, когда крепыш наконец понял кто перед ним. Но и тогда уверенность в благополучном исходе своего пленения не покинула парня. Тем более, что старику была нужна лишь детальная информация о Кирюхине и Опришко – Егор Павлович пока не говорил крепышу, что ему известна его причастность к убийству Ирины Александровны.

– Говори правду, – сурово предупредил старик крепыша. – Иначе посажу на бочку.

– А это как? – не удержался парень от вопроса.

– Лучше тебе не знать. Рассказывай...

Егор Павлович поймал своего пленника на лжи буквально через минуту. Он уже кое-что знал о его хозяевах от Чижеватова, а потому намеренно задал несколько контрольных вопросов.

– Я ведь не шучу, – холодно сказал старик. – Считай, что ты получил последнее предупреждение.

– Так ведь я как на духу...

– Помолчи. Сейчас проверим тебя на вшивость. Кто убил актрису Велихову? – Глаза Егора Павловича были страшными.

Может, крепыш и ждал этого вопроса, но, посмотрев на старика, он смешался и вместо ответа лишь пожал плечами.

– Не знаешь или не хочешь говорить? – В мягком голосе Егора Павловича зазвучали металлические нотки.

– Откуда мне знать? – буркнул парень.

– Ладно. Но не говори потом, что я тебя не предупреждал...

С этими словами старик перекинул веревку через балку, подтянул его вверх, снял с парня брюки и усадил на загодя приготовленную железную бочку, поставленную на попа, предварительно вытащив из отверстия посередине крышки деревянную затычку. Привязав крепыша так, чтобы он не мог двинуться, Егор Павлович начал колоть охотничьим ножом тонкие щепки.

– Зачем это? – всполошился парень, все еще не понимая, что задумал старик.

– Все очень просто, – бесцветным голосом объяснил ему Егор Павлович. – В бочке есть

маленькие отверстия для доступа воздуха и в ней сидит крыса. Сейчас я под дном разведу огонь и эта поганая, но умная, тварь в поисках спасения начнет искать выход. А он находится вверху, куда ведет сваренная мною лесенка. Как раз к той дырке, которую закрыла твоя голая задница. Говорят, что крыса прогрызает человека за полчаса.

Дальше объяснять не нужно?

С этими словами Егор Павлович достал из кучи всякого барахла проволочную клетку, в которой, попискивая, металась большая взъерошенная крыса, и поставил ее на ящик перед привязанным крепышом.

– Это ее товарка, – сказал старик. – Крыса в бочке нуждается в моральной поддержке... – Он мрачно ухмыльнулся.

– Нет! – закричал парень, до которого только теперь дошло что ему уготовано. – Умоляю, не делайте этого!

– Ты сам напросился. Я ведь предупреждал, что не шучу... – И Егор Павлович демонстративно медленно начал собирать дрова и складывать их по дно бочки, поставленной на кирпичи.

– Не-ет!!! Я скажу все! Лучше повесьте, пристрелите меня, но только не крыса! – Ужас искажил черты лица крепыша, а глаза казалось вот-вот выскочат из орбит; он дергался, извивался всем телом, пытаясь освободиться от пут, но все его потуги были тщетны.

– Говори, – старик смотрел прямо ему в глаза. – Но если сейчас в твоих ответах я уловлю хоть крупицу лжи, пощады тебе не будет. Клянусь.

– Крыса, уберите крысу... – бормотал обессиленный от страха и неистовых усилий парень. – Снимите меня с бочки!

– Сиди, ничего с тобой не случится. Крыса тебя не тронет до тех пор, пока ей не припечет. А ты будешь помнить, какой "допинг" сидит под твоей задницей – на всякий случай, чтобы язык не свернул с прямой дорожки.

– Х-хорошо... – Крепыш дрожал, как осиновый лист. – Я все расскажу... Все!

– Вопрос прежний: назови имена тех, кто убил Велихову.

– В машине были Цыпа и Фитиль... извините, Грошев и Сердюк...

– Всего двое?

– Н-нет... – казалось, еще немного и парень потеряет сознание. – Я тоже... с ними... Но за рулем сидел Цыпа!

Я не виноват! Нам приказали... Я не хотел...

– Где их можно найти?

Крепыш назвал адреса и телефоны.

– Кто приказал убить Велихову?

– Босс... Кирюхин...

Егор Павлович допрашивал парня около двух часов. Его интересовали любые, даже с виду незначительные, факты из жизни Кирюхина и Опришко. Так он нечаянно услышал о их

странном хобби, заключавшемся в каких-то сборищах на кладбище в ночное время. Это обстоятельство очень заинтересовало старика, который понимал, что в обычной обстановке близко подобраться к этим двум мерзавцам, окруженным вооруженной охраной, будет весьма непросто...

Привязав к ногам крепыша рельс, он бросил его в омут некогда быстрой и глубокой, а теперь обмелевшей речки, на берегу которой и стоял лесопильный завод. Когда-то по ней сплавляли лес, а теперь неспешные воды, заросшие возле берегов рястом, едва-едва тащились через осушенные болота и вырубленные дубравы, застревая в камышах и среди гниющих топляков. Старике утопил бандита без злобы в сердце и без какихлибо сомнений и переживаний. Он просто выполнил свой приговор.

Грошев и Сердюк были теми самыми бугаями, что приходили к Ирине Александровне вместе с "голубым" и типом в малиновом пиджаке получать деньги по долговой расписке. Похоже, они, в отличие от крепыша, стояли на самом низу мафиозной иерархической лестницы, так как не имели ни машин, ни приличного жилья. Их удел был махать кулачищами, выбивая долги, и таскать железо в спортзале, накачивая мышцы.

Иногда они "отрывались" с девочками, на которых клейма негде ставить, но пили очень умеренно, готовые по сигналу пейджера немедленно сорваться с места и отправиться выполнять очередное задание своего бригадира. Несмотря на явную тупоголовость, и шкафообразный Цыпа, и длинный мосластый Фитиль все же не забывали об осторожности. Они всегда ходили парой, при этом зорко наблюдая за окружающими и не расслабляясь даже в забегаловках, где мордovorотов хорошо знали, а потому старались держаться от них подальше. И тот, и другой жили по соседству, в поселке Красный Пахарь, а на "службу" добирались или рейсовым автобусом, или попуткой. На этом Егор Павлович их и подловил...

Ему пришлось ждать удобного случая почти неделю. В этой ситуации старика больше всего волновало отсутствие Грея, которого, чтобы не спугнуть бандитов, пришлось оставлять на базе Чижеватова. День, когда он наконец выполнил задуманное, оказался холодным и дождливым. Грошев и Сердюк вышли из дому с утра пораньше, и, чтобы не мокнуть под дождем на остановке без крыши, начали останавливать попутные машины. Но охотников подзаработать на "левом" извозе почему-то не находилось – водители, завидев кто машет рукой, вместо того, чтобы остановиться, наоборот прибавляли газу.

Егор Павлович остановился так резко, что завизжали тормозные колодки.

– Мужик! – обрадовано завопил Цыпа. – Подбрось в город. Платим вдвойне.

– Садитесь, – кивнул старик.

На всякий случай, чтобы его не узнали раньше времени, он надел "маскировочные" темные очки, хотя это, наверное, и было глупостью. Но мордovorоты настолько обрадовались своей удаче, что к водителю особо не присматривались – сидели сзади, весело болтая о разной чепухе.

Машина "заглохла" как только они свернули на лесистый участок дороги неподалеку от кладбища, где не было строений.

– Что случилось? – обеспокоено спросил Фитиль.

– Черт возьми! – выругался Егор Павлович. – Наверное, аккумулятор сел. А я подсос забыл выключить.

Похоже, карбюратор бензином залило...

– Какие проблемы? – самоуверенно сказал Цыпа. – Здесь покат, мы сейчас подтолкнем, и если дело только в аккумуляторе, то тачка через полминуты зафурычит. Пойдем... – кивнул он Фитилю и выбрался наружу.

Старик ждал этого предложения именно от Грошева-Цыпы, который был водителем. Подождав, пока мимо проедет грузовик и убедившись, что дорога впереди и сзади пуста, он быстро достал из тайника карабин и последовал за бандитами.

– Мужик, ты чего? – недоуменно спросил Фитиль, стоявший ближе.

А тугодум Цыпа вообще остолбенел, увидев черное отверстие ствола, нацеленное ему прямо в живот.

Егор Павлович из-за отсутствия времени не стал долго рассусоливать.

– Вы убили актрису Велихову, – сказал он с жесткой непреклонностью в голосе. – Пришла пора платить по счетам. – Старик снял очки. – Отправляйтесь в ад...

И только теперь они его узнали. Но уже было поздно. Прозвучали выстрелы и бандиты рухнули на асфальт как подкошенные – убойная сила пули, выпущенной из СКС, гораздо больше чем у пистолетной.

Егор Павлович едва успел затащить тяжеленный тела в "джип", где расстелил черную полиэтиленовую пленку, чтобы не вымазать салон кровью, как на шоссе будто прорвало плотину – машины пошли одна за другой. Он поторопился свернуть на проселок, к так называемым Ямам, где жители Чулимихи и окрестных деревень брали отменного качества глину для хозяйских нужд. Земля в этом месте была изрыта норамишурфами, откуда крестьяне таскали столь необходимый в хозяйстве материал ведрами, постепенно зарываясь на глубину пяти и более метров. Выбрав самую глубокую и, судя по следам, давно заброшенную яму, старик сбросил туда тела убитых и уехал, стараясь держаться на целине, где росла трава – чтобы не оставлять на влажной грунтовой дороге отпечатков шин...

И вот теперь пришел черед главных действующих лиц. Из несколько сбивчивых объяснений крепыша он вывел определенную закономерность посещений чулимихского кладбища в ночное время странной компанией, куда входили Кириухин и Опришко. Это случалось каждый месяц в любое время года в первый день полнолуния. Почти каждый месяц, так как крепыш не всегда попадал в число охранников босса из-за командировок, а расспрашивать других парней, среди которых были только особо доверенные люди директора "Абриса", он не решался – сборища на кладбище считались большой тайной и чересчур любопытному могли стоить головы. Но старик решил, что такая периодичность отнюдь не случайна, а значит новое собрание полуночников должно состояться этой ночью...

Ему никогда не приходилось бывать на кладбище в ночное время суток. В тайге Егор Павлович мог ночью преспокойно спать в самом глухом месте возле костра, подложив под голову вещмешок. И никакие дурные мысли или кошмарные сны не лезли ему в голову даже тогда, когда он преследовал беглых эзков, нередко вооруженных и куда более опасных чем дикие звери. Но эта ночь среди могил почему-то вогнала его в дрожь, особенно когда поднялся ветер. Он швырял в лицо опавшие листья, тоскливо завывал – будто целая толпа плакальщиц, подкрадывался сзади и толкал в спину, от чего старик непроизвольно хватался за оружие, шевелил кусты и Егору Павловичу чудилось, что к нему кто-то крадется... Даже Грей был спокоен, а однажды старику и впрямь показалось, что пес чувствует присутствие постороннего. Однако, сколько он ни прислушивался и ни присматривался, ничего подозрительного так и не заметил.

Когда часовая стрелка наручных часов стала приближаться к цифре двенадцать, Егора Павловича начал бить мандраж. Старик уже кое-как приспособился к мрачной атмосфере

погоста, но теперь его начали мучить сомнения. А что если он ошибся или крепыш навывдумывал чепухи в тщетной надежде сначала заговорить своего "следователя", который вовсе не был похож на хладнокровного убийцу, а затем и разжалобить?

Ответ пришел ровно за полчаса до полуночи. Больше десятка машин, сверкая мощными фарами, разом притормозили возле кладбищенской ограды, и какие-то люди, вполголоса переговариваясь, пошли в его сторону. Егор Павлович поторопился залечь в кусты и мысленно себя похвалил. Старик сразу приметил этот странной формы камень посреди полянки, окруженной молодым березняком. Он напомнил ему истукана, которого егеря нашел в глухом таежном урочище. Наверное, там когда-то было стойбище аборигенов, и каменный столб, напоминающий фигуру беременной женщины, служил им святыней – глубокая яма позади идола оказалась наполнена лосиными черепами и редкими для тех мест кремневыми камешками. Поляна вокруг чулимихского камня была очищена от высокого бурьяна, а в невысокой, местами вытопанной траве, Егор Павлович нашел много восковых капель, что подталкивало на определенные умозаключения.

Старик подобрался поближе. Он устроился на пригорке, откуда хорошо просматривалась поляна.

Приникнув к окулярам бинокля, Егор Павлович пытался рассмотреть лица сбившихся в круг полуночников.

Но все они были в плащах с капюшонами, и старик от досады едва не прокусил себе губу. Эх, был бы у него прибор ночного видения!

Тем временем на поляне творилось что-то странное. Сначала собравшиеся разожгли много свечей, затем принесли ящики и застелили их красным бархатом. Потом в центр круга ввели закутанную в белое покрывало девушку; когда его сорвали, она оказалась совершенно нагой и с распущенными волосами. Егору Павловичу показалось, что девушка пьяна; или не в себе – она слегка пошатывалась и бессмысленно улыбалась. Ее подняли на руки и уложили на ящики. Один из черноризцев откинул капюшон, стал над девушкой и, подняв руки к небу, начал нести какую-то ахиною на тарабарском языке. Остальные время от времени поддерживали его тихими возгласами, похожими на стоны. Минут через пять колдун, как его обозначил Егор Павлович, сделал какой-то замысловатый жест над спокойно лежавшей девушкой и его паства умолкла – все стояли, не шевелясь и, как показалось старику, не дыша. В полной тишине черноризец налил из кувшина с высоким горлом в большую металлическую чашу на ножке (с виду бронзовую) какую-то жидкость, возможно, вино, и пустил ее по кругу. Он повторял эту процедуру до тех пор, пока не причастились все.

Старик радостно встрепенулся – прежде чем отпить из чаши несколько глотков, каждый из собравшихся делал два шага вперед, откидывал капюшон и кланялся черноризцу. В этот момент он видел в бинокль их лица в мельчайших подробностях – многочисленные толстые свечи горели достаточно ярко, а небо наконец очистилось от туч, и полная красноватая луна, словно наверху упущенное, щедро выплеснула на землю свой призрачный загадочный свет.

Есть! Егор Павлович едва не уронил от волнения бинокль – сначала из чаши выпил Кирюхин, а затем Опришко; они стояли рядом друг с другом, справа от колдуна.

Отложив бинокль, старик взял карабин и приложился к наглазнику оптического прицела. Все, пора... И директор фирмы "Абрис", и юрисконсульт были перед ним как на ладони. Нужно успокоиться... Глубокий вдох, выдох... вдох, выдох... Патрон в ствол... Затвор мягко щелкнул, но и от этого, едва слышного, звука старик нервно вздрогнул. Спокойно! Поправка на ветер... Не нужна – цель совсем близко. Почему вспотели ладони? Раньше с ним никогда такого не было...

Но что делает зловещий черноризец? Черт возьми, что он задумал!? Негодяй!

Через прицел было хорошо видно как колдун поднял над головой нож и медленно его опустил, будто собираясь вонзить в расprostертую девушку. Но лишь провел по животу, сверху вниз, сделав длинный надрез. Как ни странно, но при этом девушка даже не дернулась.

При виде такого изуверства, весь во власти неожиданно вспыхнувшего гнева, Егор Павлович поймал в перекрестье прицела руку черноризца и плавно нажал на спусковой крючок. Затем молниеносно произвел еще два выстрела – на этот раз на поражение. Все трое упали. Старик невольно удивился: то, что Кирюхин и Опришко уже мертвецы, он не сомневался, но почему рухнул на землю колдун? От такой раны, как у него, сознание не теряют.

Впрочем, ему уже было не до размышлений – в события вмешались охранники черноризца и его богатой паствы. Раздались выстрелы и Егор Павлович услышал топот ног. Пустив еще две пули поверх голов мечущихся в ужасе полуночников – для большей остротки – он, где быстрым шагом, а где трусцой, направился к загодя намеченному пролому в кладбищенской ограде. Возбужденный стрельбой и запахами свежей крови Грей прикрывал его отход – бесшумным призраком скользил позади, среди кустов и деревьев.

Он слышал бегущих в их сторону врагов хозяина, но они пока не представляли угрозы, а потому разобраться с ними пес не торопился.

Старик уже покинул пределы кладбища и было с облегчением вздохнул, как тут его окликнул притаившийся в тени деревьев охранник. Егор Павлович выстрелил не раздумывая – на звук голоса – и побежал к дороге, за которой начинался негустой лесок. За ним, в яру, он оставил свой "джип".

Грей догнал его возле машины. Морда пса была в крови. Он все еще пребывал в боевой лихорадке и время от времени щерил клыки и злобно урчал. Старик тихо тронул с места и, стараясь сильно не газовать, медленно покати по пологому дну яра, не зажигая фар. Он ориентировался по белеющим в темноте чисто окоренным кольям, загодя вбитым в землю на пути отхода, которые Егор Павлович теперь выдергивал и складывал в джип – чтобы не оставить даже намека на след. Спустя час он уже был далеко от кладбища...

Вот и все... Пустота... На этот раз покончено даже с надеждами... Точка.

Старик с тоской гладил полированный гранит надгробной плиты, под которой навечно упокоилась Ирина Александровна. Он лично побеспокоился, чтобы заменить временный крест, сваренный с труб, на приличное надгробие, потому как знал, что кроме него об этом никто не позаботится. Проникновенные речи на поминках вскоре забываются, житейская суэта быстро выветривается из памяти даже искренне скорбящих клятвенные обещания увековечить образ покойного, и через несколько лет беспощадное время сглаживает могильный холмик, а сорная трава покрывает вечно живым саваном последнюю юдоль еще одного земного мученика. И только ржавый, покосившийся крест перечеркнет иногда чей-то безразличный взгляд, на миг смутив чью-нибудь не до конца очерстевшую душу. Сколько их, таких безымянных крестов...

Пора уходить... Егор Павлович еще не надумал куда, но то, что в этом городе ему не жить, он знал точно.

Здесь все неожиданно стало чужим и постылым. Его ночной отдых нельзя было назвать сном. Иногда он забывался на полчаса, но тут же вскакивал, разбуженный какой-то мыслью, пронизывающей мозг раскаленной спицей. Самое странное – старик никак не мог припомнить, что ему пришло в голову; так, нечто эфемерное, бесформенное, словно обрывок кошмарного видения.

Днем ему было еще тяжелее. Любая работа валилась с рук, и время тянулось так мучительно, как будто он сидел в камере смертников и с минуты на минуту ждал предполагаемого помилования. Иногда ему хотелось разом покончить с этими мучениями, и тогда старик открывал настежь входную дверь, чтобы Грей мог свободно покинуть квартиру, доставал карабин, вставлял обойму и даже снимал тапочки и носки, чтобы пальцем ноги нажать на спусковой крючок. Однако в последний момент какая-то непреодолимая сила удерживала его от рокового шага, и Егор Павлович, совершенно обессилевший в схватке с самим собой, ронял оружие на пол и погружался в омут отчаяния. В такие минуты Грей, умная псина, становился лапами ему на колени и смотрел прямо в глаза так жалобно, что старику хотелось заплакать. Но источник слез уже давно исчерпался. Егор Павлович был почти уверен, что волкодав умрет от тоски, а застрелить верного друга он не мог – рука не поднималась.

Пора уходить... Старик поцеловал холодный гранит надгробной плиты и поднялся. Прощай... Прощай – и до встречи... там. Где-то там...

Но спокойно покинуть кладбище ему не дали. В ворота втягивалась пышная похоронная процессия, в рядах которой шли, судя по одежде и сытым самодовольным физиономиям, весьма состоятельные и облеченные властью люди. Пока Егор Павлович соображал, как поступить, крепкие парни в черных куртках отсекали других посетителей погоста от колонны и от выхода. И ему ничего другого не осталось, как наблюдать за ритуалом похорон.

Едва зазвучали надгробные речи, старик насторожился. Он ушам своим не поверил – хоронили Кирюхина и Опришко! Это обстоятельство так поразило Егора Павловича, что он невольно попятился и постарался спрятаться за спины других ротозеев.

Ораторы сменялись быстро, старик их не знал, а потому больше глядел в землю, мрачно размышляя о своих проблемах. Но когда раздался сильный, чуть надтреснутый и до боли знакомый голос, Егора Павловича едва нехватила кондрашка. Не может быть!!!

Словно слепой, он начал проталкиваться вперед, наступая людям на ноги. Старик едва не ткнулся носом в широкую спину коротко стриженного "быка", но вовремя опомнился и неимоверным усилием воли постарался прийти в себя.

Чагирь! Годы его не пощадили, но характерная мимика, жесты и тембр голоса остались прежними. Он немного пополнел, приобрел лоск, приоделся по последней моде, даже стал казаться выше, чем на самом деле. И только холодные, будто прячущиеся под мохнатыми бровями, глаза как и в былые времена жалили, кусали, буравили все, до чего доставал его взгляд. Егору Павловичу померещилось, что Чагирь чересчур пристально посмотрел в его сторону, и старик снова начал отступать назад.

Ему казалось, что он спит и видит тот сон, который преследовал его долгие годы. Старик попытался стряхнуть наваждение, больно ущипнув себя за бок. Но его злейший враг продолжал свою речь, изображая скорбь, а стоявшие перед ним люди с известной долей артистизма подыгрывали ему, старательно удерживая на холеных лицах маски печали и страданий.

Былое вдруг будто разбудило Егора Павловича. Куда-то исчезла черная меланхолия, в тело вступила злая энергия, заставившая сердце встрепенуться и забиться сильно и мощно, а вялая кровь, едва-едва наполнявшая вены и артерии, побежала по ним как горный поток. Старик буквально пожирал глазами самодовольную физиономию Чагирия, и оратор в какой-то момент ощутил флюиды ненависти, исходившие из толпы. Пахан даже запнулся, но все-таки довел свой панегирик усопшим до конца. Когда он спускался со специального возвышения, своего рода кладбищенской трибуны, то его лицо было бледным и понастоящему озабоченным.

Старик постарался уйти одним из первых, едва были сняты охранные кордоны. Но перед этим он поинтересовался у близстоящих как теперь зовут человека, когда-то носившего кличку Чагирь. Егор Павлович совершенно не сомневался, что пахан в очередной раз сменил личину. Так оно и оказалось. Судя по реакции тех, к кому он обратился с вопросом, пахан в городе был фигурой весьма заметной. Потому старик не стал продолжать расспросы, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Он был уверен, что все остальное узнает из других источников.

Уже сидя в кабине своего "джипа" Егор Павлович вдруг рассмеялся. Однако услышь кто-нибудь этот смех, у него мороз пошел бы по коже.

Глава 31. Приговор

Пробуждение было долгим и тяжелым. Раскалывалась от боли голова, шумело в ушах, а во рту воцарилась пустыня, превратившая язык в непослушный, потрескавшийся от жажды обрубок. С трудом разлепив тяжелые веки, Клевахин подвигал руками и ногами и убедился, что не связан. Комната, где его заперли, была мрачной и неухоженной. Скорее всего, она служила мастерской или подсобкой: в углу стоял верстак, там же лежали деревянные бруски и обрезки досок, у противоположной стены в полном беспорядке валялись банки с краской и кисти, а сам он покоился на куче ношеной одежды и подозрительного вида тряпок.

Когда прояснилось в голове, майор принялся исследовать свое узилище. Дверь оказалась запертой.

Клевахин толкнул ее два раза и убедился, что она сработана на совесть и прошибить ее может лишь какой-нибудь мастер боевых искусств, к которым он себя никак не мог причислить, так как знал всего несколько приемов, выученных еще в глубокой юности. Впрочем, опер не сомневался, что к двери приставлен недремлющий страж с "дурой" приличного калибра, а потому постарался на время упрятать свои мысли о побеге куда подальше. Окно было на три четверти заложено кирпичом на очень прочном растворе, а прямоугольный кусок стекла вверху, откуда брезжил рассеянный свет, перечеркивали толстые прутья решетки. Порыскав по комнате, майор убедился, что в ней нет ни одного железного предмета, мало-мальски похожего на холодное оружие. Этот факт добавил к незатиhaющей головной боли и приличную толику уныния. Клевахин вовсе не рассчитывал на снисхождение со стороны Джангирова; мало того – он очень удивился, что до сих пор еще жив. Но майору почему-то с трудом верилось в благополучный для него исход пленения. Он так много знал, что главный сатанист города просто обязан был закрыть ему рот до скончания века.

Однако не закрыл. Пока. Почему? Ответ напрашивался сам по себе: значит Джангиров не так уж и уверен в своем дьявольском зелье, развязывающем несговорчивым языки. Что если Клевахин даже под влиянием наркотического напитка не сказал правду о местонахождении Лизаветы? Выходит, сейчас идет проверка, а после... Лучше об этом не думать. И так понятно, без душещипательных комментариев...

Клевахин заметил старый алюминиевый чайник с водой, стоявший на верстаке, когда начал методически обыскивать помещение в поисках хоть чего-нибудь, способного сыграть роль палочки-выручалочки, когда он отправится в свое последнее путешествие в этой жизни. Майор жадно схватил его, припал к носику и не отрывался, пока не выпил до дна. Вода была стоялая, с неприятным керосиновым запахом и предназначалась вовсе не для питья, а для каких-то хозяйских нужд, но в этот момент она показалась Клевахину вкуснее нарзана.

Немного утолив жажду, прибодрившийся майор продолжил свои изыскания. И наконец нашел нечто стоящее – длинный толстый гвоздь, завалившийся между половицами. Вытащив его оттуда при помощи щепки, он быстро спрятал его в носок и довольно ухмыльнулся – пусть и маленькая, но все-таки радость...

За окном стало уже совсем темно, когда в доме послышался топот ног и разговор. Затем громыхнул засов и на пороге появился внушительный силуэт – в подсобке свет так и не зажгли, и лампочка горела только в узком коридорчике за широкой спиной кого-то из подручных сатаниста.

– Выходи, – буркнул недовольный голос, и Клевахин покорно потопал впереди здоровенного "быка", в котором он признал водителя БМВ.

На этот раз его провели не в гостиную с портретом, а в небольшую квадратную комнату, вдоль стен которой стояли массивные шкафы с книгами, большей частью старинными. Возле письменного стола в креслевертушке сидел Джангиров и небрежно листал какой-то журнал.

– Вы плохо выглядите, – без обиняков сказал сатанист, посмотрев на майора своими черными немигающими глазами.

– Спасибо за комплимент, – парировал Клевахин. – У меня, кстати, раскалывается от боли голова и я хочу пить.

Джангиров, посмотрев за спину майора, кивнул, и спустя несколько секунд в руках опера уже находилась бутылка минералки и стакан, доставленные все тем же "быком". Клевахин не стал изображать из себя хорошо воспитанного человека и одним духом высосал воду прямо из горлышка.

– Надеюсь, сюда не подмешали какой-нибудь гадости? – спросил Джангирова опер, передав пустую бутылку безмолвному стражу за своей спиной.

– Зачем? – пожал плечами сатанист. – Вы любезно рассказали нам все, что вам известно.

– И о чем вы меня спрашивали?

– О разном, – уклонился от прямого ответа Джангиров.

– Я оправдал ваши надежды?

– Более чем... – Бледное лицо главного сатаниста стало еще мрачней. – Вам удалось многое раскопать.

– Так ведь у меня работа такая. Каждому свое, как говорили наши древние предки. Впрочем, может и не наши, но выражение очень точно отражает суть момента. Я всего лишь делал то дело, за которое мне платят.

– Вам нужно было искать убийцу, а не лезть туда, куда вас вовсе не просили. К сожалению, вы не вняли нашим предупреждениям.

– Весьма оригинальным, доложу я вам. Кстати... – Майор заколебался, но все же продолжил:

– Вы нашли Атанову?

– С вашей помощью, – не без ехидства ответил сатанист.

– Оставьте девушку в покое, – резче, чем следовало бы, сказал майор. – Она не жертвенный барашек, а вы не библейский Авраам... или кто там.

– Вот именно... – По лицу Джангирова мелькнула тень. – И вообще – это не вашего ума дело. Легавый пес должен сидеть в конуре и терпеливо ждать, пока хозяин не бросит ему кость. А вы возомнили себя палкой в колесе.

– Я настолько много за годы службы в органах видел таких, как вы, что перестал удивляться подобной наивности. Может, я и мои коллеги и легавые, но свое дело знаем туго. Рано или поздно вас прихлопнут, как назойливую муху. Если вы умный человек, то поймете о чем идет речь, ну а вдруг я в вас ошибаюсь... извините, ничем не могу помочь. Скажу только одно – с государством тягаться, это все равно, что плевать против ветра. Как только запахнет паленым, ваши дружки сдадут вас со всеми потрохами. Или – что более вероятно в нынешние времена – закопают на два метра вглубь.

– Вы оптимист... – Глаза Джангирова стали колючими и злобными. – Лучше о себе подумайте.

– Я реалист, позвольте уточнить. А потому предлагаю компромиссный вариант.

– Что-либо предлагать могу только я, – высокомерно сказал Джангиров. – Не забывайте где вы находитесь и в каком положении.

– И все-таки выслушайте. Это не займет много времени.

– Хорошо, говорите. Только покороче. Мне тут с вами попусту болтать недосуг.

Темнишь, сука, подумал не без некоторого злорадства Клевахин. Что-то у тебя не вяжется, сатанинское отродье. Стал бы ты тут перед каким-то ментом турусы на колесах разводить, будь в твоей черной парафии все тип-топ.

– Ладно, буду краток. Вы отпускаете Атанову и меня с миром, а я в свою очередь даю слово, что забуду о вас. Напрочь. И на это раз, как говорится, без дураков. Мне уже не хочется играть в чужие игры. Устраивает такой вариант?

– Нет! Девушка принадлежит мне.

– Экий вы, батенька, рабовладелец. Я бы на вашем месте хорошо подумал, а не отвечал с кондачка.

Майор сказал последнюю фразу с многозначительным видом, чтобы навести тень на плетень. Конечно, это было примитивным блефом, но уж коль в душе Джангирова есть какие-то сомнения, то почему бы не воспользоваться подходящим моментом?

– Вы мне угрожаете? Ха... Ха... Ха... – Сатанист смеялся, как Фантомас – с неподвижным лицом и почти не открывая рта. – Я вам напомню эту наглость перед вашей смертью. А она будет нелегкой. Я по живому вырву ваше сердце и скормлю его бродячим псам. Чтобы вы потом во владениях нашего властелина, – он указал на пол, – никогда не могли найти свою душу.

– Я вам верю. Мне трудно что-либо возразить против таких аргументов. Но вы особо не обольщайтесь – ваша душа (или что там у вас) последует за моей спустя очень короткое время. Это обещаю вам я, опер по прозвищу Штымп. Если оно вам ничего не говорит, расспросите у блатных. Они подтвердят, что я никогда слов на ветер не бросаю.

Клевахин, что называется, пер буром, хотя у него затряслись поджилки. Майор совершенно не сомневался, что Джангиров исполнит все то, о чем сказал.

– Ты!.. – выверился Джангиров, на миг потеряв самообладание; но тут же взял себя в руки, проявив при этом незаурядную силу воли. – Впрочем, у нас еще есть возможность прийти к

определенному консенсусу...

– Он смотрел на Клевахина как голодный волк на загнанную, но еще сопротивляющуюся добычу.

– Не сомневаюсь в этом... – Клевахин постарался, чтобы фраза прозвучала веско и не без некоторого апломба.

– Не зарывайтесь! – сказал, словно бичом хлестнул, Джангиров. – Вы не в том состоянии, чтобы качать свои права.

– Кто против... – пошел на попятную майор, изобразив смиренность.

Ему очень хотелось узнать, что тревожит сатаниста. На этом можно будет построить контригру... если повезет.

– Меня интересуют ваши контакты с неким господином Балагулой...

Есть! Вот оно, недостающее звено в цепи, которую никак не может склепать ушлый сатанист. Наконец проявилась его ахиллесова пята...

– Неужели? – с иронией спросил Клевахин. – А я думал вы меня прокачали до самого дна.

– Конечно. Но факты – это одно, а намерения – совсем другое. Судя по вашему бредовому лепету, вы какимто образом хотите его использовать.

– Еще бы. Вы не подсчитывали сколько под рукой Балагулы стволов? – Майор нахально ухмылялся.

– И это говорит сотрудник правоохранительных органов? Который обязан бороться с мафией, бандитами и прочая? Вы ведь выставляете себя как образец неподкупности и честности.

– Так ведь зарплата у меня сами знаете какая. Всем хочется хорошо жить. А в наше время для этого нужно знать, на какую лошадь ставить, – с подтекстом сказал Клевахин. – Чтобы не опоздать на разбор шапок или – что вообще печально – не попасть под каток.

– Вы уже под него угодили, – злобно сверкнул глазами Джангиров. – А поэтому не рекомендую брыкаться.

Отвечайте на вопрос. И не лгите, иначе вам придется еще раз попробовать снадобье. Только после этого вас упекут в психушку, где вы будете существовать как животное в зоопарке.

– Убедили. Снадобья не нужно. Отвечу, как на духу. Балагула, а значит и Базуль, знают, чем вы занимаетесь и какую яму под них роете. Не скрою, что в этом есть и моя заслуга. Выводы можете сделать и без моих комментариев. Добавлю лишь одно – я для них достаточно ценный кадр, так что лучше вам отпустить меня с миром. Меня и девушку. Со своей стороны гарантирую полный нейтралитет. Разбирайтесь в своих делах сами.

– Разберемся... – угрюмо буркнул сатанист. – И раньше, чем вы думаете... – Он резко встал. – Мне пора.

– Так мы, надеюсь, договорились? Вы услышали от меня истинную правду.

– Отнюдь. Наш разговор только укрепил меня во мнении, что вы представляете для нас большую опасность.

Если на дороге лежит камень, то лучше его убрать, чтобы не мешал движению. Я вам не верю. Вы – мент, и этим все сказано. Но я оценил вашу откровенность, а потому дарю вам

легкую смерть. Прощайте... – С этими словами он вышел, оставив Клевахина в полном оцепенении.

А кто останется спокойным, когда объявляют такой приговор?

Майор попытался сосредоточиться, но это у него не получилось. Где-то он дал маху... И Джангиров не заглохнул наживку. Или этот сатанист очень пронизательный, или чересчур самоуверенный. Поди, знай...

Но как бы там ни было, а, судя по всему, опер Штымп вот-вот пойдет ко дну. Перспектива не из лучших...

Что делать, черт побери!?

Ждать. Тем более, что позади едва не в ухо шумно дышал здоровенный "бык" с лапищами, способными разорвать Клевахина пополам.

Для подтверждения своих соображений майор шевельнулся, меняя позу, и тут же получил увесистый подзатыльник.

– Стой спокойно, мусор... – проворчал битюг. – И не вздумай дурью маяться. Иначе я тебе для начала все кости переломлю.

Клевахин обречено промолчал. Где-то глубоко внутри все еще теплилась надежда, что Джангиров передумает, но лихорадочно работающий мозг выдавал, как компьютер на дисплей, один единственный сигнал – смертельная опасность... смертельная опасность...

Отворилась дверь, и к "быку" пришло подкрепление в виде парня с габаритами поменьше, но с отморозенным взглядом патологического убийцы.

– Привет, – коротко бросил он и принялся рассматривать майора с нехорошим интересом. – Это мой "клиент"?

– Тебе повезло, Карим. К нам не каждый день менты попадают... – И "бык" неожиданно визгливо рассмеялся.

– Повезло... Пойдем, гражданин начальник, – Карим слегка подтолкнул Клевахина к выходу. – А ты, Бабуин, держи его за руку... так сказать, во избежание...

Клешня у "быка" и впрямь оказалась железной. Майору ничего иного не оставалось, как покорно шагать туда, куда его вели. Они спустились в освещенный подвал, где стоял топчан, а к стене почему-то была прикреплена гимнастическая стенка.

– Вяжи... – указал Карим кивком головы на стенку. – Босс приказал задать ему еще несколько вопросов.

Все чувства Клевахина были обострены до предела. Он уже успел определить, что под курткой у Бабуина находится пистолет. Но как к нему добраться? А что если?..

Майор вдруг подпустил глаза под лоб и захрипел. При этом он сделал вид, что потерял сознание, и не будь могучей руки Бабуина, удержавшей его на весу, Клевахин рухнул бы на пол как подкошенный.

– Бля! – с чувством выругался "бык". – По-моему, менту пришли кранты и без нашей помощи. Дай нашатырь, может, очухается.

При этих словах Бабуин опустил безвольное тело майора на пол, даже не позаботившись,

чтобы он не ударился головой о бетонный пол. Клевахин немедленно скрючился, будто в конвульсиях, и незаметно для своих будущих палачей достал из носка гвоздь.

– Дыши глубже, падло! – рявкнул "бык", грубо тыкая ему в нос ватку с нашатырем. – Еще успеешь налезаться... хи-хи...

Широкое жирное лицо нависало над распростертым майором гнилой тыквой – изо рта Бабуина несло как из выгребной ямы. Клевахин вцепился в его руку и с яростью вонзил гвоздь прямо в глаз "быка". Тот резко отпрянул, потянув за собой и опера. Из глотки Бабуина вырвался дикий вопль, но майору было не до какихлибо эмоций.

Он выхватил пистолет из наплечной кобуры "быка" уже в последний момент. Карим на неожиданные события среагировал удивительно быстро и, достав нож, прыгнул на Клевахина словно большой кот. Майор тут же откатился в сторону, проявив не свойственную его возрасту прыть. Кувыркаясь, он абсолютно автоматически приготовил оружие к стрельбе. И когда Карим со звериным оскалом на смуглом лице еще раз попытался пригвоздить его к полу, Клевахин вогнал ему пулю точно между глаз.

Бабуин по-прежнему ревел от боли, мечась по подвалу словно танк. Отшатнувшись в сторону, майор с мстительным сладострастием прекратил его мучения, израсходовав еще один патрон. Туша "быка" грохнула ему под ноги, и Клевахину пришлось переступить через поверженного Бабуина, чтобы добраться до двери подвала.

Он взбежал по ступеням наверх на одном дыхании. Но едва майор оказался в коридорчике, как раздался такой грохот, будто стреляли из пушки. Его спасло чудо: он в это время чисто инстинктивно пригнулся и весь заряд картечи из двустволки ударил кучно, но над головой. Похоже, стрелок был или неопытный, или испугался. Клевахин не успел рассмотреть, кто стреляет, так как ему был виден лишь силуэт бандита.

Майор вогнал в него для верности две пули – словно в мишень.

Больше в доме никого не было. Клевахин не стал осматривать его более тщательно, лишь еще раз спустился в подвал, чтобы забрать из кармана Бабуина ключи от уже знакомого ему "опеля", который стоял во дворе под навесом. Нашел майор и своего "макарова" – кобура с пистолетом висела на гвозде в оружейном шкафу. Клевахин только покачал головой и поблагодарил судьбу за большую милость – там же находился автомат АКС-74У со вставленным магазином. Будь третий "бык" посмышленей и порасторопней, лежать бы майору, нашпигованному свинцовой фасолью по самое некуда, до Страшного суда. Немного поколебавшись, Клевахин все-таки забрал автомат и полцинка патронов – авось пригодятся.

Он гнал "опель" как сумасшедший. Одна мысль билась в какой-то хмельной голове – Елизавета... Лизавета...

Лиза... Скорее!!!

На окраине города майор купил жетонов и, разыскав ближайший телефон-автомат, начал названивать Балагуле. Он не мог сейчас действовать официально – ему нужно было сначала вывести из-под удара Елизавету. Клевахин не хотел, чтобы она фигурировала в предстоящих крупных разбирательствах. А что это будет именно так, он совершенно не сомневался. И чем они закончатся – для него в первую очередь – можно было только гадать.

Ну где же этот сукин сын!? Балагула, твою мать, отзовись!

– Кто? – голос хриплый и вялый, будто спросонку.

– Приезжай... – майор назвал место встречи. – Немедленно!

– Неужто опять заварушка, наподобие той, что случилась с вами в Чулимихе?

– Гораздо хуже. Между прочим, твоя голова тоже шатается. Приедешь – объясню. Извини, не телефонный разговор. Быстрее, Никита!

– Понял, – голос Балагулы стал тверже. – Людей брать?

– Самых лучших и надежных.

– Заметано. Лечу...

– Только меня они не должны видеть.

– О чем базар...

То, что задумал Клевахин, попахивало авантюризмом и откровенной уголовщиной – он хотел взять штурмом дом Джангирова, что ему одному было явно не по силам. Майор, конечно, отдавал себе отчет, на что замахивается и чем ему грозит такое самоуправство, но иного выбора просто не существовало – ради Елизаветы он готов был пойти на что угодно. С годами страсти поутихли, а уход жены и вовсе погрузил его в состояние, хорошо знакомое многим разведенным мужчинам. Он не то чтобы стал совсем безразличным к женщинам, но стал относиться к ним достаточно прохладно, с опаской, и не без некоторой доли цинизма.

Душевные раны заживают гораздо дольше телесных, особенно у натур замкнутых и скрытных, которые не могут развеять свою меланхолию многочисленными сексуальными контактами. Обида на слабый пол нетнет, да и прорвется в самый неподходящий момент, и тогда никакие соображения и разумные доводы не могут вернуть душевное равновесие и способность к взаимопониманию с партнершей. Клевахин пробовал начать все сначала, но то ли кандидатуры ему не попадались подходящие, то ли вся проблема заключалась в его неприятии женщины как таковой, со всеми ее достоинствами и недостатками.

Другое дело Лизавета. Она была сама чистота и непосредственность. Конечно, девушка выросла не в пансионе благородных девиц и знала, что такое изнанка жизни – пусть и больше понаслышке – но врожденная мягкость и тактичность в сочетании с целомудрием поразили майора в самое сердце. То, что он испытал в их первую и пока единственную ночь, неожиданно вернуло ему давно утраченное ощущение новизны и свежести чувств. Ему стыдно было признаться самому себе, но он влюбился в девушку как пацан – без оглядки, сразу и по самые уши. Клевахину даже показалось, что он помолодел лет на десять. И теперь, когда она снова угодила в руки Джангирова, майор готов был землю грызть, лишь бы только очутиться рядом с Елизаветой и ощутить немыслимо приятное тепло ее по-девичьи крепкого тела, которое напрочь лишало его здравого рассудка...

Балагула, выслушав Клевахина, молчал минут пять. На это раз майор не утаил от него информацию, полученную от Лизаветы. Особенно касаясь списка "клиентов", посещающих тайные сатанинские мессы как в доме Джангирова, так и на кладбище.

– Зря... – наконец хмуро буркнул Балагула. – Зря вы не рассказали мне все это раньше...

– Знал бы, где упадешь... – Клевахин тяжело вздохнул. – Сейчас мы стоим перед железным фактом. От него уже никуда не денешься. Джангиров представляет большую опасность не только для меня, но и для всей вашей шарашки.

– И какой вы сделали вывод?

– Немедленно раздавить эту гадину в его гнезде. Подчеркиваю – немедленно.

– Почему такая спешка? Дело серьезное, нужно все хорошо обдумать.

– Поздно, Маня, пить боржом, уже почки отвалились. Если Джангиров почует опасность, от вас только перья полетят. Я уже не говорю о себе. У него такая "крыша", что выдержит даже падение метеорита.

Сначала нужно срубить этого ублюдка под корень, а потом будет видно. Как говаривал некий вождь, нет человека – нет проблемы.

– Не нравится мне такой вариант. Я должен обсудить...

– Никита, не заставляй меня думать, что ты стал тупым. Базуль не вечен, и его "трон" вскоре может освободиться. Я уверен, что в доме Джангирова хранится какая-то компра на участников сатанинских сборищ. Уверен! Он должен – нет, просто обязан! – иметь надежный инструмент, чтобы держать всю эту братию в узде. Те, которые за ним стоят, отнюдь не дураки и знают, как найти болевые точки в сердцах власть имущих. Не исключено, что материалы хранятся и в другом месте – у боссов Джангирова. Но он рыба еще та. Даю рубль за сто, что этот сукин сын оставляет себе копии – ему ведь тоже нужно позаботиться о собственной безопасности. А у него замашки большого человека. Такие люди не доверяют никому.

Чисто интуитивно Клевахин наступил на большую мозоль помощника "положенца". Нет, Балагула не был ограниченным человеком. Он сразу понял, что ему сулит обладание такой ценной информацией. А если еще в доме Джангирова они отыщут и какие-то вещественные доказательства, то тогда Базуль может преспокойно удалиться на пенсию. Или еще дальше...

Балагула принял решение не без внутренней борьбы. Ему всегда нравился Клевахин, хотя теперь они были во враждующих лагерях. И помощник "положенца" был абсолютно уверен, что майор в случае отказа в помощи сам пойдет на штурм "крепости" Джангирова. Или найдет какой-то иной выход – Штымп никогда не отступал от задуманного.

– Вы меня убедили, – сказал Балагула. – Идем ва-банк. Была, не была. Смелость города берет.

– Джангиров не ожидает нападения. И у него есть самоубийственная черта – он чересчур самоуверен.

Главное заключается в следующем – операцию нужно провести молниеносно и без лишнего шума. Но самая серьезная проблема, которая стоит перед нами – это лишить его возможности выйти на связь. С кем? Не знаю. Стоит ему только вякнуть – и возле его дома окажется дивизия внутренних войск или батальон ОМОНа. Поэтому для начала нужно вырубить проводную телефонную связь, а ворвавшись в дом, немедленно изъять сотовые телефоны. Это очень сложно, но жизненно важно.

– Согласен. У меня есть такие спецы, – не без гордости заявил Балагула. – Но нужен план дома.

– Я могу нарисовать его с закрытыми глазами.

– Да? – удивился Балагула. – Так значит, вы уже планировали нечто подобное?

– Голая интуиция, – уклонился от прямого ответа Клевахин. – Оперативник обязан предусмотреть если и не все, то многое.

– Ну-ну... – в восхищении покачал головой Балагула. – Вы останетесь за кадром?

– Нет! Я пойду с вами. Надеюсь, вы маски захватили?

- Обижаете, гражданин начальник... – хитро ухмыльнулся бывший опер.
- Значит, и для меня одна найдется.
- Возьму у водителя.
- И еще: в доме находится похищенная Джангировым девушка и я настоятельно прошу, чтобы с ее головы не упал даже волос.
- Девушка? – Балагула недоуменно хлопал ресницами. – Ну... как скажете...
- Не забудь приказать своим парням. Для меня это очень важно. Понял?
- Не совсем, но будет сделано.
- Еще раз напоминаю – никто не должен обо мне знать. В том числе и твой босс Базуль. Это существенно и для тебя. Думаю, что не нужно объяснять, почему.
- Я понял. Согласен. Ну что, вперед?
- И не иначе... – С этими словами Клевахин достал из "опеля" автомат и запасные магазины и спрятал все это хозяйство под одежду.
- Не хило... – с уважением посмотрел на него Балагула.

Майор промолчал. В мыслях он был рядом с Лизаветой. И когда Клевахину в голову приходило, что, может быть, сейчас Джангиров совершает над ней свой сатанинский обряд, уже немолодая кровь опера буквально закипала.

Ночь обещала быть хлопотной.

Глава 32. Мечь

Чижеватов выглядел уставшим и озабоченным. Подливая Егору Павловичу чай, он жаловался:

– Как теперь работать, ума не приложу. Если буду платить все налоги, то по миру с торбой пойду. А утаивание доходов всегда чревато. Рано или поздно все равно где-нибудь случится прокол. Налоговая полиция свирепствует, все хочет побольше денег выколотить, чтобы было чем кормить ораву чиновников.

Может, плюнуть на все и устроить себе пенсию? А что – если буду экономно расходовать свои сбережения, лет на двадцать хватит. Много ли мне надо? А больше при такой жизни я вряд ли проживу. Понимаешь, очень неприятно чувствовать себя преступником. Не то, чтобы совесть заела, но все равно как-то не по себе.

– Тебе можно играть на тотализаторе. В собаках ты разбираешься дай Бог каждому. А наличные деньги, заработанные на собачьих боях, никакая налоговая полиция не сможет сосчитать. Ко мне в свое время тоже приходили, интересовались... Но ведь к каждому человеку надсмотрщика или счетовода не приставишь. Так что я тоже грешен... и не только в том, что в налоговой декларации указывал гораздо меньшие, липовые суммы, полученные мною за резные работы. За бой Грея ты тоже отвалил мне весьма солидный куш. О котором я, понятное дело, не тороплюсь сообщать кому нужно.

– Если учесть, как лихо государство ограбило нас своими денежными реформами, то мы вправе вообще наплевать на всякие дурацкие законы. Но с другой стороны – и это самое страшное – мы почти все стали ворами. Пусть поневоле и не от хорошей жизни, но все же... Если так пойдет и дальше, то в недалекой перспективе можно будет всю страну обнести колючей проволокой и сделать зону, в которой одна половина окажется на положении зэков, а вторая – будет охранять. А через два-три года нужно меняться местами, так как и у тех, кто исполняет закон, рыло тоже в пуху. Вот будет благодать.

– Да-а, дела... – Старик задумался о чем-то своем.

Немного помявшись, Чижеватов наконец спросил:

– Как ты?..

– Откровенно говоря, не очень... И Грей что-то хандрит. Как бы не заболел.

– Срочно к ветеринару! – встревожился Михаил Венедиктович. – Что же ты молчал?

– Так получилось... Слушай, а у тебя "крыша" есть? – вдруг ни с того, ни с сего задал вопрос старик.

– Почему ты спрашиваешь? – удивленно воззрился на него Чижеватов. – На тебя кто-то наезжает?

– Если это тайна, то можешь не отвечать.

– Да какая там тайна, – сокрушенно махнул рукой Михаил Венедиктович. – Я хожу под Базулем. Есть такой сукин сын. Говорят, что он вор "в законе". Отстегиваю ему, конечно, кое-что. Куда денешься. Но берет он по-божески. У него есть конкурент, Чингиз, такая же сволочь, так тот сдирает со своих подопечных три шкуры. Мне, можно сказать, повезло. У меня имеется и своя охрана, ты знаешь, но это больше от мелкой шушеры. Сейчас столько расплодилось всякого дерьма...

– А этот Чингиз и Базуль в каких отношениях?

– Как собака с котом. Года два назад целый месяц выясняли отношения. После этих разборок осталась куча трупов. И стреляли, и взрывали. Город был едва не на осадном положении. Но теперь вроде примирились.

Правда, не думаю, что надолго. Каждому из них хочется урвать кусок пожирней. Впрочем, это свойство в той или иной мере вообще присуще человеческой натуре. Мне кажется, что вскорости они опять сцепятся.

– Почему?

– А ты разве не слышал о событиях на чулимихском кладбище?

– Да так... краем уха...

– Убили Кирюхина и Опришко. Наверное, тебе эти фамилии ничего не говорят, но это были первостатейные сволочи, хотя и нельзя о покойниках говорить что-либо плохое. Их прикрывала группировка Чингиза.

Значит не исключен вариант, что ниточка потянется к Базулю. А кто, кроме него, мог быть заинтересован в устранении таких влиятельных фигур? Фирма Кирюхина занималась экспортом нефти и леса ну и коекакими темными делишками – так же, как и Базуль. Они нередко сталкивались на этом поприще лбами. Вот и суди сам, кому было выгодно отправить

этих двух ногами вперед. Так что, я думаю, главные события не за горами. Как по мне, так пусть они вырежут друг друга под корень. Может, полегче станет...

Михаил Венедиктович еще долго рассказывал о противостоянии группировок Базуля и Чингиза, а старик своими с виду простодушными вопросами постоянно подбрасывал дрова в огонь, чтобы узнать как можно больше подробностей.

Когда он уходил от Чижеватова, план действий уже вырисовался в голове Егора Павловича почти полностью...

Старик мотался по городу на своем "джипе" с утра до ночи. Он тщательно отслеживал все передвижения как подручных Базуля, так и "быков" его противника Чингиза. То, что он затевал, требовало как можно больше информации, и вскоре Егор Павлович знал так много, что даже сам удивлялся. Впрочем, в этом, по здравому размышлению, не было чего-то из ряда вон выходящего. Мафиозные группировки чувствовали себя хозяевами города, а потому особо не конспирировались. Конечно, старик имел слабое представление о наружном наблюдении в городских условиях, но, будучи опытным следопытом, он имел дар предвидения и великолепное чутье на нестандартные ситуации. Через какое-то время Егор Павлович "читал" хитросплетенные маршруты своих "объектов" с таким же успехом, как и звериные следы в тайге, а город и его окрестности знал словно свои пять пальцев.

К вечеру он так уставал, что нередко засыпал даже не раздевшись. Все-таки годы брали свое... Грей почти все время находился на базе Чижеватова – якобы для лечения, хотя пес был вполне здоров и хандрил лишь по причине отсутствия хозяина. Иногда старик, который тоже сильно скучал за своим четвероногим другом, сажал его в "джип" и катал по городу, и тогда бедный волкодав был на седьмом небе от счастья. Так шли дни...

Первый узел его плана связался совершенно нечаянно. Егор Павлович уже подумывал, каким образом он может лично подтолкнуть события, когда заметил повышенный интерес и той и другой компании к окраине Чулимихи. "Быки" ползали едва не на коленях, заглядывая под каждый кустик, пригнувшись к каждой ложбинке. С чего бы?

Вывод напрашивался сам по себе. Старик на время оставил слежку в городе и полностью переключился на Чулимиху. И его предположения вскоре оправдались.

В субботу на шоссе, ведущему к поселку Красный Пахарь, наметилось небывалое оживление. Импортные машины с уже знакомыми Егору Павловичу номерами одна за другой, а иногда и группами, съезжались к той местности, которая подвергалась в четверг и пятницу тщательному осмотру. Старик видел, что часть из них – те, что поплоче – оставались на дороге, рассредоточившись редкой цепью. Похоже, это было охранение. Остальные автомобили, в основном "джипы", сворачивали на целину и исчезали за деревьями, растущими вдоль шоссе.

Егор Павлович не стал дожидаться, пока начнется этот бандитский "съезд", и по проселочной дороге заехал в лес, где и оставил свою машину, тщательно замаскировав следы шин – "подмел" их веником. Став на загодя запасенные лыжи и держась поближе к зарослям, старик взял курс на возвышенность, поросшую деревьями. Оттуда, как он уже знал, хорошо просматривалось место сбора городских мафиозо.

Зрелище, которое Егор Павлович увидел со своего наблюдательного пункта – он забрался на стог сена – впечатляло. Машин образовали две шеренги, а ровно посередине между ними стояли двое и о чем-то весьма оживленно говорили, судя по жестикуляции. Старик устроился поудобней и посмотрел на сборище через оптический прицел. Как он и ожидал, там был и Чагирь. Егор Павлович едва удержался от искушения поймать его в перекрестье оптики и выстрелом разmozжить башку своего врага.

Нет, все должно произойти по-иному! Он просто обязан посмотреть в глаза Чагирю перед тем, как отправить пахана в ад, где кровавому убийце и садисту самое место. Пустить ему пулю в голову – самое простое, но далеко не лучшее решение проблемы. Чагирь должен знать, чья рука его сразила. Должен! Его Павлович так долго ждал этого момента, что просто не мог отказать себе в удовольствии насладиться мезтью. Пусть и запоздалой...

Старик видел, что два главаря в центре начали расходиться. Похоже, они крепко поссорились. Медлить было нельзя и Егор Павлович плавно нажал на спусковой крючок. Он не стал стрелять по "быкам" – зачем?

Они и так готовы были в любой момент обнажить стволы, нашелся бы только веский повод – атмосфера переговоров, как понял старик, накалилась до предела, а все собравшиеся имели оружие. А это как раз было ему и нужно. Старик начал расстреливать автомобили, целясь по бакам. Когда взорвались два "джипа" и между лесополосами разыгралось настоящее сражение, он, убедившись, что Чагиря телохранители увезли в полном здравии, мрачно рассмеялся и поторопился вернуться к своей машине, замечая за собой следы еловыми ветками...

Слесарь Копылин наливал в свой стакан строго по мерке. Он пришел к Егору Павловичу, как всегда, под вечер и принес бутылку на удивление хорошей и дорогой водки.

– Фарт подвалил, – хвалился он, закусывая польскими маринованными грибами. – Сегодня делал шашку, унитаз шведский ставил. Так мне выделили шкалик... с барского стола. Да-а, живут же некоторые... А тут уже три месяца нам выдают лишь авансы. Обнищал, мать твою... Я, конечно, в завязке, но если и дальше так будет продолжаться, то придется мне достать свой ситор с инструментами и взяться за старое. А куда денешься? Скажи мне, Палыч – куда!? Мужик я еще крепкий, подковы гну, но толку с этого. Никому не нужны мои руки.

– Мне нужны, – непривычно строго ответил старик.

– Это как? – удивился Копылин. – У тебя что, опять краны потекли?

– С ними все в порядке. В душе вот... А, что там говорить! – Егор Павлович выпил свою порцию, даже не поморщившись.

– Тоскуешь? – участливо спросил слесарь.

– Не то слово... Больно мне, Гоша. Очень больно...

– Понимаю... Я и сам, когда моя голубка померла, поначалу думал, что крыша поедет. Но потом все наладилось. Нет, я ее не забыл. И никогда не забуду. Вот только в душе пустота какая-то. Как вспомню... – Копылин смахнул скупую слезу. – Мне тоже жаль Ирину Александровну. Какая женщина была... Эх!

– Гоша, мне нужна твоя помощь.

– А когда я тебе отказывал?

– Просьба у меня больно уж необычная... – Старик замялся.

– Я, как пионер, всегда готов. Говори, не стесняйся.

– Дело, в общем, прибыльное, но незаконное...

– Ха! Удивил. Я полжизни по краю гулял. А сейчас мне вообще все по барабану. Что водка, что пулемет – не имеет значения. Лишь бы с ног сшибало. Так что давай, колись.

– Ты еще не забыл свою прежнюю "профессию"?

– Даже так? – Копылин от удивления поперхнулся. – Ну, блин... Вот этого я действительно не ждал. Неужто хочешь кого-то кинуть?!

– Да, – жестко ответил Егор Павлович. – Это те ублюдки, на руках которых кровь не только Ирины, но и многих других людей. Такое нельзя оставлять безнаказанным. Для начала я хочу их стравить. Пусть рвут друг другу глотки. А после... Там будет видно...

– Так бы ты сразу и сказал. О чем базар? Я сам ненавижу "мокрушников". Считаю, что дело в кармане... – Копылин заерзал от возбуждения. – У меня учитель был – блеск. Гомон, старый "медвежатник", таких теперь днем с огнем не найдешь. Гений. Я с ним на киче[37] познакомился, куда попал, когда спалился на сберкассе. Он меня сразу почему-то заприметил, хотя там были и другие спецы по сейфам. Гомон натаскивал меня, как щенка. Все свои заморочки выложил, как на блюдечке. А на свою память я никогда не обижался. Вот только после освобождения применить эти знания я не смог. Потому как завязал. А Гомон в зоне и опрокинулся... царство ему небесное... – Слесарь перекрестился. – Хороший был человек... – Он вдруг перегнулся через стол и заговорщицким шепотом спросил: – Слушай, а сколько там бабок, а?

– Много. Думаю, не меньше десяти тысяч долларов.

– Ни хрена... Что же ты мне раньше об этом не сказал!?

– Сам только недавно выяснил.

О ночном клубе-казино, принадлежавшем вору "в законе" Базулю, старик узнал от все того же Чижеватова.

Михаил Венедиктович был по натуре заводным, азартным человеком, а потому просто не мог устоять перед соблазном попробовать свою удачу за игорным столом. Однажды просядив почти восемь тысяч долларов за один присест, он все-таки сумел остановиться, и больше в казино не появлялся. Хотя, как он признался Егору Павловичу, это и стоило ему больших душевных терзаний. Рассказывая о ставках, Чижеватов с горящими глазами прикидывал какие барыши получает хозяин ночного клуба. По его словам выходило, что временами в кассе казино скапливалось по тридцать и больше тысяч долларов. Старик просто побоялся говорить Копылину, какие деньги могут храниться в сейфе, который находился в подвале здания – чтобы его будущий напарник от жадности не наделал глупостей. Но, как оказалось, даже названная им сумма ударила в голову бывшего "медвежатника" почище доброй дозы хмельного.

Егор Павлович слонялся вокруг да около казино почти неделю. Он выяснил, что за выручкой обычно приезжают около шести утра две машины с вооруженной охраной, когда уходят последние клиенты.

Однако, случалось и так, что по какой-то причине "инкассаторы" появлялись гораздо позже, по-светлому.

Все это старик намотал на ус. Помозговав, каким образом нанести игорному заведению наибольший урон, Егор Павлович сразу же отбросил с виду заманчивую идею пощипать машину с деньгами – такая операция была ему просто не по силам. К тому же он вовсе не жаждал крови незнакомых ему охранников.

Тогда старик решил провести более глубокую разведку. Надев приличный костюм и прихватив тысячу долларов, он заявился в казино в самый разгар игорного безумия, после полуночи. Как ни странно, но его впустили без особых проблем. Наверное, приняли за

солидного, денежного туза. Шагая по мраморным полам, Егор Павлович с грустью подумал, что уроки Ирины Александровны не прошли даром...

Он играл по маленькой, изображая старого скрягу. Сначала Егор Павлович побаивался, что будет выглядеть белой вороной, но публика в казино оказалась разношерстной и уже на хорошем подпитии, и его слабые потуги выглядеть среди завсегдатаев своим сошли за милую душу. Впрочем, все были охвачены бесовским наваждением азарта и на окружающих внимания почти не обращали.

Удивительно, но он даже выиграл – что-то около двухсот долларов. Верно говорят, что начинающим везет...

Однако, его не интересовал ни сам процесс игры, ни количество жетонов в карманах. Освоившись, старик начал постепенно исследовать помещения клуба, начиная с бара со стриптизом и заканчивая шикарным туалетом в подвале. Там-то он и увидел, куда стекаются денежные ручейки, берущие начало в карманах игроков. Подвальный коридор разветвлялся, и одно из ответвлений было перегороджено от пола до потолка раздвижной решеткой, за которой возле обитой жостью двери сидели два охранника. Егор Павлович лишь удовлетворенно хмыкнул, определив, что дверь кассы закрывается на два примитивных замка – внутренний и навесной с контрольной крышкой. Он совершенно не сомневался, что для Копылина все эти преграды – семечки...

Бывший "медвежатник" подтвердил свой высокий класс за каких-то полчаса. Они вошли в здание через кочегарку – казино (наверное, из-за постоянных перебоев в городском теплоснабжении) отапливалось самостоятельно газовым котлом. Копылин тоже зря время не терял и познакомился с одним из истопников, очень равнодушным к хорошей компании и горячительным напиткам. Оказалось, что кочегарка соединяется с кухней бара массивной железной дверью, почему-то не оборудованной сигнализацией.

Видимо, этот важный момент в охране здания или упустили, или проигнорировали – дверь была импортной, сейфового типа, и ее два достаточно сложных замка показались хозяевам казино сверхнадежными.

Копылин накачал своего нового "друга" до положения риз, для верности подбавив в водку еще и снотворного. К утру истопник дрых, как сурок. Остановка была за малым – лишь бы только не приехали "инкассаторы". Егор Павлович совсем измаялся, глядя на будильник, тикающий на столе кочегарки. Когда наконец часовая стрелка повернула на седьмой час, он, в очередной раз проверив запертый парадный вход, с облегчением кивнул Копылину. Слесарь уже открыл замки сейфовой двери и, снедаемый горячечным возбуждением, метался по тесному помещению словно запертый в клетку тигр.

К счастью, кухонные работники на службе не задержались. Однако, в здании еще были люди – старик слышал голоса и негромкую музыку где-то на втором этаже. Видимо, сотрудники казино во главе со своим начальником расслаблялись после напряженной трудовой ночи. Но их можно было в расчет не брать – доступ к туалетам, а значит и к заветной кассе, оказался свободным. Мало того – свет во всех залах уже потушили, а на решетке и на двери кассы сигнализация была отключена. Похоже, убаюканные надежной "крышей" в лице "быков" Базуля работники казино заботились о безопасности заведения спустя рукава.

На решетку и двери Копылин потратил не более трех минут. Но массивный импортный сейф с деньгами оказался крепким орешком. Пока слесарь пыхтел над нелегкой задачей, чувствующий себя не в своей тарелке Егор Павлович, с тревогой и невольным омерзением к затеянному им же предприятию, сторожил на лестнице, ведущей в подвал.

Неожиданно громкий практически в полной тишине возглас Копылина заставил его припустить к кассе едва не бегом. Когда он вошел и закрыл на всякий случай за собой дверь,

то увидел ошарашенного слесаря с глазами, как начищенные медные пятаки, и широко открытым ртом. Копылин, словно замороженный, смотрел на открытый сейф и беззвучно зевал, будто выброшенный на берег карп.

Импортное "чудо" техники было набито под завязку. Но Егору Павловичу вид целой кучи денег был вовсе не так приятен, как бывшему "медвежатнику", а потому он крепким пинком вернул обалдевшего слесаря к действительности. Все еще вне себя, Копылин начал выгребать валюту в загодя запасенный мешок. Пока он опорожнял сейф, старик собрал посреди помещения все бумаги и когда наконец слесарь поторопился к выходу, Егор Павлович недрогнувшей рукой поджег их. То же самое он сделал и в игорном зале. С одной разницей – теперь старик побрызгал портьеры и столы бензином с предусмотрительно захваченной канистры.

Когда они, закрыв на замки дверь между кочегаркой и кухней и вытащив наружу ничего не соображающего истопника – на всякий случай, чтобы не задохнулся от дыма – сели в "джип", окна первого этажа уже бросали на серый асфальт улицы тревожные оранжевые отсветы. Егор Павлович поднял голову и посмотрел на второй этаж. Оттуда все еще слышалась музыка и женский смех. Старик криво ухмыльнулся, с осуждением покачал головой и вырулил на проезжую часть. За этих неумных бражников он не волновался – они могли спокойно убраться из горящего здания по пожарной лестнице или, на худой конец, выпрыгнуть из окна в сугроб...

Враг... Где-то там, за высоким забором, в коттедже-крепости, спит его враг. Не ощущая холода, Егор Павлович битый час стоял неподвижно среди деревьев и смотрел на логово Чагиря. Прошное властно захватило старика и унесло его на таежный кордон. Он снова слышал голос матери и видел отца, помогавшего ему снаряжать патроны, и Лешак, возбужденно поскуливая от нетерпения, рвался выскочить за ворота, чтобы сопровождать Егоршу на очередную охоту. Старик чуял запах домашнего свежеспеченного хлеба, который мать положила в котомку, его хлестали по лицу молодые весенние побеги и глубокое голубое небо над головой щедро плескало ему под ноги золотые солнечные волны.

Смахнув нежданную слезу, Егор Павлович стиснул зубы. Пора... Ожесточись сердце, разбитое в детстве, потому как то, что он задумал, было ему совсем не по душе. Чтобы наказать виновного, он должен был убить безвинных.

Старик был наслышан о неумной страсти Базуля-Чагиря к собачьим боям и теперь хотел нанести ему удар в самое сердце, чтобы посеять в мыслях своего врага страх. Егор Павлович наблюдал за псами вора "в законе", забравшись на дерево, целый день. О лесной "крепости" Базуля знало полгорода, так что ее местонахождение старик вычислил на удивление быстро. Даже на большом расстоянии и через оптику бинокля было видно, что питомцы пахана хорошо тренированы и очень опасны. Но Егор Павлович знал, как завести Грея, которому отводилась главная роль в предстоящей трагедии...

Перебраться через забор ему не составило особого труда. Старик надел белый маскхалат и в темноте был почти незаметен. Конечно же, собаки Базуля его услышали, но их натаскивали не охранять, а убивать, потому они в основном молча наблюдали за манипуляциями старика, который начал открывать вольеры. Но едва первый из псов оказался на свободе, как он тут же ринулся на Егора Павловича, горя желанием побыстрее вонзить клыки в горло чужаку.

Пес не пробежал до старика всего каких-то два метра. Таившийся неподалеку Грей, увидев опасность и услышав призывный свист хозяина, обрушился на свирепого акита-ину словно смерч. Волкодав ударил сбоку, и пока боевой пес Базуля-Чагиря пытался развернуться, он одним мощным движением сломал ему шею. Остальные собаки, наблюдавшие за боем, наконец подали голос; но они не столько лаяли, сколько злобно рычали и рвались из вольеров, чтобы добраться до Грея...

Псы гибли один за другим, по мере того, как Егор Павлович выпускал их по очереди из вольера. Грей, которому старик на всякий случай надел широкий ошейник с острыми шипами, словно обезумел – он полосовал противников с таким остервенением, что даже Егору Павловичу стало не по себе. Старик отлично понимал, что случилось с его любимцем – волкодав не просто дрался, а защищал своего хозяина.

Все было кончено в считанные минуты. Ощущая угрызения совести, Егор Павлович поторопился покинуть поместье Чагиря. При этом он не забыл тщательно замаскировать следы. Но уже в глубине леса, когда старик стал на лыжи, он понял, что трудился напрасно – пошел снег.

Остаток ночи Егор Павлович бездумно прослонялся по квартире. Он понимал, что теперь нужно какое-то время выждать, чтобы Чагирь до конца прочувствовал открывшуюся перед ним бездну всеми фибрами своей гнилой души. Но в то же время старик не мог отделаться от ощущения чего-то неприятного, чуждого его натуре, которое скользкой гадиной шевелилось где-то внутри, подталкивая на новую кровь. И от этого месть уже не казалась такой сладостной и совершенно необходимой.

Егор Павлович промаялся в неожиданных сомнениях до семи утра. Выводя Грея на прогулку, он увидел раздавленного машиной бродячего пса. Что-то горячее и кроваво-красное вдруг плеснуло ему в глаза, и старик медленно осел на землю, держась за сердце.

На горизонте медленно разрасталось малиновое зарево восхода...

Глава 33. Шатоха

Страх... Он пронизывал вора "в законе" с ног до головы, заставляя метаться в поисках успокоительного средства как попавшую в ловушку крысу. Вокруг него что-то назревало, а он никак не мог понять откуда надвигается опасность. Чутье на экстремальные ситуации вдруг изменило ему, и Базуль неожиданно ощутил себя полной развалиной. Начали болеть кости, расстроился желудок и участились головные боли. Не помогали ни самые дорогие патентованные лекарства, ни консилиумы медицинских светил, ни сауна, которая прежде лечила его лучше всяких эскулапов.

Но хуже и постыдней всего стала возвратившаяся детская болезнь – недержание мочи. Возможно из-за нее тихоня Феденька в конце концов превратился сначала в злостного хулигана, а затем и в бандита. Даже полунамек на его беду со стороны сверстников вызывал у замкнутого, стеснительного паренька, не отличающегося ни силой, ни удалью, дикую всепоглощающую ярость, граничащую с безумием. Он бросался на любого, и дрался с таким остервенением, что даже признанные школьные силачи считали за благо убраться подобру-поздорову лишь с синяками – задохлик Федя мог запросто пырнуть шилом или ударить по голове железным прутом.

Просыпаясь в мокрой постели, Базуль подхватывался, как ошпаренный, и бежал в ванную, где битый час тер себя мочалкой и щедро лил на тело различные ароматические жидкости. Влажное постельное белье он лично сжигал в камине, не без оснований опасаясь, что может убить горничную, если ему почудится, что она над ним смеется. А затем отворял все окна настежь и полдня проветривал спальню.

Снова вернулись кошмарные сновидения. Теперь они являлись к нему почти каждую ночь – в основном про тайгу и зону. И как прежде в этих снах присутствовал черный силуэт без лица, в конце концов превращающийся в страшное чудовище с окровавленными клыками. Временами

во сне Базулю казалось, что он уже умер и его душа блуждает в загробном мире. В такие моменты дикая тоска подступала к горлу, и он с плачем и стенаниями бежал по голой каменной равнине, над которой висели вечные серые сумерки, к далекому световому пятну. Старый вор откуда-то знал, что там находится выход, и стремился к нему изо всех сил. Пятно приближалось, ширилось; Базуль видел неземной, нестерпимо яркий бело-голубой свет, он пытался шагнуть в него, но тут же его подхватывал вихрь и швырял в зловонную бездну, в грохочущий мрак, пышущий нестерпимым жаром. Вокруг него летали жутко вопящие фантомы, настоящие исчадия ада, а он все падал, падал, падал...

Вырвавшись из объятий кошмара, потный Базуль бросался к бару, наливал полный стакан водки и выпивал его одним духом. Но спиртное казалось ему обычной водопроводной водой, без запаха и вкуса, и только спустя несколько минут горячая волна начинала гулять по жилам, постепенно освобождая измученный видениями мозг от полного ступора...

Пеха приехал вечером. Он был сдержан больше обычного и чем-то озабочен. Наскоро перекусив, Пеха присоединился к Базулю, изнывающему от нездорового любопытства. Они уединились в кабинете, предварительно включив "глушилку" – генератор сверхвысоких частот, забивающий любых "жучков" и "клопов". Эту мудреную штуковину Базулю презентовал все тот же Пеха, резонно заметив, что лишних предосторожностей не бывает.

– Ты наделал много ошибок, – заявил Пеха, глядя на вора "в законе" своими черными очками, которые делали его лицо похожим на череп.

– А кто от них застрахован? – возразил Базуль.

– Для человека твоего ранга это не оправдание.

– Ты приехал в город чтобы учить меня или помогать?! – вскипел "положенец".

– Ни то, ни другое. У меня нет таких полномочий. Я всего лишь пытаюсь собрать нужную тебе информацию – по старой дружбе.

– Ну и что ты откопал?

– Много чего... – туманно ответил Пеха, наливая себе виски со льдом.

– Сажаешь меня на крючок? – с угрозой спросил Базуль. – Кончай наводить тень на плетень. Говори по существу.

– Можно и по существу. Во-первых, тебе не стоило заводиться с Чингизом. Он в твоих проблемах не виноват. Во-вторых, так называемая "третья" сила существует лишь в твоём воображении.

– Но как тогда понимать все эти события?

– Джангиров, конечно, темная лошадка. Кто-то его пытается использовать в каких-то, пока еще неясных, целях. Возможно, в перспективе он и те, кто стоят за ним, и будут представлять опасность, но только не сейчас. В этом, конечно, стоит разобраться. Однако не нахрапом, а тихой сапой, исподволь.

– Учи ученого... – буркнул Базуль, с трудом сдерживая закипающую злость.

Он много за эти дни передумал о своих отношениях с Пехой. Подозрительно большая осведомленность бывшего зэка спецзоны КГБ, вовсе не принадлежавшего к уркам, в делах воровского сообщества и его обширные связи за рубежом навевали определенные умозаключения. И если поначалу Базуль, польстившись на посулы, которые на поверку оказались отнюдь не пустышкой, плыл по течению, мало заботясь о последствиях, то теперь,

когда он прочно стал на ноги и даже прослыл солидным бизнесменом, сомнительная связь с таинственным Пехой могла выйти ему боком. "Положенцу" было наплевать на высокие материи и совесть, но ему вовсе не хотелось попасть на зубок родных спецслужб, которые, несмотря на всеобщий бардак в стране, отнюдь не дремали. А то, что они умеют работать как следует, когда это нужно, Базуль знал очень даже хорошо.

Старый вор понимал, что пока ссориться с Пехой нет резону. Но он и не давал ему подписку ходить в шестерках. Намеки Пехи на серьезных людей, сделавших ставку на "положенца", Базулю были до лампочки. Он так часто сам предавал и подставлял других, что не верил никому и ни в чем. Базуль, не страдающий отсутствием ума, отдавал себе отчет в том, что он нужен лишь самому себе и должен в первую голову заботиться о своих интересах. Но теперь получалось, что Пеха неожиданно превратился в серьезную проблему, которая может помешать ему безбедно дожить остаток дней где-нибудь на Карибах. И Базуль разрывался между целесообразностью и элементарным чувством самосохранения.

"Может, спустить эту гниду в унитаз? – подумал вор "в законе", старательно пряча глаза от Пехи. – Кликнуть парней – и все дела... Зарыть в землю вместе с его охраной на сажень и травку на этом месте посеять. Заманчиво..." Но сказал совсем другое:

– Извини... Нервы совсем ни к черту... Может, ты и прав. Однако, кто-то все-таки отстреливает наших. И это отнюдь не мои домыслы. Если отбросить причастность к последним событиям "третьей" силы и Чингиза, тогда что же получается?

– Копают лично под тебя, – прямо ответил Пеха, от которого не укрылось странное поведение Базуля.

Он так хорошо изучил старого вора, что был в состоянии даже читать его мысли. И Пехе вовсе не понравилась неожиданно появившаяся натянутость в разговоре. Пахан Чагирь не был покорной овцой и всегда отличался резкостью суждений и невероятной изворотливостью. И вот теперь он почему-то начал изображать вежливого пенсионера, почти интеллигента, покорно отдающего бразды беседы более молодому и сильному.

– Но кто? Кому я перешел дорогу? – с сокрушенным видом спросил Базуль.

– Тебе лучше знать. Покопайся в своем прошлом, поищи в городе. Противник очень серьезный. И уверенный в своих силах. Он устроил травлю по всем правилам облавной охоты. Я думаю, что этот человек (или несколько) давно мог отправить тебя вперед ногами. Но почему-то не торопится. Даже наоборот – растягивает удовольствие, покусывая со всех сторон.

– Возможно, – ответил Базуль, вспомнив свои кошмары. – Но он проявляет завидную осведомленность в наших делах. Может, это кто-то из близкого круга?

– У тебя уже есть кандидат?

– А кому сейчас можно верить? У нас народ такой, что за копейку горло перегрызет. Не говоря уже о больших деньгах.

– Что касается осведомленности, то в городе только глухой и слепой не знает кто такой Базуль и чем он занимается – В голосе Пехи прозвучала ирония. – Шила в мешке не утаишь. Я давно тебя предупреждал насчет бдительности. Все дела нужно проворачивать под ковром, а не кричать о них на площади.

– Ты влезь в мою шкуру и покрутись хотя бы год, – огрызнулся Базуль. – Посмотрим, что запоешь. Болтать с умным видом всегда легко, а когда касается дела, то оказывается, что у великих теоретиков кишка тонка.

Здесь тебе не Запад.

– Это точно... – По лицу Пехи мелькнула тень. – Но ничего не поделаешь, жизнь продолжается. И тебе нужно искать своего врага.

– Может, на время уехать за границу? – не без задней мысли спросил Базуль.

– А что от этого изменится? Руку необходимо держать на пульсе проблемы. Нужно каким-то образом устроить этому снайперу западню...

– И в качестве подсадной утки, – подхватил мысль Пехи старый вор, – должен выступить я. Спасибо за совет.

Так меня точно грохнут.

– Если все хорошо продумать, то риск может быть минимальным.

– Пусть таким макаром рискует тот, кто любит шампанское. У меня другие вкусы. А вот город поставить на рога – это другое дело. – Теперь Базуль говорил жестко и непреклонно. – Сначала я проверю твою версию насчет Джангирова. Мне не нравится, когда у меня под задницей такой гвоздь сидит. И плевать я хотел на "тихую сапу" и прочая. Кто-то мне лапти плетет, я а должен в дипломатию играть? Мои парни этого пидора наизнанку вывернут. Он мне расскажет все, как на духу.

– Как знаешь... – пожал плечами Пеха. – Тебе видней...

– Вот именно, – отрубил Базуль. – А ты еще немного покрутись в городе, пошевели извилинами.

Присмотрись свежим взглядом. Все услуги я оплачу. Можешь не сомневаться.

– Тогда позволь ознакомиться с твоими кадрами.

– Нет проблем, – "положенец" посмотрел на часы. – Через десять минут приедет с докладом мой первый помощник Балагула. Я тебе о нем говорил. Шатоху ты уже знаешь. Надеюсь, тебе нужен только командный состав?

– Пока да. Нужно всех поставить на контроль. Гляди, что-нибудь и всплывет.

– С Балагулой будь поосторожней. Он бывший мент, и может любые заморочки раскусить, как гнилой орех.

Тогда я не поручусь за твою безопасность. Никита – мужик очень даже неглупый и решительный; если почувствует опасность, уродит любого за милую душу – Это хорошо... – отвечая больше своим мыслям, чем на слова собеседника, задумчиво сказал Пеха.

– Только вот кем тебя представить? – спросил Базуль, который вдруг подумал, что где-то он дал маху, а потому уже готов был пойти на попятную.

– Представь меня начальником контрразведки, – спокойно и с каким-то подтекстом ответил Пеха. – Чересчур круто? Ладно, скажем так – шефом особого отдела. Это чтобы у предполагаемых отступников поджилки затряслись. Такая ситуация, во-первых, еще больше укрепит твой авторитет, а во-вторых, заставит даже разгильдяев подтянуться, чтобы не попасть ненароком под топор.

– Ты прав, – вынужден был согласиться Базуль-Чагирь, вспомнив покойного Черепа, погибшего на кладбище от пули неизвестного снайпера. – Народ и впрямь разболтался...

На этой фразе "положенца" Шатоха криво ухмыльнулся. Он закрылся в туалете первого этажа и, сидя на крышке унитаза, преспокойно слушал разговор своего босса и таинственного Пехи. Секретарь-референт не зря убил почти год, курируя строительство коттеджа. Он был действительно очень образованным человеком и прошел такие "институты", которые Базулю даже в страшном сне не могли привидеться. Наверное, вор "в законе" очень удивился бы, узнав, что с виду хрупкий мозглявый Шатоха, канцелярская крыса, суконная душа, мог походя покалечить здоровенного Балагулу.

Сняв с головы миниатюрные наушники, секретарь-референт спрятал их в тайник, вмонтированный в зеркальный шкафчик, где стояли различные моющие средства. Его не волновало, что он не услышит продолжение разговора – там же стоял миниатюрный суперсовременный диктофон, записывающий на специальный "долгоиграющий" диск даже малейший шорох в кабинете босса. "Жучки", замурованные в стены коттеджа, не глушились никакими генераторами и могли находиться в рабочем режиме даже не месяцы – годы. А диктофон можно было подключить через замаскированные разъемы в любой комнате "крепости" Базуля.

Секретарь-референт поторопился в свой кабинет-приемную. Он, как и "положенец", ждал Балагулу. Шатоха – впрочем, его настоящая фамилия была совсем другая – давно понял, что помощник Базуля начал свою игру, а потому не хотел упустить козырный шанс остаться на месте главного хранителя финансовых и иных тайн мафиозного объединения. Балагула должен знать, что в предстоящей схватке у него есть надежная опора в лице немногословного и исполнительного секретаря-референта. Умный человек просто обязан предвидеть, какая лошадь придет к финишу первой, а Шатоха вовсе не относился к разряду тугодумов...

Едва он ступил на порог приемной, как тут же на его лице появилась каменно-почтительная маска мелкой канцелярской сошки. Пеха был очень серьезный противник, и Шатоха не хотел вызвать в нем даже намек на подозрение. Тем более, что теперь их невидимая схватка входила в завершающую фазу.

К счастью, Пеха об этом пока не знал.

Глава 34. Штурм

Майор из засады наблюдал за действиями людей Балагулы. И который раз с душевной болью думал о том, что ему жаль этих в общем-то нормальных парней с изломанными чеченской войной судьбами. Служить бы им в каком-нибудь срещподразделении "икс" и защищать мирных граждан от террористов и прочая. Но выброшенные власть имущими за борт, с надломленной психикой и без гроша в кармане, эти ребята оказались на положении изгоев. Можно приводить какие угодно доводы, однако факты – упрямая вещь.

Когда ты голоден, а работа не светит даже в отдаленной перспективе, то никакой патриотизм и никакие моральные принципы не смогут удержать от рокового шага. Доморощенная мафия их купила, что называется, с потрохами, и даже сознавая, чем может закончиться такая "служба", бывшие спецназовцы уже практически не имели шанса вернуться к нормальной жизни. Нет, они не принадлежали к "утраченному" поколению. Они относились к клану смертников, взлелеянному перестройкой и доведенному до нужной кондиции людьми без роду и племени, которых почему-то называли "новыми" русскими...

Дом штурмовали по всем правилам ведения боевых действий спецподразделениями. Несколько человек с обезьяньей ловкостью забрались на крышу, где закрепили веревки, по

которым поднялись и остальные участники операции – за исключением Балагулы, Клевахина и еще двоих парней, стороживших все входы и выходы. Войти в дом через двери не представлялось возможным – они были достаточно крепкими, чтобы выдержать любой натиск. Окна первого этажа оказались забранными решетками. Впрочем, нулевой уровень здания интереса не вызывал; скорее всего, там находились хозяйственные службы, в том числе и кухня. Так же, как и четвертый этаж-мансарда; майор, который в свое время убил два вечера, околавываясь возле домабашни Джангирова, ни разу не видел, чтобы наверху зажигали свет. Наверное, как обычно, в мансарде хранилась разная рухлядь. Потому решили проникнуть внутрь через окна второго и третьего этажа; большинство из них, несмотря на позднее время светились и сейчас.

– Никита, пусть парни постараются, насколько это возможно, обойтись без крови, – предупредил майор Балагулу.

– Вам что, жалко засевших в доме козлов? – с пренебрежением спросил бывший опер.

– Не заставляй меня думать, что у тебя с головой не в порядке, – сердито ответил Клевахин.

– Нам только и не хватает горы трупов. Случись так, из центра привалит целая бригада следователей. Тогда вообще будет полный амбец.

– Ладно, постараемся... – недовольно буркнул Балагула.

Он был охвачен боевым азартом и казалось, что вот-вот не выдержит томительного ожидания и сам попытается протаранить входную дверь.

Тем временем, получив приказ, бывшие спецназовцы-диверсанты начали ловко спускаться по веревкам вниз – каждый к заранее намеченному окну. По предложению Клевахина решили попытаться открыть оконные створки, чтобы не поднимать лишнего шума. Несмотря на то, что уже давно перевалило полночь и улица была пустынна, майор решил перестраховаться – не ровен час, появится патрульная машина милиции или какой-нибудь отчаянный прохожий, рискнувший устроить ночной променад по неосвещенным улицам.

Клевахина даже пот прошиб, пока он ждал дальнейшего развития событий. Но все прошло гладко, и парни Балагулы, по-кошачьи извиваясь, проскользнули через открытые окна внутрь дома. Наступила тревожная тишина, которую нарушали лишь порывы усилившегося ветра. Прижавшись к стене здания возле двери парадного входа, майор напряженно смотрел на бывшего опера с наушниками переговорного устройства на кубической голове, ожидающего доклада от старшего группы.

Наконец Балагула широко осклабился и поднял большой палец вверх. Есть! Спустя минуту дверь тихо отворилась и они очутились в просторном неосвещенном холле. Поднявшись по мраморным ступенькам на второй этаж, Клевахин увидел, что в коридоре на полу лежали четверо связанных охранников Джангирова.

Еще двоих, раздетых, привели, когда Балагула пригласил майора пройти в просторный зал третьего этажа.

Там он увидел уже до боли знакомую картину: зажженные восковые свечи и огромный портрет хозяина дома – от пола до потолка.

– Наполеон... – криво ухмыльнулся Балагула, кивком указав на рисованного Джангирова. – Где этот мудака? – спросил он у старшего группы.

Тот молча указал на диван у стены, который находился в тени. Там, лицом вниз в позе кораблика – изогнувшись дугой, с руками притянутыми веревками к ногам – хрипел от бессильной ярости главный сатанист города.

– Девушку нашли? – спросил у своего подручного Балагула.

Тот с сокрушенным видом развел руками.

– Ищем... – сказал он и виновато опустил глаза. – Женщин, кроме старой ведьмы, которую мы спеленали и закрыли в ее спальне, в доме нет.

– Сейфы, тайники?.. – В голосе бывшего опера прозвучал металл.

– Пока ничего...

– Какого хрена! – вызверился Балагула. – Ты что, ужинать сюда пришел!? Или нюх утратил? Разбери дом по кирпичу, но найди. И девушку, и то, что нам крайне необходимо. Отправляйся! Мы тут сами справимся...

С этими словами он подошел к дивану и, ловко разрезав веревочные узлы, освободил Джангирова.

– Что вам нужно? – глухо спросил хозяин дома, когда выплюнул кляп изо рта.

Он не стал спрашивать, кто ворвался среди ночи в его дом, так как понимал, что ответа не дождется.

Злобный звериный взгляд сатаниста проникал даже сквозь шапочку-маску, и Клевахин почувствовал себя очень неуютно.

– Где девушка? – Балагула одной рукой поднял хозяина дома, как тряпичную куклу, с дивана и припер к стене. – Только не устраивай здесь цирк. Иначе я с тебя душу вытрясу. Ну!?

– Я не знаю никаких девушек, – ответил белый, словно мел, Джангиров. – Прислуга уже ушла, а среди охраны...

– Вот сука! – Балагула неожиданно резко, без замаха, воткнул свой пудовый кулачище сатанисту под ребра. – Я же тебя предупреждал. Говори правду. А не то поджарю на сковородке.

Джангиров молчал. Он пока еще не пришел в себя от удара и лишь безвольно качал головой.

– Колись, падло! – бывший опер отвесил ему оплеуху. – Корчишь тут из себя героя-подпольщика. У меня и немые болтали как попугаи.

– Я не знаю о какой девушке идет речь, – достаточно хладнокровно сказал сатанист. – И вы еще пожалеете, что так со мной обращаетесь. Вы можете меня убить, но тогда я не дам даже копейки за ваши жизни.

– Во, блин! Ну, наглец... Он еще и угрожает, – Балагула завелся не на шутку. – Посмотрим, что ты сейчас запоешь... – Он швырнул Джангирова на диван, снова связал и достал нож. – Для начала я тебя слегка порежу, чтобы кровь пустить, и раны посыплю солью. Ну а после, если по-прежнему будешь дурочку валять, воткну в зад нагретый паяльник. Вот тогда и увидим, какой ты козырный.

– Напрасно... – хрипел Джангиров. – Напрасно все это... Я ничего не знаю!

– Я тоже, – отрезал бывший опер. – Пока. Но узнаю. Клянусь той стервой, которая тебя породила. Ладно, к девушке мы еще вернемся. Где твой сейф?

– У меня нет сейфа.

– И компры на своих приятелей тоже не имеешь? – ехидно осклабился Балагула.

– Не понимаю...

– Все ты понимаешь, урод... – С этими словами бывший опер подошел к картине со стеклянными глазами и полоснул по ней ножом. – Клевая аппаратура... – Немного поковырявшись, он снял закрепленные позади живописного полотна две миниатюрные видеокамеры. – Где кассеты, христопродавец?

Клевахин, который молча наблюдал за происходящим, невольно восхитился. Да, угрозыск в лице Балагулы потерял классного работника... Майору даже в голову не пришло, где могли быть установлены записывающие устройства, а бывший опер "прочитал" ситуацию, что называется, с листа.

– Молчишь? – Балагула склонился над Джангировым. – Ничего, сейчас ты у меня запоешь как кенарь...

– погоди! – остановил его Клевахин. – Одну минуту...

В одном из углов зала стоял бар. Теперь он был открыт – видимо, его уже успели осмотреть парни Балагулы.

Но, вместо обычных бутылок со спиртным, в баре стояли разнокалиберные пузырьки, банки и колбы.

Мельком посмотрев на сломанные замки (интересно, зачем нужно было ставить на дверки весьма прочные и хитроумные запоры?), майор стал по очереди открывать сосуды и осторожно нюхать их содержимое.

Он не ошибся. То, что Клевахин искал, находилось в керамическом кувшине с высоким горлом, закрытом притертой пробкой. Этот запах теперь он не забудет до конца своих дней...

– Расслабляться будем потом, – недовольно сказал Балагула, увидев с чем возвратился майор. – У нас не так много времени.

– Вот потому мы сейчас ему и предложим отведать этой гадости. – Клевахина даже передернуло от неприятных воспоминаний.

– Что это? – с интересом спросил бывший опер, который ни на миг не усомнился в целесообразности предложения майора.

– Не знаю. Какое-то дьявольское снадобье, которое развязывает языки почище твоего паяльника.

– Клево... – хохотнул Балагула. – А он не отбросит копыта? – встревожился помощник "положенца".

– Нет. Проверено... – Клевахин наполнил бокал темно-коричневой жидкостью с неприятным серным запахом. – Открой ему рот. Не думаю, что он согласится на этот эксперимент добровольно.

Балагула кивнул и с таким усердием исполнил указание, что даже хрустнула челюсть.

– Осторожно! – прикрикнул на него майор. – Нашему христопродавцу, как ты его назвал, еще нужно языком шевелить. И много.

Джангиров понял, что ему уготовано, уже после первого глотка. Впервые за время допроса на

его неподвижном лице появилась гримаса отчаяния; сатанист попытался высвободиться из рук Балагулы, но с таким же успехом можно было пробовать вытащить голову из слесарных тисков.

Джангиров успокоился лишь через пять минут. Все это время он извивался на диване, как змея, пытаясь вызвать рвоту усилием воли. Но бдительный Балагула зажал ему рот и с брезгливым вниманием следил за всеми его телодвижениями.

Сатанист блаженно улыбался. Теперь его каменное лицо расплылось, будто подтаявший студень, а глаза приняли глупое и бессмысленное выражение. Неужели и он так выглядел совсем недавно? Клевахин с омерзением сплюнул. Сукин сын, этот прислужник дьявола! Подлая рожа...

– Где девушка? – поколебавшись, осторожно спросил Балагула, все еще пребывая в некотором сомнении относительно эффективности неизвестного снадобья.

Но первые же слова сатаниста убедили его в обратном.

– В подвале... хи-хи... – Джангиров неожиданно визгливо, по-бабьи, хихикнул. – Там и сейф, и деньги. Вход через кухню, за посудным шкафом. Рычаг для открывания двери находится...

Одурманенный своим же изобретением, он болтал как попугай – рассказывал, что нужно, и нес разную чепуху, которая никого не интересовала. В этот словесный понос даже трудно было вставить слово.

Поскольку время поджимало, пришлось Балагуле позвать старшего группы и оставить его слушать и записывать на диктофон нескончаемый треп Джангирова, совершенно потерявшего тормоза. Клевахина так и подмывало плюнуть на гуманность и вогнать этому сатанинскому отродью пулю между глаз. В особенности когда он представил, как потешался глава секты над майором, когда расспрашивал про Лизавету.

Подвал оказался еще одним залом для сатанинских месс. Но обставлен он был побогаче, а потолки и стены украшала лепнина. Однако Клевахин на весь этот шик не обратил никакого внимания. Едва он спустился по лестнице вниз, как тут же начал искать Елизавету.

Она лежала на тахте в полубморочном состоянии, скорее всего, под действием какого-то наркотического снадобья. Майор бросился к ней и, упав на колени, принялся тормошить:

– Лиза, очнись! Девочка моя, проснись, пожалуйста...

Но Елизавета лишь открыла глаза, в которых едва теплилась искра жизни. Она даже не пошевелилась.

– Не соврал, хорек вонючий! – торжествующе воскликнул Балагула, открыв сейф, замаскированный под обычный шкаф. – Тут кассет навалом. И какие-то бумаги. Ознакомьтесь?

С трудом оторвав взгляд от лица девушки, Клевахин нехотя кивнул и встал. Он понимал, что Лизавете нужно время, чтобы прийти в себя, а потому оставил свои безуспешные попытки вернуть ее к действительности.

Бумаги он только пролистал. Чтобы в них разобраться обстоятельно, требовался не один час, а майору не хотелось оставаться в мрачном подземном храме сатанистов ни единой лишней минуты. А вот одну из кассет, выбранную наугад, он все-таки быстро прокрутил: видеоплеер и телевизор с большим экраном фирмы "Панасоник" находились тут же, за раздвижными шторами.

– Бля-а... – прокомментировал увиденное ошарашенный Балагула. – Ни фига себе бордельеро... Групповуха в изощренной форме. Статья... – он наизусть процитировал "Уголовный кодекс".

– Сейчас это называется "личной жизнью", – мрачно буркнул майор. – Ты лучше присмотришься к действующим лицам.

Когда Балагула отвернулся от экрана и посмотрел на Клевахина, его достаточно смуглое лицо было серым от волнения.

– Мамочки... – только и сказал он, энергично покрутив головой – будто хотел освободиться от наваждения.

– Да, материал знатный, – согласно кивнул майор. – Почти вся городская верхушка плюс столичные вояжеры.

– Будем делиться? – осторожно спросил постепенно приходящий в себя Балагула.

– На кой ляд мне эта бомба? Дарю тебе. Делай с этим дерьмом, что хочешь. Только дай слово, что забудешь о нашей совместной "экспроприации". Я нигде не был, никого не видел и ничего не знаю. Будем считать, что бумаги и кассеты Джангирова – моя плата за помощь. Идет?

– Заметано, – сказал после небольшого раздумья бывший опер. – Но и вы тоже никому ни пара с уст.

– Можешь не предупреждать... – С этими словами Клевахин взял на руки Елизавету и поднялся по ступеням на первый этаж. – Никита, мне нужна машина. Сейчас, – сказал он. – На сутки. Только без разных там фокусов в виде "жучков", радиомаяка и прочая. Тачка должна быть чистой и не "засвеченной". Через пару дней заяви в ГАИ, что ее угнали. Не волнуйся, – предупредил вопрос бывшего опера майор, – она будет в целости и сохранности. Я потом позвоню, где ее искать.

– Никаких проблем... – Балагула отдал соответствующие распоряжения. – Что делать с Джангировым?

– Меня это не касается. Хоть утопи его... что, возможно, будет лучшим выходом из ситуации. Только охранников не трогай. Дай им пинка под зад и чтобы они к утру находились в районе Северного полюса... или где там еще. И предупреди их насчет длинных языков.

– Это мы можем... – загадочно ухмыльнулся бывший опер.

– Все. Прощай, Никита. И забудь про Штымпа.

– Разве мы никогда больше не увидимся? – пытливо посмотрел на майора Балагула.

– Гора с горой, как говорится... Поживем – увидим. В общем, ты неплохой парень, Никита, но не забывай о превратностях жизни. Она если уж бьет, то чаще всего наповал. Бывай...

Клевахин уехал, увозя Елизавету. Поразмыслив, Балагула не удержался от соблазна и, вместе с материалами из сейфа, прихватил с собой и отупевшего Джангирова – чтобы внести некоторую ясность в его безудержный и временами бессвязный треп, записанный на пленку...

Распустив группу по домам и позаботившись об их и собственном алиби, бывший опер повез Джангирова на базу, где для подобных случаев находился замаскированный подземный каземат. Обычно в него сажали злостных неплательщиков долгов, после чего даже самые

строптивные и ушлые превращались в покорных ягнят. Он почувствовал неладное, едва закрыл за собой ворота. Раньше на месте базы, расположенной на глухой городской окраине, располагались какие-то мастерские. От них остались гаражи, проржавевший насквозь металлический бокс и двухэтажная контора – бывший барский дом, к которому первые коммунары пристроили уродливый приземистый барак, звучно названный цехом. Он теперь пустовал, и от его выбитых окон веяло жутью, особенно в ночное время. База охранялась, и Балагула с облегчением увидел освещенные окна второго этажа, где за картами коротали время его парни.

Но едва он подогнал машину к одному из гаражей, откуда начинался ход к подземному каземату, как неприятный холодок снова начал гулять между лопатками. Балагулу, как и положено, встретил старший из охранников, предупрежденный по сотовому телефону, однако что-то в его поведении бывшему оперу очень не понравилось. Парень, обычно бойкий и живой, выглядел будто побитый пес. Весь во власти неожиданно вспыхнувшего подозрения, Балагула не стал его расспрашивать ни о чем, и, вместо того, чтобы определить Джангинова в тайник, решительно направился к зданию. Теперь все его чувства были обострены до предела, и бывший опер слышал тихий рокот мотора какой-то импортной машины, остановившейся неподалеку от базы. Пропустив охранника вперед, Балагула приготовил свой "магнум" к стрельбе, мысленно сожалея, что он не прислушался к совету Клевахина и не утопил Джангинова в первом попавшемся пруду.

Но теперь отступить было поздно, и Никита, всегда отличавшийся хладнокровием и бесстрашием, поднялся в дежурку, где, кроме второго охранника, сидели два типа с удивительно бесстрастными и невыразительными физиономиями.

– Кто это? – резко спросил Балагула у старшего охранника, кивком указав на неизвестных.

– Босс звонил... сказал, что свои... – пробубнил себе под нос охранник, стараясь не глядеть на Никиту. – Они только что прибыли...

Неужто Базуль что-то заподозрил? Балагула невольно вздрогнул, но тут же постарался успокоиться. Чему быть, того не миновать...

– Что вам тут нужно? – все так же требовательно задал он вопрос неизвестным, которые при появлении помощника "положенца" даже не дернулись – сидели, будто замороженные.

– Это мне нужно, – раздался за его спиной спокойный, лишенный каких бы то ни было эмоций, голос.

Мысленно обозвав себя ослом за потерю бдительности, Балагула резко повернулся, и, не выпуская с поля зрения подозрительную двоицу, впился взглядом в лицо человека в черных очках.

Он его уже знал. Правда, совсем с недавних пор – Базуль познакомил их вчера вечером. Пеха, так он представился. Ни фамилии, ни имени-отчества. "Положенец" угрюмо объяснил, что Пеха является его доверенным лицом и начальником контрразведки фирмы... или что-то в этом роде. Этим заявлением, сам того не подозревая, Базуль нанес Балагуле жесточайшее оскорбление. Как такое могло случиться, что он, правая рука "положенца", не знает о существовании какого-то особого отдела?! Значит, ему не доверяют? И если до этого бывший опер все-таки оставлял в своих планах теплое местечко и боссу, то теперь он поклялся, что сотрет Базуля в порошок. Ему было наплевать на его звание вора "в законе". И зона, и все, что с ней связано, вызывали в душе Балагулы резкое неприятие. Он принадлежал к поколению "новой волны", а потому, ни разу в жизни не попробовав тюремной баланды, ни в грош не ставил выпендрож старых законников, пропахших нафталином, с тупым упрямством требующих не выпрыгивать из наезженной колеи.

– Все прочь, – властно приказал Пеха, выразительно глядя на охранников и двух своих мордоворотов.

Они повиновались с поразительной быстротой и слаженностью. Да, этот человек умеет подчинять других, подумал Балагула.

– Сразу перейду к делу. – Пеха сел и пригласил к столу бывшего опера. – Об операции мне известно все. Я знаю, что в багажнике вашей машины находится Джангиров. Это необдуманый поступок. Но что случилось, то случилось. У меня есть к вам серьезный разговор... по поводу некоторых изменений в командном составе... – Он выразительно смотрел на Балагулу. – Но это позже. Сейчас недосуг. Вы мне должны передать все материалы, найденные в доме Джангирова. А также его самого. Встретимся завтра. Я вам позвоню, – он говорил отрывисто, словно выплевывая слова.

Балагула молчал. Он переваривал услышанное. И его взгляд постепенно становился свинцово-тяжелым и одновременно острым, как бритва.

Пеха ошибся. Возможно, впервые в жизни. Его подвела собственная самонадеянность и внешний облик бывшего опера; Никита не справлял на тех, кто был с ним мало знаком, впечатление умного и проницательного человека.

"Значит, этот очкастый хлыщ каким-то образом выведал о моих намерения..." – холодно и отрешенно подумал Балагула. Ну что же, к такому повороту событий он уже давно готов. Интересно, сколько у Пехи людей в здании и во дворе? "Зря я отпустил своих спецназовцев..." – с сожалением вздохнул Никита.

Придется потянуть кота за хвост...

– Это приказ босса? – спросил Балагула.

– Вы разве не слышали, кто я такой? – с некоторой долей высокомерия спросил Пеха.

– Слышал, – кивнул Никита. – Потому я сейчас и позвоню Федору Лукичу, чтобы он лично подтвердил ваши слова. Позвольте вам напомнить, что я не подчиняюсь никому, кроме босса.

На какой-то миг Пеха изменился в лице. Но большой опыт и долготелая привычка ходить по лезвию бритвы, предполагающая мгновенную реакцию на нестандартные положения и в особенности на опасность, вернули ему самообладание за считанные секунды.

– Это неверное решение... – Пеха говорил, почти не открывая рта – будто ему судорогой свело челюсти. – Очень жаль... что я в вас ошибся...

Через черные очки Балагула не видел глаз Пехи, но он мог дать рубль за сто, что ничего хорошего для себя он в них не увидел бы. Теперь перед ним сидел не начальник какого-то "особого" отдела, а его личный враг – жестокий, коварный и мстительный. И, ко всему прочему, пользующийся большим влиянием на Базуля.

Неожиданно появилась проблема, которую нужно было решать немедленно. Но как?

Балагуле помог сам Пеха.

– Вы никуда не будете звонить, – сказал он с металлом в голосе. – Вам придется посидеть какое-то время под охраной... пока я не доложу Федору Лукичу об этом инциденте лично. Ваша "инициатива" в отношении Джангирова не только предосудительна, но и весьма опасна для нашего общего дела. Жаль... что мы не поняли друг друга...

Бывший опер осознал все сразу и до конца – Пеха ведет свою игру. В которой нет места не только помощнику "положенца", но и самому Базулю. Пехе нужны были материалы, изъятые в доме сатаниста. Для чего? – можно было только гадать. Но и Балагула не хотел выпускать из рук такой ценный козырь, который сразу упрочнял его позиции среди городского бомонда и выводил на более высокий уровень взаимоотношений с центром.

Нужно было действовать быстро и решительно.

Балагула вытащил свой "магнум" из наплечной кобуры с завидной быстротой и сноровкой.

– Я не промахнусь, – предупредил он Пеху, который все так же сидел с отмороженным видом. – Мне не нравится ваше предложение по поводу взятия меня под охрану. Я не сямка какая-нибудь. А вы не пахан, который крутит шестерками, как ему заблагорассудится. И не вздумайте звать свою охрану. Иначе мне придется грохнуть и вас, и их.

– Ну что же, вы сами выбрали свою судьбу... – растягивая слова, насмешливо произнес Пеха.

Он ударил, как змея – молниеносно и страшно. Одной рукой Пеха отбил в сторону направленный на себя ствол, а другой рубанул Никиту по горлу. Не будь шея Балагулы такой накачанной, он бы ее просто перешиб. Но и такой примочки хватило, чтобы помощник "положенца" очутился на полу. "Магнум" отлетел куда-то в угол, а сам бывший опер, бессмысленно трясая головой, начал неуклюже подниматься.

Однако, встать на ноги Пеха ему не позволил. Следующий удар – локтем по спине – снова уложил его на заплыванные доски пола. И опять-таки бывшего борца выручила спортивная закалка. У другого от такого жестокого и сильного пинка просто сломался бы хребет, а Балагула лишь на некоторое время от боли потерял ориентацию. Но все же, несмотря на муть перед глазами, он увидел, как отворилась дверь и в комнату вошел... Шатоха!

Дальнейшее и вовсе показалось ему бредом. Пеха, заметив Шатоху, не раздумывая, бросился на секретаря-референта. И тут этот серый, невзрачный человечек, канцелярская крыса, которого Балагула мог соплей перешибить (по крайней мере, бывший опер так считал), как-то странно качнулся, пропуская мимо себя летящего торпедой Пеху, и нанес ему такой жестокий удар кулаком под ребра, что у того даже кости затрещали.

И все-таки Пеха не упал. Мгновенно развернувшись и морщась от боли, он принял одну из боевых стоек каратэ и атаковал Шатоху. Беспомощный и обалдевший от невероятного зрелища Балагула глазам своим не поверил, когда секретарь-референт, крутанувшись юлой, очень даже профессионально – в стиле Чака Норриса – вмазал ногой по челюсти противника. Удар был такой силы и точности, что Пеха, пролетев по воздуху полкомнаты, врезался головой в стену и грохнулся на пол.

– Готов, – спокойно констатировал Шатоха, обыскивая поверженного. – Десять минут полного покоя гарантировано. Хорошая "пушка"... – Он показал Балагуле пистолет, который вынул из наплечной кобуры Пехи. – Девятимиллиметровый "вальтер", модель Р88. В магазине пятнадцать патронов. Не возражаешь, если я оставлю его себе?

– Ты как сюда попал? – кряхтя и постанывая, Балагула поднялся на ноги.

– Через дверь, – вежливо улыбнулся Шатоха.

– Я не об этом...

– Меня предупредили, что он идет по твоему следу. Пришлось оставить теплую постель и тащиться сюда.

Хорошего мало – погода мерзкая, дорога сам знаешь какая...

– Кто тебя предупредил? – не отставал Балагула.

– Старые связи... – неопределенно ответил секретарь-референт. – Плюс бабки – их почему-то все любят.

Посмотрев на него с подозрением, бывший опер промолчал и подошел к обеспамятившему Пехе.

– Сука... – сказал он и плюнул на расprostертое тело. – А где его телохранители?

– В надежных руках... – Шатоха запнулся, но все-таки продолжил: – Что ты хочешь с ним сделать?

– Зарою эту падаль в болоте.

– Не стоит. Кроме того, те, кто оказали мне, а значит и тебе, помощь имеют на него некоторые виды. Услуга за услугу...

Балагула пристально посмотрел на Шатоху и, натолкнувшись на непривычный для него твердый взгляд секретаря-референта, неожиданно для себя согласно кивнул и сказал:

– Пусть забирают... хрен с ним. Надеюсь, я больше его никогда не увижу?

– Гарантировано.

– А с тобой у меня еще будет разговор, – многозначительно пообещал помощник "положенца".

– Всегда готов, – весело прищурился Шатоха.

О том, чтобы предупредить своего босса Базуля про случившееся на базе, ни тот, ни другой, будто сговорившись, даже не заикнулись...

Подождав, пока вооруженные до зубов молчаливые незнакомые парни, забрав Пеху и еще четверых его подручных, один из которых был ранен, уехали, Балагула бесцеремонно выпроводил и Шатоху вместе с незадачливыми охранниками, попросив секретаря-референта позаботиться, чтобы они держали язык за зубами. Тот пообещал, и помощник "положенца" почему-то ни на миг не усомнился, что свое слово Шатоха сдержит. "Что ты за рыба, бухгалтер хренов?" – озабоченно думал он, замыкая двери подземной камеры тайника за Джангировым, который едва не задохнулся в багажнике машины. Вот тебе и тихоня-референт, серая канцелярская мышка...

Дождавшись, пока приедет вызванная по телефону смена, Балагула поторопился домой. Ночные приключения настолько его вымотали, что он, едва добравшись до кровати, мгновенно уснул, будучи не в состоянии не только раздеться, но и сделать лишнее движение.

За окном уже брезжил рассвет.

Глава 35. Расплата

Где-то неподалеку бродила весна. Снеговой покров истончился до нескольких сантиметров, а

местами представлял собой покрывающую крестьянский воз рваную цыганскую шаль, сквозь прорехи которой топорщилась подстилка из прелой соломы. Река еще спала, но кое-где уже образовались наледи, и солнце, с каждым днем поднимающееся все выше и выше, лакировало их тонкой пленкой оттаявшей воды. В лесу было удивительно тихо, будто деревья копили силы перед бурным финишным рывком в забеге на короткую дистанцию за новым зеленым нарядом. Все еще стылый воздух разносил по округе уже не колючие морозные иголки, а напоенные чем-то удивительно приятным молекулы-шарики, тающие во рту как самое первосортное мороженное.

Старик вместе с Копылиным спускался по обрывистому берегу к небольшой заводи. Там, у самой кромки льда, виднелось углубление, вымытое в плотной глине весенними паводками. Слесарь нес в сумке переносной автоген и еще какие-то инструменты, а Егор Павлович шел налегке, с карабином за спиной.

Грей очутился внизу раньше всех, и теперь с вожделием обнюхивал многочисленные заячьи следы, густо рассыпанные вдоль берега.

Подземный ход старик нашел совершенно случайно, когда исследовал окрестности лесного участка ЧагиряБазуля, намечая безопасные пути отхода, необходимые по завершению экзекуции боевых псов вора "в законе". Прямая, как стрела, неглубокая борозда подтаявшего снега выходила из-под забора, ограждающего территорию владений "положенца", и упиралась в ту самую речную заводь, куда теперь направлялись двое полуночников. Она очень заинтересовала старого охотника-следопыта. Ему приходилось сталкиваться с таким явлением еще в то время, когда он был Сатаной, истребителем беглых экзков.

Однажды заключенные спецзоны прорыли подземный ход и ушли в побег зимой, выбрав момент, когда начальство отправило старшего егеря заказчика на какие-то курсы повышения квалификации. Их отчаянный замысел, как ни странно, удался. Охранники поймали лишь одного, настоящего чахоточного доходягу, который и бежал-то с одной мыслью – хоть перед смертью подышать воздухом свободы.

Возвратившись из своего не очень желанного вояжа, Егор Павлович первым делом осмотрел ход, настоящую лисью нору, и только подивился упорству и настойчивости беглецов, которые рыли его долгие месяцы заточенными железками и алюминиевыми мисками в полной темноте и почти без притока свежего воздуха. Вот тогда егерь и заметил, что подземный ход оставляет весьма заметный след на заснеженной поверхности – внутри норы температура всегда выше, чем в целике, а потому со временем пушистый снежный покров как бы усаживается, спрессовывается, обозначая достаточно заметной бороздой направление подкопа.

Подозрения Егора Павловича подтвердились, едва он начал исследовать промоину, оказавшуюся настоящей пещерой. В ее глухом конце он нашел железную дверь, замаскированную под цвет глины специальным рельефным покрытием. Заводь была углублена, и вода закрывала дверь почти на треть, замуравав ее льдом наглухо. Хорошо зная Чагиря, старик ни на йоту не усомнился в своих предположениях – пахан, всегда отличающийся предусмотрительностью, приготовил подземный ход на случай бегства. А значит за дверью должна находится моторка, чтобы в теплое время года можно было уйти по воде, переправившись на другой берег...

– Неплохо придумано, – с восхищением сказал Копылин, пнув дверь ногой. – Но мы тоже не лыком шиты.

Сейчас я ее разделаю, как Бог черепаху... – И он начал готовить автоген к работе.

Пока слесарь занимался дверью, старик углубился в свои мысли.

Копылин, после того, как "тряхнул стариной", ходил словно очумелый – сумма, которую слесарь унес из казино, ему никогда даже не снилась. Самое интересное, но он даже пить перестал. А вскоре рассчитался с работы и сутками сидел взаперти – чтобы не оставлять свою заначку без присмотра. Старику Копылин по секрету сказал, что сделал для денег хитрый тайник, а дверь поменял на железную с собственноручно изготовленными замками.

Половину добычи он насильно всучил Егору Павловичу, хотя тот и отказывался.

– Бери! – едва не плача уговаривал Копылин старика. – Иначе я всю оставшуюся жизнь буду чувствовать себя неблагодарным козлом. Ну хочешь я встану перед тобой на колени!?

В конце концов Егор Павлович сдался, но через несколько дней, поменяв у знакомых торговцев с Подковы "зеленые" на "деревянные", перечислил деньги, оставшись инкогнито, на счет влачащего жалкое существование городского детского дома. Для него все, имеющее отношение к Чагирю, пахло мерзостью и кровью...

Сборище воров "в законе", намечающееся в ресторане "Малибу", он вычислил по уже привычной схеме, которую с успехом опробовал на чулимихской "стрелке". Если до Чагиря, окопавшегося в своей лесной "крепости", ему было не достать, то Чингиз, на удивление старика, проявлял непопозволенную беспечность и мотался по городу в любое время дня и ночи. Правда, его сопровождала усиленная охрана на двух машинах, но Егору Павловичу ничто не мешало наблюдать за ним издали. Так он заметил повышенный интерес Чингиза к весьма дорогому ресторану "Малибу" – главарь второй по величине городской мафиозной группировки нередко наезжал туда по несколько раз на день. С чего бы?

Приученный сызмальства к дотошности, старик постарался узнать у своих приятелей с Подковы, что собой представляет это дорогое заведение, куда пускали только по заблаговременным заказам и весьма выборочно. По крайней мере Егор Павлович так и не смог пообедать в "Малибу", чтобы, как в случае с казино, разведать обстановку изнутри; его вытурили из вестибюля ресторана едва не взашей, несмотря на преклонные годы и респектабельный вид.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Грачиха, которая знала все и вся, выложила ему про "Малибу" столько сведений, что их хватило бы на целое уголовное дело, заинтересуйся болтовней гром-бабы соответствующие органы. Оказалось, что в кухне ресторана работает ее свояченица – наверное, не менее болтливая, чем сама Грачиха. Она-то и доложила товарке о предстоящем большом сабантуе. Хотя свояченица и не знала, в честь кого или чего в "Малибу" наводят блеск и предпринимаются повышенные меры безопасности, но столь необычные приготовления дали ей весьма обильную пищу для разговоров с любопытной родственницей, которую хлебом не корми, а дай потрепаться.

Старик понял – готовится что-то и впрямь необычное. И вовсе не похожее на праздник типа дня рождения, пусть даже и какой-нибудь мафиозной шишки.

Он знал, что с его подачи обстановка в городе накалялась с каждым днем все сильнее и сильнее. И радовался этому как малое дите. Пусть убивают друг друга, пусть взрывают магазины и киоски, купленные и построенные на несправедные деньги – пусть! Разве это грех – помочь людям очиститься от скверны, мешающей не только жить, но и свободно дышать?

И все-таки события развивались не так бурно, как мечталось Егору Павловичу. Он понимал, что хочет невозможного, но ненависть к Чагирю и другим бандитам переполняла его, временами доводя до тихого исступления.

Старик тоже начал готовиться к "приему" пока неизвестных гостей "Малибу". Он осмотрел прилегающие к ресторану чердаки домов и с сожалением констатировал, что устроить там засаду очень непросто, а прицельно стрелять и вовсе невозможно – окна ресторана были

изготовлены из специальных стеклопакетов с зеркальными стеклами.

Тогда он придумал другой, не менее действенный способ...

Найти машину соответствующих его замыслу габаритов было не трудно. Неподалеку от дома, где жил Егор Павлович, находилась стоянка для грузовиков, но она не вмещала всех желающих. Потому фуры парковались где заблагорассудится водителям – в особенности те, что везли не представляющие интереса для воров и дорожных грабителей грузы. Остановка была за малым – найти человека, почти камикадзе, который согласится сесть за руль торпеды на колесах. Сам старик управлять большегрузными машинами не умел, а Копылин вообще не имел представления за какой рычаг хвататься и на какую педаль нажимать.

И тогда старик вспомнил про Гугу, который в свое время работал водителем. Он уже знал, что нищий вовсе не такой дурак, каким довольно успешно старался выглядеть. Иногда на него действительно находило, но чаще всего юродивый пребывал в состоянии собственного унижения. Он будто издевался над самим собой – таким, каким он стал благодаря жестокой судьбе и обществу, которому было наплевать на человеческое горе и нищету.

Когда Егор Павлович рассказал Гуге о своем замысле, не без задней мысли присовокупив, что таким образом они отомстят убийцам Ирины Александровны, юродивый, взволнованный до слез из-за оказанного доверия, согласился сразу и безоговорочно. Он очень любил актрису и ее наглая смерть потрясла его до глубины души...

Дождавшись, пока в "Малибу" прибыл Чагирь, старик вместе с Гугой поторопились к загадочно присмотренной фуру. День сборища воров мог вычислить даже человек, не обладающий особой проницательностью – внутри и вокруг ресторана слонялось большое количество здоровенных мордворотов, которые смотрели на прохожих настороженными и злобными взглядами цепных псов. А Чингиз как приехал с утра, так и не выходил из "Малибу" до появления первого из "гостей".

К радости Егора Павловича, фура оказалась с приятным сюрпризом – она была под завязку забита китайскими шутихами, потешными ракетами и праздничной мишурой, предназначенными для фейерверков и праздничных торжеств. С некоторых пор городское население начало отмечать Новый год не только по христианскому календарю, но и сообразуясь с восточными традициями. Поэтому детвора устраивала – большей частью вечерами – такую канонаду, что казалось будто в городе идет очередная мафиозная разборка. Несмотря на всевозможные запреты, в том числе и с соображений безопасности, бизнес на шутихах процветал.

Угнав бесхозную фуру – Гуга, сидя за рулем, радовался как малое дите – старик, который хорошо изучил хитросплетение городских улиц и переулков, провел ее мимо постов ГАИ и, немного поколдовав в кузове над нехитрым воспламеняющим устройством, пустил свою "торпеду" в направлении "Малибу". Сам он ехал впереди на джипе, чтобы подстраховать Гугу. Их маленький караван остановился лишь на минуту у телефона-автомата, откуда Егор Павлович позвонил на КПП прибывшего из столицы отряда омоновцев, чтобы сообщить о "съезде" мафиозных воротил.

Все вышло, как он задумал. Только совершенно обалдевший Гуга, когда выбирался из разгромленного первого этажа ресторана, поранился о побитые витринные стекла и немного замешкался с отходом – с поистине безумной радостью юродивый прыгал и вопил дурным голосом что-то несвязное, наблюдая за ужасным переполохом и фантастическим фейерверком, творцом которого был он сам. Из-за этого его едва не пришибли напуганные, а потому озверевшие "быки", которые искали водителя фуры; им и в голову не пришло, что несчастный оборванец как раз и был тем самым сукиным сыном, что сорвал воровской сходняк, въехав на приличной скорости в обеденный зал ресторана...

– Готово... – Копылин включил фонарик и осветил через прорезанную автогенном дыру внутрь подземного хода. – А вот и корыто с мотором. Ты оказался прав.

В небольшой пещере, вырубленной в плотной сухой глине, на невысоком стапеле стоял скоростной глассер.

За ним чернело прямоугольное отверстие, куда вели деревянные ступени.

– Двинулись? – спросил слесарь и пропустил старика вперед.

Тоннель оказался невысоким и узким. Потолок поддерживала металлическая крепь, а на полу лежали доски – наверное, для того, чтобы убегая, Базуль не промочил ноги. Воздух внутри подземного хода был на удивление свеж – похоже, он проветривался замаскированными отдушинами.

Еще одна преграда встретилась им примерно через пятьдесят метров – такая же массивная металлическая дверь, как и первая. Копылин справился с ней за десять минут, верно определив, где находится засов.

Дальнейший путь они преодолели без осложнений, если не считать шишки на голове слесаря, который, оступившись, попробовал на прочность стойку крепи.

Ход вывел их в квадратную камеру с люком в потолке. Он тоже оказался замкнут. Но это уже были семечки по сравнению с предыдущими препятствиями. Через три минуты они по металлической лестнице поднялись в подвал, где Базуль хранил свои запасы спиртного. Убедившись, что дверь винного погреба не заперта, Егор Павлович, едва сдерживая горячее возбуждение, сказал:

– Спасибо, Гоша. А теперь возвращайся к машине. Если... – он запнулся, подыскивая нужные слова. – Если я не вернусь... скажем, через час, а в коттедже поднимется переполох – уходи отсюда подальше. И уезжай из города. Как можно быстрее.

– Как же так, Палыч? Шли на дело вместе – а теперь меня побоку?! Не-ет, я не согласен.

– Я все сказал, Гоша, – твердо отрезал старик. – Это моя личная проблема. Личная! Скоро здесь может быть очень жарко. И я не хочу, просто не имею права подставлять тебя под пули. Прости... и прощай. Иди...

Копылин хотел было продолжить спор, но в голосе Егора Павловича звучали такие необычно властные нотки, что он не осмелился возразить.

– Ты это... поберегись... – только и сказал слесарь, и нырнул в открытый люк.

После ухода своего помощника, старик вдруг почувствовал такую слабость в ногах, что поторопился сесть на ящики. Вот оно, долгожданное... Свершилось! Его враг наконец попал в западню, откуда на этот раз ему не уйти. И старик готов был хладнокровно убить любого, кто встанет между ним и паханом.

Пора! Егор Павлович решительно поднялся и тихо отворил дверь. Переступив порог, он очутился в коротком коридоре, ведущем на кухню. Там тоже было темно и приятно пахло специями. Из кухни старик попал в столовую, похоже, предназначенную для обслуживающего персонала и охранников; ее обстановка была выдержана в спартанском стиле: покрытые пластиком длинные столы, пластмассовые стулья, а на стенах (наверное, для поднятия аппетита) три аляповатых натюрморта – фрукты, дичь и рыба, скорее всего, труды местного художника. К счастью, все двери оказались не заперты. У старика были отмычки, которыми его снабдил Копылин, но, несмотря на практические занятия, проведенные под руководством слесаря "медвежатника", больших высот в пользовании этим воровским инструментом он так

и не достиг. А потому Егор Павлович сильно обрадовался, когда понял, что двери никто не удосужился замкнуть – это обстоятельство показалось ему хорошим предзнаменованием.

На второй этаж он поднялся по "служебной" лестнице – узкой и крутой. Грей, которого Копылин, не страдающий недостатком силы, едва протаскил через люк в винном погребе, повинаясь приказу, шел впереди на расстоянии шага. Чувствуя нервозность хозяина, верный пес превратился в комок злобной энергии; он преодолевал ступени мощными бесшумными прыжками – оскалив клыки и с горящими от возбуждения глазами.

Несмотря на вполне обоснованные опасения, что в коттедже будет полно охраны, коридор второго этажа встретил их неярким светом плафонов и давящей тишиной. Наверное, "быки" Базуля ночью находились только снаружи здания – похоже, "положенец" не доверял даже своим телохранителям и предпочитал держать их во время сна за крепкими стенами; как старик уже выяснил во время наблюдения за хозяйством пахана, рядом с коттеджем стояла сторожка, выполненная в виде павильона.

Дверь спальни вора "в законе" оказалась заперта. С досадой покачав головой, Егор Павлович начал колдовать над отмычками. На его удачу, ключ торчал в замке с противоположной стороны, а потому старик применил специальные клещи, с которыми работать было проще всего. Захватив выступающий штырек ключа, Егор Павлович, тая дыхание, медленно сделал два оборота и нажал на ручку. Дверь поддалась тихо, без скрипа...

В спальне горел ночник. В мягком желтом полумраке виднелась широкая кровать, на которой разметался в беспокойном сне хозяин коттеджа. Остановившись у изголовья, старик пожирал глазами знакомые до сердечной боли черты своего кровного врага. Перед его мысленным взором вдруг появилась тайга и дом егеря: мать лепит пельмени, отец смолит "козью ножку", свернутую из пожелтевшей газеты, а сам он играет с рысенком... Чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы, Егор Павлович сцепил зубы и решительно смахнул их рукавом. Нет, он не должен, не имеет права расслабляться в такой момент!

И тут Базуль проснулся. Его бессмысленный сонный взгляд поначалу был направлен в потолок, но потом, наверное, почувствовав флюиды ненависти, струившиеся от старика, он повернул голову набок – и увидел неясные черты его лица.

Как бы это ни было невероятно, но пахан узнал Сатану сразу. Он так часто являлся ему в снах, что Чагирь уже сжился с этим образом, считая его неотъемлемой частью своих ночных кошмаров. Пахан и сейчас подумал, что он спит и Сатана ему привиделся в очередной раз.

– Уходи... – страдальчески прошептал "положенец". – Оставь меня наконец в покое, черт тебя дери...

– Я как раз за этим и пришел... – старик говорил медленно, нутужно. – Чтобы отправить тебя на вечный покой.

– Сгинь! – слабо махнул рукой Чагирь, все еще не в состоянии поверить в реальность видения.

– Как бы не так... – хищно оскалился Егор Павлович. – Проснись, ублюдок. Пришла пора платить по счетам. – Он с демонстративной неторопливостью передернул затвор карабина, загоня патрон в ствол.

И только теперь до Чагиря дошло, что Сатана не сон, а самая настоящая реальность. Это прозрение так поразило старого вора "в законе", что поначалу он просто оцепенел, лишь беззвучно шевеля побелевшими губами. Наконец, спустя несколько секунд, он обрел голос и Егор Павлович услышал его слова:

– Не может быть... Ты мертв... Оттуда не возвращаются...

– А я вернулся. Слишком много безвинной крови на тебе, Чагирь. Вспомни моих родителей. Вспомни многих других, кого ты лишил жизни. Они зывают к отмщению. Скоро ты будешь гореть в аду.

– Нет! Не-ет!!!

В безумном страхе Чагирь рванулся вперед, чтобы встать, но тут случилось то, чего не ожидал даже старик.

Грей, до этого спокойно стоявший вне поля зрения пахана, видимо, превратно истолковав его намерения, одним прыжком взлетел на кровать и опрокинул Чагиря навзничь. В полумраке, с оскаленной пастью и горящими злобой глазами, Грей показался "положенцу" самим дьяволом.

– Назад! – испуганно вскричал старик, который уготовил своему врагу несколько иную, более мучительную, смерть.

Но Грей, тонко чувствующий состояние хозяина, и не думал убивать. Он всего лишь предупредил нападение, хотя Чагирь от ужаса о сопротивлении даже не помышлял. Неодобрительно заурчав, пес спрыгнул на пол и сел, не спуская глаз с распростертого тела.

Сначала старику показалось, что пахан потерял сознание. Однако, присмотревшись, он понял, что с его врагом случилось что-то неладное. Чагирь лежал совершенно неподвижно, но глаза вора "в законе" были открыты и жили на скосбоченной физиономии своей жизнью. Нахмурившись, Егор Павлович поднял его руку и тут же уронил – она была безвольная и холодная как у мертвеца. Чагирь с усилием открыл рот, намереваясь что-то сказать, но из горла вырвалось лишь сипение. От постели вдруг пахло прескверным запахом старческой мочи – возле бедер пахана появилось все увеличивающееся мокрое пятно.

Старик резко отшатнулся от кровати. Он все понял – Чагиря разбил паралич. Ненависть куда-то испарилась, и Егор Павлович вдруг почувствовал себя немощным столетним старцем.

– Прощай, Чагирь. Наконец мы с тобой квиты. Теперь живи подольше... – сказал он устало и, с трудом переставляя негнущиеся ноги, побрел к выходу...

День был ясный и солнечный. Старик, погрузив свои немудреные пожитки в "джип", попрощался с Гугой.

Слесарь Копылин последовал его совету и уехал из города на два дня раньше. Егор Павлович задержался, чтобы решить вопрос со своим жильем.

– Ты только не болтай лишнего, – строго напутствовал он хнычущего Гугу. – Вот тебе ключи и документы на мою квартиру. Теперь она твоя. А это деньги, – старик всучил нищему пакет. – Их хватит надолго. Живи, как знаешь, но мой тебе совет – больше не слоняйся по подвалам. Ты ведь еще вполне крепкий мужик. Кончай придуриваться и пойдись работать хотя бы сторожем. Прошое не вернешь и не изменишь...

– Палыч... Как я буду б-без тебя...

– Так же, как и раньше. Спасибо тебе за все... Прошу лишь об одной услуге – проследи за могилкой Ирины Александровны. Чтобы там было все в порядке. Я... вряд ли когда смогу навестить ее...

– Я все сделаю! – горячо сказал Гуга. – К-клянусь!

Егор Павлович лишь горько вздохнул.

– Хорошая машина. Сколько она стоит, если это не секрет?

Старик резко обернулся. Позади стоял худощавый невысокий мужчина с удивительно цепким взглядом. Он смотрел приветливо, но в его глазах время от времени проскакивали колючие искорки.

Егора Павловича будто ударили обухом по темени. Он нахмурился и устало прислонился к "джипу". За ним пришли... Старик ни на миг не усомнился в профессиональной принадлежности любопытствующего. Он столько насмотрелся на своем веку на сотрудников правоохранительных органов, что мог выделить их даже в толпе. И еще Егор Павлович понял главное – этот человек все знает.

– Не дорого, – машинально ответил старик – лишь бы не молчать. – "Джип" был подержанным, когда я его купил.

Их взгляды встретились и сказали обоим больше любых слов. Выдержав длинную паузу, мужчина улыбнулся и промолвил:

– Я так и думал. Извините за беспокойство... – Он коротко кивнул, прощаясь, и повернулся, намереваясь уйти.

И тут же остановился, как вкопанный – перед ним, ошетинившись, стоял Грей. Пес смотрел на него так пристально и недобро, что мужчина невольно отступил на полшага.

– Грей, ко мне! – скомандовал старик, обескураженный странным поведением мужчины.

– Вот это зверь... – восхищенно пробормотал тот и, покачав в изумлении головой, поторопился уйти.

Клевахин затеял этот разговор не случайно. Он наконец нашел неизвестного снайпера, который на поверку оказался не кровожадным киллером, бывшим диверсантом-спецназовцем, а самым обычным стариком, доживающим свой век в одиночестве.

Возвратившись в город, после того, как он определил в надежное место Лизавету, майор первым делом пошел к Бузыкину и подал рапорт на увольнение из органов. Клевахин не стал искать Атарбекова, чтобы свести счеты – зачем? Таких, как следователь, в милиции и прокуратуре было немало, поэтому срубить под корень многоголовую гидру предательства и нарушения законности не могли (а скорее всего, не хотели) даже велеречивые бугры в больших погонах. Разве что-нибудь изменится, если с подачи майора вычистят из органов любезного Темирхана Даудовича? Впрочем, Клевахин очень даже сомневался, что у него выйдет этот номер – за Атарбековым стояли такие силы, что скорее посадят за решетку строптивного опера, нежели услужливого и нужного всем следователя. Майор лишь позвонил ему и многозначительно помолчал в телефонную трубку. Темирхан Даудович оказался настолько понятливым, что на следующий день срочно отбыл во внеочередной отпуск куда-то за бугор.

Бузыкин подписал рапорт молча, даже не поднимая на Николая Ивановича глаз. Как говорится в одесском анекдоте: ни мне здрасьте, ни тебе спасибо, ни нам до свидания. Оба понимали, что их отношения не предполагают особую теплоту и дружеские чувства, а потому ни тот, ни другой даже не попытались сделать вид, что им грустно расставаться. Не собирався Клевахин делать и неизменную в таких случаях "отвальную" с обильной выпивкой и пьяными прощальными слезами. Он потихоньку оформил необходимые документы – и был таков.

Правда, его несколько смущал один странный момент: тайком посетив место своего заточения в Чулимике, он с огромным удивлением убедился, что, во-первых, в местном райотделе милиции не имеют понятия о его ночном бое, а во-вторых, дом стоял с заколоченными ставнями и амбарным замком на воротах. Неужто постарался Балагула, которому он по запарке проговорился о своих приключениях в тайной обители Джангирова?

И только единственное не давало покоя старому сыщику – неизвестный снайпер. Его поиски превратились для майора в навязчивую идею, которую иногда называют профессиональным тщеславием. Он знал, что разгадка где-то близко, но с какой стороны к ней подойти – это был вопрос.

Клевахина осенило, когда он, болтаясь по городу в ожидании пока закончатся все формальности, связанные с его увольнением. Все-таки, за рулем фуры сидел Гуга! Но сам юродивый не мог придумать всей этой заварухи. Значит, за ним стоял кто-то другой – умный, сильный и изворотливый человек. Кто?

Возвратившись в опустевшую квартиру, которая со дня на день ждала новых хозяев – майор ее продал – он нашел папку, где хранил кое-какие (как ему казалось, не очень важные) материалы по "кладбищенскому" делу. Там он разыскал увеличенный фотоснимок отпечатков широких автомобильных шин. Когда Балагула в свое время показывал ему место засады снайпера, спровоцировавшего конфликт на бандитской "стрелке", он кое-что намотал на ус. На следующий день Клевахин снова осмотрел место происшествия, и, порыскав по перелескам, нашел то, что искал – хорошо видимый четкий след колес импортного производства, который по буеракам привел майора к шоссе. Зачем нужно было этому "автотуристу" гонять явно дорогую машину по бездорожью?

Ответ напрашивался сам по себе... Тщательно сфотографировав отпечатки шин, Клевахин тем не менее со вздохом сожаления отложил снимки в долгий ящик – в городе импортные машины были почти у каждого третьего автолюбителя. Так что проверить тысячи колес мог только умалишенный бездельник, но не заваленный работой по самое горло сотрудник уголовного розыска. Тем более, что свою версию майор построил не на железных фактах, а на голой интуиции.

Но теперь, когда он, как ему казалось, наконец заметил кончик ниточки, ведущей к клубку, фото могло сыграть решающую роль.

Хорошо, что Гуга оказался беспечным и безобидным юродивым, а не прожженным ловкачом или специалистом по наружному наблюдению. Клевахину не пришлось прибегать ни к каким ухищрениям, чтобы проследить его связи. Так он достаточно быстро вышел на старика. А когда майор сличил фотографию следов колес с оригиналом, то сомнения мгновенно отпали – одна из шин "джипа" имела те же самые дефекты, что и на снимке...

Клевахин наблюдал за трогательным прощанием нищего и старика минуты две. Он уже знал, как ему нужно поступить, но проклятое тщеславие подталкивало его "kozyрнуть", чтобы доказать самому себе, и никому иному, что он настоящий профи, сыщик высокого класса. Что теперь ему было до причин, побудивших старика взяться за карабин? А они были, и наверное очень веские. И какое ему нынче дело до так называемого правосудия, безжалостно загоняющего в тюрьмы слабых и беззащитных, и бездейственно созерцающего преступления богатых и власть имущих?

И все-таки майор не устоял перед искушением и заговорил со стариком. Да, это был он, тот самый снайпер.

Если до разговора еще были какие-то сомнения, то теперь, посмотрев ему в глаза, Клевахин убедился в своей правоте. Ругая себя последними словами за несдержанность, майор поторопился распрощаться – и наткнулся на Грея. И только когда "джип" старика исчез за

поворотом, он понял, как близко прошла мимо него смерть. Клевахин даже вздрогнул, вспомнив растерзанные этим псом тела, которые майору пришлось увидеть в морге...

Все, точка! Прочь! Прочь из этого проклятого города с его интригами, убийствами, показухой и ложью.

Подальше от дыма и гари, богатых и нищих, воров, сатанистов и лжеправедников. Прочь!

Николай Иванович притормозил такси и попросил побыстрее доставить его к железнодорожному вокзалу.

Он боялся опоздать на поезд, который должен был увезти бывшего старшего опера туда, где майора ждала Лиза-Лизавета, последняя его любовь, опора и надежда в этой жизни.

Примечания

1

Штымп – простак (жарг.).

2

Щипач – карманный вор (жарг.)

3

Попка – охранник (жарг.)

4

Положенец – авторитет, назначенный ворами "в законе" своего рода управляющим административной единицы (

жарг.)

5

Сиблаг – сибирские лагеря

6

Мазел – сверток с деньгами, узел (

жарг.)

7

Клифт – пиджак, куртка (

жарг.)

8

Суки – осведомители, нарушители воровских традиций (

жарг.)

9

Чалиться – быть наказанным, обвиняться по делу (

жарг.)

10

Малява – записка (

жарг.)

11

Акита-ину – довольно редкая порода боевых собак, выведенная в Японии четыреста лет назад; в свое время считалась национальным достоянием и приобретать ее имели право только люди благородного происхождения (

яп.)

12

Чингиз – восточный человек (киргиз, казах); здесь не имя, а кличка (

жарг.)

13

Забить "стрелку" – назначить встречу для выяснения отношений (

жарг.)

14

Псы – охрана (

жарг.)

15

Барыга – скупщик краденого (

жарг.)

16

Подогрев – материальная помощь в воровской среде; деньги (

жарг.)

17

Хозяин – тюрьма (

жарг.)

18

Сходняк – воровское собрание, имеющее цель разрешение каких-либо вопросов, представляющих общий интерес.

19

Откинувшиеся – освободившиеся из мест заключения (

жарг.)

20

Червонец – десять лет (

жарг.)

21

Гоп-стоп – грабеж, разбой (

жарг.)

22

Шпалер – пистолет (

жарг.)

23

УБОП – управление по борьбе с организованной преступностью

24

Барашек – заключенный, которого берут в побег для съедения (жарг.)

25

Асс-бобер – вор высокой "квалификации" (жарг.)

26

Тузлук – раствор поваренной соли для засолки рыбы, икры и пр.

27

Торквемада Томас (1420 – 98) – глава испанской инквизиции.

28

Азеры – азербайджанцы (жарг.)

29

Столыпин – специальный вагон для перевозки заключенных (жарг.)

30

По петушкам – по душам (жарг.)

31

Пеха – скорее кличка, нежели производная от имени Петр; на воровском жаргоне П. – внутренний карман.

32

Ставить на хор – групповое изнасилование, чаще всего в извращенной форме (жарг.)

33

Псы – охранники (жарг.)

34

Попка – надзиратель (жарг.)

35

Чалиться – отбывать наказание (

жарг.)

36

Вохра – вооруженная охрана

37

Кича – колония, тюрьма (

жарг.)